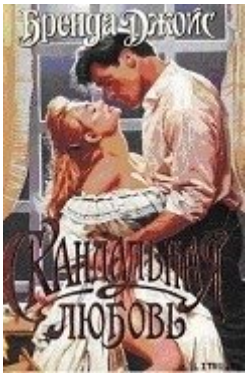

"Скандальная любовь"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Бренда Джойс

Скандальная любовь

ПРОЛОГ

Клейборо, 1874 г.

Громкие, возбужденные голоса, счастливый смех и торжественные звуки струнного квартета раздавались в зале, полном гостей. Весь этот веселый шум долетал и до комнаты, находившейся двумя этажами выше. Там, в своей спальне, на огромной кровати лежал маленький мальчик и прислушивался к тому, что происходило в доме. И хоть ему было всего четыре года, он не стал зажигать лампу, стоявшую рядом. Заботливая нянюшка оставила дверь чуть приоткрытой, и света от старого светильника в коридоре ему было достаточно. Дрожащее пламя создавало на стене спальни силуэты причудливых животных и чудовищ, а иногда воображение мальчика превращало эти существа в людей. Это были женщины, сверкающие драгоценностями, и мужчины в черных фраках. Ему представлялось, что он вместе с ними, такой же взрослый, такой же сильный и солидный, как лорды, такой же величественный и мужественный, как герцог, его отец. Нет, сильнее, благороднее и мужественнее, чем отец.

Мальчик улыбался, на мгновение действительно почувствовав себя взрослым. Но вдруг он услышал их. Улыбка исчезла с лица, он резко сел на кровати, дрожа от волнения. Они были в коридоре, рядом с дверью в его комнату. Его мама — голос у нее мягкий и приятный — говорила почти шепотом:

— Я не ожидала, что ты вернешься. Давай я тебе помогу.

И его отец:

— Тебе, видно, очень хочется поскорее отправить меня спать.

В голосе слышалась неприязнь. Мальчик сжал руками одеяло. Тени его больше не пугали. Чудовище теперь было рядом, в коридоре.

— В чем дело, Изабель? — резко спросил Френсис Брекстон-Лоувел. — Я тебя расстроил? Или ты испугалась, что я выйду к гостям и буду с ними разговаривать? Похоже, не очень рада, что я здесь.

— Конечно, нет, — спокойно отвечала мать.

Мальчик подавил в себе желание остаться в кровати. Он тихо соскользнул с нее, пробрался к приоткрытой двери и выглянул в коридор.

Герцог, высокий красивый блондин, небритый, в помятой и грязной одежде, с трудом сдерживал раздражение. Он резко повернулся, едва не потеряв равновесие, и неровной походкой пошел по коридору. Герцогиня, светловолосая, поразительно красивая и элегантная женщина в бледно-голубом платье, украшенном драгоценностями, казавшаяся мальчику совершенством, грустно опустила голову и последовала за мужем.

Мальчик украдкой следил за ними. У дверей своей комнаты герцог задержался.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи, — бросил он.

mir-knigi.org

— Ты спустишься вниз?

— Боишься, что я опозорю тебя?

— Конечно, нет.

— Ты умеешь лгать. Почему же ты не пригласила меня к гостям, Изабель?

Мать стояла к сыну спиной, и он не видел ее лица, но голос у нее теперь уже не звучал так спокойно, как прежде:

— Если ты хочешь к нам спуститься, то почему бы тебе сперва не привести себя в порядок?

— Пожалуй, я спущусь, — резко ответил он. Его взгляд упал на ожерелье, сверкавшее у нее на груди.

— Я недавно его заказала.

— Дьявольщина! Оно же совсем не выглядит, как стекло!

Изабель молчала. В нависшей тишине слышалось частое дыхание отца. Мальчик прокрался поближе и спрятался за лакированным аналоем, где проходили ежедневные моления. Глаза герцога готовы были вылезти из орбит. Ужас овладел малышом. Вдруг герцог сорвал с шеи матери драгоценности. Чуть не задохнувшись, Изабель с трудом подавила крик. Мальчик рванулся вперед.

— Это же настоящее!.. — выкрикнул герцог. — Боже мой, это настоящие бриллианты! Ты… лживая тварь! Ты все это время прятала от меня деньги, да?

Герцогиня стояла оцепенев.

— Да? Где же ты на это взяла деньги? Где, черт тебя подери!

— От сборов, — сказала Изабель, и голос ее дрогнул. — Мы получили первое отчисление от горнодобывающей компании Дюпре.

— Сначала ты без моего ведома сдаешь в аренду мою землю, а сейчас прячешь мои деньги? — злобно закричал герцог. — И ты не остановишься на этом, не так ли?

— А как мне еще спасти ваше состояние?

С удивительным для пьяного проворством герцог приблизился к жене и сильным ударом в лицо отбросил ее к стене.

— Ты всегда была мошенницей, Изабель, с самого первого дня нашей жизни. Мошенница и лгунья. — Пошатываясь, он собрался ударить ее вновь.

— Прекратите! — закричал мальчик, обхватив ноги отца. — Не бейте ее, не бейте!

— Черт бы вас побрал обоих! — заорал Френсис и все-таки нанес жене второй удар, которым сбил ее на пол.

Мальчика охватила слепая ярость. Он колотил отца кулаками по ногам, вкладывая в удары всю свою ненависть.

mir-knigi.org

Френсис схватил сына, как котенка, за шиворот и отшвырнул в сторону. Мальчик упал на спину, ударившись головой об пол.

— Ты, ничтожество, вообразил себя мужчиной, да? Что же, завтра ты понесешь наказание, как мужчина. Это сразу отобьет у тебя охоту совать свой нос куда не просят! Ничтожество и мошенник! — закричал герцог, глядя на сына сверху вниз.

Отец ушел, но слова… Жестокие, полные ненависти и презрения слова остались в памяти. Какое-то время он лежал на полу и дрожал от боли и нестерпимой обиды. Боль сжала сердце так, что даже пот выступил на лице. Стараясь справиться с ней, мальчик крепко закрыл глаза и напрягся. Постепенно все прошло: исчезло желание выплакаться, ушли боль и обида. Когда мальчик вновь открыл глаза, то увидел мать, распростертую на полу. Он подполз к ней, как щенок, она приподнялась на руках и села. Слезы текли по ее щекам.

— Мама, вы как? Вам плохо? — спросил он, и его слова прозвучали совсем по-взрослому.

— Милый мой, — обнимая его и плача, прошептала мать. — Твой отец не хотел этого, поверь мне, не хотел!

Мать тихо рыдала. Ребенок спокойно позволил ей обнять себя. И вдруг он все осознал. Он понял, что мать говорит неправду, что каждое выражение и каждый жест отца имеют определенное значение, что отец ненавидит и мать, и его.

Но все это было не так уж и важно. Главное состояло в том, что сегодня ночью он научился терпеть боль и преодолевать страх, что он стал ощущать себя отдельно от окружающей его пустоты, а она была огромна.

ГЛАВА 1

Драгмор, 1898 г.

— У вас посетители, моя госпожа.

— Но у меня никогда не бывает посетителей, — возразила Николь.

— Леди Маргарет Аддерли и Стаси Вортингтон, моя госпожа, — возвестил Олдрик с непроницаемым лицом.

Николь удивилась. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что у нее не бывает посетителей: ее лучшая подруга виконтесса Серль, а также местные дворяне и родственники довольно часто навещают ее. Но они не в счет. У нее не собираются гости, как у других молодых людей ее круга. Во всяком случае, в течение последних нескольких лет. Что понадобилось этим леди, ведь она с ними не знакома?

— Скажи им, что я сейчас спущусь. Прикажи подать им прохладительные напитки, Олдрик, — сказала Николь дворецкому. Ее охватило волнение.

Приподняв в удивлении брови, Олдрик кивком головы указал на бриджи и произнес:

— Возможно, мне следует сказать им, что вы будете через несколько минут, моя госпожа?

Николь рассмеялась, глядя на свои мужские бриджи и грязные сапоги для верховой езды. Хотя человечество вступало в новую эру, женщины еще не носили мужскую одежду.

— Очень хорошо, что ты мне об этом напомнил, а то мне не удалось бы узнать причину визита этих дам. Увидев меня в таком наряде, они сразу же сбежали бы.

Перебирая платья, Николь размышляла о том, что ее беззаботное отношение ко всему и порой неуместное чувство юмора осложняли общение с людьми ее круга. Николь давно не выходила в свет. И это ее нисколько не угнетало. Она была счастлива в Драгморе. Объезды имения и развлекательные прогулки верхом, лошади, книги составляли ее жизнь в родном имении. Другой жизни она не хотела. И все-таки приятно, когда тебя навещают.

Николь надела нижнюю рубашку, чулки, нижнюю юбку, она терпеть не могла корсетов и никогда их не носила. Ей было двадцать три, и без обуви ее рост составлял пять футов десять дюймов. Она раз и навсегда решила не перетягивать талию, чтобы казалось, будто она и ниже ростом, и что весит всего сто фунтов, и что вообще ей восемнадцать лет. Если бы кто-нибудь узнал об этом, как много было бы разговоров. Люди любят поболтать. Но в данном случае никто об этом знать не мог, а если бы и узнали, она осталась бы непреклонной. И дело тут не в удобстве. Николь очень много читала, просто глотала книги. Она соглашалась со своими любимыми писательницами, отдававшими предпочтение панталонам и женским спортивным брюкам, а не современной моде, которая, как они утверждали, вредит здоровью. Корсеты, как и правила поведения, придуманы обществом для того, чтобы удерживать женщин на своем месте. С этой же целью оно изобретает и моды.

И вообще, разве можно требовать от женщины, затянутой в корсет, какого-то другого поведения, кроме как чинно сидеть да улыбаться, едва дыша? Женщина в корсете не сможет побежать, поскакать верхом, ей трудно улыбаться и даже думать. Женщина в корсете — это сама скромность и сдержанность.

Николь задержалась на минуту перед зеркалом, состроив себе гримасу. Она была недовольна своей внешностью. «Ну а что же ты ожидала, — спросила она свое отражение. — Быть меньше ростом? Быть блондинкой? Что ты собой представляешь, дурочка? Уж если люди…»

Дверь открылась.

— Вы меня звали, мэм?

Николь покраснела. Еще не хватало, чтобы слуги застали ее разговаривающей сама с собой…

— Да, Ани, отнеси, пожалуйста, мои бриджи Сью Анн. Колено на левой штанине надо заштопать.

Николь улыбалась, пока Ани не вышла из комнаты. Потом, нахмурившись, снова посмотрела в зеркало. Она была темноволоса и высока. Черные как смоль волосы, и этот рост, и смуглый цвет лица она унаследовала от отца и ничего — от белокурой миниатюрной матери. Не будучи занудой, Николь все же постоянно сетовала, что ее волосы не были хотя бы каштановыми.

Ей следовало бы попросить Ани сделать ей прическу, а не выдумывать историю с бриджами, подумала она, запуская расческу в густые, волнистые, длинные до талии черные волосы, с которыми не могли бы справиться и две пары непривычных рук. Но звать служанку уже было поздно, и Николь завязала волосы лентой. Леди Аддерли и Вортингтон все еще ждали. Задерживаться далее было бы уже грубостью. Николь быстро вышла из комнаты, слетела вниз по лестнице, забыв, что она в юбке, затем пошла быстро, но спокойно и грациозно, совсем как леди. Внизу в зале та постояла немного, внушая себе, что гости пришли всего лишь навестить ее, что такие приемы молодые леди устраивают ежедневно. Торопливо идя по коридору, покрытому мраморными плитами, она думала о том, что было бы очень неплохо, если бы с ней

сейчас была графиня Драгмор. Она бы смогла дать ей много дельных советов. Но Джейн с Региной, младшей сестрой Николь, были в Лондоне. Регина не захотела сидеть в деревне в то время, когда сезон балов в полном разгаре. Николь не возражала против того, что родители хотели выдать замуж сначала ее младшую сестру. Сама она, может быть, вообще никогда не выйдет замуж.

Николь задержалась с дверях большой, светлой, выдержанной в желтых тонах гостиной. Девушки, сидевшие на диване, обитом ситцем, мгновенно прекратили беседу. Одна была блондинка, а другая — жгучая брюнетка, обе голубоглазы. Они пристально рассматривали Николь. Смешно, но она вдруг почувствовала себя каким-то экзотическим существом, которое изучают через лупу, но это чувство быстро прошло. Она вошла улыбаясь:

— Как это мило, что вы посетили нас.

Обе девушки встали. Они не скрывали своего любопытства, плавно подплывая к высокой Николь для приветствия. Девушки были никак не выше пяти футов, и Николь чувствовала себя башней, возвышающейся над их маленькими фигурками.

— Леди Шелтон, — сказала блондинка, — я леди Маргарет Аддерли, а это моя подруга леди Стаси Вортингтон.

Все формальности были соблюдены, и Николь предложила им сесть на диван. Сама села в кресло, обитое парчой. Стаси рассматривала ее, пожалуй, слишком откровенно.

— Вы ничего не знаете о герцоге? — возбужденно спросила Маргарет.

— Герцоге Клейборо? — спросила Николь, думая при этом, что вряд ли он мог иметь какое-то отношение к этим молодым особам.

— Да! — засветилась восторгом Маргарет. — Он получил в наследство Чепмен-Холл. Вы представляете, он теперь ваш сосед.

— Разумеется, — сказала Николь и почему-то слегка покраснела. Она знала о герцоге только то, что он прибыл в Чепмен-Холл, а это всего одна миля от ее дома.

— Он мой кузен, — объявила Стаси Вортингтон. Она заявила это с самодовольной улыбкой, как будто быть кузиной герцога очень почетно.

— Вам так повезло, — нашлась Николь.

Стаси не уловила сарказма и важно продолжала:

— Мы знаем друг друга с детства.

Николь улыбнулась.

— Он сейчас у себя в имении, — сказала Маргарет, — а в эту пятницу мы в его честь даем бал-маскарад в Тарент-Холле. Во всяком случае, мы должны его встретить как полагается. Я уверена, что если бы граф и графиня были дома, они взяли бы на себя честь быть хозяевами этого бала. Но поскольку их нет, то моя мама решила это сделать сама.

Стаси, улыбнувшись, продолжила:

— Мы знали, что вы здесь, а не в Лондоне. Вероятно, было бы очень неправильно, если бы мы

не пригласили вас. Вот зачем мы здесь!

Николь поразило не только то, что сказала Стаси, но и то, как она это сказала. Ее приглашали в довольно грубой манере. По сути дела, было заявлено, что приглашение вынужденное. Более того, Стаси упомянула, что Николь не ездит с родителями в Лондон, как это делают незамужние девушки из знатных семей. Подтекст состоял в том, что Николь в Лондоне не принимают.

— О! — простонала в ответ Николь, прекрасно понимая, что ее унижают в ее собственном доме. Она редко выходила в свет, фактически уже несколько лет не появлялась в обществе. Знала ли эта женщина об этом? Очевидно, знала. Все знали.

— Конечно, вы придете? — Стаси любезно улыбалась. — Не так ли?

Николь не смогла улыбаться. Ей брошен вызов. А ей казалось, что та давняя история уже забыта.

— Так как? — Стаси продолжала улыбаться.

Николь были неприятны обе женщины, она видела, как они ждут от нее отказа. Ведь приглашение сделано не из дружеских чувств, а по формальным соображениям: все-таки она дочь графа Драгмора.

— Разумеется, я буду, — гордо произнесла Николь.

— Придете?! — не сдерживая удивления, спросила Маргарет.

Злость охватила Николь. Она не понимала, что от нее хотят. Ясно только одно — ей брошен вызов.

— До пятницы, — произнесла Николь, приподнимаясь с кресла.

Когда женщины ушли, Николь пожалела о своем решении. Но как можно было не принять этот вызов?

После того давнего скандала Николь стала объектом отвратительных сплетен и измышлений. Это было очень больно, но она продолжала вести себя так, словно ничего не произошло: ходила с высоко поднятой головой и не обращала внимания на сплетни. А когда скандал стал затихать, Николь со всеми распрощалась и перестала выходить в свет.

Ей нравилось вставать вместе с солнцем, целый день проводить верхом на лошади, присматривать за имением вместе с отцом и братьями. Николь любила семью, Драгмор и была вполне довольна своей жизнью. Правда, она скучала, когда Регина уезжала в Лондон и вела там светскую жизнь: одевалась в сказочные наряды, посещала балы, танцевала, встречалась с молодыми людьми. Николь порой тоже хотелось быть там. Регина всегда считалась красавицей, царицей бала, а Николь — никогда. Ее разглядывали, шептались за спиной, вспоминая скандал. Стоило только себе это представить, и всякое стремление к светской жизни исчезало.

А сейчас она не только должна идти на бал, но на сей раз это придется делать в одиночку. Ей еще не было тридцати лет, а до этого возраста леди не должна появляться на балу без сопровождения. Но она пойдет на маскарад одна. Раз уж вызов брошен, она пойдет

mir-knigi.org

обязательно. Будь она немного благоразумнее, она, как и подобает молодой леди, выбросила бы из головы Стаси Вортингтон и осталась бы дома. Но…

В ней всегда было что-то дикое, первозданное. Близкие люди говорили, что это у нее от отца, хотя тот был иного мнения. В свои двадцать три года Николь была достаточно зрелой, чтобы признать за собой эту черту характера. Именно эта дикость заставила ее принять вызов, брошенный Стаси, и наперекор здравому смыслу влекла ее на маскарад.

Николь всегда терпеть не могла правила и условности, которым подчинялись женщины ее времени. Слава Богу, что она была не одинока в этом. Таких бунтарок было очень мало, но они встречались. Предполагалось, что женщины ее круга могли заниматься только очень изысканными делами, достойными леди, — аранжировкой цветов, акварельной живописью, музицированием. Когда Николь было восемь лет, ее пытались обучить этим искусствам. Но уже тогда эти занятия приводили ее в бешенство. Она никак не могла смириться с тем, что ей надо сидеть и рисовать розы в то время, когда ее братья Чед и Эд вместе с отцом верхом на лошадях объезжают Драгмор, заезжают на фермы и на скотный двор. Конечно, ее заставляли заниматься благородными женскими делами, но она делала это с большой неохотой и буквально преследовала отца и братьев просьбами взять ее с собой — вольность, неслыханная для хорошо воспитанных девушек! Все свое детство и отрочество она сожалела, что не родилась мальчишкой. Если она не мчалась куда-нибудь с братьями верхом, то сидела дома и читала. Читала все — от сентиментальных стихов Байрона до трактата Джона Стюарта Миллза «О правах женщин». Родители не задумывались о ее мальчишеских наклонностях до тех пор, пока она не стала девушкой. Тогда они стали стараться не замечать ее поведения, нарушавшего принятые в светском обществе условности.

У нее было всего три дня для того, чтобы придумать себе какой-нибудь необыкновенный костюм для маскарада. Решила она эту проблему, обшарив огромный чердак в доме. Мать ее, Джейн Баркли, когда-то была очень популярной актрисой. Но после замужества бросила любительскую сцену и посвятила себя детям, мужу, имению Драгмор. До сих пор на чердаке стоял сундук с великолепными театральными костюмами.

Николь выбрала наряд цыганки. Она сама видела, что в этом ярком костюме, да с ее смуглой кожей, она выглядит настоящей цыганкой. Костюм был довольно смелым: блузка вызывающим образом сползала с плеч, юбка была лишь до колен. Когда Стаси Вортингтон и ее подружки увидят смуглокожую цыганку, они будут шокированы. Николь нисколько не сомневалась в том, что устроители бала не ждут ее. А родители, узнав, что она сделала, наверняка испытают нервное потрясение.

Николь ехала в просторной черной карете Драгморов, запряженной шестью серыми лошадьми. Четыре ливрейных лакея сопровождали ее. Она улыбалась оттого, что на ней был экстравагантный костюм, и оттого, что она уже сто лет не была на костюмированном бале. Ее охватило волнение. Круглый подъезд к дому, выполненный в григорианском стиле, был уже заполнен каретами и экипажами. Неожиданно какая-то карета в два раза больше ее собственной развернулась и стала перед ними. В лунном свете ее черные полированные борта блестели, а на двух дверцах висели огромные фонари, освещавшие дорогу. Герб представлял собой красно-черно-золотой щит, на фоне которого были изображены два льва, красный и золотой. Львы поддерживали серебряную ленту, на которой Николь с трудом разглядела надпись: «Прежде всего — честь». Столь претенциозный герб не мог быть ни у кого, кроме герцога Клейборо. Четыре вороных коня с золотым плюмажем на уздечках везли карету. Четыре лакея в прекрасных красно-черно-золотых ливреях стояли на подножках. Дюжина всадников с двух сторон кареты сопровождали герцога — все восседали на одинаковых гнедых

лошадях, все в трехцветной форме герцога. Такой выезд был достоин и самого короля. Обе кареты стали на одной дорожке — карета Николь позади экипажа герцога. Николь удалось мельком увидеть почетного гостя. Это был степенный человек, одетый в черный фрак. Черный плащ с красной подкладкой ниспадал с его плеч. Герцогини с ним не было.

Николь помогли выйти из кареты, и она по ступенькам поспешила в ярко освещенный дом. Парадная дверь была открыта. Дворецкий принял ее плащ и даже бровью не повел, увидев ее наряд. До дверей бального зала ее сопровождал лакей. Сердце Николь замерло. Когда мажордом спросил ее имя, она механически ответила.

Ей мгновенно припомнились многие званые вечера, на которых она раньше часто бывала и где было совершено столько ошибок. Вся ее дерзость куда-то исчезла, и она ощутила страх.

— Хэдриан Брекстон-Лоувел, девятый герцог Клейборо! — объявил мажордом. За именем последовала длинная цепь его титулов.

Он оказался значительно выше, чем она предполагала, вероятно, на полфута выше ее. На широкие, мощные плечи опускались длинные темно-каштановые, частично выгоревшие волосы. Пожалуй, слишком длинные.

Герцог ждал терпеливо и безразлично. Едва мажордом закончил, он прошел в бальный зал. Николь сделала несколько шагов вперед и успела увидеть, как прекрасно одетая женщина, видимо хозяйка дома, приветствовала герцога.

— Леди Николь Брегг Шелтон, — произнес мажордом.

Николь не слышала его. Сердце билось где-то у горла. Всем существом своим она ощутила и голые ноги, и босые ступни. Все глаза устремились на нее. Стало тихо. Николь молила Бога, чтобы все это внимание адресовалось герцогу, а не ей. Но он обернулся и тоже пристально посмотрел на нее.

Высоко подняв голову, босиком, как настоящая цыганка, она грациозно спускалась по лестнице — колышущаяся юбка, монисто на шее, распущенные до пояса волосы. Послышался шепот. Не надо было ей сюда приходить. Никто ничего не забыл, а костюм ее слишком смел даже для маскарада.

К своему несчастью, она увидела Стаси Вортингтон. Та стояла впереди всех, одетая в белое платье в стиле Регентства. Прекрасный пристойный костюм. Стаси не упала в обморок от наряда Николь. Она усмехалась. Николь постаралась забыть о ней, тем более что герцог продолжал рассматривать Николь. Кое-как она справилась с собой и пошла навстречу хозяйке.

— Леди Шелтон, — промямлила она, делая реверанс.

Виконтесса смотрела на нее из-под полуопущенных ресниц, но Николь чувствовала на себе только обжигающий взгляд герцога.

— О да! Леди Шелтон, как хорошо, что вы пришли. И… какой… очаровательный… костюм…

То ли от всеобщего внимания, то ли от близкого соседства с герцогом Николь не могла ни вздохнуть, ни улыбнуться.

— Благодарю вас, — пробормотала она.

— Великолепный костюм, — сказал герцог спокойным и уверенным голосом.

Николь обернулась, и их взгляды встретились. Он был красив. Потрясающе красив и мужествен. Она почувствовала себя беспомощным ребенком рядом с ним. Его глаза гипнотизировали ее.

— Вы бесподобны, леди Шелтон, — сказал он безапелляционно и скользнул взглядом по ее фигуре. Затем внезапно повернулся к ней спиной, поклонился хозяйке и отошел, оставив женщин одних.

— Бесподобны, — повторила леди Аддерли, как будто она не могла этому поверить.

Сердце Николь опять забилось сильней. Дикое чувство, почти экстаз, охватило ее. Она поняла: его слова были для нее комплиментом. Боже, этот шикарный, великолепный человек похвалил ее! Она не заметила, как оказалась среди гостей. На нее все еще продолжали глазеть, но теперь это было ей безразлично. Его слова звучали у нее в ушах, и она про все и про всех забыла. «Великолепный костюм… Вы бесподобны… леди Шелтон…»

Николь не помнила, как у нее в руке оказался бокал шампанского. Пульс учащенно бился, ей было очень жарко. Оглядывая гостей, она иногда видела и его. И каждый раз отмечала, что он внимательно смотрит на нее.

Его лицо было все время напряженным, а взгляд обладал каким-то магнетическим воздействием. Герцог снова посмотрел на Николь и поднял бокал шампанского, как бы провозглашая тост за них обоих, за нее и за себя.

Герцог Клейборо… Как долго он пробудет в Чепмен-Холле? Женат ли он? А что происходит с ней? Она находилась в состоянии сильнейшего нервного возбуждения и не могла оторвать от него глаз.

Со скучающим видом он слушал кого-то из гостей. Стаси Вортингтон стояла рядом с ним, восхищенно глядя на него снизу вверх. Неожиданно Николь охватил приступ ревности. Она даже удивилась себе. Будто почувствовав ее беспокойство, он повернул голову и пронзил ее взглядом. Она знала, что ей надо опустить глаза, но не смогла.

Словно электрический ток прошел между ними.

— Дорогая Николь! Сколько лет мы не виделись!

Рядом стояла седоволосая маркиза Хейзелвуд. В свое время она больше всех клеветала на Николь, но сейчас маркиза улыбалась ей, словно самой близкой подруге.

— Как приятно видеть вас снова, Николь. Герцог говорит, что вы и ваш костюм это то, что надо.

Николь еще не понимала, какую игру затевает маркиза, но насторожилась.

— Да мне кажется, года четыре прошло после званого вечера у Кастлетонов, — произнесла Николь без всякой теплоты. — Вы помните тот маленький праздник?

Разумеется, маркиза должна была помнить, как она разделалась с Николь. Тогда, в присутствии гостей Кастлетонов, она позволила себе назвать Николь непристойной, призывала не принимать ее. Теперь же она улыбалась, словно того вечера никогда не было.

mir-knigi.org

— Да, так много воды утекло… — вздохнула маркиза. Затем, приподняв очки, стала рассматривать костюм Николь, одобрительно кивая головой.

— Теперь я вижу, почему герцог нашел ваш костюм неповторимым. Пожалуйста, заходите к нам, когда будете поблизости Хейзелвуда, и передайте привет графу и графине. — Коснувшись руки Николь очень дружеским жестом, она отошла от нее.

Николь была возмущена. Она прекрасно поняла, почему маркиза пригласила ее. Не похвали герцог ее костюм, никто бы не проявил к ней дружеских чувств.

Николь выпила еще один бокал шампанского и стала прохаживаться, надеясь где-нибудь неожиданно наткнуться на герцога. Впервые она поняла, какой властью обладают такие люди, как герцог. Он не пытался быть ее защитником. Его отзыв о ней был вполне беспристрастен. Однако все стали относиться к ней так, будто никакого скандала и не было.

— Вы не выглядите очень счастливой, леди Шелтон, — прозвучал низкий голос за ее спиной.

У Николь от радости перехватило дыхание. Она резко обернулась, пролив немного шампанского. Он стоял так близко, что ее грудь, прикрытая лишь легкой сорочкой да шелковой блузкой, задела его руку. Покраснев, она отступила назад и еще больше пролила вино.

Трудно было понять, что выражал его взгляд, когда он взял у нее из рук бокал. Она успела заметить, что глаза его были не карими, а какого-то золотистого цвета, как шерри-бренди.

Ее поведение, вероятно, забавляло его.

— Позвольте вам подлить вина, — предложил он.

Мгновенно появился слуга, держа поднос с шипящим шампанским. Герцог один бокал протянул ей, другой взял себе. Когда он задел ее руку, Николь показалось, будто он прикоснулся к чему-то такому внутри ее, что было, наверное, ее душой.

— Почему вы сердитесь?

— Нельзя сказать, чтобы я сердилась, — ответила Николь осторожно. Она пыталась взять себя в руки. Но, глядя на его губы, ей захотелось, чтобы он поцеловал ее. Эта мысль снова привела ее в смятение.

— Сейчас, похоже, вы уже не сердитесь, — произнес герцог, медленно ее оглядывая.

Что-то в его голосе вызывало в ней мгновенный отклик, что-то очень близкое, но Николь не могла определить, что же это такое. Она почувствовала, как груди ее наливаются упругостью.

— Да, я больше не сержусь, — выдохнула она.

— Хорошо, — сказал он низким, ласкающим голосом, — мне бы не хотелось, чтобы вы сердились на меня в первую же минуту нашего знакомства.

В этих словах было какое-то значение, ей было трудно догадаться, о чем он думает и почему именно ее он выделил из всех. Неожиданно для самой себя она произнесла:

— Я никогда не буду сердиться на вас. — Николь вспыхнула, ей стало ужасно стыдно за столь откровенное признание.

mir-knigi.org

— А… вот вы и опять изменились. Есть над чем подумать. Я представляю себе, что ваше настроение, как и вы вся, постоянно меняетесь. Это интересно.

Она смотрела на него во все глаза, лишившись речи. Да и что она вообще могла ему ответить, не понимая значения его слов.

— Я… я… не знаю. — Она совершенно определенно погибала.

— А у меня нет на этот счет сомнений, — сказал он почти шепотом, — как нисколько не сомневаюсь я в том, что ваша оригинальность заходит далеко за пределы, установленные обществом.

Николь представила себе, как она мчится на лошади в мужском костюме. Этот образ как будто придал ей сил. Она посмотрела ему прямо в глаза, дыхание стало легким и ровным. Да, это правда. Он глубоко вздохнул и посмотрел на нее как-то по-особенному.

Николь сразу почувствовала, что он не понял и придал ее словам значение, которое она в них вовсе и не вкладывала. Она решила сменить тему разговора.

— Мы сейчас с вами соседи, — вежливо сказала она. — Чепмен-Холл совсем рядом с Драгмором.

— Как удобно, — сухо ответил он. — Значит, с моей стороны будет просто по-соседски пригласить вас в гости, не так ли?

Его золотистые глаза не отпускали ее. Она не могла поверить своим ушам. Она улыбнулась и не поняла, почему он опять глубоко вздохнул.

— Я довольно часто проезжаю верхом мимо Чепмена, — ответила она с жаром.

— Не сомневаюсь. Значит, в следующий раз, когда будете проезжать мимо, обязательно сверните ко мне, чтобы поздороваться, — сказал он повелительным тоном.

— Обязательно, — пообещала Николь.

ГЛАВА 2

Герцог Клейборо вернулся в Чепмен-Холл в полночь очень раздраженным. Как человек нелюдимый, он терпеть не мог праздники, которые устраивались в его честь, прекрасно понимая, что его популярность — это дань его богатству, титулам и положению в обществе.

Он не уважал людей типа леди Аддерли, которые постоянно вились вокруг него, и считал их не очень умными.

Ему никогда не доставляли удовольствие балы и званые вечера. Герцог считал это пустой тратой времени. С восемнадцатилетнего возраста он управлял огромным имением Клейборо, в то время как его отец, восьмой герцог Френсис Клейборо, бездумно делал долги. Пока отец гулял и развлекался, его сын бился изо всех сил, чтобы спасти семью от разорения. Владения Клейборо вместе с сотней ферм занимали двести тысяч акров и включали земли в Сассексе, Кенте, Дербошире и даже в Дареме. Герцог, как и большинство представителей английской знати, получал свои доходы от занятий сельским хозяйством. Однако вот уже несколько десятилетий сельское хозяйство было для Клейборо тяжким бременем. Суровой дисциплины и

изнурительной работы было явно недостаточно, чтобы справиться с хозяйством, приходящим в упадок. Кроме того, Америка буквально наводнила английский рынок сельхозпродуктами. Требовался смелый новаторский подход к делу. Френсис Клейборо все дни проводил в игорных домах, а ночи — Бог знает где. В это время молодой упрямый наследник вкладывал деньги в торговлю, в лондонские надежные предприятия, пускал капитал в рост.

Сейчас это время прошло. Герцог мало горевал по поводу того, что расточительный отец его два года назад умер в своей постели в объятиях любовника-юноши. Сын сделал все возможное, чтобы не придать широкой огласке этот омерзительный факт, могущий принести семье большой моральный урон.

Когда молодой герцог двенадцать лет назад окунулся в дела своих владений, мать была рядом с ним. Он никогда не переставал удивляться тому, как ей в течение двух предшествовавших десятилетий удавалось управлять хозяйством безо всякой помощи отца.

Раздражен же он был оттого, что уже слишком поздно и на предстоящий день было запланировано очень много дел. К тому же если Хэдриан не высыпался, то весь день он не мог плодотворно работать. Сегодня, считал он, его силы и время потрачены впустую.

Он вошел в дом. Дворецкий Вудворд встретил его и заботливо снял с него плащ.

— Никаких приказаний не будет, ваше сиятельство?

— Ложись спать, Вудворд, — отпустил его герцог. «А все-таки день сегодня прошел не совсем впустую», — подумал он, и сердце учащенно забилось. Образ очаровательной цыганки не уходил из памяти.

Вудворд кашлянул. Герцог задержался на лестнице, удивленно взглянув на дворецкого.

— Герцогиня Дауэйджер вернулась сегодня вечером, ваше сиятельство. — Это было неожиданно. Я распорядился для герцогини привести в порядок голубую комнату в западном крыле дома. Сейчас комната в прекрасном состоянии, ваше сиятельство.

— Молодец, — сказал герцог и, нахмурившись, поднялся по лестнице.

«Что здесь нужно матери, Господи? Имение Дауэйжеров было в Дербошире. И проехать это расстояние было не так уж легко; а если она приехала из Лондона, где у нее тоже был дом, то ей пришлось ехать полдня. Разумеется, она приехала не просто поболтать, что-то серьезное привело ее сюда. Но как бы там ни было, ждать придется до утра. Завтра… завтра… — Все тело его напряглось. — Проедет ли мимо эта соблазнительная леди Шелтон?» Улыбка появилась на его лице, первая настоящая улыбка за весь вечер. Но свидетелем этого был только борзой кобель, который изо всех сил вилял хвостом, приветствуя хозяина.

Клейборо разделся. Он все еще находился под сильным впечатлением от ее оригинальности. В который раз он вообразил ее скачущей на лошади, обнаженную в своей постели и, наконец, отдающуюся ему с необузданной цыганской страстью. Не в его характере было предаваться мечтаниям, да, пожалуй, такого с ним никогда и не случалось.

Не оригинальной она была, а дерзкой и безрассудной. Он знал и глубоко уважал графа Драгмора. Николас Шелтон был очень похож на него, такой же твердый и знающий работник, умный бизнесмен. Может, она его невестка? Или кузина?

mir-knigi.org

Совершенно очевидно, что она замужем, так как она не юная мисс, а ее смелые манеры, особенно появление в таком костюме без сопровождения, только подтверждают его предположение. Он привык иметь дело с замужними женщинами, они бросались к его ногам и делали решительно все, чтобы попасть к нему в постель. Герцог вел весьма спокойный образ жизни, не предавался излишествам и азартным играм, не швырялся деньгами, и лишь от красивой женщины он был не в силах отказаться. Правда, инициаторами в подобных делах, как правило, были сами женщины. Постоянная любовница быстро ему надоедала, и тогда он менял ее на новую. О нем сложилось мнение в свете как о грубом бабнике, но ему это было безразлично.

Вдруг ему пришло в голову, что из леди Шелтон может получиться отличная любовница. Совсем не зная ее, он чувствовал это. Леди Шелтон интересовала его не на одну или две ночи, а на длительный срок.

Герцогиня Дауэйджер тоже любила вставать очень рано. Изабель де Варенн Брекстон-Лоувел приобрела эту лакейскую привычку в первые годы своего замужества, когда Френсис, после смерти седьмого герцога, вступил во владение наследством. Очень скоро она поняла, что ее муж не намеревается оставлять распутный образ жизни. Когда же счета накопились в чудовищном количестве, она наняла грамотного финансиста для определения истинного положения дел. Сделанный им вывод, что имение приходит в упадок, явился для нее тяжелым ударом. Но беда одна не ходит. Изабель поняла, что брак ее оказался неудачным. Кому-то нужно было управлять огромным герцогством. И этим кем-то стала Изабель. И чем больше времени она уделяла этой работе, тем больше она озлоблялась на Френсиса.

Было несколько минут седьмого, но Вудворд уже наливал ей чай из посеребренного чайника, который принадлежал бывшим владельцам Чепмен-Холла и был так же стар и истерт, как дубовые полы в доме. Никто из знакомых герцогини Дауэйджер не пил чай из серебряной посуды с чернью.

Несмотря на ранний час, она была одета в элегантный дневной ансамбль голубого цвета: платье, подчеркивающее ее очень тонкую талию, собранное сзади и складку, с подолом в форме колокола и широкими рукавами, отделанными мутоновыми лапками. Хоть ей было пятьдесят четыре года, она обладала фигурой двадцатилетней женщины и следила за ней очень внимательно. Лицо у нее было гладкое и ухоженное. Лишь крохотные морщинки в уголках живых голубых глаз да характерные линии вокруг рта могли выдать ее возраст. Безупречный овал патрицианского лица свидетельствовал о том, что она еще не скоро увянет. Она умела сохранить многое от былой красоты и оставалась очень привлекательной.

Сапфировые клипсы и бриллиантовый браслет с сапфирами удивительной красоты гармонировал с голубым шелком платья. На правой руке красовалось кольцо с большим сапфиром и двумя маленькими рубинами по краям. Изабель не носила обручальных колец. Она легко вздохнула, сняв их после смерти мужа.

— Я так и думал, что ты уже встала, — сказал герцог, входя в комнату. На нем были плотно облегающие бедра бриджи, сапоги и свободная белая рубашка. — Доброе утро, мама. — Он подошел и поцеловал мать.

— Доброе утро, — ответила она.

Герцог сел рядом с ней за большой исцарапанный стол красного дерева. Мать внимательно смотрела на сына, и огромная гордость за него охватила ее. Он был ее единственным

ребенком, которого она родила довольно поздно, после семи лет замужества, когда ей исполнилось уже двадцать четыре года.

Все в нем восхищало ее: благородные манеры, мужественный взгляд, умение держаться с достоинством и гордая осанка. Любая мать могла бы ей позавидовать. Насколько честен и прям был ее сын, настолько же слаб и безответствен его отец. И еще ей всегда было немного печально оттого, что в ее сыне до сих пор проглядывал угрюмый маленький мальчик, у которого никогда не было детства.

— Я осмелюсь спросить, — сказал герцог, в то время когда Вудворд наливал густой черный кофе, — почему ты приехала?

На вопрос она ответила вопросом:

— Как прошел вчерашний бал?

— Как обычно, жуткая скука. — Герцог ухмыльнулся.

Она смотрела на сына и думала, что бы могла означать эта легкая ухмылка на его лице. Затем она поблагодарила Вудворда и отпустила его.

— Меня беспокоит Элизабет, Хэдриан.

Это было имя его невесты. Какое-то время Хэдриан молчал.

— Что-нибудь случилось?

— Тебе бы не пришлось задавать этот вопрос, проводи ты с ней немного больше времени, — мягко ответила Изабель.

— Видишь ли, мама, тебе, как никому другому, известно, что имение само по себе без управления существовать не может.

— Я-то знаю. Да вот ваши дороги все реже и реже пересекаются. И еще мне известно, что ее это очень беспокоит.

Взгляд герцога стал жестким.

— Значит, я плохой, — наконец произнес он, — я не стал бы причинять ей огорчения преднамеренно. Ведь в Лондоне она ведет такую бурную светскую жизнь. Он был уверен, что она счастлива. Мне даже в голову не приходило, что она может скучать… э… по мне!

— Конечно, ей хорошо в Лондоне и она счастлива. Но ведь вы же обручены. Через несколько месяцев вы поженитесь. Об этом уже все говорят.

— Ты из-за этого сюда приехала?

— Нет. Я с ней встречалась позавчера, Хэдриан. И хотя она притворяется, будто все идет как нужно, совершенно очевидно, что ей плохо.

— Она больна?

— Боюсь, что да. Она очень бледна и сильно похудела. Я не выдержала и спросила ее прямо, что с ней. Но ты же знаешь Элизабет, она всегда боится быть кому-либо в тягость. Прости ее,

mir-knigi.org

Господи, мне пришлось чуть ли не силой вытягивать из нее слова. Наконец она мне призналась, что последнее время сильно устает. И хоть аппетит у нее хороший, с каждым днем так, что приходится перешивать платья. Я пыталась уговорить ее обратиться к доктору, но она только смеется и говорит, что все пройдет и так.

— Мама, если бы все было так плохо, как ты говоришь, она, я думаю, сама обратилась бы к доктору. Но тем не менее, как только я здесь закончу дела, а это случится через одну-две недели, то приеду в Лондон и и сам во всем разберусь. И будь уверена, если понадобится лечение, она его получит.

Изабель знала, что все это будет непременно сделано, так как еще не было случая, чтобы он не исполнил обещанного. С Элизабет он всегда был очень учтив, вежлив и ласков. Он никогда ей ни в чем не отказывал, даже тогда, когда она просила его поприсутствовать на каком-нибудь приеме, которые он совершенно не мог терпеть.

Изабель была убеждена, что, несмотря на то что Хэдриан и Элизабет были двоюродными братом и сестрой, он действительно любит ее со всей искренностью. Когда их обручили, Хэдриану было двенадцать лет, а Элизабет — только два года. Изабель понимала, что страстной, жгучей любви у Хэдриана и Элизабет не было, но он всегда заботился о ней как о сестре, зная, что она его любит совсем не как брата. Но это Изабель уже не касалось. Она знала, что у сына есть любовница, однако не сомневалась — он будет прекрасным мужем. Главное, что они были друзьями. В конце концов, дружба — это не самый плохой фундамент для брака, и чтобы это утверждать, она достаточно пожила на этом свете. А любовь? Что любовь? Ведь очень мало есть на свете семей, которым посчастливилось долго наслаждаться этим чувством. Эти размышления унесли Изабель в прошлое, и ей стало грустно.

Герцог тем временем заканчивал завтрак, размышляя над словами матери. Ее сообщение не очень обеспокоило его. А вот мать очень испугана. Иначе бы она не помчалась в такую даль. В Лондоне он первым делом выяснит, что с Элизабет. Уж его-то она не проведет. Если болезнь действительно есть, он будет везде ее сопровождать: и в театры, и на приемы, и на прочие глупые сборища. Опять герцогиня Дауэйджер оказалась права: он слишком глубоко ушел в дела и забыл невесту. Да, он не видел ее уже больше месяца. Оправдания для себя он не нашел и решил, что, как только они поженятся, он никогда не станет надолго разлучаться с ней.

Герцог извинился перед матерью за то, что он должен срочно выехать. Ремонт в Чепмен-Холле шел отвратительно, и его присутствие там было обязательно. Как только он встал из-за стола, мысли вновь вернулись к смелой, похожей на цыганку леди Шелтон. Вчера он флиртовал с ней, как какой-то легкомысленный пижон, которым себя никогда не считал. Он ее буквально преследовал. Он даже пригласил ее сюда, в Чепмен-Холл, а сейчас пожалел об этом. Мать уедет только завтра, и он не может позволить, чтобы она встретилась с леди Шелтон, будущей его любовницей, это было бы неприлично. Вчера он явно что-то недодумал, если вообще думал.

Утро герцог провел в осмотре небольшого имения всего в двадцать акров. Времени на осмотр ушло немного, и Хэдриан освободился рано. К обеду он уже был в Чепмен-Холле. Обедали вместе — он и Изабель. На обед была приготовлена баранина в мятном соусе. Изабель рассказала, что ездила верхом — она была страстная наездница — и что завтра утром она уезжает в Лондон. Он поделился с ней планами относительно Чепмен-Холла. Изабель всегда живейшим образом интересовалась всем, что касается герцогства. Они уже заканчивали обед, когда вошел Вудворд и важно произнес, что приехала леди Николь Брэгг Шелтон.

— Леди Николь Шелтон из Драгмора, Хэдриан? — спросила мать, странно взглянув на него.

Слегка покраснев, герцог резко встал.

— Мы договорились поехать вместе покататься верхом, — сказал он тоном, исключающим дальнейшие расспросы. Он быстро вышел, оставив мать в некотором замешательстве.

Вудворд проводил его в маленькую гостиную, дверь которой была раскрыта. Увидев ее, герцог замедлил шаг. Он стал похож на хищника, почуявшего добычу. Она поднялась с дивана, и их глаза встретились. Ничего похожего на дикую цыганку сегодня в ней не было, но выглядела она еще соблазнительнее, чем вчера на балу. На ней был костюм для верховой езды темно-зеленого цвета, такого же цвета шляпа; волосы подколоты и спрятаны. В руках, обтянутых черными перчатками, она держала гибкую плеть, нервно сгибая и разгибая ее.

— Я рад, что вы зашли, — тихо сказал герцог.

Скользнув взглядом по ее изящной фигуре, он еще раз убедился, что ее прекрасные формы не были плодом его разыгравшегося воображения.

Она попыталась сделать книксен, но герцог остановил ее:

— Пожалуйста, без формальностей. Полагаю, что это может выглядеть в данной ситуации смешно, не так ли?

Она заморгала. Глаза ее были светло-серыми, почти серебристыми. Интересно, слышит ли она, что он говорит, понимает ли его? Она его озадачила неожиданным румянцем на лице, что было бы естественным для неопытной женщины. Может быть, она тоже еле справляется с физическим влечением, которое обуревало его?

— Благодарю вас, ваше сиятельство, — сказала она тихим, вдруг осевшим голосом.

В зале послышались шаги. Он даже не стал прислушиваться, зная наверное, что это идет мать. Какого-либо удачного выхода из сложившейся обстановки не было, придется их представить. Он сжал зубы. Вошла Изабель, взволнованно переводя взгляд с сына на Николь. Во взгляде герцогини читалось явное недовольство.

— Леди Шелтон, герцогиня Клейборо Дауэйджер, — произнес он официальным тоном, не допускающим двусмысленное толкование ситуации.

Обе женщины обменялись приветствиями.

— Не выпьете ли вы с нами чаю, леди Шелтон? — Вудворд, пожалуйста, принеси нам закуски.

— Извини, мама, я ведь говорил тебе, что мы едем кататься. — Чтобы мать не настаивала на своем предложении, он решительно взял Николь под руку и повел ее из комнаты в фойе.

— Сегодня прекрасный день. Будет очень жаль, если мы не воспользуемся этим, — заметил он, а сам уже думал о том, как воспользуется тем, что само плывет в руки.

— Ко… конечно, — Николь заикалась, расстроенная таким резким и внезапным уходом.

У герцога не было никаких сомнений в том, что мать ошеломлена его вульгарностью. Ну что ж, его самого смущали такие манеры, но это не меняло его намерений.

ГЛАВА 3

Герцог настойчиво вел ее вниз по ступеням роскошной лестницы. Николь оглянулась. На верхней площадке у дверей стояла герцогиня Дауэйджер и с изумлением смотрела на них. Такое поведение сына ей явно не нравилось. Для Николь было совершенно очевидно, что мать герцога недовольна интересом сына к ней.

«Должно быть, она знает о моем ужасном прошлом. Все об этом знают», — подумала Николь.

Но когда он сказал хриплым, тихим голосом:

— Я надеялся, Николь, что вы сегодня придете, — все мысли о герцогине Дауэйджер исчезли.

Они пришли в конюшню. Пока герцог отдавал распоряжение привести лошадей, Николь разглядывала лицо герцога, все больше поражаясь его красоте. Он назвал ее Николь. Все происходило так стремительно, как сбываются мечты во сне.

— Надеюсь, вы не возражаете, если я буду называть вас Николь?

— Как я могу возражать, — пробормотала она, трепеща.

— Хорошо, значит, со всеми формальностями покончено. Вы будете называть меня Хэдриан.

— Хэдриан, — прошептала она, не в состоянии отвести от него взгляд.

Появился слуга с лошадьми. Герцог отошел, чтобы проверить подпругу на ее лошади. Николь продолжала смотреть на него. Вчера на балу в черном смокинге он был поразительно хорош и элегантен, но сегодня он был великолепен и мужествен. Герцог повернулся к ней, и она едва успела отвести в сторону взгляд, моля Бога, чтобы он не заметил, с каким восхищением она его разглядывает.

Они поехали по тропинке через поле. Герцог любовался ее каурой кобылой, отметив отменный вкус Николь. Обычно она ездила в мужском седле, но сегодня ей очень хотелось понравиться герцогу. Ради него она приехала в дамском седле, ради него она заставила двух горничных причесывать и одевать себя в течение бесконечных двух часов. Ей показалось, что она ему нравится. Значит, старалась не напрасно.

Чепмен-Холл остался далеко позади за дубовой рощей. Тропинка, извивавшаяся вдоль опушки леса, привела их на поляну, где журча пробегал ручеек.

— Давайте немного пройдемся, — неожиданно предложил герцог, легко соскакивая на землю.

Николь было безразлично, что делать. Когда он подошел к ее остановившейся лошади, она спрыгнула и попала прямо ему в руки. Она замерла, почувствовав его объятия. Их колени соприкоснулись. Он задержал ее больше, чем это было нужно, но потом отпустил, улыбаясь, будто ничего не произошло. Улыбка полностью меняла выражение его лица.

У Николь перехватило дыхание. Как мог такой человек заинтересоваться ею? Ведь он сам сказал, что ждал ее в Чепмен-Холле?

— Не пройтись ли нам? — вновь предложил он.

Язык не слушался Николь, и она только кивнула в ответ, очень надеясь на то, что он не примет ее за полную идиотку. Потом она попыталась найти какую-нибудь подходящую тему для разговора, но он взял ее за руку, и все мысли из головы сразу же улетучились.

mir-knigi.org

Они молча шли вдоль ручья. Герцог взял у нее поводья и вел обеих лошадей. Между ними возникло странное напряжение. Сердце Николь бешено колотилось. Никогда раньше ей не приходилось испытывать подобное. Однако необходимо было о чем-то говорить.

Поняв, должно быть, ее состояние, герцог заговорил о погоде, о том, как тихо и хорошо в этот час в лесу.

— Похоже, вы страстная наездница?

Это было не то слово. Она была более чем страстная, но решив, что скромность — одно из достоинств леди, просто ответила «да». «О чем бы еще поговорить, — мучительно думала Николь, — ведь не о лошадях же…»

— Я… Я очень люблю ездить верхом.

Он искоса посмотрел на нее и слегка изменившимся голосом произнес:

— Я тоже люблю.

Она проглотила слюну. «В свои слова он явно вложил какой-то дурной смысл», — подумала Николь.

— Я езжу верхом ежедневно, — продолжала она.

Он посмотрел на нее в упор.

— Вы катаетесь медленно или быстро, Николь?

Она опустила глаза, представив себе, как мчится во весь опор во время охоты, и сказала:

— Быстро.

— Быстро… — повторил он задумчиво, останавливаясь.

Ей тоже пришлось остановиться, так как он держал ее за руку.

— Как быстро?

— Я… Я не знаю. — Его манера вести себя волновала ее.

— Вам нравится быстро ездить? Опасность возбуждает вас?

«Нет ничего увлекательнее, чем взять на полном скаку барьер высотой в четыре фута», — подумала Николь про себя, а вслух сказала:

— Да.

Он еще крепче сжал ее руку и на некоторое время замолчал.

— Вы так не похожи на других. Мне еще не приходилось встречаться с женщиной, которая сама призналась бы, что ее увлекают опасные приключения.

Николь взглянула на него, не понимая, что он этим хотел сказать: комплимент это или нет. Она по-прежнему плохо соображала.

mir-knigi.org

— Не поехать ли нам дальше?

— В качестве партнеров по верховой езде?

— П… партнеров по езде? — выдавила она из себя с трудом, заикаясь, не веря в свое счастье и не вполне понимая его.

— В… вы тоже любите охоту?

Герцог взял ее за другую руку и крепко их сжал. Теперь она не смогла бы от него вырваться, да ей этого и не хотелось.

— Только сегодня, — сказал он грубо. — Так какая вы наездница, Николь?

Оказавшись у него в объятиях, она знала, просто чувствовала, что сейчас он ее поцелует.

— Оч… очень хорошая, — прошептала Николь.

— Я полагаю, превосходная.

Его руки скользнули вверх по ее фигуре, прижимая ее к себе.

Николь еще никто не целовал. Она и представить не могла, что может быть хорошего или приятного в том, что какой-то мужчина своими губами прикоснется к ее губам. Но это было раньше. А вчера она так бесстыдно мечтала о его поцелуе. Боже правый, сейчас она узнает это…

— Не будем притворяться, Николь, я хочу вас, очень хочу вас.

Николь не могла поверить тому, что услышала. Их тела соприкасались, ее грудь касалась его груди. Их уста слились в медленном, мягком, деликатном поцелуе. Восторженное ощущение наполнило ее, когда он стал соблазняющими поцелуями покрывать ее лицо. Он все сильнее и сильнее сжимал ее, поцелуи стали более жаркими и страстными.

Николь задыхалась в объятиях герцога. Губы настойчиво и почти жестоко требовали немедленного повиновения. Она чуть приоткрыла рот и с изумлением почувствовала, как он резким движением всунул туда свой язык. Он был не менее активен, чем его хозяин, и вдруг жар незнакомого желания охватил Николь.

Она прижала свой язык к его. Реакция была мгновенной. Герцог застонал, обхватил руками ее ягодицы и крепко прижал ее к своему длинному, твердому символу мужества. Николь отчаянно дрожала в его объятиях и пыталась уклониться от его настойчивых действий, в то же время всем телом страстно прижимаясь к нему.

Вдруг он резко положил ее на траву у ручья и лег на нее сверху. Его член уперся в бедро Николь, и она вскрикнула от невероятного, удивительного удовольствия. Потом она почувствовала, как он задирает ей юбки.

— Сейчас, Николь, сейчас, я обещаю тебе, что постараюсь дать тебе все, что ты хочешь: я объезжу тебя так, как никто никогда не объезжал!

Николь ни о чем не могла уже думать. Его рука скользнула ей под юбку и легла на бедро, он целовал ее в шею. Николь застонала и слегка приподнялась, когда вдруг почувствовала, будто бы острый камень впился ей в голову. Глаза широко открылись, и она вдруг все осознала. Вот

она лежит на спине, на траве и в грязи, а герцог Клейборо обращается с ней так, как никогда не обращаются с леди.

Николь не сопротивлялась, несмотря на отчаянный протест рассудка. Вцепившись в его длинные густые, каштанового цвета волосы, она стонала и вздрагивала. Его рука продвигалась все дальше по ее бедру, и только тонкая кружевная ткань отделяла его плоть от цели. Наконец он стал расстегивать кнопки на ее жакете… Этот неистовый герцог Клейборо, пронеслось в голове, что он может подумать о ней? Ей непременно надо стать его женой.

Это желание оказалось сильнее, чем все другие, и она, перехватив его руку, вскрикнула:

— Нет, пожалуйста! Не так!

Он мгновенно замер и ждал, пока успокоится сердце.

Несмотря на буйную страсть, сотрясавшую все ее тело, Николь нужна была ясность. У нее не было никакого сомнения в том, что она зашла слишком далеко. Ни одна леди не позволила бы себе делать то, что сделала она. В нее вселился спасительный страх, который победил все ее желания.

Неожиданно герцог скатился с нее и сел на траву рядом.

— Вы правы, простите, — сказал он, не глядя в ее сторону.

Этого Николь никак не ожидала и закрыла глаза с облегчением. «Господи! Хоть бы он не осудил ее, не счел аморальной. Что означает его извинение?»

Когда она открыла глаза, он уже поднялся и смотрел на нее сверху вниз. Его взгляд был суровее обычного. Она попыталась догадаться, о чем он думает, но не смогла. Лицо герцога стало непроницаемо.

Он протянул ей руку, и Николь, краснея, взяла ее. Он поднял ее рывком. Под его пристальным взглядом ей было очень неловко, и она старательно отряхивала и поправляла одежду, боясь спросить, что он о ней думает. Мысли сменяли одна другую. Она навсегда уронила себя в его глазах. Да и вряд ли могло быть иначе. И это — она. Она, кого никогда по-настоящему не интересовало мнение мужчин о себе, кто потратил часы, готовясь к этой встрече, только, как оказалось, для того, чтобы погубить все своей необузданностью.

— Это не ваша вина, — сказала она сквозь подступавшие к горлу слезы, расправляя платье.

— Я лучше знаю, — сказал он спокойно, все еще глядя на нее. — Леди не заслуживает того, чтобы ее опрокидывали в грязь, как молочницу.

Его выражение лица не изменилось, и это поразило ее. С надеждой в голосе она спросила:

— Вы не сердитесь на меня?

Может быть, ей показалось, но что-то зажглось в его глазах.

— Я на вас не сержусь. — Он помолчал и добавил: — Ни один мужчина не посмеет сердиться на такую красивую женщину.

Облегчение от этих слов было так велико, что Николь едва не упала от внезапно охватившей ее слабости. Конечно же, она не поняла скрытый смысл его слов.

— Так вы думаете, что я… что я красива?

Он вдруг смутился, потом язвительно улыбнулся.

— Если вы настаиваете на том, чтобы я вам польстил, то извольте. Я считаю вас красивой. Если бы я не знал вас лучше, я бы подумал, что вы не уверены в себе, — ответил он, смеясь.

Николь не могла понять, но что-то произошло. Она хорошо видела, что взгляд его стал циничным и неискренним. Когда он поцеловал ее, ничего подобного не было.

— Приходите днем в Чепмен-Холл, я буду вас ждать. — Это прозвучало не как просьба. Николь кивнула. Ее била дрожь от страха и радости.

— Я приду.

Он поцеловал ее в губы легким поцелуем.

— Вам лучше сейчас вернуться в Драгмор. Я буду сопровождать вас, пока не покажется ваш дом.

Николь опять кивнула. Она была так им ослеплена, что могла только соглашаться, и ничего больше.

Всю дорогу до Чепмен-Холла герцог испытывал смущение и даже тревогу. Он не мог отрицать того, что потерял голову, чуть не согрешив с Николь прямо на траве. Пожалуй, впервые он утратил контроль над собой, и это было очень обидно. И что еще хуже, он теперь полон ожидания их следующей встречи. Не может же герцог Клейборо позволить себе грезить о женщине. Это недостойно его.

В то же время он решил, что сразу же по приезде в Лондон прекратит всякие отношения с мисс Холланд Дюбуа, своей лондонской любовницей. За эти несколько месяцев она ему изрядно наскучила. Чтобы разрыв произошел легко, он забросает ее драгоценностями и даст приличную сумму денег. Обычно любовницы приходят в ярость, когда их оставляют. Но в данном случае опасаться было нечего: надолго одна она не останется, так как действительно очень красива, очень уютна и очень опытна.

Может статься, что он задержится в Чепмен-Холле немного дольше и будет проводить время в постели с леди Шелтон. Он опять сжал зубы, вспомнив о том, что чуть-чуть не произошло между ним и леди Шелтон. Он с раздражением представил себе, как был опасно близок к тому, чтобы поступить столь неблагородно.

Мать удивила его. Едва он спешился и отдал поводья слуге, как увидел Изабель, которая направлялась к нему поступью разгневанного капрала.

— Хэдриан, зайди в дом. Нам необходимо поговорить, — сказала она строго.

Он был уверен, что она ему сейчас устроит нагоняй за распутство. И хоть он и заслужил это, выслушивать выговоры у него не было никакого желания.

— Позволь напомнить тебе, мама, что я не десятилетний мальчик, — сказал он очень вежливо.

— Мне не нужно это напоминать, Хэдриан, — отрезала она и, резко повернувшись, ушла в дом.

mir-knigi.org

Герцог вздохнул и решил подчиниться. Сейчас надо было уступить. Он вспомнил, какие жестокие скандалы мать терпела от отца, и он, совсем еще маленький ребенок, был всегда с нею рядом. Как много лет ей пришлось выносить грубости отца…

В четырнадцать лет Хэдриан вырос до шести футов, то есть немного выше отца, да и весил он почти столько же. Не один раз он пытался остановить отца, когда тот оскорблял мать. У старого герцога не было такой ярости, какая была у сына. Еще ребенком он защищал мать, вставая между ними во время ссор и часто удары, предназначенные матери, сыпались ни сына. И хоть ему порой было очень больно, он все равно защищал ее. Во время очередного скандала, устроенного отцом, Хэдриан так ударил его в челюсть, что сбил с ног. Потом ударил еще два раза, пока не убедился, что отец больше никогда не посмеет и пальцем тронуть мать. И тот действительно больше не посмел ее бить, скандалы и драки в доме прекратились.

Вот поэтому сейчас, хотя ему и было неприятно, что она вмешивается в его дела, он терпеливо и с уважением выслушает ее.

Когда сын вошел в маленькую старую библиотеку, Изабель сразу же плотно закрыла дверь.

— Ты что, с ума сошел?

— Что конкретно ты имеешь в виду? — спросил он, притворяясь, что не понимает, о чем идет речь.

— Хэдриан, непристойно заводить здесь любовницу! Но, Боже правый, Николь Шелтон! Да как ты посмел?

Шестым чувством он определил приближение катастрофы.

— Боюсь, я не совсем улавливаю связь…

— Ты обесчестил ее? — Изабель спросила прямо. — Если да, ее отец, граф Шелтон, убьет тебя независимо от того, кто ты и какое у тебя положение. Так ты обесчестил ее? — закричала она.

Злость поднималась в нем.

— Конечно же, я не обесчестил ее, — резко ответил он. — Леди — девушка не первой молодости, и я не понимаю твоей повышенной заинтересованности в ней.

— Да, она девушка не первой молодости, но она дочь Шелтона, Хэдриан. И как это не похоже на тебя — охотиться за невинными!

— Извините, но она не невинна. Боюсь, что мы говорим о разных девушках.

— Мы говорим о леди Николь Брегг Шелтон, старшей дочери графа Драгмора. И кем бы она ни была — старой девой, предметом скандальных разговоров или еще кем-либо, — ты не смеешь обесчестить ее.

Он уставился на мать, сильно побледнев.

— Старая дева?

— А ты что подумал?

— Я подумал, что… — начал было он, но остановился. — Она не замужем?

— Да, не замужем, она чуть было не вышла замуж за лорда Перси Хемпстеда четыре года назад, но не явилась в церковь. Бедный жених стоял один у алтаря. Скандал получился ужасный. Этим поступком она лишила себя всякой возможности выйти замуж… за достойного человека, я имею в виду. Конечно, Шелтон мог бы купить ей мужа, но какого? Мы давно знаем Шелтона, и он вряд ли пойдет на это. К тому же говорят, что она эксцентрична. Она еще большая затворница, чем ты. Большую часть времени проводит в Драгморе, редко решаясь выйти в свет. И кто может судить ее? Я помню, как жестоко с ней обошлись после этого скандала. Так обесчестил ты ее или нет?

Хэдриан был буквально в шоке. Ему стало жутко от одной только мысли, какую ошибку он чуть было не совершил. Он совсем был близок к тому, чтобы… Хотя на его ласки она отвечала как опытная женщина. Теперь он вспомнил и ее смущение, и краску, выступавшую часто на лице, — все это выдавало в ней невинность и неуверенность. Но откуда он мог знать? Николь приехала на маскарад без сопровождающего, в дерзком костюме. А разве она не флиртовала с ним?

Или он неправильно истолковал нюансы ее поведения? Намеренно ли она увлекала его или он неразборчивый хищник?

— Нет, я не обесчестил ее, — сказал он сдавленным голосом и вышел из комнаты.

Николь было очень жаль, что с нею нет подруги, виконтессы Марты Хантингден Серль, которая еще не вернулась из Лондона. Ей так нужно было с кем-нибудь поделиться своими мыслями о герцоге. Она никак не могла поверить, что за ней, такой высокой и неуклюжей, станет ухаживать красивый и обаятельный герцог Клейборо! Разве то, что он делал, не ухаживание? Он пригласил ее в гости, и не один раз, а дважды. Он целовал ее, говорил, что она красивая. Ей показалось даже, что она произвела на него сильное впечатление, такое же, как и он на нее. Все его поведение можно было понять как ухаживание. Николь знала, что неопытна в отношении мужчин, но в то же время почти не сомневалась, что он женится на ней и что это произойдет очень скоро. Она уже мечтала, как он сделает ей предложение, как она станет герцогиней. Ей уже представлялась милая семейная сцена: она с ребенком на руках и с улыбкой наблюдающий за ними герцог.

И только его холодный тон и язвительная улыбка в конце их встречи вызывали в душе сомнения и страх, но она старалась не думать об этом.

В тот же вечер, закончив свои дела во Франции, вернулись домой отец и Чед. А Эд, ее младший брат, был в Кембридже, где изучал право. Она встретила их радостными объятиями и поцелуями, что немало их озадачило.

— Что с тобой случилось? — спросил Чед, подозрительно нахмурившись. — Что на сей раз стряслось, сестренка?

Чеду было почти тридцать лет. От отца он унаследовал темные волосы с некоторой рыжинкой, доставшейся ему от первой жены графа. Он был не только очень красив, в его внешности было что-то патрицианское.

— У меня ничего не стряслось, — сказала Николь брату, широко улыбаясь. — И вообще, я не отношусь к таким людям, которые уходят вечером, а приходят почти днем.

— Ты же не мужчина, — слабо возразил Чед.

— Все, хватит пререкаться, — примирительно сказал граф. — Ты вся светишься, Николь. Ты ничего не хочешь мне сказать?

Вопрос был не случайный — отец слишком хорошо ее знал. Николь — первый ребенок от графини Джейн, и он ни с кем из детей никогда так не нянчился, как с ней. Она ему была ближе, чем Чед, Эд и Регина. У Николь с отцом было что-то общее, что не поддавалось объяснению. Графиня часто говорила, что в их жилах течет дикарская кровь и именно поэтому они так любят пренебрегать условностями света. Николь воспринимала ее высказывания как шутку и смеялась, но отца это выводило из себя. Отец и дочь хорошо знали друг друга, к тому же граф был умен, от него ничего невозможно было скрыть. Раньше у Николь не было секретов от отца, но сейчас она даже самой себе не осмеливалась признаться, почему скрывает свое знакомство с герцогом. Вспомнив, что произошло сегодня у ручья, она вновь покраснела.

— Нет, отец, — сказала она как можно серьезнее. — Я просто счастлива, что вы вернулись, я скучала без вас. — Она порывисто обняла его, но отец посмотрел на нее с некоторым сомнением.

На следующий день снова две горничные помогали ей одеться перед свиданием с герцогом. К счастью, отец и Чед уехали по делам имения, и никто не заметил ее сборов и необычно красивого наряда. Раньше Николь всегда сопровождала их в таких поездках, однако на сей раз под предлогом головной боли осталась. Конечно, мужчины посмотрели на нее с недоверием, а Чед просто расхохотался.

— У тебя? У тебя болит голова? — Смеясь, он вскочил на лошадь и поскакал вслед за отцом. У нее было желание задушить его.

Томясь от ожидания, Николь приехала немного раньше, чем следовало. Лакей взял ее лошадь под уздцы, но не успела она соскочить, как увидела герцога, выходившего из дома. Похоже, он ждал ее.

Николь ослепительно улыбнулась, но это не вызвало никакой реакции. Герцог выглядел суровым. Чувство неловкости охватило ее, однако она все же слезла с лошади. Неловкость сменилась смущением, когда Николь увидела, что герцог отпускает слугу, предупредив его, что конюх не потребуется. «Если они собираются ехать вместе верхом, то почему он не велел слуге привести свою лошадь?»

Радость встречи стала понемногу исчезать, когда она заставила себя оценить ситуацию. Во взгляде, который он наконец бросил на нее, не было никакой теплоты.

— Что-нибудь случилось? — спросила она с замирающим сердцем.

— Боюсь, что да, — ответил герцог решительно и твердо. — Оказывается, я должен теперь перед вами всю жизнь извиняться. Я совершил ужасную ошибку, хотя могло случиться еще более ужасное.

— Какую, какую ошибку? — Сердце ее оборвалось. «Ведь не мог же он считать ошибкой свои чувства к ней, нет, не может этого быть!»

— Я не предполагал, что вы не замужем.

Сначала Николь ничего не поняла. «Он не знал, что она не замужем? Ну и что из того?» И вдруг с ужасом она начала соображать.

mir-knigi.org

— Что вы говорите?

— Разумеется, я считал, что вы замужем.

— Вы считали, что я замужем… — эхом повторила она.

Он молчал. Он думал, что она замужем. Если он так думал, значит, не намерен был ухаживать за ней. Николь смотрела на него пораженная.

— Но вы же целовали меня!

Герцог в раздражении переступил с ноги на ногу.

— Ведь вы не настолько наивны, чтобы полагать, что мужчина не станет целовать женщину только потому, что она замужем.

Она все поняла и пришла в ужас. Он думал, что она замужняя, и не собирался просить ее руки. Ему почему-то показалось, что она женщина легкого поведения и без моральных правил. Он не ухаживал за ней, вовсе нет. Если говорить его словами, он хотел ее просто «опрокинуть». Боль, негодование, ужас нахлынули одновременно. Николь задыхалась. Он развлекался с ней. Ее мечты мгновенно превратились в прах.

— Я сожалею. Я знаю, что выгляжу негодяем, но, откровенно говоря, я привык иметь дело с замужними женщинами, которые предлагали мне себя… что…

— Я не предлагала вам себя! — воскликнула сокрушенная, разбитая Николь. В глазах ее стояли слезы.

— В таком случае я неправильно понял ваше поведение. Совершенно очевидно, леди Шелтон, вам больше нельзя приезжать сюда. — Он посмотрел ей в глаза темным, непостижимым взглядом.

Трудно выразить словами, какую боль испытывала Николь.

— Да, очевидно, — удалось ей выговорить с трудом. — Я буду трижды дурой, если вернусь сюда. Больше вы меня здесь не увидите.

Николь выхватила повод из его рук, и не успел он помочь ей, как она оказалась на лошади. Ей нельзя было оставаться здесь ни секунды. Слезы оскорбления слепили Николь, грудь сжимало от обиды и боли. Она пришпорила лошадь и помчалась галопом, окутав его облаком пыли.

ГЛАВА 4

Николь заперлась у себя в комнате и под предлогом головной боли не выходила весь день и весь вечер. Не спустилась она и к ужину. Граф и Чед поднялись к ней, чтобы справиться о здоровье, и ей потребовалось много усилий и самообладания, чтобы не выдать себя. Лишь бы не вызывать лишних подозрений, она согласилась поужинать у себя в комнате, но как только за Ани, принесшей пищу, закрылась дверь, Николь накормила своим ужином кошек.

С наступлением ночи ее страдания стали невыносимы. Какая же она наивная дура! Поверила сказкам и выдумкам, которые никогда не сбываются! Так глупо влюбилась в герцога, и не в того, каким он был на самом деле, а придуманного ею. Такого герцога нет и в помине. Есть обыкновенный безнравственный бабник. Безнравственный бабник. Как же глупо было думать,

что он влюблен в нее.

Ей было так больно, что не было сил ненавидеть его, по крайней мере сейчас. С большим трудом ей удалось сдержать слезы. Такое же потрясение она пережила, когда в первый раз вышла в свет и ее не приняли. Это был первый сокрушительный удар в ее жизни.

Николь выросла в Драгморе, где ее все принимали и любили. Родители ее обожали. Ни разу в жизни она не чувствовала себя незащищенной, за исключением ее дебюта в высшем свете. Но этот день изменил многое.

Дело в том, что Николь очень сильно отличалась от своих сверстниц, и они это сразу чувствовали. У нее не было с ними ничего общего. Если ее всегда учили быть прямой, честной и искренней, то большинство ее подруг с самого детства привыкали лицемерить, скрытничать, сдерживать свои чувства, а внешне выглядеть милыми и скромными. Они жеманничали с мужчинами и сплетничали между собой. Их интересовали только наряды и проблема замужества. Все это Николь нисколько не волновало. Конечно, простить такое кощунство они просто не могли.

Николь сама была виновата в случившемся скандале, но то, что от нее отвернутся все, не предполагала. Она даже не задумывалась над последствиями, просто в последнюю минуту отчетливо поняла, что не может принять этот брак. Она не любила Перси Хемпстеда, он никогда и ни в какой мере ее не интересовал.

В первые два года своего изгнания Николь вообще не могла ни о чем думать, но тут вмешался отец и стал предлагать ей все новые и новые варианты замужества. Они ссорились, Николь умоляла, чтобы ее не отдавали замуж, как какую-нибудь племенную кобылу для выведения потомства, но он был глух к ее мольбам.

— Есть десятки достойных молодых людей, выбирай! — сердился на нее отец. — Однако за два года ты отвергла всех. Я не позволю тебе губить свою жизнь, Николь. Теперь я намерен сам выбрать тебе достойного человека.

Николь убегала от него расстроенная и злая, хотя и знала, что отцом руководит любовь к ней. Он действительно искренне считал, что позже, поняв его правоту, дочь будет ему благодарна.

Перси Хемпстед был человеком приятной наружности, милым и добрым в общении с окружающими, трудолюбивым. Он являлся наследником графа Лэнгстона и был на несколько лет старше Николь. Многие молодые девушки мечтали о нем. Даже Марта охала и ахала по поводу того, какой он красивый, какие у него черные волосы и голубые глаза, какой прекрасной формы его череп и как хороши черты лица. Итак, под давлением близких, питая к Перси дружеские чувства, Николь решилась на брак.

По мере приближения дня свадьбы у Николь все больше и больше появлялось сомнений. Нежелание выходить за него замуж, которое Николь испытывала сначала, становилось все сильнее и сильнее. Она едва знала его и безусловно не любила. Как можно выходить замуж за совершенно чужого человека? Только для того, чтобы быть прекрасным украшением дома и рожать мужу сыновей? Но главное, ей не хотелось покидать Драгмор. Она панически боялась, что Перси лишит ее всех свобод: она не сможет рано поутру скакать на лошади, не будет объезжать верхом свое имение и земли арендаторов. Он наверняка захочет, чтобы она проводила время и развлекалась вместе с другими женщинами, соответственно одевалась, вела размеренный и степенный образ жизни, — словом, была бы идеальной женой. Осознавать, что грядут перемены и что возврат к прежнему невозможен, было жутко. Примириться с такой

перспективой Николь никак не могла.

Ночью, за день до свадьбы, она убежала, оставив для Перси записку, где умоляла простить ее, так как разумного объяснения своего поступка у нее нет. Другая записка предназначалась родителям. На свадьбу было приглашено около пятисот человек, и хоть Перси не стоял и не ждал ее у алтаря, как потом сплетничали в свете, но все случившееся обернулось для Николь катастрофой. Перси не стал с ней объясняться, а через шесть месяцев женился на обычной девушке из высшего общества.

Отец тоже с ней не разговаривал почти два месяца, пока не улеглось его возмущение. Николь очень переживала, что причинила боль Перси, огорчила своих родителей, но нисколько не жалела о том, что не вышла замуж.

Вскоре она полностью обрела душевное равновесие. Родители продолжали выезжать, а Николь их сопровождала.

— Тебе не спрятаться в Драгморе, — заявил ей отец, — ты сама должна понять, что ты наделала.

Страшно вспомнить эти балы и званые вечера. Все смотрели на нее, как на диковинного зверя в клетке, стоило отвернуться, как за ее спиной слышался шепот. Николь держала голову высоко и вела себя так, словно ничего не произошло. Родителям тоже приходилось несладко, возможно, им было еще больнее, чем ей. Через несколько месяцев они сняли все запреты, и Николь могла делать все, что ей заблагорассудится. К этому же времени ее появление в обществе уже перестало быть сенсацией, а сплетники нашли для себя новую пищу.

А сейчас, лежа в постели и глядя в потолок, ей вдруг так захотелось заплакать, как никогда в жизни. Все у нее складывалось хорошо до восемнадцати лет, а потом как пошло… Одно за другим. Ей бы запомнить эти уроки, а она, напротив, — наивная до крайности, влюбилась в герцога! Приняла его за своего рыцаря в блестящих доспехах. Больше такой дурой она никогда не будет!

Она повернулась на бок, слез не было. Он думал, что она замужем! У него по отношению к ней вовсе не было честных, серьезных намерений. Она сжала кулаки от злости. Какой же он негодяй!

В это утро, как обычно, Николь поднялась вместе с солнцем. Бушевавшие в ней чувства не дали ей уснуть всю ночь. Праведный гнев придал новые силы, и, несмотря на бессонную ночь, Николь не чувствовала никакой усталости. Она надела бриджи и спустилась к завтраку, намереваясь провести день с отцом и братом, как будто ничего не случилось, словно не было никакого герцога Клейборо. Мужчины внимательно присматривались к ней.

— Ты ужасно выглядишь, — сказал Чед.

Николь сидела слева от отца, напротив брата. На его замечание она ничего не ответила. Чувствуя, что отец беспокоится о ней, она пояснила:

— Голова болела всю ночь.

— Я хочу, чтобы ты обратилась к врачу, — сказал граф.

— Мне уже хорошо, папа, в самом деле, — ответила Николь, но собраться с силами и улыбнуться отцу она уже не смогла.

— Тебе всегда хорошо, — грустно сказал Николас Шелтон, — но сегодня ты никуда не поедешь.

Николь упрямо сжала губы.

— Я хочу поехать с тобой и с Чедом, отец!

— Нет, — решительно заявил граф, и она поняла, что настаивать бесполезно.

После завтрака она почувствовала себя настолько уставшей, что, поднявшись к себе в комнату, рухнула в кровать в полном изнеможении. Сказывалась бессонная ночь. Как в тумане, перед ней проплыл образ прекрасного герцога. Сжав кулаки и зажмурившись, она закричала:

— Убирайся к черту!

Такого ругательства она себе еще никогда не позволяла. В себя она пришла оттого, что кто-то настойчиво стучал в дверь. Николь поняла, что на какое-то время заснула. Было уже позднее утро, почти полдень.

— Войдите, — сказала она спросонья.

В комнату вошел Олдрик.

— Я знаю, моя госпожа, что вы плохо себя чувствуете, но к вам пришла виконтесса Серль. Прикажете сказать ей, что не сможете принять ее? — Добрые глаза его выражали беспокойство, хотя голос был безучастен и официален.

— Марта приехала! — восторженно воскликнула Николь. — Нет, нет, я спущусь сию минуту!

— Очень хорошо, — облегченно вздохнул Олдрик и поклонился.

Мигом слетела она с кровати, быстро умылась и, стянув волосы в хвост, сбежала к Марте.

— Марта!

Это была маленькая, пухленькая девушка с густыми каштановыми волосами и матовой кожей. Она скромно сидела в гостиной на диване, обитом бархатом золотистого цвета, и держала в руках чашку с чаем. На ней был зеленый в розовую полоску костюм. Увидев Николь, она поставила чашку на столик и бросилась ей навстречу. Девушки крепко обнялись.

— Я так скучала по тебе! — воскликнула Марта.

— И я рада, что ты вернулась, — отозвалась Николь.

Марта села и усадила рядом Николь. Но радостная улыбка исчезла с ее лица, когда она повнимательнее вгляделась в свою подругу.

— Николь, у тебя опухли глаза, ты плакала?

Выражение лица у Николь изменилось, оно стало спокойнее.

— Нет. Хотя думала, что буду плакать.

— Что случилось?

mir-knigi.org

Николь вскочила, крепко прикрыла дверь в гостиную и вдруг почувствовала, что сейчас действительно заплачет. Закрыв лицо руками, она старалась сдержать подступающие слезы.

— О Боже, — Марта поспешила к Николь, — садись, расскажи мне, что тебя так расстроило?

— Прости, — сказала Николь, как только справилась с волнением, и многозначительно посмотрела на свою лучшую подругу.

— Я круглая дура, Марта.

И хоть Марта привыкла к несколько нетрадиционным выражениям, манерам и одежде Николь, но тут она слегка покраснела.

— Нет, ты не дура.

— Я вела себя, как последняя дура, с герцогом Клейборо, — уточнила Николь.

— С герцогом Клейборо?! — удивилась Марта.

Николь грустно кивнула.

— Я недавно была на балу. Его давали Аддерли в честь герцога. Стоило мне только взглянуть на него, и мое сердце остановилось, Марта. Как это глупо!

— Он очень красив, — осторожно подтвердила Марта.

— Мы с ним разговаривали. Он смотрел на меня горящими глазами. Потом пригласил меня в Чепмен-Холл.

— Он пригласил тебя в Чепмен-Холл! Но это так не похоже на герцога. Должно быть, он очень тобою увлекся.

Николь бросила на Марту иронический взгляд.

— О да! Очень увлекся. В этом можно не сомневаться. Он полагал, что я замужем, и пригласил меня к себе для… э… э…

Марта удивилась еще больше:

— Он думал, что ты замужем?

— Я решила, что нравлюсь ему. — Николь покраснела и отвела глаза в сторону. — Я даже подумала, что он ухаживает за мной. — Николь украдкой взглянула на подругу, которая была совершенно ошеломлена. — Он целовал меня, Марта!

— О Боже! — все, что смогла выговорить Марта.

— Мне понравилось. — Николь густо покраснела. Ее сердце бешено заколотилось, когда она попыталась вернуть ощущения, вызванные его горячими и требовательными поцелуями.

— Я его тоже поцеловала.

— Николь! — взвизгнула Марта и хотела еще что-то сказать, но Николь перебила ее.

mir-knigi.org

— Теперь я знаю, почему он выпроводил меня и не позволил выпить чай со своей матерью! — Опять в ней стали подниматься гнев и обида на него.

— Герцогиня Дауэйджер была дома? Она видела тебя у него в доме? Николь, и тебя никто не сопровождал? — затарахтела Марта. В последнем ее вопросе содержалась надежда, что все случившееся не получит огласки.

Николь покачала головой.

— Он пригласил меня снова, и вчера я была у него. Каким-то образом он узнал, что я не замужем, и сразу все переменилось. Негодяй! Он был холоден как лед, извинился за свою ошибку и сказал, что я не могу больше бывать в Чепмен-Холле.

— Бог мой! — Марта сказала это таким тоном, что у Николь широко открылись глаза.

— Видимо, он принял меня за какую-нибудь замужнюю шлюху, с которой можно без опаски делать что угодно. — От возмущения Николь сорвала голос. — Как я его ненавижу!

— Николь, — Марта сжала ее руку, — он не только поцеловал тебя, да?

Николь вспыхнула, припомнив, как он своим сильным телом вдавил ее в траву, как расстегивал жакет, как гладил бедра, приподнимая юбку. Ее стало трясти.

— Тебя, вероятно, больше всего интересует, осталась ли я девственницей, да? Так знай, я пока еще девственница.

— Ну тогда ничего страшного не произошло, — облегченно произнесла Марта, похлопав ее по руке. — Бедняжка. Клейборо — ужасный бабник и совершенно неуправляемый грубиян. Ни одной женщине, в том числе и его любовницам, не удается удержать его надолго. А его любовницы, как известно, — самые красивые женщины королевства.

— У него что, их несколько? — спросила Николь, с удивлением осознавая, что ей это неприятно слышать.

— Нет, просто он их довольно часто меняет, — ответила Марта и, видя, что такой ответ огорчил Николь, добавила: — Но ведь так поступают почти все мужчины!

— Роберт же так не поступает, не так ли? — Николь захотелось откусить свой язык. Вопрос был слишком интимного характера, чтобы задавать его даже самой близкой подруге. Но лицо Марты потеплело, она улыбнулась:

— Нет, Роберт так не поступает, в этом мне повезло.

Николь знала, как Марта любит своего мужа и как он обожает ее.

— Вам обоим очень повезло.

Марта вдруг заявила:

— Я думаю, что Клейборо увлекся тобой.

— Он думал, что я замужем.

— А я все-таки думаю, что он увлечен тобой. Я иногда встречалась с ним в Лондоне, он ни к

кому сам не проявляет никакого интереса, хотя все так и вешаются ему на шею. За исключением, конечно, леди Элизабет Мартиндейл.

— Леди Элизабет Мартиндейл?

— Да, она дочь маркиза Стаффорда! — Марта сделала гримасу. — И все-таки я уверена, что он увлечен тобой. Однако как нехорошо, что они помолвлены!

Николь похолодела.

— Он обручен с ней?

— А ты этого не знала?

— Я ничего о нем не знаю, — прошептала Николь, для которой все вокруг как-то потускнело.

— Они обручены уже давно. Ей было всего два года, когда это произошло. — Марта говорила мягко, нежно, как бы стараясь смягчить удар. — Всем известно, что герцог Клейборо не свободен. Считают, что он и леди Элизабет поженятся этим летом. Особенно огорчаются по этому поводу молодые особы, которым только предстоит выйти в свет.

— Понимаю, — с напряжением произнесла Николь и поднялась с дивана. Кровь так стучала у нее в висках что она почти ничего не слышала. Помолвка, заключенная между такими влиятельными семьями и поддерживаемая на протяжении шестнадцати лет, казалась ей столь же окончательной, как надпись, высеченная на надгробье, столь же нерасторжимой, как супружеские узы.

Итак, он не только думал, что она замужем, не и сам был помолвлен и через семь-восемь месяцев собирался жениться. Оказывается, он еще больший негодяй, чем она себе представляла.

— Николь, садись, выпей чаю, — заволновалась Марта.

— Я думала, что он хочет жениться на мне! На мне! — Глаза Николь лихорадочно блестели.

Неожиданно Николь резко повернулась и в яростном порыве устремилась к двери.

— Николь, куда же ты? Не делай ничего такого, о чем потом придется очень жалеть. Пожалуйста, не делай! — кричала Марта в отчаянии.

Николь вряд ли слышала эти предостережения. Через несколько минут Марта в окно гостиной увидела, как Николь, низко пригнувшись в мужском седле, пришпорила рыжего чистокровного скакуна и направила его в сторону Чепмен-Холла.

Герцог вышел из конюшни, где раздавался стук молотков и топоров. Рабочие меняли прогнившие сосновые стропила. Пока он был доволен тем, как идет работа.

Он шел по направлению к дому, чтобы успеть до обеда просмотреть почту. Неожиданно со стороны леса послышался топот лошадиных копыт. Герцог в недоумении остановился, желая узнать, кто бы это мог быть.

Прекрасный конь чистых кровей мчался по лужайке. Через несколько секунд жеребец взвился на задних копытах перед герцогом. Его изумлению не было предела, когда в седле он увидел Николь Шелтон. Никогда ему не приходилось видеть женщину, по-мужски сидевшую в седле.

Красивые длинные ноги, плотно обтянутые бриджами, крепко обхватывали круп лошади и буквально гипнотизировали герцога. Перед ним явилась женщина но всей ее первозданной красоте: стройное гибкое тело, длинные ноги, горящие огнем глаза, распущенные и развевающиеся на ветру волосы. Николь была великолепна! Герцог застыл пораженный. Его поразил не только ее вид, но и то, что она, пренебрегая всеми условностями света, прискакала сюда. Два властных чувства со всей силой овладели им — бесконечное удивление и страстное, дикое желание обладать ею.

Николь спрыгнула на землю и крупным шагом пошла к нему: длинные стройные ноги и бедра, туго обтянутые бриджами, не оставляли места сомнениям — ее фигура была идеальна. Еще какое-то время он не мог отвести глаз от ее тела, но вдруг ему в голову пришла мысль, что женщина, которая может так мастерски править лошадью, будет так же хорошо управлять и им. Лишь в последнюю секунду он заметил, как Николь подняла плеть.

— Жалкий подлец! — взорвалась девушка и изо всех сил стегнула плетью его по лицу.

К счастью, сработал защитный рефлекс. Герцог успел перехватить ее руку, и конец плети оставил лишь неглубокий красный след на его щеке. Злость мгновенно вытеснила восторг и удивление. Он выхватил у нее плеть и отбросил в сторону. Николь вскрикнула от ярости и размахнулась, чтобы дать ему пощечину, но он поймал и завернул за спину ее руку и прижал девушку к стене сарая. Свободной рукой она все же пыталась дотянуться до его лица и ногтями расцарапать его, но он схватил и эту руку, вывернул и прижал ее к стене над головой. Он всем телом придавил девушку к сараю, так что она не могла даже пошевелиться.

Николь, словно попавший в капкан зверь, бешено старалась вырваться. Но каждое ее движение только сильней распаляло его, и он все плотней наваливался на нее. Его мощный отвердевший член сквозь одежду прижимался в страстном желании к животу девушки.

— Пустите, пустите меня, вы аморальный тип, я покажу вам, чего вы заслуживаете! — кричала Николь, а у него перед глазами возникали одна за другой сексуальные сцены с ее участием.

— Чего же я заслуживаю? — ерничал герцог.

Его губы были совсем рядом с ее ртом. Николь стала утихать, и герцог решил, что она наконец-то признала его превосходство.

— Не одну, а десять плетей, — злобно выпалила она.

— Не думаю, что вы приехали сюда за этим.

— Я вернулась, чтобы выпустить из вас кровь.

Он вздрогнул от неожиданности, услышав эту дикую угрозу, и попытался представить себе, как бы она стала это делать.

— Вас возбуждает вид проливающейся крови, Николь? — тихо-тихо спросил он.

— Да, да, да! — Она опять забилась в своем капкане, но быстро затихла, сбив дыхание и ощущая бесполезность своих усилий.

— Остерегайтесь! Если и суждено сегодня пролиться чьей-то крови, то это будет не моя! — сказал он загадочно и заглянул ей в глаза. Тело его так содрогалось, что не понять смысл его слов было нельзя. Ее глаза широко раскрылись, и он обрадовался, что она наконец-то

mir-knigi.org

сообразила, о чем идет речь.

— Вы не посмеете!

— Посмею. Разве не за этим вы сюда приехали?

На миг она была огорошена, а затем завизжала от боли, которую сама себе и причиняла, снова пытаясь вырваться из его железных, неразжимающихся рук.

— Теперь вы грозите, что изнасилуете меня?

— Грожу? Нет. Пожалуй, предупреждаю. Насилие — это не для меня.

— Я буду драться с вами до последнего дыхания.

Прижимаясь к ее молодому упругому телу, герцог прекрасно понимал: еще немного — и он потеряет над собой власть.

— Вам захотелось умереть в моих объятиях, Николь? Я уж постараюсь, чтобы так оно и было, — пообещал он мягким голосом.

— Пустите меня! — завопила она в отчаянии.

Он видел, что Николь не поняла значения его слов, но решила, что ей грозит опасность.

— Пустите меня, черт подери!

Ему пришлось ослабить хватку. Если бы он этого не сделал, то вряд ли смог контролировать свои действия. Тело его нестерпимо ныло, требуя сброса накопившегося возбуждения. Поэтому он повернулся к ней, тяжело дыша.

— Итак, у нас перемирие?

— Никогда! — захохотала она, и он ясно разглядел бесовские огоньки ненависти в ее глазах.

— Теперь вы меня ненавидите, да?

— О да! — выдохнула она. — Я любила вас, но сейчас ненавижу!

Ему стало нехорошо. То, что она любила, пусть недолго и так глупо, сильно удивило его. Много женщин влюблялись в него, но ему было неинтересно, что они чувствовали при этом. Он никогда на это не обращал внимания. На этот раз он ощутил легкий укол в сердце — видимо, это была совесть.

— Любовь так быстро не переходит в ненависть, Николь, — мягко возразил он. Его губы были совсем рядом с ее губами. — Не проверить ли нам, как сильно ты меня ненавидишь? — Он сам не знал, зачем ему нужна была эта проверка.

— Здесь нечего проверять, — возразила она, еле дыша. Ее взгляд упал на его губы. — Не смейте!

Но сейчас, когда их молодые тела прижимались друг к другу от колен до груди, он не мог не поцеловать ее.

mir-knigi.org

— Я думаю, что вы меня больше хотите, чем ненавидите, — пробормотал он, отрываясь от ее губ.

Николь открыла было рот, чтобы что-то ответить, но он зажал ее губы своими, и ни одно слово не было произнесено.

Она попыталась еще раз вывернуться, но он снова прижал ее к сараю, и губы его все время требовали и требовали ответных ласк. Для герцога это было волнующей игрой, которая, впрочем, могла иметь самое неожиданное завершение. Для Николь же, собиравшейся бороться до конца, все происходившее было и раем и адом одновременно.

Когда герцог стал страстно целовать ей шею, оставляя красные полукруглые отметины, Николь ехидно спросила:

— А как же ваша драгоценная Элизабет?

Он замер:

— А что с Элизабет?

— Вы даже не пытаетесь быть верным вашей невесте!

— Что ж, значит, вас дома уже проинформировали, — сказал он, внимательно посмотрев на нее.

Герцог увидел прекрасные глаза, горящие гневом. Ему сразу же захотелось обратить этот гнев в страсть к себе.

— Так в этом все дело?

— Это то же самое, что женатый человек, — прошипела она. — Вы мерзкий повеса! Сейчас же отпустите меня!

Понимая, что его страстный порыв объяснить иначе трудно, он отпустил Николь и заговорил язвительным тоном:

— Верно замечено. Но для такой игры, как у нас, нужны двое, и если бы вы сюда не прискакали, то ничего бы подобного не произошло.

Освободившись от его рук, Николь устало попятилась.

— Вы тот, у кого нет морали, кто не остановится ни перед чем, если чего-нибудь захочет.

Злость вскипела в нем.

— Я же просил вас не приезжать сюда, но вы рискнули появиться. Если вы приехали не за тем, что я могу вам дать, тогда зачем же?

Николь покраснела:

— Как же вы самоуверенны. Я приехала сказать вам, что думаю о вас теперь, когда узнала всю правду.

Он подбоченился и скривил рот в насмешке:

mir-knigi.org

— Всю правду? Ах да, Элизабет!

— Вы почти женаты. Почему же вы преследовали меня? Я думала, что вы свободны! Вы считали меня замужней женщиной без моральных устоев и правил. Так кто прав и кто виноват?

Вновь герцог ощутил легкий укол совести, но сдаваться ему не хотелось. Обвинение в недостойном поступке задело его самолюбие, он не привык к этому. Да никто и не осмелился бы обвинить его в чем-либо подобном. Как и в первый свой визит в Чепмен-Холл, Николь злила и возбуждала герцога. И как и тогда, он в глубине души был недоволен собой.

— Вы думаете, что я интересовался вами как холостяк, ухаживающий за девушкой?

Тон герцога был насмешлив и жесток. Николь невольно отодвинулась от него еще дальше.

— Я совершенно не предполагала, что вы намеревались сделать меня своей любовницей.

— Точно так же, как я не думал, что вы незамужняя девственница, — в запальчивости отпарировал герцог.

Лицо Николь стало пунцовым.

Герцог тотчас ужаснулся своей бестактности.

— Вы жестоки.

— Вы меня принудили к этому, — сказал он сипло, — позвольте еще раз повторить вам, что вы здесь нежелательны, леди Шелтон, вы не должны сюда приезжать.

Она сложила руки на груди.

— Я никогда не появлюсь в этом доме, ваше сиятельство, разве что принесу вам и вашей невесте свадебный подарок.

— Что ж, у тигрицы есть не только когти. Я повторяю, Николь, вас сюда не приглашают, и подумайте хорошенько, прежде чем захотите сделать какую-нибудь гадость мне или Элизабет, — произнес он с язвительной улыбкой.

— Не беспокойтесь, у меня нет намерения огорчить вашу драгоценную Элизабет. — Николь резко повернулась и побежала к своей лошади.

ГЛАВА 5

Волкодав Борзой, любимый пес герцога, с надеждой смотрел на своего хозяина. Перед огромным, во весь рост, зеркалом стоял герцог и поправлял шелковый галстук. Когда Рейнард подал ему вечернее пальто, Борзой радостно забил хвостом.

— Я иду на обед, извини, пожалуйста, парень, — проговорил герцог.

Борзой тяжело вздохнул и положил голову на лапы, смирившись с тем, что весь вечер будет лежать один у камина.

— Смею заметить, вы прекрасно выглядите, ваше сиятельство, — сказал Рейнард.

mir-knigi.org

Герцог вежливо кивнул головой, поблагодарив.

— Вы можете идти, Рейнард, я спущусь сейчас.

Он отошел от зеркала и подошел к столику дворецкого, где специально для него был приготовлен чай из комбинации различных сортов. Отсутствующим взором смотрел он на изумительной красоты фарфоровую чашку, уютно расположившуюся в его большой ладони.

Ему бы следовало отказаться от приглашения графа Шелтона, но он даже не стал рассматривать такую возможность. Прошла уже неделя с того дня, как Николь галопом влетела к нему во двор и вскоре так же стремительно умчалась. От одного этого воспоминания в животе появлялись какие-то спазмы. И будь он проклят, если и теперь не понимает, зачем едет в Драгмор сегодня вечером! Что с ним происходит? Может, так всегда бывает, когда не удовлетворяются желания? Разве он когда-нибудь раньше думал о женщинах? Такого никогда не было. Как бы это ни выглядело грубо, но раньше все его отношения с женщинами сводились только к сексу. И как только интимный акт заканчивался, его внимание тут же переключалось на что-нибудь более значительное. Сейчас думать о Николь ему не хотелось. Он отпил экзотического напитка и со злостью швырнул чашку в горящий камин. Китайская диковинка разбилась вдребезги, а собака подняла голову и выжидательно посмотрела на хозяина. Напряжение было снято, однако образ длинноногой, грациозной наездницы в мужских бриджах не выходил у герцога из головы, и хоть это казалось неправдоподобным — все время дразнил его воображение.

Герцог ходил взад и вперед по комнате. Сейчас у него уже не было никакого предлога, чтобы отказаться от приглашения графа Шелтона на обед. Да он, признаться, даже ждал предстоящей встречи, хотя прекрасно понимал, что играет с огнем, — она была огонь!

С отчаянной решимостью он всю неделю занимался восстановлением имения Чепмен-Холл, поднимаясь раньше и ложась позже обычного, стараясь не оставлять себе времени для раздумий. Но как он ни старался — изгнать ее из памяти не удавалось, она все время преследовала его. Почему он так очарован ею? Может быть, это навязчивая идея? Хотя ее поразительные внешние данные вполне способны свести с ума любого мужчину! А манера поведения, смелость и первозданная непосредственность не могут не пробудить естественный мужской инстинкт! На ее фоне большинство женщин, большинство леди безнадежно скучны! Мама, конечно, исключение. Незаурядный ум и выдающиеся деловые способности отличали ее от всех других женщин.

Он не мог припомнить, чтобы какая-либо женщина так долго занимала его внимание. Элизабет не в счет, она его невеста. Ни одна из молодых женщин, которых он знал, не появлялась на званых вечерах без сопровождения, ни одна не скакала на лошади, не говорила и не проявляла своего темперамента так, как все это делала Николь. Даже его последней любовнице, француженке, мгновенно приходившей в ярость по любому поводу, было далеко до Николь. А какая женщина станет преследовать мужчину, и не только преследовать, но еще и хлестать плеткой!

Ситуация имела еще одну неожиданную сторону. Он перестал контролировать свои действия. На прошлой неделе он вел себя с ней просто отвратительно, хоть и не по своей вине: она его спровоцировала. За то, что он применил силу и целовал ее, нет ему оправдания. Он боялся, что в следующий раз его уже ничто не остановит.

В следующий раз?

Он просто должен сделать так, чтобы не было следующего раза. Совсем не важно, что ее репутация подмочена и что она провоцирует его. Прошлая встреча была просто варварским искушением. «Следующего раза не будет», — дал он себе клятву.

Помня, как плохо жил его отец, он старался жить честно. Случись его отцу оказаться на его месте там, у ручья, он бы взял ее не задумываясь. К счастью, он другой. До сих пор он гордился своей жизнью, но сейчас возникла реальная опасность, и это пугало его.

Он уже опаздывал на обед. Раз не отправлено письмо с отказом, надо идти. И герцог вышел из дома.

Николь лежала на кровати с книгой американской писательницы Аманды Уилсон о необходимости реформ в системе образования. «Как права эта женщина», — думала Николь. В дверь постучали, и в комнату вошла мать.

Графиня Джейн Шелтон была стройной, красивой блондинкой, обладавшей врожденной элегантностью. Она вернулась в Драгмор накануне, и это не было неожиданностью для Николь: Джейн не любила надолго расставаться с мужем. Если бы не Регина, а она была в том возрасте, когда надо подумать о женихе, Джейн вообще не уезжала бы из Драгмора. Регина осталась в их лондонском доме на площади Тэвистока на попечении вдовствующей леди Бет Хендерсон. Джейн собиралась вернуться в столицу на следующий день. Граф должен был присоединиться к ним немного позже.

— Ты еще не одета? — удивилась мать, увидев Николь на кровати в халате и с мокрыми после мытья волосами.

— Ой, извини! Я так увлеклась книгой, что совсем забыла о времени. Наш гость уже пришел?

— Нет, запаздывает. Разреши мне послать к тебе Ани.

Николь сползла с постели, надела первое попавшееся платье. Вернулась Джейн. Увидев, какое платье надела Николь, она нахмурилась:

— Это платье тебе совершенно не идет, дорогая.

Николь пожала плечами.

— Кто все-таки к нам приедет на обед, мама? Из-за кого вся эта суматоха? Повар с утра колдует на кухне, а комнаты убраны так, словно мы ждем члена королевской семьи.

— Герцога Клейборо, — ответила Джейн. — Почему бы тебе не одеть желтое или зеленое платье?

Николь замерла. Сначала ей показалось, что она ослышалась.

— Герцог Клейборо?

— Да. Так ты оденешь желтое платье? Я спущусь вниз, а то он должен быть с минуты на минуту.

Николь кивнула. Последние слова матери она уже не слышала. Тупо уставившись на дверь, она вдруг застонала от возмущения.

mir-knigi.org

Он посмеет сюда прийти? Сюда? Это было слишком, этого вынести она не могла. Николь исступленно металась по комнате. Как же она сможет увидеть его после их последней встречи? Она не сожалела ни о чем, что сделала. Он убедился, что она именно такая, какой ее изображают сплетницы, что она не настоящая светская леди. Но почему-то ей стало очень стыдно. Она его ударила, а он в ответ поцеловал ее. Боже, а что она ему наговорила…

Вряд ли она могла возненавидеть кого-либо так же сильно, как герцога, но именно о его поцелуях она мечтала.

Было сладостно вспоминать о его поразительной красоте, жарких губах, лайковых руках и сильном, напряженном теле. Она не могла уснуть всю ночь. Он сведет ее с ума и погубит ее жизнь.

Особенно страшило то, что ее влечет к себе человек, которого она ненавидит. Она вспомнила разговор со своей кузиной Люси Брегг, состоявшийся два года назад, и паника охватила ее.

Летом 1897 года Николь со всей семьей выехали в Парадиз-Сити в штате Техас отмечать восьмидесятилетие ее дедушки Дерека Брегга. Николь и Люси были подруги и в отрочестве изредка встречались, когда Николь на месяц-два приезжала в Америку или Люси гостила в Англии. Обе девочки были большие любительницы шалостей. Они озорничали так, как не хулиганили никакие подростки-мальчишки Техаса, а может, и всей Америки. В то лето Люси сделала Николь потрясающее признание.

В день рождения Дерека Брегга украли его племенного коня, получившего не один приз. При этом был убит один из похитителей, а кучер, новый работник на ферме Брегга, был ранен. Его заподозрили в том, что он — преступник, бежавший из нью-йоркской тюрьмы, и арестовали.

Когда Люси изливала душу Николь, этот человек находился в местной тюремной больнице. Люси призналась, что Шоз Купер несколько раз ее целовал и что ей это очень понравилось. Правда, она добавила, что презирает его. Тогда Николь не могла даже представить, как это могут нравиться поцелуи мужчины, которого ты презираешь. Воспоминания о признании Люси еще более обострили ее переживания, так как Шоз Купер оказался невиновным и в июле следующего года собирался заключить брак с Люси. Выходит, что Люси только думала, что презирает этого человека, а на самом деле искренно любила.

Николь испытывала беспокойство не из-за того, что жаждет поцелуев герцога. Она боялась, что ее чувства были очень глубокими, гораздо глубже… Она не стала задумываться, глубже чего.

Николь могла отказаться выйти к гостю, но это было бы трусостью. Никогда она не была трусихой, не станет смущаться и сейчас. Она лучше умрет, чем струсит перед этим окаянным герцогом Клейборо.

Ани постучалась в дверь как раз тогда, когда Николь приняла решение, что не только спустится к обеду с их знаменитым гостем, но для такого случая и оденется надлежащим образом.

— Ани, скажи, какое платье мне идет более всего и какое из них самое смелое?

Ани разинула от удивления рот.

— Я не знаю, госпожа. Я должна их посмотреть.

— Тогда займемся этим тотчас же, — сурово сказала Николь, явно что-то придумав для себя.

Герцог вошел в фойе дома и передал свое пальто слуге. Его одолевали скверные предчувствия, но он очень вежливо поздоровался с графом, графиней и Чедом. Николь его не встречала. «Выйдет к обеду», — решил он. То, как складывалась ситуация, должно бы было принести ему облегчение, но почему-то не приносило. Шелтон налил себе и Челу бренди, жене — шерри, герцогу предложили чай: всем было известно, что он не любит крепкие напитки.

Герцог удобно устроился в большом кресле, Шелтон сел напротив.

— Как идет у вас работа в Чепмен-Холле? — спросил он.

— Я почти закончил ремонт. Через несколько дней возвращаюсь в Лондон.

— Вы быстро восстановили имение. Я помню, в каком печальном состоянии оно было совсем недавно.

— Да, действительно так.

Мужчины углубились в обсуждение вопросов, связанных с ремонтом. В это время открылась дверь и вошла Николь.

Шелтон широко открыл глаза от удивления. Чед поперхнулся бренди. Графиня, пораженная увиденным, произнесла сдавленно-приглушенно: «О…» Герцог не заметил ни их удивления, ни восторга — он вновь был во власти противоречивых чувств, Николь улыбнулась матери:

— Извини, я опоздала, мама.

Джейн поспешила к ней навстречу:

— Ничего, ничего. Пожалуйста, познакомься с нашим гостем.

Герцог поднялся с кресла. На ней было кораллового цвета платье с очень низким вырезом и без плечей. Оно больше подходило для бала, нежели для домашнего обеда, но зато прекрасно подчеркивало персиковый цвет ее лица и темно-розовый цвет губ. Волосы были зачесаны по современной моде, а в ушах висели серьги-жемчужинки. Когда Николь присела в приветствии, у него похолодело внутри от предвкушения увидеть ее великолепные груди.

Николь грациозно выпрямилась.

— Но мы уже знакомы, мама, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. Выражение ее лица было невозмутимо, но он не мог не уловить язвительность интонации. В глазах не было и намека на приветливость, они выражали гнев и злобу.

— Разве нет, ваше сиятельство? Разве вы не могли бы сказать, что мы старые друзья… з… знакомые?

Он сжал зубы. Каждый миг, проведенный вместе с ней, ярко вспыхнул перед ним.

— Да, я имел честь быть представленным, — вежливо ответил он. Его глаза потемнели, как бы предупреждая ее, что не следует злоупотреблять его терпением. Но война была объявлена, и боевые действия начаты… ею…

— Где же вы познакомились? — заинтересовался граф.

Николь многозначительно улыбнулась:

— Возможно, его сиятельству захочется рассказать про это?

Герцог зло сверкнул на нее глазами: он был абсолютно уверен, что она полна решимости навредить ему сегодня вечером. Он повернулся к хозяину:

— На бале-маскараде у Аддерли.

— Ах да, я слышала, что они устроили бал в вашу честь — подхватила Джейн, бросая взгляды то на дочь, то на герцога.

Николь продолжала улыбаться какой-то странной улыбкой.

— И мы продолжили наше знакомство в Чепмен-холле, не так ли? — нанесла она ему очередной удар.

Он зло сверкнул глазами и вспомнил, как они продолжили свое знакомство на траве. В комнате стало тихо.

— Это было очень мило с вашей стороны. И так по-соседски, — нашелся наконец герцог, — навестить меня.

Николь расхохоталась низким и сиплым смехом.

— Это было мило с моей стороны? — Взгляд Николь сверлил герцога. Оба знали, что он пригласил ее Чепмен-Холл, чтобы совратить.

Но Николь еще не исчерпала запас яда.

— А со стороны его сиятельства было так мило пригласить меня поехать с ним покататься верхом на лошадях. — Она сладко ему улыбнулась. — Он показал мне парк, представляете? — пояснила она родителям и Чеду и выжидательно посмотрела на герцога, который задыхался от негодования.

— Долг платежом красен, — напряженно произнес он, а про себя подумал, что было бы очень неплохо положить ее на колено и как следует отшлепать, несмотря на то, что она взрослая женщина.

Николь взглядом дала ему понять, что очень довольна собой и не намерена прекратить экзекуцию.

— Мы крутились около того ласкового ручейка, что течет по территории наших владений. Нам было все равно, где гулять, потому что границы между добрыми соседями условны. — Она опять посмотрела на него долгим, интимным взглядом, которым женщина приглашает мужчину еще на одно свидание. Это немало удивило герцога, но он оставался внешне невозмутимым. Ясно, что она будет дразнить его, пока ей не надоест мстить ему за попытку завести с ней интрижку. Напряженность нарастала с каждой минутой. Он знал, что семья вот-вот начнет беспокоиться, пытаясь понять скрытый смысл их разговора.

Все. Пора и ему вступить в эту начатую ею игру и проучить ее. С едкой улыбкой он обратился к ней:

— Припоминаю, что вы очень страдали от какой-то личной травмы.

Николь вспыхнула. Упоение победой сразу исчезло. Она уставилась на него со страхом.

— Когда ваша лошадь понесла, — уточнил он. Ей стало немного легче.

— Я вам так обязана, — наконец-то справилась она с собой.

— За то, что я вас спас? — спросил он нежно, думая о том, как едва не лишил ее девственности. — Честный человек и не мог поступить иначе, он должен был прийти на помощь, чтобы облегчить… э… э… страдания леди. — Он ясно представил себе ощущения, испытанные ею в его объятиях и под его горячим, возбужденным телом. И он вспомнил свое желание облегчить эти страдания…

— У меня нет слов для благодарности, — едва нашлась Николь.

— Ну что вы! Я уже вполне отблагодарен. Разве не выражением благодарности был ваш второй визит?

Сжав зубы, она процедила:

— Конечно.

Он дотронулся до щеки, на которой еще еле заметно проступал след ее плетки.

— Вам очень повезло, — задумчиво произнес он, вспомнив, как ее дикая ярость и очевидное смятение возбудили в нем вожделение.

— Так повезло! — охотно согласилась Николь, и лицо ее засветилось.

Оба замолчали. Возникшая пауза придала перепалке молодых людей какую-то двусмысленность. Чед не выдержал и нарушил молчание:

— Николь отлично ездит верхом. Не могу себе представить, чтобы ее лошадь понесла.

— Видите ли, — без тени улыбки заговорил герцог, вспоминая ее мягкое тело под своим, — мой конь еще плохо обучен, никогда не знаешь, что у него на уме, чего он хочет. Это моя ошибка. Я не сдержал, наехал прямо на нее, не мог остановиться до самой последней минуты, как ни старался.

Николь тяжело дышала, и грудь у нее поднималась и опускалась в такт дыханию — она была в ярости. Герцог остро ощущал ее близость, их разделяло всего несколько дюймов. Ему было очень интересно, справится она со своею горячностью или взорвется, как вулкан.

Но Николь заговорила мягко, даже очень мягко:

— Мне так повезло, что на меня наехал герцог, я имею в виду конь герцога, не так ли? Ведь не каждый день удостаиваешься такой чести.

— Вы хотите сказать, что если бы я на вас не наехал и ваша кобыла не испугалась, я не удостоился бы высокой чести спасти вас! — Герцог едва справился с обрушившимся на него приступом злости.

Николь фыркнула, не сказав ни слова.

Герцог был в гневе, но улыбался.

mir-knigi.org

Графиня с мужем обеспокоенно переглянулись.

Быстро, прежде чем они опять начнут эту словесную дуэль, Джейн предложила:

— Почему бы нам не пройти за стол? — Она чересчур весело улыбнулась и предложила руку герцогу, и все направились в столовую.

Герцог как почетный гость сидел справа от графа. Обед накрыли в маленькой столовой, где обычно собирались семьей или с очень близкими людьми. Графиня сидела на другом конце стола, справа от нее разместился Чед. Николь сидела напротив герцога, а Джейн — слева от графа. Усаживаясь, Николь наклонилась вперед, и груди в низком разрезе платья стали видны почти наполовину.

Специально? Он был достаточно опытен, чтобы сомневаться в этом. Ее словесные выпады и близость притягательного тела сделали свое дело — зажгли в нем огонь, который он не хотел поддерживать ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Сделав над собой усилие, он решил не смотреть на нее.

Но ее последнее замечание все-таки ужалило. Посмела ли она намекнуть на то, как легко он возбуждается в ее присутствии? Он не мог удержаться и взглянул в ее сторону, и она одарила его такой улыбкой, которая и возбуждала, и соблазняла, и приводила в яростное исступление.

Она дразнила его, и если бы они были не в Драгморе, он бы вытащил ее из-за стола и показал, что случается с теми, кто позволяет себе играть в такие игры с мужчинами его типа. Еще никто так не возмущал его, как Николь в прошлую встречу и сегодня. Кто она — дура или безрассудно смелая женщина? Время покажет, подумал он. Жаль только, что он предвосхитил продолжение их отношений. Это не только невозможно, об этом даже думать нельзя. Их взгляды встретились, когда они были за столом в Драгморе, но скоро придет ее черед. Он так долго ее рассматривал, что это стало невежливым, и она первая отвела взгляд.

— Что вы намерены делать с Чепмен-Холлом? — спросил граф, когда подали первое блюдо: холодную кету в нежном лимонном соусе.

— Еще не решил, но думаю, что буду продавать.

— Столько работы проделали в имении и только для того, чтобы продать? — удивилась Николь, а в голосе слышалась явная провокация. Их глаза опять встретились.

— Некоторые предприятия требуют немалых усилий и труда, и чем больше труда затрачено, тем большая награда в конце. — Эта фраза могла быть отнесена к чему угодно, но в данном случае он имел в виду Николь.

Она улыбнулась:

— А иногда бывает так, что люди вкладывают много труда и не получают никакого вознаграждения. — Она выдержала его взгляд.

Как было бы хорошо, если бы удалось довести эту игру до конца, подумал он. Как бы сделать так, чтобы она полностью попала под его власть и не смогла его отвергнуть.

— Но такие случаи весьма редки, — сказал герцог, желая приостановить сражение, опасаясь того, что они уже слишком много о себе рассказали. Он резко повернулся к ее матери.

mir-knigi.org

— Кета великолепна, леди Джейн.

Джейн не в силах была отвести глаз.

— Я очень рада, — произнесла она слабым голосом, поймав наконец взгляд мужа.

Поняв ее, граф сменил тему разговора, заговорив о состоянии рынка. Хотя такие вопросы и не принято было обсуждать в присутствии дам, но граф как хозяин дома мог выбрать для обсуждения любой вопрос, тем более что обе женщины внимательно слушали мужчин. Герцог поддерживал беседу почти автоматически, его внимание было обращено на другое. Николь продолжала битву, бросая на него долгие взгляды из-под ресниц. Она была почти уверена, что это пройдет без последствий.

После обеда все перешли в бар, где им подавали различные напитки. Граф спросил, не возражает ли герцог против женской компании. К этому времени герцог был в крайней степени раздражения от соблазнительных взглядов Николь и теперь был бы рад в обществе графа и Чеда спокойно выкурить сигару. Но Герцог был джентльменом: он не стал возражать против общества дам.

Минут через двадцать Николь извинилась и ушла, выразительно взглянув на герцога. Он смотрел ей вслед. Было ли это каким-то знаком? Взгляд, брошенный на прощание, был ледяным, самодовольным и в то же время… застенчивым. Пришел ли его черед сравнять счет в игре?

Через пять минут он извинился, что ненадолго покинет компанию. Хозяева решили, что он вышел по естественным надобностям. Герцог пошел по коридору. Инстинкт охотника подсказывал ему, что Николь где-то рядом. Проходя мимо библиотеки, он заглянул туда и увидел девушку.

Она лежала на диване в позе Венеры и читала. Он видел полные, округлые, соблазнительные бедра и шикарные груди, не умещавшиеся в платье. Николь удивилась его появлению, хотя это могло быть продолжением игры.

Войдя в библиотеку, он закрыл за собой дверь и улыбнулся. Это была его первая настоящая улыбка за весь вечер.

— Что вы себе позволяете? Сюда нельзя!

— Нельзя? — Он направился к ней. Она села, не спуская ног с дивана.

Он видел ее вздымающуюся грудь и наслаждался этой картиной.

— Вы играли, — сказал он, — а теперь надо платить.

Она вскочила на ноги. Герцог потянул ее к себе.

— Вы сегодня недурно развлекались, Николь?

— А вы? — отразила она удар.

— Нет, — сказал он, — но я намерен это сделать сейчас.

Зная наверное, что сейчас произойдет, она стала вырываться из его рук. Герцог не отпускал ее, с ужасом осознавая, какое неуважение он проявляет к хозяину дома и какие последствия

могут иметь его безрассудные действия. Однако, отбросив все моральные соображения, он крепко поцеловал ее.

Она бессвязно и возмущенно пыталась что-то произнести, но герцог держал ее железной хваткой за запястья и кусал ее губы. Она открыла рот, чтобы набрать воздуха, и он быстро и ловко проник туда языком. Она задыхалась, а он не прекращал настойчиво и грубо действовать этим орудием страсти. Спустя мгновение она затихла в его руках.

Но на этом его безжалостная атака не прекратилась. Одной рукой он зажал ее руки, а другой схватил за ягодицы и стал прижимать к себе. Она перестала сопротивляться и тихо застонала. Мгновенно и его отношение к ней изменилось. Он больше не хотел быть насмешником и грубияном. Герцог разжал руки и нежно обнял ее за талию. Их поцелуй был взаимным и длился долго-долго.

Какой-то шум дошел до его сознания. Он вдруг осознал, кто он и кто она, где они находятся и что делают. Он оттолкнул ее.

— Это мое вознаграждение, — сказал он хрипло.

Понимая, что с каждой минутой опасность быть обнаруженным увеличивается, герцог быстро вышел из комнаты, оставив Николь в состоянии сладостного опьянения.

Он едва успел пройти по коридору, как из библиотеки послышались проклятья и звон разбитого стекла. «Интересно, что она могла разбить?» — подумал он без улыбки. Да, победа не всегда бывает приятной.

ГЛАВА 6

Джейн в голубом шелковом халате вошла в спальню мужа. Она редко спала в своей спальне, используя ее в основном как гардеробную и место уединенного отдыха у камина. Она была чем-то сильно обеспокоена.

Граф был раздет до пояса, на нем оставались только брюки и носки. Ему было пятьдесят лет, но он обладал прекрасной фигурой и поджарым мускулистым телом человека, много занимающегося физическим трудом. Эту закалку он получил еще мальчиком, когда жил в Техасе. Он и теперь при первой возможности с удовольствием занимался строительными работами, требующими большой физической выносливости.

Увидев грустные глаза жены, он нахмурился.

— Что это между ними происходит, Николас? — закусив губы, спросила Джейн.

— Так ты тоже заметила?

— Как я могла не заметить!

— Как ни старался герцог скрыть свои чувства, но он почти кипел от злости, а Николь дразнила его, могу в этом поклясться.

Граф сел на диван и стал снимать носки.

— Никогда раньше я не видел Николь такой.

Вдруг в глазах Джейн блеснула догадка.

— Николас, она оделась специально для него. Он ей нравится.

Граф резко выпрямился, его серые глаза метнули молнии.

— Похоже, ты счастлива. В своем ли ты уме?

В таком тоне муж никогда не позволял себе разговаривать с ней, и Джейн огорчилась.

— Смею тебя заверить, что все мои умственные способности в норме.

— Извини, — простонал он, заключая ее маленькую фигурку в свои объятия. — Я расстроен и отыгрываюсь на тебе.

Она прильнула к нему. Ей нравилось касаться его упругого сильного тела. Сейчас она любила мужа еще больше, чем в шестнадцать лет. Целая жизнь, целая жизнь прошла.

— Николас, мы бы волновались, если бы… — Она перевела дух. — Ты можешь себе представить? Наша дочь — герцогиня?

Николас выпустил ее из своих объятий.

— Джейн, ты совсем не умеешь думать реально!

Герцог Клейборо помолвлен.

— Я знаю. Но помолвка может быть расторгнута.

Николас посмотрел на жену с грустью.

— Но не в этом случае, — резко сказал он. — Я довольно хорошо знаю Клейборо. Он живет под девизом предков: «Честь — прежде всего». Даже если он безумно влюбится в нашу дочь, он никогда и ни за что не откажется от своих обязательств перед невестой. Скорее всего, он разобьет сердце нашей дочери.

— О Боже!

Николас отвернулся, провел рукой по своим черным с проседью волосам.

— Что бы там ни было между ними, этому пришел конец. Чем быстрее герцог уедет в Лондон, тем лучше будет для всех нас.

— Но ты же сказал, что герцог — почтенный человек, и я уверена, что ты не ошибаешься. Достаточно один раз его увидеть, чтобы понять, что этот человек не способен ни на какую подлость. Он никогда не допустит ничего, что могло бы скомпрометировать Николь. По-моему, мы совершенно напрасно беспокоимся.

— Джейн, но ведь он мужчина. Уже одно это говорит само за себя. А разве ты не знаешь случаи, когда самые благородные люди вели себя очень недостойно, как только в дело вмешивалась женщина.

Они вспомнили то время, когда ей было шестнадцать лет, а он был ее опекуном и жили они в этом же доме.

— Да, Николас, возможно, ты и прав, — сказала Джейн, возвращаясь в его объятия.

mir-knigi.org

Николь притворилась, что проспала завтрак. Но когда раздался топот копыт, она выпрыгнула из кровати и подбежала к окну, чтобы убедиться, что отец и Чед выезжают верхом со двора. Нервно закусив губу, она вытащила из шкафа свободную белую блузку и бриджи и стала быстро одеваться. Вчерашняя ярость сменилась в ней какой-то необъяснимой душевной приподнятостью и возбуждением.

С его стороны было чрезвычайно самонадеянно прийти к ним на ужин. Он вел себя как пресыщенный, избалованный человек, который сначала может привлечь, а потом грубо отвергнуть. Но хуже всего то, что он позволил себе по отношению к ней в библиотеке, в нескольких шагах от ее родителей. Ну а уж если смотреть правде в глаза, то больше всего ее злило то, что она сдалась ему без звука! Одно воспоминание об этом вызывало у нее стыд, злость и острое чувство унижения. Разве, соблазняя, он не унижал ее? Впрочем, что удивляться, всем известна его скандальная репутация бабника. Очевидно, у этого господина нет ни морали, ни чести. Николь хотела сказать ему все, что думает о его возмутительном поведении.

Она сбежала по лестнице, абсолютно уверенная, что никого, кроме прислуги, в столь ранний час не встретит, — мама любила поспать до восьми часов, хотя вставать так рано было необычным для светской дамы. Николь отказалась пить чай. Волнение было столь велико, что она едва сдерживала себя. Вбежав в конюшню и оседлав с помощью конюха лошадь, она галопом понеслась по дорожке, а потом свернула в сторону лужайки, распугала пасущихся там овец и ягнят и с ходу перескочила через ограждение. Николь неслась по лесу, смеясь от восторга и сбивая с веток золотые листья, предвещавшие скорое окончание осени. Проскакав около мили, она остановила лошадь на краю газона перед воротами Чепмен-Холла.

Сердце стучало как неуемный дятел. От морозца и бешеной скачки лицо разрумянилось. Недовольный остановкой жеребец надрывно хрипел.

— Подожди, — сказала Николь лошади, похлопывая ее по шее.

Несмотря на ранний час, из конюшни доносились звуки пилы и топоров — это работали крестьяне герцога. Николь подъехала к дому, соскочила с седла и привязала лошадь к столбу. Потом поднялась по ступеням и тяжелым бронзовым молоткам постучала в дверь. Из дома никто не вышел.

Постучав еще несколько раз, Николь начала беспокоиться: если даже герцог куда-нибудь отъехал, в доме все равно должен кто-то быть. Однако дом казался пустым.

Ей стало страшно. Взяв под уздцы лошадь, она направилась к сараю. «Видимо, он наблюдает за работой плотников, — подумала Николь. — Если его там нет, то они, наверное, знают, где он. Он должен быть где-то здесь». Оставив лошадь во дворе, она решительно вошла в сарай и мгновенно ослепла. Затем, когда глаза привыкли к темноте, она увидела двух работников, которые перестали пилить и внимательно смотрели на нее.

— Я ищу герцога, — сказала Николь, узнав в этих двоих работников из Лессинг-Хилла. Она почувствовала некоторую неловкость. Раньше ей никогда не приходилось общаться с людьми этого сословия напрямую, без отца или Чеда. К тому же она была без сопровождающих, да еще в полумужском облачении.

— Его здесь нет, — сказал тот, кто был постарше, глядя на нее искоса.

— Зато есть мы, — усмехаясь во весь рот, сказал тот, который был помоложе.

Николь сурово взглянула на него, предупреждая любые вольности.

— Скажите же мне, где он и почему никто в доме не отвечает на стук?

— Потому что там никого нет, — подходя к ней, ответил молодой работник.

— Никого нет, — эхом повторила она.

— Герцог вместе со всеми слугами сегодня рано утром уехал, — разъяснил ей старший из работников.

— А почему вы так интересуетесь его сиятельством? — с отвратительной ухмылкой спросил младший.

— Уехал… Куда уехал? — не слыша его слов, проговорила она.

— В Лондон, вернулся в Лондон, — сказал пожилой.

Николь была так поражена, что потеряла ясность мысли.

— А когда он вернется?

— Он не сказал. Да и зачем вам ждать его возвращения, если я здесь? — нагло осклабился молодой, совсем близко подходя к Николь.

— Пошел к черту! — резко бросила Николь, круто повернулась и бегом бросилась вон из сарая. «Он уехал! Уехал!» Это не укладывалось у нее в голове. Вскочив в седло, она пустила лошадь рысью.

Ощущение было такое, словно из нее выкачали все жизненные соки. Дышать стало тяжело, а сердце беспорядочно бултыхалось в груди.

Он так внезапно вошел в ее жизнь, что она не успела это осознать. Раньше у нее были лошади, книги, Драгмор. Но вдруг появившийся герцог был настолько красив, мужествен и знатен, что сразу же наполнил ее жизнь новым содержанием, вытеснив собою все привычные интересы. И вот теперь его нет.

— Что с тобой? — спросила она себя громко. — Ты что, в самом деле сошла с ума? Он имел самые отвратительные намерения в отношении тебя, а ты теперь оплакиваешь его отъезд. — Но логика не помогла, и настроение не улучшалось.

Когда начался лес, Николь поехала медленнее. Вскоре она очутилась у ручья и спрыгнула на траву. Воспоминания об объятиях, поцелуях и ласках герцога ранили душу, томительным эхом отдавались во всех частичках ее тела…

Николь склонилась над ручьем и опустила руки в холодный стремительный поток.

Жизнь не всегда несет одни только радости. Николь поняла это давно. Почему он так неожиданно уехал в Лондон? Еще вчера говорил, что поедет только через несколько дней. Да. Он уехал из-за вчерашнего происшествия.

Николь вскочила. Теперь она была уверена в том, что причиной его отъезда явилась она сама. И зачем только она его дразнила, зачем так далеко зашла в своем желании отомстить? Но начал все-таки он. Он же мог не приезжать к ним в дом, сославшись на какие-нибудь

обстоятельства. А она не из тех, кто легко склоняется перед своим противником, и в данном случае она с удовольствием приняла вызов, получая огромное удовольствие от борьбы.

Но какое все это имеет значение. Он — не для нее, и ничего хорошего между ними быть не может. Ну, поцелует еще несколько раз или, чего доброго, затянет в постель… От этой мысли Николь покраснела. Между девушками ее круга секс не обсуждался. Но акт совокупления она однажды наблюдала. Правда, между лошадьми — ведь она все-таки сельский житель. Тогда в конюшню для случки привели коня. Ее поразил и удивил этот процесс, но было интересно. Она никогда не видела обнаженного мужчину, но герцога могла вполне себе представить в таком виде, тем более, что он прижимался к ней своим членом.

Разгорячившись от таких мыслей, Николь бессознательно гладила жеребца по шее. Она знала, что ей должно быть стыдно за такие мысли, но никаких угрызений совести она не чувствовала. Николь взяла себя в руки и решила жить по старинному девизу: «Все, что ни делается, — к лучшему». Затем легко вскочила в седло и поскакала домой. Остановилась она только у конюшни в Драгморе и, отдав поводья конюху, поспешила в дом.

Когда она проходила мимо столовой, ее окликнула мать, чему Николь очень удивилась: обычно та вставала значительно позже, да к тому же съедала свою булочку с чаем у себя в спальне.

— Доброе утро, мама, — испытывая некоторое стеснение, Николь вошла в столовую.

— Олдрик сказал, что ты еще не завтракала, — мать выглядела уставшей, как после бессонной ночи, — садись и составь мне компанию, дорогая.

— Я еще не голодна.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, все отлично.

— Я заметила, что ты сегодня не поехала с отцом и Чедом.

— Я… я немного устала после вчерашнего обеда.

Джейн кивнула и намазала ей маслом теплую булочку.

— Как тебе понравилась сегодняшняя прогулка?

— Так себе, — вспыхнув, ответила Николь. Она положила на стол булочку, даже не откусив.

— Куда ты сегодня ездила?

Николь не смогла выдержать прямого взгляда матери и покраснела.

— Да так, вокруг.

— В Чепмен-Холл?

Николь вздрогнула:

— Почему… почему ты так думаешь?

mir-knigi.org

— Давай лучше поговорим откровенно, — мягко сказала Джейн.

— Говорить-то не о чем. — Николь не справилась с собой и заплакала.

— Совершенно ясно, что между тобой и герцогом Клейборо что-то есть.

— Мама, ты ошибаешься. — Николь поднялась, чтобы уйти, но мать остановила ее.

— В таком случае я очень рада, потому что он помолвлен и скоро должен жениться. Он никогда не откажется от помолвки, Николь, — как можно мягче сказала мать.

Николь и сама так думала, но услышать еще раз об этом было больно.

— Между нами ничего нет, — жестко ответила она, — я нахожу его возмутительным, если хочешь знать правду. Он самодовольный, напыщенный дурак.

Джейн была совершенно шокирована. Потом Николь неожиданно спросила:

— Мама, ты сегодня возвращаешься в Лондон?

— Да, сегодня в полдень. Я просто не вправе оставлять там одну Регину даже с леди Хендерсон. Во всяком случае, зимний сезон мы проведем вместе.

— Я хочу поехать с тобой, — решительно сказала Николь. — Сейчас я пойду упаковывать вещи.

Джейн заморгала от удивления.

— Но ведь ты терпеть не можешь Лондон и никогда туда не ездишь.

— Я изменилась, — решительно заявила Николь, вставая, — мне надоела жизнь здесь. Мне нужно выходить, мне нужны люди. Ты не согласна?

— Это всегда было сокровенным желанием и моим, и отца, — сказала Джейн с крайним удивлением. — В деревне жить затворником полезно только в определенной степени.

— Я сию минуту буду готова. — Радостно улыбаясь, Николь выбежала из комнаты.

Джейн удовлетворенно смотрела ей вслед. Это как раз то, что нужно ее дочери. Выйдя в свет, она вполне может найти себе хорошего свободного молодого человека. Найти, наконец, свою любовь. А раз герцог еще в Чепмем-Холле, то увезти с собой Николь в Лондон будет для нее самым лучшим. Джейн с большим удовольствием закончила свой завтрак — аппетит вновь вернулся к ней.

ГЛАВА 7

Герцог прибыл в Лондон в полдень и сразу же отправился в свой дом на площадь Кэвендиш. Дом Клейборо представлял собой величественное строение, занимавшее целый квартал с северной стороны парка. Он был построен в начале восемнадцатого века для первого герцога Клейборо, но с тех пор его довольно часто достраивали, подправляли и приспосабливали для нужд следующих владельцев. Теперь это было шестиэтажное внушительное здание, смотревшее на улицу сотней окон и тремя башнями. Фамильный герб, которым гордились все поколения Клейборо, украшал фасад. От улицы здание отделяла каменная резная балюстрада, которая прерывалась только в его середине, чтобы дать место мраморной лестнице, такой широкой, что по ней одновременно могла бы пройти сразу дюжина гостей.

mir-knigi.org

За день до обеда в Драгморе герцог отправил в Лондон половину своих слуг, и теперь его встретил и приветствовал в дверях Вудворд. Герцог сделал ему рукой знак следовать за собой.

Они вошли в холл, отделанный черным и белым мрамором, и свернули в библиотеку, такую огромную, что в ней свободно могло бы поместиться поле для игры в поло. Герцог подошел к столу, вынул из кармана визитку и, написав на ней несколько слов, попросил Вудворда передать ее леди Элизабет.

— Что-нибудь еще? Чай в ванной, ваше сиятельство!

Герцог равнодушно кивнул и пошел к себе наверх. В его комнате пол тоже был выложен мрамором. Когда-то она предназначалась для гостей из королевской семьи. Но его отец внес в интерьер некоторые изменения: он велел снять почти все украшения и декорировал комнату по своему усмотрению, причудливо и с большими претензиями. Однако сын не вполне разделял вкусы отца. К тому же лишние напоминания о родителе были ему совершенно нежелательны, он вполне насытился его обществом и при жизни.

На полу лежал большой персидский ковер, так как герцог любил иногда побродить ночью босиком. Напротив камина стояли оттоманка и кресло, заново обитые кожей. Рядом — скамеечка для ног, выполненная китайским мастером в шестнадцатом веке. На нее герцог складывал книги, которые читал, и различные бумаги. Хэдриану нравились произведения древней восточной культуры. С одной стороны камина у него висело большое китайское полотно: при помощи черного лакированного дерева и перламутра в верхней части картины были изображены цветы, а в нижней — влюбленные кони. Остальная мебель представляла собой набор случайных отдельных вещей, которые Хэдриан держал для удобства с чисто утилитарной целью. Единственная вещь, переданная ему по наследству и являвшаяся реликвией семьи, — секретер работы мастеров восемнадцатого века, сделанный из красного дерева. Это была память о деде, умершем за три года до рождения герцога.

Эта комната, непохожая на другие в доме, была его убежищем. Все, что находилось в ней, доставляло ему удовольствие. Он не сомневался в том, что Элизабет она не понравится. И действительно, она невзлюбила ее с первого взгляда. Однако он ни на дюйм не собирался что-либо менять в своей комнате.

Ванна, выложенная мраморной плиткой, была огромна. Слуга приготовил ее, и герцог, попивая крепкий чай, медленно разделся и погрузился в приятную теплую воду.

В ближайшее время он намеревался навестить Элизабет, чтобы извиниться за долгое отсутствие и справиться о ее здоровье. Правда, он прибыл в Лондон на три дня раньше, чем планировал, но этого он и сам не ожидал.

Да, вел он себя во всей этой истории возмутительно. Правда и то, что ее поведение было не намного лучше, хотя это ни в коей мере не могло служить ему оправданием. Очевидно, что в самой натуре Николь есть черта — пренебрегать всеми условностями. Герцог усмехнулся. Во всяком случае, скучной ее никто не назовет. Условности — тоже скука, поэтому ему, в отличие от большинства мужчин его круга, так не нравились различные вечера и посиделки. Вдруг ему пришло в голову, что он и Николь не очень уж отличаются характерами друг от друга. Улыбка тут же слетела с его лица. Он постарался выбросить из головы эту мысль.

Действительно, многие считали его затворником, все знали о его пренебрежительном отношении к светским развлечениям, но он никогда не затевал скандалов. И уж, конечно, не позволил бы никому сплетничать о себе. Желания пренебрегать условностями герцог не

испытывал. Он все время был занят каким-либо делом, а в свете считалось недостойным, чтобы благородный человек высокого звания постоянно занимался делами.

Против ожидания, в ванне он не расслабился. Наоборот, мысли его приобрели более агрессивный характер и вывели из душевного равновесия.

Вспоминая вчерашний вечер, их словесную стычку и физическую борьбу, он не мог решить, на кого больше злится — на себя или на Николь. Оказалось, что его хваленые железная воля и умение владеть собой в общении с Николь не реализуются.

Герцог разволновался и вылез из ванны. Вода ручьями стекала с его обнаженного тела.

Он решил, что время должно излечить его от увлечения ею. Сейчас она в Драгморе, а он не вернется в Чепмен-Холл, пока у него не пройдет к ней интерес. Он всегда считал себя человеком очень надежным, кому можно во всем доверять, а с ней он эти качества утрачивал. Неужели в глубине его характера прячутся черты отца? От этой мысли он почувствовал озноб.

Герцог не мог сказать точно, когда возненавидел отца. Ему казалось, что ненависть к отцу была в нем всегда. Совсем маленьким мальчиком он понял, какую боль причиняет отец матери. В четыре года он впервые вступился за нее и получил первый шлепок. Было очень больно, но это было ничто по сравнению с тем страхом, который вселился в него после этого случая.

Страхом не за себя, а за мать. Изабель же, увидев, что ударили ее ребенка, в ярости бросилась на мужа с намерением в кровь разодрать ему лицо. Еще не придя полностью в себя от удара, Хэдриан наблюдал, как легко отец справился с матерью. Ударом кулака он сбил ее на пол, рассмеялся и вышел из комнаты, обозвав мать проституткой. Хэдриан плача подполз к матери. Ему сразу стало легче, когда она, присев, обняла его и стала убеждать, что все в порядке, что он никогда больше не должен вмешиваться в ее отношения с отцом. Убедившись, что с матерью ничего страшного не случилось, он ушел к себе. Весь тот день его сердце горело ненавистью к отцу.

Хэдриан не мог так легко, как его отец, обидеть женщину или ребенка, не пил и не играл в карты, и уж конечно, его никогда не тянуло к мальчикам.

Благородный человек никогда бы не поступил с женщиной так, как вел себя Хэдриан с Николь в ее доме. Вот отец его, несомненно, действовал бы так же, ничуть не сомневаясь в своей правоте.

Воспоминания опять вернулись к нему. Герцог вспомнил их ссору в Чепмен-Холле, когда он прижал ее к сараю. Ему не следовало так грубо подчинять ее себе. И тут он испугался темной стороны своего Я, о существовании которого не догадывался. До сих пор ни одна женщина не пробуждала эту темную сторону его натуры. Николь сделала это. Вот почему нужно держаться от нее подальше.

Он помолвлен со своей кузиной Элизабет, милой и хорошей девушкой, которую знает всю жизнь. Он никогда ее не обидит, не изменит своему долгу и не оскорбит ни ее, ни своего достоинства. Зачем же тогда он вчера искушал судьбу у Драгморов? Обнаружь их вчера кто-нибудь, и он должен был бы расторгнуть помолвку с Элизабет и жениться на Николь. «Что ж, вчера я поддался своему бешеному темпераменту, вот сумасшедший!» — признался себе герцог.

На мгновение он представил Николь в качестве своей жены. Это будет самая плохая жена —

высокомерная, непослушная, постоянно испытывающая его терпение. Элизабет, в отличие от нее, посвятит свою жизнь ему, постарается доставлять мужу одни удовольствия. Зачем он их сравнивает? Здесь совершенно нечего сравнивать.

Но ведь Николь хотела выйти за него замуж. А сейчас разъярилась и, похоже, вознамерилась мстить? Очень неправильное и глупое решение. Герцог задумался. А если все ее действия — уловка? Она не первая, кто имел на него виды, много таких было: каждый сезон молодые дебютантки стремились привлечь его внимание и рассорить с Элизабет. Конечно, он не обращал на них никакого внимания.

Но не обращать внимания на то, что получилось с Николь, он не мог. Она решила, что он ухаживает за ней, в то время как он рассчитывал на короткую интрижку. Чувство вины мучило его. Как же ей было обидно узнать о том, что ею хотели просто воспользоваться. И ведь он не прекратил свои домогания, когда узнал, что она девица. Сейчас, восстанавливая в памяти последнюю встречу с ней, он видел в ее глазах выражение страдания и боли. Ему хотелось забыть это, но ничего не получалось. Он чувствовал себя скверно.

А она довольно быстро оправилась от потрясений, причиной которых он стал. Вчера вечером она уже не выглядела задумчивой и страдающей. Напротив, его взорам предстала очаровательная и уверенная в себе соблазнительница, вызывавшая его на словесный поединок. Вчера она была просто неотразима. Вместо того чтобы после ужина подняться к себе в спальню, она легла в библиотеке на диван в самой соблазнительной позе, а он попался на приманку: выследил и заключил ее в объятия. При этом она почти не сопротивлялась. Только поначалу выразила возмущение его вторжением, а потом забыла обо всем.

Уловка ли это? Он швырнул на пол полотенце и прошел в свою гардеробную. Машинально одел халат. Злость вернулась: она не первая, кто своей красотой пытался соблазнить его и увести от невесты, но она первая, кому он поддался. Он почти убедил себя, что она хотела соблазнить его: чего проще — они целуются, а родители застают их. Иначе зачем тогда ждать его в библиотеке? Зачем?

Элизабет и Изабель сидели вдвоем и пили чай с печеньем, когда пришло сообщение от герцога о том, что он приехал в Лондон. Элизабет взяла записку в руки и сразу же узнала почерк герцога.

— Это от Хэдриана, — выдохнула она, и улыбка осветила ее маленькое личико, делая его почти красивым.

Изабель тоже улыбнулась: ей очень импонировали молодость и откровенность будущей невестки.

— И что же?

Элизабет посмотрела светящимися от счастья глазами на герцогиню Дауэйджер.

— Он вернулся! Он вернулся и вечером будет у нас!

— Пора уж, — сказала Изабель. — Тебе нельзя сильно волноваться, моя дорогая, ты же плохо себя чувствуешь сегодня.

Розовый румянец покрыл щеки Элизабет.

— Как же мне не волноваться, если я его не видела почти целый месяц, и, пожалуйста,

Изабель, не говорите мне дурно о Хэдриане. Если бы он гулял и развлекался, а то ведь он так много работает. Всем известно, как серьезно он относится к делам. Я не виню его, и вам, мне кажется, не следует его ругать, — мягко, по-доброму произнесла Элизабет. Она вообще не умела повышать голос.

— Мать всегда может выразить недовольство своим сыном, — сказала Изабель, поглаживая маленькую, бледную ручку Элизабет. — Однако я рада, что румянец вернулся на твои щечки, а мне, полагаю, пора уходить.

Хотя самым большим желанием Элизабет было помчаться в свою комнату и заняться туалетом, она искренне запротестовала:

— Вы только что пришли. Вы не можете сразу же уйти. У меня масса времени до вечера, до прихода Хэдриана.

Изабель улыбнулась и поцеловала ее в щеку.

— Я ухожу, дорогая, а ты беги в свои комнаты и переодевайся. Я же знаю, что тебе этого очень хочется!

Элизабет была очень тронута. Ее родная мать умерла, когда она была еще очень маленькой, и всю свою любовь девочка перенесла на герцогиню Дауэйджер. Изабель тоже очень любила девушку.

— Как я рада, что скоро вы станете мне по-настоящему мамой!

— А ты мне станешь дочерью, какой у меня нет, — сказала герцогиня, нежно обняв Элизабет.

Элизабет радовалась, как дитя, прижимая к груди визитную карточку жениха. Она была невысокой, стройной девушкой с матовым цветом лица и прекрасными светлыми волосами. На носу под слоем пудры у нее прятались веснушки. Все называли ее хорошенькой. Многие даже считали красавицей. Конечно, это имело мало общего с внешностью, все дело было в ее необыкновенной доброте.

Элизабет позвала служанку и в волнении поспешила к себе. Вскоре туалет был закончен, и начались томительные минуты ожидания. Едва дворецкий объявил о приходе герцога, она устремилась в гостиную встречать своего жениха. На ней было светло-зеленое платье, волосы уложены локонами на макушке, на шее висели три нитки жемчуга с бриллиантовой застежкой — подарок Хэдриана к ее восемнадцатилетию, которое праздновалось два месяца назад.

При появлении Элизабет герцог встал, ослепительно улыбнулся и поцеловал ей руку. Она его помнила с тех пор, как помнила себя. Когда она была совсем маленькой, он качал ее на коленях и играл с ней. Научившись ходить, она повсюду следовала за ним и участвовала в его играх. Терпению двенадцати-четырнадцатилетнего мальчика, казалось, не было предела. И так продолжалось до прихода половой зрелости, когда она почувствовала себя женщиной. Однажды на пруду, где он ловил рыбу, Элизабет упала в холодную воду и стала тонуть. Однако она нисколько не испугалась, так как знала, что ее герой рядом. И Хэдриан спас ее. Элизабет не могла вспомнить такое время, когда бы не любила его.

— Я так рада, что ты вернулся, — просто сказала она после обмена приветствиями. Ей не хватало воздуха.

— Извини, пожалуйста, что меня так долго не было, — ответил он, садясь с ней рядом на диван.

— Не извиняйся! Я понимаю, я все понимаю, — поспешила она успокоить его.

Герцог изучающе смотрел на нее. Она не выглядела больной, так как глаза ее сияли от счастья, а щеки были красными. Однако он отметил, что Элизабет, как и говорила мать, сильно похудела.

— Мама говорит, что ты нездорова?

Элизабет сразу стала серьезной.

— Нет, все в порядке. Правда, я немного устала, Хэдриан, часто приходится ходить на обеды и вечера, а раньше рассвета никто не уходит. Ты же знаешь, как бывает в первый сезон. Так что в моей усталости нет ничего удивительного, не так ли?

Она была права, а мама, видимо, неправильно оценила ситуацию, хотя на Изабель это было непохоже.

— Все-таки, если тебе так тяжело, надо домой приезжать пораньше.

— Я обещаю тебе, — сказала Элизабет.

Николь и Джейн приехали в Лондон после полуночи, так как из Драгмора выехали довольно поздно. Регины и леди Хендерсон дома еще не было. Экономка, мисс Дойль, некрасивая женщина с вытянутым лицом, сказала, что они уехали на бал к Баррингтонам. Николь и Джейн отправились спать.

Николь поднялась вместе с солнцем, не в силах изменить своей долголетней привычке вставать рано. К тому же ей очень хотелось поболтать с Региной. Они не виделись уже несколько месяцев.

Если вчера жизнь казалась ей мрачной и тоскливой, то сегодня за окном светило солнце и пели птицы, и душа у Николь ликовала. Впервые за многие годы ей нравилось в городе, и она с нетерпением ждала любого мероприятия, которое предложит ей сегодняшний день.

Но больше всего ее волновало, увидит ли она его.

Утреннюю прогулку верхом она совершила в сопровождении грума, которого взяла с собой ради приличия. Регент-парк был пуст. В это время столичные леди только возвращались домой с бала и укладывались спать. К восьми часам Николь больше не могла себя сдерживать и распахнула дверь в спальню к Регине. Сестра крепко спала, свернувшись калачиком под одеялом.

— Проснись, соня! — громко произнесла Николь и, выхватив из-под головы Регины подушку, бросила ее в сестру.

— Николь?!

Николь села на кровать.

— Да, это я.

Регина отбросила подушку в сторону и, все еще не веря своим глазам, взвизгнула, бросилась к Николь и крепко обняла ее.

— Что ты здесь делаешь? Я не могу поверить!

— Мне стало скучно, — сказала Николь. — Ты что-то очень плохо выглядишь. В котором часу вернулась домой?

Регина нахмурилась, что совершенно не испортило ее классической красоты. По правде говоря, трудно выглядеть плохо в восемнадцать лет.

— На рассвете. Баррингтоны давали замечательный бал. Все, кто хоть что-нибудь из себя представляют, были там! Ой! Тебе бы приехать немного раньше!

Николь напряглась. Стараясь спрятать лицо, она наклонилась за подушкой, лежавшей на полу.

— Ты говоришь, все были там? Кто все?

— Ты что, действительно хочешь, чтобы я перечислила всех? — усомнилась Регина. — Сегодня вечером у Вилаубисов будет большой прием, ты пойдешь?

— Непременно, — сказала Николь.

Только теперь, по-настоящему проснувшись, Регина с недоверием стала разглядывать сестру.

— Мне кажется, что ты стала какая-то другая, Николь. Что происходит? Ты же терпеть не можешь Лондон. Ты в самом деле хочешь выйти и полностью окунуться в водоворот здешней жизни?

Николь колебалась: ей так хотелось все рассказать сестре, но она поостереглась. Да и что рассказывать? Что герцог Клейборо возымел на ее счет неблаговидные намерения? Что ей, дуре, очень понравилось, как он целуется? Что он теперь в Лондоне и поэтому в Драгморе ей было скучно и неуютно? И наконец, что ей очень хочется знать, увидит ли она его сегодня?

— Я устала от общества овец и коров, — только и сказала она, не желая обманывать Регину, которую очень любила.

— Да что ты! Я ничуть не осуждаю тебя! — воскликнула Регина с чувством. С первых своих шагов Регина предпочитала куколок, кружева и ленточки лошадям и лазанью по деревьям. Редко случается, чтобы две сестры были столь не похожи.

— Я так рада, что ты здесь. — Регина нежно обняла сестру. — Ты просто будь со мной, и я тебя представлю всем, кто поможет тебе прекрасно провести время, — очень серьезно сказала она Николь.

ГЛАВА 8

Большой салон в доме Вилаубисов был полон гостей, когда туда приехала Джейн с обеими дочерьми. Салон уступал бальному залу, но легко мог вместить не менее ста человек. Было довольно жарко, и гости, стоявшие отдельными группами, охлаждали себя шампанским и другими напитками, которые щедро разносили слуги. На невысокой сцене, построенной специально для этого случая, выступали музыканты струнного трио, но звуки музыки тонули в гуле оживленных бесед многочисленных гостей.

Прибытие трех женщин было многими замечено, и по залу прошел легкий одобрительный шумок. Николь обратила внимание на то, что гости приветливо улыбались матери и Регине, а

увидев ее, не скрывали удивления и отводили взгляд в сторону. Это очень испугало девушку.

Собираясь сегодня на вечер, Николь так волновалась, что чуть не испытала нервный шок. Она рассчитывала, что у лорда Вилаубиса соберутся сливки высшего общества, так как лорд был доверенным лицом премьер-министра. От Марты во время их беседы в Драгморе Николь узнала, что герцог редко бывает на светских раутах, но то обстоятельство, что хозяин сегодняшнего вечера обладал огромными связями и большим влиянием в правительстве, вполне может на сей раз заставить герцога выйти из дома. Но даже если он сам все-таки не придет, то его невеста Элизабет Мартиндейл будет наверняка. Будет не только потому, что она невеста герцога Клейборо, что само по себе давало ей прочное положение в обществе, но и потому что она принадлежала семье Вареннов, а глава этой семьи граф Нортумберленд — один из самых могущественных людей в государстве.

Еще дома, готовясь к балу, она думала, что обязательно кого-нибудь из них увидит, а может быть, и обоих сразу. Пока еще никто не знал об истинной причине ее приезда в Лондон. Волнение ее все время возрастало, и к тому моменту, когда надо было выезжать, ее буквально начало трясти. Уже прошел год с тех пор, как она не была в обществе. Один раз она выехала на маскарад к Аддерли и, если бы не герцог, оскандалилась бы вновь. А сейчас на его помощь рассчитывать не приходится, и Николь была готова пожалеть о том, что приехала сюда. Когда они проходили мимо большой группы гостей, до Николь долетели слова одной из дам:

— Посмотрите, это не старшая ли дочь графа Драгмора?

— Да, она, — ответила другая дама.

— Вы слышали, в каком костюме она появилась у Аддерли?

Ответа Николь не услышала, так как дамы перешли на шепот.

— Все они ведьмы, — громко сказала Регина и со злостью посмотрела на шепчущихся женщин.

— Ничего, Ри, — Николь сжала локоть сестры, — я ожидала неприятностей.

— Я хорошо знаю всех этих сплетниц, и уж поверь, им будет плохо, когда наши пути пересекутся, — заявила Регина. Ее лицо приобрело решимость, а янтарные глаза загорелись мрачным пламенем. Затем она подозрительно посмотрела на сестру.

— А какой на тебе был костюм на балу у Аддерли? И когда это было?

Пока Николь собиралась с ответом, в разговор вмешалась мать.

— У тебя все в порядке, дорогая? — спросила она.

— Все в порядке, мама. — Николь с трудом выдавила улыбку, чтобы успокоить мать. И в этот момент увидела среди гостей Марту. Николь улыбнулась и помахала ей рукой. Марта поспешила к ним и обняла обеих сестер.

— Что вы здесь делаете? — воскликнула она, бросив проницательный взгляд на Николь. Та пожала плечами, будучи почти уверенной, что Марта знает причину.

— Ей вдруг надоело сидеть в Драгморе, — сказала Регина, по-новому взглянув на Николь.

— Что тебе известно, Марта?

— Что? Что ты имеешь в виду? — Марта посмотрела на Николь долгим, многозначительным взглядом, но та не смогла его понять.

— Здесь лорд Хартенс, — вдруг зашептала Регина в возбуждении. — Посмотри скорее, Николь!

Николь увидела темноволосого молодого человека лет тридцати, пристально смотревшего в их сторону. Регина дернула ее за рукав.

— Какой красивый, правда? К тому же он очень богат, а его репутация и манеры безукоризненны. Он дважды навещал меня. Я думаю, Николь, он ухаживает за мной. Мне кажется, он будет просить моей руки!

Николь украдкой еще раз взглянула на лорда Хартенса и зарделась от смелого взгляда, которым тот смотрел на нее. Никакой ошибки не было, и она резко отвернулась.

— Ты еще очень молоденькая, Регина, и я не сомневаюсь, что он не единственный твой поклонник.

— Конечно, нет, — сказала Регина. — Но… я влюблена в него, Николь!

Сердце у Николь заныло. Она прикусила губу от досады, обменявшись обеспокоенным взглядом с Мартой. Николь терпеть не могла лорда.

— Мне придется вмешаться, — произнесла она чуть слышно.

— Я хочу с ним пообщаться, — объявила Регина и направилась к лорду Хартенсу.

Николь опять почувствовала на себе его долгий взгляд и в ярости отвернулась.

— Он ранит ей сердце!

— Он, без сомнения, положил на тебя глаз, — сказала Марта. — Я бы не стала так волноваться, поскольку Регина пользуется большим успехом и влюбляется в кого-нибудь каждую неделю. Но отношение ее к лорду Хартенсу вроде бы серьезное, Николь. Уже два месяца она только о нем и говорит.

— О Боже! — выдохнула Николь. — Я должна ее как-нибудь предупредить.

— Да, обязательно… Николь, он здесь.

Николь нервно вздрогнула.

— Герцог? — спросила она очень тихо и мягко, хотя сердце билось с невероятной силой.

— Да. — Марта оглядела зал. — Я видела его несколько минут назад. Должно быть, он вернулся в Лондон. — Затем задумчиво спросила:

— Николь, что ты делаешь?

— Ох, Марта, — грустно сказала Николь, зная точно, что имеет в виду ее подруга, — если бы я только знала! Я просто не могла остаться в Драгморе, не могла, пойми, пожалуйста.

Марта схватила ее за руку:

mir-knigi.org

— Я вижу его.

Николь посмотрела туда, куда указывала Марта и сразу же напряглась, увидев его.

Его мощная фигура в черном смокинге, мужественное лицо, покрытое золотистым загаром, и длинные, не тронутые парикмахером волосы выделяли его из толпы мужчин, которые в сравнении с ним выглядели бледными и хилыми. Николь усмехнулась, обратив внимание на его выгоревшие волосы, волнами спускавшиеся на плечи. Только такому человеку, как герцог, все сходило с рук, даже пренебрежение к моде.

Видно было, что ему скучно. Так же как на маскараде у Аддерли, он едва отвечал на вопросы, лениво здоровался, небрежно оглядывая гостей. Внезапно он насторожился, на лице появилась какая-то болезненная улыбка — его доселе равнодушный взгляд остановился на Николь.

Ошеломленный, он замер, не веря тому, что увидел. Взоры их встретились, и Николь не смогла отвернуться. Они стояли друг от друга довольно далеко, но не настолько, чтобы Николь не могла видеть изменения в его настроении, читавшемся на лице. Выражение недоумения сменилось гримасой откровенного гнева. Затем его глаза принялись методично обследовать ее с ног до головы, что было не просто невежливо, это было не по-джентльменски.

— Он разгневан, — ахнула Марта.

Николь совсем про нее забыла, она вообще обо всем и обо всех забыла и видела только его.

— Он ненавидит меня так же, как и я его, — сказала она не очень уверенно. Она гордо подняла голову, стараясь выглядеть как можно безразличнее. Но злость в его взгляде поразила ее и причинила боль. Вскоре он совсем перестал смотреть в ее сторону.

Николь увидела, как маленькая блондинка взяла его под руку и нежно прильнула к нему. Герцог, слегка наклонив к ней голову, внимательно слушал и улыбался.

В сердце что-то кольнуло.

— Это она, не так ли? — спросила Николь.

— Да.

Николь повернулась к ним спиной. Хоть она не очень хорошо рассмотрела Элизабет, но все-таки успела заметить, что эта девушка очень хрупкая и имеет благородную осанку. Никогда еще Николь не чувствовала себя такой огромной и неуклюжей. Совершенно очевидно, что герцог любит свою невесту. Глаза Николь наполнились слезами. Было очень обидно и жалко себя. Марта быстро взяла подругу за руку:

— Пойдем в туалет, здесь рядом.

Они вернулись в зал, когда Николь полностью справилась со своими чувствами. Следующие два часа прошли незаметно: Николь общалась с разными людьми, вступала в легкие светские беседы. Марта очень аккуратно представляла Николь разным людям, которые были вполне благосклонны к ней. И все это время Николь не выпускала герцога из поля зрения.

Элизабет почти не отходила от него. Николь он не замечал. Случайно встретившись с нею взглядом, он тут же поворачивался спиной, причем делал это весьма безыскусно. Было совершенно очевидно, что он чувствует ее присутствие, но избегает ее.

Николь очень пожалела, что у нее нет поклонника, на руке которого она могла бы так же повиснуть, как сделала это Элизабет. На душе у нее было муторно: в двадцать четыре года выйти замуж мало шансов, разве что за какого-нибудь старичка. А Элизабет восемнадцать, она прекрасно сложена, свежа и помолвлена. Николь сразу же невзлюбила ее. Знала, что это несправедливо, но относиться к ней по-другому не могла. У этой юной леди было все, о чем так недолго мечтала она сама. Очень трудно было отнестись к ней хорошо, как и невозможно не презирать его.

Когда наступила полночь, Николь, обессилевшая от непривычного напряжения, выскользнула из зала во внутренний дворик, чтобы подышать свежим воздухом. Герцог со своей Элизабет не попадались ей на глаза уже более часа, и она решила, что они уехали. После душного и шумного зала окунуться в звенящую морозную ночь было очень приятно. По небу неслись редкие облака, и свет молодого месяца был мерцающим. Николь подошла к кирпичной стене и, прислонившись к ней, стала задумчиво оглядывать сад.

Ее приезд в Лондон, надо признать, оказался очередной глупостью, которая обернулась чувствительным щелчком по носу.

Она не видела, как открылась и закрылась дверь во дворик, не слышала приближающихся шагов. Поэтому низкий и злой голос прозвучал с неожиданностью грома в ясном небе:

— Что вы здесь делаете?

Николь резко обернулась и увидела герцога Клейборо. Света во дворике вполне хватало, чтобы разглядеть искаженное злобой лицо.

— Я дышу воздухом, и вас это не касается!

— Вы знаете, что я имею в виду!

— Знаю?

— Не играйте со мной в эти игры, — рявкнул он грозно, подходя к ней. — Зачем вы приехали за мной в Лондон?

Она удивилась его догадливости.

— Вы заблуждаетесь. — Она опять лгала и знала, что никакие силы не заставят ее говорить правду.

— Я не верю вам.

— Это уж ваше дело.

— Нет, — медленно произнес он, — вот здесь вы ошибаетесь. Совершенно очевидно, что это наше общее дело.

Николь не понимала, что он ей говорит. Потом увидела, что взгляд его устремлен на низкий вырез ее декольте, и резко сделала глубокий вдох. Нарастающее желание охватывало ее тело. Прошло немного времени, и он заговорил:

— Я знаю, Николь, что вы никогда не приезжаете в Лондон. Я знаю, что вы приехали из-за меня.

mir-knigi.org

— Очень самонадеянно, невероятно самонадеянно, — ответила она.

— А вы лгунья.

— Нет!

— Тогда зачем вы приехали, если не делали этого со времени скандала?

Конечно, он узнал о ее неблаговидном поступке, как это знали все вокруг, но как приятно было обольщать себя надеждой, что он еще не знает! Или знает, но не придает этому значения.

— Что же вы молчите? Не можете придумать подходящую новую ложь?

Ей стало стыдно, что приходится прибегать ко лжи для своей защиты.

— Почему же, в прошлом году я тоже приезжала в Лондон, а сейчас приехать меня очень просила Регина, это правда!

— Подумать только, я всегда считал вас отличной актрисой, — холодно улыбаясь, проговорил герцог, сделав к ней шаг. Николь попятилась.

— Нет, я не притворяюсь.

— Нет? Вы действительно ужасная актриса. — Он подходил к ней все ближе и ближе, а Николь продолжала пятиться от него.

— В чем дело, Николь? Вы боитесь меня? — поддразнивал он ее.

И тут ей удалось победить свою робость.

— Не обольщайтесь, ваше сиятельство!

— Я и не думал, что вы так боитесь меня. Я же не глупый и хорошо вижу вашу игру. — Он безжалостно улыбался.

— О чем вы говорите?

— Вот и сейчас, Николь, вы играете, — произнес он с пренебрежением.

Николь будто бы вросла каблуками в землю, его насмешливый тон бесил ее.

— Думайте, что вам угодно, но я не имею ни малейшего представления, из-за чего вы так волнуетесь.

— Вы хотите поймать меня в западню, не так ли, милая?

— Вы очень заблуждаетесь, думая так! — выкрикнула она.

— Многие женщины пытались сделать то, чего хотите сейчас вы, но никому не удалось заманить меня и отобрать у Элизабет, вам это понятно?

Его слова были как пощечина. Николь пришла в ярость, глаза ее были полны слез.

— Я не собираюсь отнимать вас у вашей бесценной Элизабет, — прошипела она. — Я вам советую поскорее вернуться к ней, пока она не начала вас искать. Да вдруг еще найдет в такой

mir-knigi.org

интимной обстановке! С другой!

— Элизабет дома.

— Греет вам постель? — с издевкой спросила Николь.

Он смутился, но совсем ненадолго.

— А вам хотелось бы это сделать самой? — нанес он ответный удар.

Николь покраснела, она задыхалась от злости. Но, может быть, он этого не заметит в темноте?

— Это место, где мне хотелось бы быть меньше всего.

— Да ну? Может, мне напомнить вам о нашей последней встрече?

— А может быть, мне напомнить вам, что ваше поведение было просто мерзким? — крикнула она.

— Конечно, вы полагаете, что хлестать мужчину плеткой — это верх воспитанности и достойно леди.

— Я полагаю, что это высший класс поведения для леди — хлестать такого мужчину плеткой.

— И скакать по полям в мужской одежде?

Николь взяла себя в руки.

— Я ухожу. Ведь не обязана же я стоять здесь и выслушивать ваши оскорбления!

Он схватил ее за руку. Николь даже не попыталась вырваться, зная, что это совершенно бесполезно. Его лицо приблизилось так близко, что она не могла вздохнуть.

— Уезжайте немедленно из Лондона!

— Какое право вы имеете приказывать мне?

— Ничего из вашей затеи не получится, Николь!

Она вырвалась.

— Я не собираюсь отнимать вас у Элизабет! Меня вовсе не интересуют развратные и безнравственные хамы вроде вас!

— Не интересуют? На самом деле? — Он схватил ее за подбородок своей огромной рукой, и не успела она что-либо подумать, как он прижался своими губами к ее губам.

Она жаждала его поцелуев и боялась их. Неожиданно он отпустил ее.

— Это то, чего вы хотите добиться, Николь. Если вы не уедете из Лондона, то уеду я.

— Прекрасно! — крикнула она ему в ответ. — Прекрасно! Уезжайте! Но мне вы никогда не будете приказывать, как своей бесценной Элизабет!

Он не отрываясь смотрел на нее. От злости его всего трясло. Николь на мгновение показалось

mir-knigi.org

даже, что он ее сейчас ударит или заключит в объятия и изнасилует. Но этот миг прошел, и она увидела, как он стремительно уходит от нее через весь дворик. Вот он рванул дверь, и она резко захлопнулась за ним.

Николь, дрожа, села на каменную скамью. Она ничего больше не видела вокруг, только его. Дрожащими руками она закрыла лицо. Боже, зачем, зачем ее угораздило влюбиться в этого герцога Клейборо?

ГЛАВА 9

Николь не могла побороть уныние. Она смотрела в окно, за которым стоял солнечный октябрьский день. Услышав за спиной шаги, она не обернулась: знала, что это Регина.

— Николь, я с друзьями еду кататься в Гайд-парк.

Чарли Ретклиф приобрел новый автомобиль. У нас есть лишнее место, почему бы тебе не поехать с нами?

Николь не повернулась к ней: обладая ангельской невинной внешностью, Регина была очень умной и наблюдательной девушкой и сразу бы определила по ее лицу, что произошло что-то серьезное.

— Думаю, что нет. Я планирую перед обедом покататься на лошади, — сказала Николь, еще минуту назад не имея такого намерения.

Регина не стала настаивать, предупредила, что придет не скоро, и ушла. Николь тяжело вздохнула и отошла от окна. Немного побродив по дому, она устроилась в светло-зеленой комнате. Образ герцога преследовал ее. Она вспомнила все их встречи, каждое выражение его лица, каждое его слово. Это было какое-то дьявольское наваждение!

Появился Олдрик.

— Госпожа, к вам виконтесса Серль!

— Не беспокойся, Олдрик. Не надо объявлять о моем приходе, — сказала Марта, входя в комнату.

Когда слуга вышел, Марта подошла к Николь и села рядом с нею на диван.

— У меня было предчувствие, что ты расстроена, но не до такой же степени. Нужно немедленно выкинуть его из головы, немедленно!

— Не могу, поверь мне, что не могу.

— В Лондоне много других мужчин. Позволь мне представить тебя некоторым.

— Ох, Марта, не беспокойся! Моя репутация далеко обогнала меня.

— Если постараешься, то ты можешь поправить свою репутацию, — сказала Марта с уверенностью.

— А может быть, я не хочу ничего менять, — огрызнулась Николь, а потом схватила Марту за руку, извиняясь: — Не на тебя я сержусь, Марта! Прости, пожалуйста.

mir-knigi.org

— Я знаю.

— Я сделала большую ошибку, что приехала в Лондон, большую ошибку. Теперь я немедленно уезжаю домой.

Марта посмотрела на нее долгим взглядом.

— Уезжаешь? Как трусиха?

Николь зарделась.

— И ты позволишь ему прогнать себя?

Николь промолчала. Марта не знает, что произошло вчера. Он действительно предполагал, что она выполнит его приказ и покинет Лондон. И еще он осмелился предположить, будто бы она его боится! Если она сразу уедет, то, чего доброго, он подумает, что ему удалось прогнать ее из Лондона. Похоже, он совершенно уверен в том, что она приехала в Лондон отбить его у Элизабет. Ведь нужно же такое придумать!

А может быть, в душе она все же рассчитывала на это? Как же еще объяснить ее приезд в Лондон следом за ним?

Она вздрогнула, придя в ужас от такого саморазоблачения. Пусть он думает, что хочет, но она не позволит ему выиграть их дуэль. Она никогда и никому не признается в том, какие она вынашивала планы и на что надеялась, отправляясь в Лондон.

— Ты права, Марта. Я останусь в Лондоне еще по крайней мере на неделю.

— Хорошо. Но ты не должна чахнуть и ныть. Сегодня я играю в теннис, и нам нужен шестой партнер. Ты поедешь со мной, будет очень интересно.

— Я не…

— Николь, ты любишь играть в теннис! Ты должна выходить, появляться то здесь, то там хотя бы для того, чтобы он не думал, что ты по нему сохнешь.

— Какая ты умница, Марта! — сказала Николь, улыбаясь через силу. — Хорошо, я поеду с вами.

В то же утро они отправились в клуб на Стренде. Николь ехала в одной карете с Мартой и прошла в клуб в качестве ее гостьи. В раздевалке они переоделись и выбрали себе ракетки и мячи, а потом присоединились к остальным.

Теннис был особенно популярен среди девушек. На всех кортах, за исключением трех, уже играли, но эти три были оставлены для их группы. Среди играющих была всего одна пара молодых мужчин.

Девушки из группы Марты, дожидаясь ее на выходе из раздевалки; сидели за столиками и пили лимонад. На всех были белые майки и короткие синие юбочки. Ракетки лежали рядом.

— О Боже! — неожиданно воскликнула Марта, едва выйдя из раздевалки.

Николь присмотрелась к ожидавшим Марту девушкам и сразу сбилась с ноги: среди них была Элизабет Мартиндейл, а рядом с нею Стаси Вортингтон.

— Ты мне не говорила, что она будет, — произнесла Николь.

— Я сама этого не знала, извини, ради Бога.

С появлением Марты и Николь беседа девушек сразу оборвалась.

— Привет! — сказала Марта. — Я думала, что нам будет нужен шестой игрок, и привезла с собой леди Шелтон, но вижу, что ошиблась.

— Пожалуй, да! — сказала Стаси, глядя презрительно на них. — В качестве шестого игрока я привела свою кузину Элизабет.

Трудно было не понять, что она не хочет, чтобы Николь играла с ними.

— Я уверена, что мы это как-нибудь уладим, Стаси, — вежливо сказала Марта, как кинжалом пронзая ее взглядом.

— Ничего страшного, — быстро вмешалась Николь, стараясь изо всех сил не глядеть на Элизабет. Прекрасная маленькая блондинка тихо сидела среди людей, взаимная враждебность которых была очевидна.

— Я все равно очень устала. Я бы взяла твою коляску, Марта, и доехала до дому. Потом я пришлю тебе ее назад!

Марта взглянула на нее. Николь не хотела спорить и тоже посмотрела на Марту. Обычно с такими, как Стаси, Николь не церемонилась, но присутствие Элизабет сдерживало ее.

— Может быть, это самое лучшее решение, — сказала высокая рыжая девушка в очках с тонкой золотой оправой. Она нервно посмотрела на Николь. — Я, например, ни с кем не хочу делить свое время на корте.

— Стаси! — Элизабет остановила ее укоризненным взглядом и поднялась с места. — Мы не знакомы, — приветливо улыбнулась она. — Я — Элизабет Мартиндейл, леди Шелтон.

Николь долго не могла пошевелиться, глядя на протянутую руку. Наконец, вспомнив о правилах поведения, она приняла руку Элизабет.

— Здравствуйте, — выдавила она из себя.

— Леди Шелтон, я нисколько не против посидеть в стороне и посмотреть на игру. Правда не против. Вы можете играть вместо меня. На самом деле я не очень люблю спорт.

Николь не хотела такой уступки, но теплая улыбка блондинки и ее голубые глаза были искренне дружелюбны. Очень холодно Николь ответила:

— Не стоит беспокоиться, леди Мартиндейл, вы не должны уступать свое время на корте мне.

— Но я в самом деле не возражаю, — сказала Элизабет, но Стаси толкнула ее в бок:

— Если она хочет ехать домой, пусть едет.

Элизабет поджала свои хорошенькие губки:

— Стаси, у нас времени для игры хватит на всех, даже если я захочу играть. — Она опять

обратилась к Николь:

— Мы можем сыграть вместе, но только предупреждаю: я очень быстро устаю. — Она опять улыбнулась Николь открытой, доброй улыбкой.

— Хорошо, — услышала Николь свой напряженный голос. — Однако вы играете первой. — Она не смогла выжать из себя улыбку, да и не пыталась.

Все заняли свои места на кортах, а Николь сидела одна за столиком и делала вид, что следит за игрой. Присутствие Элизабет сильно расстроило ее. Похоже, что невеста герцога Клейборо была очень милым человеком. Николь трудно было принимать ее очевидное дружеское расположение. В силу сложившихся обстоятельств это расположение не должно быть искренним. Только тут Николь сообразила, что следит за игрой Элизабет и совсем не обращает внимания на остальных. Она буквально не могла оторвать от нее глаз. Элизабет и правда очень устала: у нее не было ни выносливости, ни сил. Фактически никто хуже ее на кортах не играл. Она едва могла ударить по мячу. И такую женщину любит герцог? Бледную, худую блондинку? Женщину настолько хрупкую, что она не может сыграть партию в теннис? Женщину с простодушными голубыми глазами и всегда готовой улыбкой? Но из всех девушек, которые присутствовали здесь, больше всех ей нравилась Элизабет. Одна она пыталась выразить ей дружеские чувства. Даже подруги Марты — Джулия и Абигайль — смотрели на Николь подозрительно и не пытались заговорить с ней. Через десять минут Элизабет, вся запыхавшаяся, раскрасневшаяся и вспотевшая, покинула корт.

— Я же говорила вам, что быстро устаю, — сказала она, садясь на стул рядом с Николь.

Николь быстро налила ей лимонаду, а Элизабет сидела, обмахиваясь кем-то забытым журналом, и не могла говорить. Жадно глотая лимонад, она, успела благодарно кивнуть Николь и, наконец, произнесла:

— Спасибо. Мне нужно отдохнуть. Не следовало сюда приезжать, последнее время я очень плохо себя чувствую.

— Может быть, вы заболеваете гриппом? — спросила Николь, вертя в руках ракетку.

— Не думаю, — печально ответила Элизабет.

Николь оставила ее и пошла на корт. Она немного поиграла с Матильдой, но та была слабым игроком. В это время подошла Стаси.

— Давай сыграем? — спросила она, как-то нехорошо улыбаясь.

Стараясь никак не выразить своего отношения к ней, Николь согласно кивнула головой. Стаси играла лучше всех, и было совершенно очевидно, что она хочет наказать Николь. Девушки разошлись по своим местам, и игра началась. Николь часто играла с братьями на общественном корте недалеко от Лессинга, и они ее довольно прилично тренировали, теперь она легко принимала подачи своей напарницы и с силой возвращала мяч на ее сторону. Постепенно ожесточение игры возрастало. Девушки все сильней и яростней посылали мяч друг другу. Вдруг Стаси удалась сильно подкрученная подача, принять которую было трудно и мужчине. Однако Николь в стремительном броске достала подачу, и сильно подрезанный ею мяч упал, едва перелетев сетку. Эту подрезку Стаси взять не смогла. Игра стала еще более яростной. Девушки смотрели друг на друга с явной неприязнью и ожесточенно били по мячу. Николь уверенно набирала очки. Другие девушки прекратили играть и внимательно следили за поединком. Элизабет тоже стояла у самого корта. Было видно, что Стаси устала, в то время как

Николь дышит ровно и легко.

— Может быть, хватит? — сладким голосом спросила Николь.

— Правду про тебя говорят, — задыхаясь, выплевывала слова Стаси, — что ты не леди. Ты даже в теннис играешь не как леди. — С этими словами она покинула корт.

Николь, покраснев от смущения и злости, подошла к Марте и Элизабет, которые, в отличие от других, не отвернулись от нее.

— Пожалуйста, простите Стаси, — попросила Элизабет, беря Николь за руку.

Николь отдернула свою руку.

— Она не всегда так груба. Не знаю, что на нее нашло, — говорила Элизабет, умоляюще глядя на Николь.

Николь не ответила, и Элизабет отвернулась от нее.

— Я совсем забыла про эту ведьму Стаси, прости меня, Николь. Она вообще ведет себя ужасно со всеми, кто не принадлежит к ее любимому кругу. Она думает, что даже солнце всходит и заходит по ее капризу потому, что она племянница Нортумберленда. Если бы ее здесь не было, я уверена, что другие девушки были бы с тобой более дружелюбны.

— Твои друзья были в ужасе от моего присутствия.

— Это неправда. Джулия и Абигайль всегда такие молчаливые и стеснительные. Но если ты немного потерпишь, они к тебе привыкнут, и ты увидишь, какие это милые девушки!

Николь согласно кивнула, и они обе подошли к девушкам, собравшимся у столиков с лимонадом. В это время Элизабет, отведя Стаси в сторону, отчитывала ее:

— Как ты можешь быть такой грубой, Стаси? Это невыносимо. Ты должна немедленно извиниться перед леди Шелтон.

— Я? Извиняться перед этой дикаркой? Иногда ты просто слепа, Элизабет, видишь в людях только хорошее и больше ничего не хочешь замечать. Ты что, ничего о ней не слыхала? Ее не принимают, и тут уж ничего нельзя изменить.

— Ты очень недоброжелательна, — возразила Элизабет. Затем она подошла к Марте и Николь.

— Вы уже уходите? Может быть, мы поменяемся партнерами и сыграем еще? Время, кажется, есть!

Николь не могла поверить, что эта совершенно незнакомая ей девушка защищает ее перед своей кузиной да еще заботится о том, чтобы она получила максимум удовольствия от поездки в теннисный клуб.

— Извините, но у меня другие планы.

— Может быть, мы сыграем с вами в другой раз? — спросила Элизабет. — Было очень приятно с вами познакомиться.

— И мне тоже, — с трудом произнесла Николь.

mir-knigi.org

В карете Марта и Николь долго молчали.

— Ну, что ты о ней думаешь? — поинтересовалась Марта.

— Я думаю, что она очень милая и красивая девушка.

— Да, Элизабет — очень приятный человек, и все ее любят, — сказала Марта.

Николь повернулась к окну, но сквозь пелену слез она вряд ли что-нибудь видела.

— Поэтому герцог любит ее, а не меня, — печально проговорила она.

Марта промолчала.

— Леди Элизабет сейчас спустится, ваше сиятельство!

Герцог посмотрел на свои золотые, с бриллиантом в восемнадцать каратов, часы и стал нервно ходить по маленькой гостиной. Элизабет было несвойственно опаздывать, но на сей раз она спустилась только через десять минут, причем одетая не для выхода в театр, а в свое повседневное платье.

— Ты забыла обо мне? — спросил он с наигранным изумлением.

Элизабет тяжело вздохнула, подходя к нему.

— Извини меня, пожалуйста, Хэдриан. Я не забыла. Боюсь, что я сделала большую ошибку. — Она опустилась на кушетку, и он сел с ней рядом.

— Ты что, плохо себя чувствуешь?

— Нет. Я очень устала. Сегодня днем я немного поиграла в теннис, и это меня очень изнурило. Мне бы нужно было послать тебе записку и отменить встречу, а я не сделала этого. Мне так хотелось тебя видеть! Я надеялась, что короткий сон вернет мне силы и хорошее настроение. Но я только что проснулась, а усталость не прошла.

— Не беспокойся обо мне, — сказал герцог. — Тебе ни в коем случае нельзя было играть в теннис, Элизабет. Сейчас тебе необходимо вернуться и лечь в постель.

Она ласково взяла его за руку.

— Ты не сердишься на меня?

— Конечно, нет, хотя и надо бы. Ты получила удовольствие от игры в теннис?

Она посмотрела на него в смятении.

— Нет. Произошел неприятный инцидент, и я расстроена до сих пор.

— Что же тебя так огорчило?

— Две леди были ужасно грубы с третьей. Но самое печальное в том, что одна из этих двух — Стаси.

— Стаси — не самый добрый человек, мы это знаем!

mir-knigi.org

— В самом деле, мне так было жалко леди Шелтон. Такое ничем не оправдывается. Я знаю, несколько лет назад был скандал, но это же было так давно! Нельзя человека не прощать всю жизнь.

Герцог замер.

— Так ты говоришь, что девушка, которую обидели, была Николь Шелтон?

— Да. Ты знаешь ее?

Герцог встал. Она не уехала…

— Понимаешь, Николас Шелтон — мой сосед по имению Чепмен-Холл, которое я недавно получил в наследство. Перед тем как ехать в Лондон, я обедал у них.

— После этого инцидента ей было очень больно, но она не подала вида. Николь — очень гордая девушка. Я сразу же сказала Стаси, что огорчена ее поведением.

Герцог нервно откашлялся. Ему было неловко не только от этой беседы, но и от того, как он себя вел с Николь, от сокровенных мыслей, вынашиваемых им, о ней. Только вчера он опять едва не потерял над собою контроль. Только вчера он был так близок к ней, что мог обнять ее и делать с ней все что угодно. Но разговаривать о Николь со своей невестой ему казалось неприличным.

— Необходимо удерживать Стаси от таких поступков. Мне кажется, что сегодняшний ужин можно отложить на завтра, как ты думаешь?

«Но почему она не уехала из Лондона? Неужели она все еще на что-то надеется?»

— Это было бы прекрасно. Хэдриан, насколько я понимаю, Николь не очень принимают в свете. Сейчас же, когда она в Лондоне, я думаю, это особенно несправедливо.

Герцог задумался. Он понимал, что, если продолжить эту тему, ему придется признать, что с Николь поступают несправедливо, придется осудить Стаси и все это обсуждать со своей невестой. Быть защитником Николь ему вовсе не хотелось.

— Жизнь не всегда справедлива, — заявил он.

— На тебя это непохоже! Я собираюсь пригласить ее на поэтический вечер к себе и уж позабочусь, чтобы ее приняли как нужно.

Герцог усмехнулся. С одной стороны, стремление Элизабет помочь Николь войти в общество было благородно и справедливо, но, с другой стороны, сближение Элизабет и Николь было просто немыслимо.

— Я видел леди Шелтон, и она произвела на меня впечатление довольно сильной женщины, вполне способной выстоять против каких-то сплетен.

— Я решила, Хэдриан, — сказала Элизабет уверенно, — она сейчас нуждается в друзьях, это же так ясно, и я буду ее другом.

Хэдриан на миг закрыл глаза. Что из этого может выйти? Николь не примет, не может принять предложение его невесты. Но почему она до сих пор еще в Лондоне? Неужели из-за него? Ему бы следовало разозлиться на нее, но, похоже, он уже не способен на это. Если уж быть

честным перед собой до конца, то он и не ожидал, что она подчинится ему и уедет.

ГЛАВА 10

На следующий день, когда Регина и Николь пили чай с булочками в зеленой гостиной, слуга принес приглашение. Элизабет приглашала Николь принять участие в поэтическом вечере, который должен состояться у маркизы Стаффорд завтра. Николь очень удивилась. Перечитав несколько раз приглашение, она все никак не могла поверить, что оно предназначено ей.

— Что это? — поинтересовалась Регина.

— Это от Элизабет Мартиндейл. Она приглашает меня на поэтический вечер.

Регина подсела поближе к сестре.

— Тебе следует пойти. Как это мило со стороны Элизабет.

Николь отложила приглашение в сторону. Оно сильно взволновало ее.

— Зачем ей меня приглашать, — вслух рассуждала Николь, — она же меня едва знает.

Удивительно устроен мир: единственным человеком в Лондоне, предложившим ей дружбу, оказалась невеста того, ради кого она приехала в столицу.

— Она знает, что ты новенькая, и хочет включить тебя в свое окружение. И еще потому, что она очень милый человек, — по-своему объяснила случившееся Регина.

— Ты хорошо ее знаешь?

— Мы друзья. Обязательно сходи, Николь, — настаивала Регина. — Тебе непременно надо обзаводиться здесь приятельницами.

Николь ничего не ответила. Да и стоит ли объяснять сестре, почему она не может пойти на этот вечер, даже если и захочет. Но она действительно не хочет идти туда.

— Ой, я, кажется, опаздываю. Мне же надо еще успеть переодеться! Мы сегодня утром едем с лордом Хартенсом кататься на машине.

После этих слов Регина пулей вылетела из комнаты.

Ничто не могло вывести Николь из глубокой задумчивости. Даже то, что ее сестра всерьез увлечена этим неприятным лордом Хартенсом. Она еще раз взглянула на приглашение и вдруг, под влиянием порыва, скомкала листок. Действительно, Элизабет — очень милый и хороший человек, в этом легко убедиться, взглянув на нее. Но с чего бы это она такая милая по отношению к ней? Почему она не такая резкая, как ее кузина Стаси? И что она от нее хочет? Как подруга она ей просто не нужна!

Весь ужас положения заключался в том, что в глубине души Николь даже мечтать не могла о такой замечательной подруге, как Элизабет. Но эта дружба была абсолютно невозможной. Они никогда не смогут быть друзьями, особенно после того, что произошло между ней и герцогом… и потому, что бессонными ночами она все еще думала о нем.

Быстро, чтобы не передумать, Николь написала ответ, где в вежливой форме сообщала, что приехать не сможет. Ответ был доставлен в обед того же дня.

Николь полагала, что на этом все и кончится. Но она ошиблась. Элизабет приехала к Николь с визитом в тот же день.

— Садитесь, пожалуйста, — как-то официально предложила Николь.

— Благодарю вас. — Элизабет улыбалась. Она тяжело и прерывисто дышала, а Николь рассматривала бледную блондинку в серебристо-голубом платье и не начинала беседы.

— Я очень сожалею, что вы не сможете быть у меня на вечере, леди Шелтон.

— Извините, но этот вечер у меня занят, — солгала Николь. Она сидела против Элизабет, вцепившись в деревянные поручни кресла.

— Надеюсь, вы не думаете, что Стаси будет там. Она не входит в наш кружок любителей литературы. — Элизабет смотрела прямо в глаза Николь, и той стало неприятно. Ей казалось, что Элизабет все знает.

— Нет, дело не в Стаси.

— Хорошо, — улыбнулась Элизабет. — Хэдриан правильно заметил, что Стаси иногда бывает очень неделикатна и резка. И это не только в отношении к вам.

Николь остолбенела.

— Хэ… Герцог сказал это?

— О, я была так расстроена из-за ее поведения вчера, что, когда он пришел пригласить меня на ужин, я ни о чем другом не могла говорить. Он полностью одобрил то, что я сделала внушение Стаси.

Николь с трудом проглотила слюну, лицо ее пылало. Они вчера с герцогом обсуждали ее! Как, должно быть, это позабавило его! Нет, это уж слишком!

— Я пришла пригласить вас на другое мероприятие, которое состоится в субботу днем. Я помогаю маме Хэдриана, герцогине Дауэйджер, организовать его. Каждый год она устраивает пикник по-американски. Эту идею ей подсказали, вероятно, ее родственники из Бостона. Смысл таков, что каждая девушка приносит коробку со снедью, укладывает ее в стандартную корзину, которую сама украшает цветами, ленточками и кружевами, и отдает организаторам пикника. Молодые люди выкупают эти корзины, как на аукционе. Победитель ест вместе с девушкой ленч из коробки, которую ему удалось выкупить. Полученные деньги идут на благотворительные цели — в детские дома города. Это очень забавно, и многим нравится. Вы придете?

Николь ужаснулась при мысли, как она выставит свою коробку, а ее никто не выкупит. Уж в этом она нисколько не сомневалась.

— Изви…

Но Элизабет опередила ее, прервав:

— Я не имела в виду, что вам придется приносить с собой коробку, и понимаю, почему вы хотите отказаться. Я имела в виду, что вы просто придете поразвлечься. Ваша сестра там тоже будет, и было бы очень странно, если бы ваши родители не собирались на пикник.

— Мои родители возвращаются в Драгмор в конце недели.

— О!

Николь разозлилась и покраснела. Элизабет не хотела оскорбить ее предложением не приносить с собой ленч. Она понимала, каким это будет унижением для Николь, если ее коробка останется невыкупленной.

— Я не хотела огорчать вас, — мягко сказала Элизабет. — Но это действительно очень приятный досуг. И вообще, не все приносят коробки. Мы с Хэдрианом тоже не участвуем в этих торгах, а просто едим то, что принесли.

— Я не расстраиваюсь, — сказала Николь с гордостью, на какую только была способна. — И почему вы думаете, что я не приду тоже с коробкой?

На миг глаза Элизабет стали еще больше от удивления.

— О! Тогда я так рада, что вы будете присутствовать!

Николь грустно улыбнулась. Она понимала, что обрекла себя еще на одно унижение. Но ее гордость была так уязвлена, что отступать не было никакой возможности, особенно перед Элизабет.

Погода в субботу была превосходная. На безоблачном небе ярко светило солнце, а деревья в Гайд-парке горели золотом осенних листьев. На пикник собралось никак не меньше двухсот пар благородных дам и господ, одетых в яркие, нарядные одежды. Через весь парк на несколько миль вдоль тропы для верховой езды выстроились их кареты и коляски. Сейчас все собрались около небольшой площадки, сооруженной в виде сцены специально для этого дня. На этой площадке стояли разноцветные корзинки для пикника, все в кружевах и лентах. Около площадки стояла Элизабет и держала герцога под руку. Она все время смотрела в толпу, как бы выискивая кого-то.

— Может быть, она все же решила не приходить? — пробормотала Элизабет.

— Кто? — спросил герцог, которому все здесь уже до смерти наскучило. У него не выходило из головы одно дело, которое он должен был обговорить с юристами сразу же после пикника. Вопрос он задал Элизабет машинально, не интересуясь ответом. Но то, что он услышал, тут же завладело его вниманием.

— Николь Шелтон.

Как ему сразу стало легко, когда он узнал, что она не приняла приглашение на поэтический вечер. Он уже решил, что если она придет, то ему придется искать с ней встречи и выяснить, что она намерена делать. Но она не пришла, и эти проблемы отпали.

— Я не представляю себе, как она здесь может появиться, — равнодушно сказал герцог, хотя его пульс участился, как только он узнал, что Николь должна быть здесь.

— Да, она сказала, что придет и принесет коробку с ленчем. Приглашая ее, я не хотела, чтобы она приходила с корзиной. Я просто хотела, чтобы она развеялась и пообедала с нами.

— Ты пригласила ее на обед? — переспросил страшно удивленный герцог.

— Конечно. Но это было до того, как она заявила, что принесет с собой корзину. Я думаю, для нее был бы унизительным намек на то, что ее ленч могут не выкупить на аукционе. Но в то же время я не могла допустить, чтобы она обедала одна. Она поняла, что я за нее опасаюсь, и неожиданно для самой себя решила участвовать в аукционе. У нее столько решительности и гордости! Я ею восхищаюсь.

Хэдриан скрипнул зубами.

— Не следует тебе восхищаться ею, — произнес он, хотя в душе чувствовал, что она вполне заслуживает восхищения. Признавать это ему все-таки не хотелось. Было еще очень противно и оттого, что каждый из присутствующих здесь господ может купить себе право обедать с нею вдвоем где-нибудь в кустах. Ведь есть же у людей глаза! Он очень удивился, что ему совершенно определенно не хотелось, чтобы она обедала с кем-либо один на один.

— Но я восхищаюсь, более того, мне хотелось бы быть такой же, как она.

— Ты прекрасна такая, какая есть.

— Ох, Хэдриан, ты сегодня слишком галантен. Я должна признаться, что очень обеспокоена тем, что у нее никто не купит коробку.

— А я уверен, что у нее полно поклонников.

— Хэдриан, ты очень умный, но совсем не современный. Да и как ты можешь быть современным, если так редко бываешь в городе? Я не осуждаю тебя. Напротив, очень горжусь твоими талантами делового человека. Но поверь, наше общество ничего не забывает. Иногда оно может быть таким жестоким!

— Я уверен, что ты преувеличиваешь опасность, — сказал герцог, — нисколько не сомневаясь, что многие мужчины на пикнике будут оспаривать право пообедать с Николь, несмотря на ее скандальное прошлое.

Элизабет любяще улыбнулась ему.

— Будем надеяться, что ты прав. Но я на всякий случай позаботилась о том, чтобы не случилось никаких неожиданностей, и попросила кузена Роберта поставить на ее ленч. Он пообещал мне, хотя неохотно.

Роберт — красивый и развратный кузен Стаси. Герцог нахмурился, представив, как он быстренько опрокинет Николь.

— Ему же нельзя доверять!

Элизабет с любопытством посмотрела на него, и ее удивило свирепое выражение его лица.

— Роберт будет вести себя достойно. Но я его нигде не вижу. Ой, Хэдриан, она уже здесь. Все-таки пришла!

Удивляясь охватившему его волнению, герцог обратил свой взгляд туда, куда восторженно смотрела его невеста. Николь стояла с сестрой в стороне от толпы, высоко держа голову. В полосатом платье персикового цвета, в соломенной шляпке с живой пурпурной розой Николь была восхитительна. Их глаза встретились.

mir-knigi.org

Он глубоко вздохнул. Положение его было безвыходным. Как он мог стоять со своей невестой, которую искренне любит, и страстно желать другую, на которую не имеет прав? Это увлечение зашло слишком далеко и превратилось в навязчивую идею. Но как же положить этому конец?

Николь испытывала желание уйти, быть где угодно, только не здесь. Регина встретила двух подружек и куда-то с ними отлучилась, оставив Николь одну. Как ни старалась она не смотреть в сторону герцога, ничего не получалось. Она изредка нет-нет и взглядывала на него и замечала, то ли к ужасу, то ли к радости, что и он все время смотрит на нее.

Николь опять охватила дрожь. Ну почему он такой величественный и прекрасный? Зачем он здесь сегодня? Неужели суждено, чтобы он своими глазами увидел, через какое унижение ей предстоит пройти? И зачем он помолвлен с Элизабет?

А между тем аукцион начался. Николь ничего не замечала. Лишь мельком отметила, как бело-голубую коробку одной женщины купил неизвестный мужчина за двадцать пять фунтов. Ужас охватил ее.

Она не могла отказаться, отказаться в последнюю минуту. Верхом глупости было выставлять свою коробку, все равно никто не купит! Будь проклята ее гордость!

Вот уже несколько ленчей продано, но всего по десять или двадцать фунтов. Николь стояла и думала, струсит она и уйдет или останется и дождется, когда ее коробку выставят на продажу. Она опять взглянула на герцога, и глаза их встретились. На этот раз он первый отвел свой взгляд для того, чтобы что-то сказать Элизабет. А Элизабет, увидев Николь, весело помахала ей рукой. Николь не могла вспомнить, ответила ей или нет, она уже знала, что никуда не уйдет отсюда, а если и уйдет, то не сейчас. Вздохнув, она храбро повернулась к площадке.

— Вы не видели Роберта? — спрашивала Элизабет у знакомых. Она начала беспокоиться, так как подходила очередь Николь. Герцог тоже испытывал какое-то волнение.

— Возможно, он вчера хорошо нагрузился и забыл об обещании, данном тебе.

Это было похоже на Роберта, но герцог хотел, чтобы этот красивый сердцеед вообще не пришел на аукцион.

Элизабет наконец увидела Стаси в толпе и устремилась к ней.

— Стаси! — окликнула она кузину, стоявшую под руку со своим кавалером, который только что выкупил ее коробку с ленчем.

— Это лорд Харрингтон, — представила она своего кавалера, кокетливо улыбаясь. — Он выкупил мой ленч за тридцать пять фунтов.

— Как мило, — сказала Элизабет и попыталась приветствовать лорда как положено, хотя он ей решительно не нравился.

— Стаси, где твой брат?

— Извини, но я совсем забыла тебе передать, Элизабет. Он упустил из виду, что у него на сегодня назначена встреча в Брайтоне, и он никак не может от нее отказаться.

Элизабет побледнела, а Стаси засмеялась:

mir-knigi.org

— Я знаю о твоем плане, он рассказал мне. Он не подвел тебя, так как вместо себя прислал вон того рыжего, в белом костюме, который и купит мисс Николь.

Рыжий и его приятель, стоявшие неподалеку, были совершенно пьяны.

— Роберт поступил не по-джентльменски, — простонала Элизабет.

Стаси рассмеялась:

— Я пойду, Элизабет, всего хорошего!

Стаси и Харрингтон исчезли в толпе. Элизабет вернулась к герцогу и рассказала ему о случившемся. Она была крайне взволнована.

Вот и ее очередь пришла: ее коробку выставили. Николь думала, что умрет от волнения. Ей бы следовало украсить свою корзину, как это сделала Регина, но у нее ничего не получилось. Бантики и ленточки выглядели как-то глупо, салфетки и кружева Николь не любила, а цветы, по мнению Николь, здесь были неуместны. На свою коробку Николь смотрела с отвращением. Красный цвет ее коробки в сравнении с голубыми и пастельными тонами других коробок выглядел очень грубо. Ей казалось, что корзина просто ужасна.

Аукционист поднял ее и сам широко открыл глаза от удивления. В толпе послышались смешки.

— Так, что мы здесь имеем? Но что бы ни было в этой необычной корзине, пахнет из нее очень вкусно! У кого есть какие-нибудь предложения?

Тишина. Никто ничего не предлагал. Она смотрела прямо на толстого аукциониста, державшего ее отвратительную корзину.

— Ну, давайте, молодые люди, начнем торг! Кто начинает? Я слышу, пять фунтов? Молод…

— Чья она? — вдруг выкрикнул кто-то.

Нетрудно было определить, кому принадлежит корзина, так как девушки не делали из этого секрета и заранее объясняли своим кавалерам, как выглядит их корзина.

Опять в толпе кто-то захихикал. Тогда аукционист прочитал табличку с ее именем. Вот тут-то Николь по-настоящему захотелось умереть.

Воцарилось молчание. Вдруг кто-то произнес:

— Десять пенсов!

Взрыв смеха потряс толпу после объявления этой цены. Николь стояла оцепенев. Сейчас над ней начнут потешаться.

— Десять пенсов, — сказал аукционист с явным облегчением.

— Один фунт! — грубо сказал кто-то.

— Что? Я слышу, один фунт? Один фунт?

mir-knigi.org

Глазами, полными слез, она искала того, кто предложил эту цену. Не понимая, что делает, она в полном отчаянии посмотрела на герцога и увидела, что он гневным взглядом вперился в мужчину в белом костюме. Потом он повернулся к ней. Она прочла сочувствие в его взгляде, и это было еще одно испытание, которое ей необходимо вынести. Едва сдерживая слезы, Николь почувствовала, что ее кто-то трогает за локоть. Обернувшись, она увидела Регину. Торги, похоже, закончились на одном фунте. Это было так унизительно!

— Я их всех ненавижу. Поехали домой.

Николь ничего не ответила.

— Один фунт — раз! — провозгласил аукционист. — Один фунт…

И вдруг глубокий, хорошо знакомый ей голос, подавляя все остальные звуки, произнес:

— Пятьсот фунтов!

Все мгновенно стихло.

Аукционист заулыбался и провозгласил:

— Пятьсот фунтов! Кто предложит пятьсот пятьдесят? Кто? Нет желающих? Продано! Продано герцогу Клейборо! — И он ударил молотком.

ГЛАВА 11

Элизабет воскликнула, нарушая тишину изумленной толпы:

— Хэдриан, что ты сделал?

Герцог посмотрел поверх головы Элизабет на Николь. Она стояла пораженная, не вполне осознавая, что произошло. Когда стали предлагать унизительные для Николь цены, его это сильно разозлило. Ему хотелось поколотить этих господ, потешающихся над ней. Он видел, как она изо всех сил пыталась не выдать своих страданий и продолжала стоять с гордо поднятой головой. Когда же понял, что ставки повышаться больше не будут, он пришел ей на помощь, заявив убившую всех сумму — пятьсот фунтов.

Ничто не смогло бы помешать ему прийти ей на помощь и спасти от унижения. Но себя он хотел все же убедить, что то же самое сделал бы для любой другой девушки, попади она в такое положение. Дальше этого он не позволил себе вдаваться в анализ мотивов своего поступка. Но интересно, поймет ли его Элизабет? Он отвел глаза от Николь, удивляясь, как долго они смотрели друг на друга.

— Элизабет… — начал он неловко.

Она всплеснула руками и не дала ему говорить:

— Какой ты смелый!

Он удивился. Она прильнула к его руке, светясь от радости.

— Какой ты умный! Теперь все будут знать, что ты взял ее под свою защиту, и никто не посмеет потешаться над ней!

— Неужели в тебе нет ни одной недоброй жилки, Элизабет? — спросил он нежно. — Меня разозлило, как они над ней потешаются. Я всегда терпеть не мог злоупотреблений в любом виде. — Он вспомнил, как так же жестоко отец издевался над его матерью, издевался над ним, унижая его, еще маленького мальчика, на каждом шагу и высмеивая все, чем ребенок хотел гордиться.

— Я знаю, и поэтому я лю… поэтому ты мне так нравишься, — сказала Элизабет, сжимая его руку. — Люди ждут. Иди и отдай корзинку.

Аукционист уже продавал следующую из двух оставшихся корзин. Герцог почувствовал разочарование.

— Я купил ей корзинку, чтоб спасти ее, а не для того, чтобы разделить с ней обед.

— Ты должен, Хэдриан. Если ты этого не сделаешь, люди подумают, что я против или ревную. Поползут слухи. Доведи доброе дело до конца. Ты должен.

Ему опять стало страшно. Его собственная невеста толкает его в руки женщины, которую он страстно желает. Конечно, Элизабет и в голову не приходит, что мысли о Николь постоянно преследуют его.

— Мы пообедаем все вместе, — сказал он твердо, хотя такое решение было для него еще более ужасно, чем обедать с Николь вдвоем.

— Нет, нет, — решительно возразила Элизабет, — Я помогаю твоей маме здесь с самого утра и очень устала. Если ты хочешь, Хэдриан, со мной сегодня поужинать, то позволь мне удалиться. Я поеду домой.

— Я отвезу тебя.

— И оставишь Николь одну, на посмешище? Не глупи! Я пришлю за тобой карету.

Она тепло улыбнулась ему и помахала Николь. Герцог сделал еще одну попытку удержать Элизабет:

— Элизабет, если ты уедешь сейчас, люди могут подумать, что ты расстроилась.

Элизабет весело рассмеялась. Все могли видеть, что она в прекрасном настроении.

— Наоборот, они будут знать, как я тебе доверяю, а я вскоре расскажу всем, как мне приятно, что ты взял под свою опеку леди Шелтон.

Но эти слова встревожили его еще сильней. «Как я тебе доверяю».

Боже, как она ошибается! В его жизни было много женщин. Никто от джентльмена не ожидает верности жене или тем более невесте. И вообще почти каждый джентльмен содержит любовницу. Эти женщины не принадлежали к их кругу и в расчет не принимались. Большинство благородных дам мирилось с таким положением, а многие из них были даже довольны тем, что их мужья находят утешение на стороне. Жены, как правило, не отличались крепким здоровьем, и выдержать активность своих мужей им было сложно. Считалось вполне достаточным иметь от них детей. С Николь интрижка не удастся. Во-первых, он не мог не оправдать доверие Элизабет, а во-вторых, нельзя было нарушать кодекс джентльмена: леди Шелтон принадлежит к высшему аристократическому кругу.

mir-knigi.org

Хэдриан провел Элизабет через толпу, стараясь не обращать ни на кого внимания и не думать о предстоящей встрече. Но мысли его были рядом с высокой, стройной девушкой в полосатом платье персикового цвета.

— Встретимся вечером, Хэдриан, — сказала Элизабет, подходя к карете.

Герцог кивнул ей, помог устроиться в карете, сказал что-то кучеру. Элизабет махнула ему на прощание рукой.

Николь видела, как они уходили. Она с трудом понимала происходящее. Зачем он купил ее корзину, да еще за такую огромную цену? Как мог он так поступить на глазах у Элизабет? Что это могло значить и что предвещало? Она уговаривала себя не делать глупых предположений, но нервы ее были так расстроены, что она не могла себе ничего приказать. Великодушный поступок герцога потряс ее.

И вот он уходит. Конечно, уйдет, а что она могла ожидать? Что он подойдет к ней и пригласит ее с ним отобедать на пикнике, как это делали другие молодые люди? Неужели она до сих пор питает в отношении его романтические иллюзии? Да сколько же можно быть такой дурой!

Николь стояла там же, под огромным раскидистым дубом, где была и во время аукциона, не в силах оторвать взгляд от уходящих герцога и Элизабет.

Регина взяла ее за руку и держала, чтобы напомнить Николь, что она рядом.

— Я не могу поверить… — шептала она возбужденно. — Герцог Клейборо купил твой ленч. О, Николь! Это прекрасный знак! Он всем показал, что с тобой нельзя обращаться неуважительно!

«Неужели только это он хотел доказать? — все еще дрожа от пережитого волнения, подумала Николь, слабо улыбнувшись Регине. — Или… может быть, что-нибудь другое?» Надежда впорхнула в сердце Николь, но она постаралась не поддаваться ей. Регина не могла знать, сколько раз она была у него в объятиях и как чуть-чуть не отдалась ему. Может быть…

— Послушай, Регина, лорд Хартенс ждет тебя. Иди к нему, а я поеду домой. Карету я пришлю за тобой.

— Ты в самом деле так хочешь? — спросила Регина и сильно дернула недоумевающую Николь за руку. — Николь, смотри!

Николь увидела герцога. Возвышаясь на целую голову выше толпы, он шел к аукциону. Аукционист давно уже был внизу, и на площадке среди цветов и всякой мишуры стояла только одна корзинка с нелепо красной коробкой. Герцог взял корзину, поискал глазами Николь, увидел и направился к ней. Обе девушки завороженно смотрели на него. Регина высказала догадку:

— Я думаю… я думаю, что он намерен пообедать с тобой.

— Не может быть, — неуверенно протянула Николь, а сердце ее зачастило, как капли дождя по кровле. Тем временем герцог подошел к сестрам.

— Леди! — обратился он официально.

Регина первой пришла в себя и, посмотрев попеременно то на герцога, то на сестру, сделала

великолепный реверанс.

— Ваше сиятельство, меня ждет лорд Хартенс, прошу извинить. — С этими словами она исчезла.

Глядя друг на друга, они напряженно молчали. Между ними стояло их непростое прошлое и очень неясное настоящее. Николь нарушила молчание:

— Все смотрят. Что вы делаете?

— Пусть смотрят. — Он протянул ей руку, при этом выражение лица его было мрачно. Однако пришлось улыбнуться. — Пойдем?

Николь тупо уставилась на его руку.

— Я… я не понимаю…

Тут он процедил сквозь зубы:

— Мы вместе обедаем, леди Шелтон, так как я купил вашу коробку.

— Как же… Элизабет? — подняв глаза, робко спросила она.

— Элизабет полностью согласна, и если бы она чувствовала себя лучше, присоединилась бы к нам.

— Понятно, — сказала Николь и, не взяв протянутую ей руку, пошла вперед. Неожиданно пришло чувство разочарования, и она сразу же обругала себя. На что она рассчитывала? Уж не на то ли, что ради нее он расстанется с Элизабет? Да она для них обоих только предмет благотворительности и ничего больше, хотя цели герцога могут вызвать подозрение.

— Вы принесли подстилку?

— Что?

Он резко повторил свой вопрос.

Николь покачала головой.

Тогда герцог снял свой охотничий зеленый плащ и постелил его.

Вместо того чтобы поблагодарить, Николь молча смотрела на плащ.

— Уверяю вас, блох у меня нет.

Ее взгляд метал молнии.

— Это же смешно! Вы действительно полагаете, что мы можем здесь сидеть и мирно обедать вместе?

— Я не полагаю, а — требую, чтобы именно так и было! — сверкнув глазами, отрезал он.

Инстинкт бойца проснулся в Николь, и она приготовилась к борьбе.

— Я не нуждаюсь в вашей благотворительности.

mir-knigi.org

— Напротив, — спокойно ответил он, — очень даже нуждаетесь.

— Я не просила вас покупать мою коробку!

— Да. Не просили.

— Тогда зачем вы это сделали? — выкрикнула она.

Он молчал, на шее от гнева пульсировала тонкая жилка.

— Потому что у вас не оказалось других спасителей, — наконец ответил он.

— Ах, как вы любезны! Меня не нужно было спасать, и уж во всяком случае не вам! — крикнула Николь, обиженная до слез.

— Николь, может быть, вы забудете о своей гордости хоть на некоторое время. Сколько раз она толкала вас на опрометчивые действия? Как часто она создавала вам большие проблемы?

— Это не ваше дело.

— Я предлагаю вам сесть, — сказал он, слегка покраснев от злости, — и не разыгрывать здесь спектакль. Мы можем сейчас все испортить.

— Мне не нужно ваше покровительство, — произнесла она с горечью, — ищите и защищайте милую Элизабет.

— Ей никакое покровительство не требуется. А я просто дурак, что предложил его вам, такой неблагодарной. Садитесь же! — Он резко дернул ее за руку так, что она была вынуждена сесть на его плащ. Он опустился рядом с ней, а когда Николь вознамерилась подняться, он снова крепко взял ее за руку и держал, уже не отпуская.

— На нас все еще смотрят. Наша борьба может вызвать досужие разговоры. Неужели вам мало сплетен вокруг своего имени, Николь?

Она закрыла глаза.

Он отпустил ее руку. Открыв глаза, она увидела, что он пристально смотрит на нее.

Сколько бы она ни упрямилась, сколько бы ни отрицала того, что ей нужна его благотворительность, все это ей было нужно, и, возможно, что-то еще большее. Николь вздернула подбородок и глотала горячие слезы.

Без сомнения, этот человек обладал большой магнетической силой. Отказать ему в чем-либо было почти невозможно. Если бы он принадлежал ей, она бы сейчас выплакала у него на груди все свои прошлые обиды, поведала свои мечты о счастье, которого ей так отчаянно хочется. Он стал бы ее пристанищем, невидимой защитой от всего остального мира. Защитой, в которой она так нуждается. Но он принадлежит другой, и все ее мечты несбыточны.

Он все еще смотрел на нее, как бы читая ее невысказанные мысли и чувства. Злость его улеглась, и предательская краска сошла с лица. Его глаза, вновь обретшие глубину и темно-золотой, тигровый оттенок, гипнотизировали Николь. Она успокоилась и полностью подчинилась его воле.

Внезапно он нежно дотронулся рукой до ее лица — в этот момент ее пронзило отчаянное

mir-knigi.org

желание — и так же внезапно убрал руку, потянувшись за корзинкой.

— Пожалуй, поедим, — сказал он.

Николь испытала сильнейшее разочарование. Она молча наблюдала, как он, раскрыв корзинку, вынимает закуски. Оказывается, одного мимолетного прикосновения достаточно, чтобы она превратилась в комок страстного желания. Она сидела не двигаясь, ее тело дрожало от сильного напряжения, которое она изо всех сил старалась скрыть. Мысли ее путались. Он поднял глаза, они горели тем же огнем страсти, и скрыть это было невозможно.

«О, Боже милосердный!» — взмолилась Николь, когда на нее вновь обрушилось желание такой неистовой силы, что она уже ни о чем и ни о ком не могла думать. Исчезло все: и небо над головой, и листья деревьев, и праздничные толпы людей, бродящих по парку. Исчез весь мир, кроме него и ее.

Она сидела не шелохнувшись, только ее глаза впивались в прекрасные черты дорогого лица. Вот — резко очерченные чувственные губы, и она вспомнила их жар, силу и голодную жадность. Теперь — широкие плечи и массивная грудь, одетая в простую белую рубаху. Две пуговицы на шее расстегнуты, и через ворот видны густые темные волосы. Длинные мощные ноги в бриджах и высоких блестящих сапогах. Она пришла в ужас, когда ее глаза уставились на то место, где твердый большой член натянул ткань бриджей. Она долго не могла отвести взгляд. Тело ее так напряглось, что дрожь унять было невозможно. Ей казалось, что она сейчас умрет и обретет рай. Он выругался:

— Проклятье! Это невозможно! Так не должно продолжаться!

Николь бесстыдно облизала губы, мечтая о его поцелуях, объятиях, о том, о чем ни одна леди мечтать не должна.

— Предлагаю вам, — сказал он резко, — подумать о чем-нибудь другом, о чем-нибудь еще.

— Я не могу, — прошептала она, увидев в его глазах ответный жар.

Он с шумом выдохнул и грубо сказал:

— Если не можете, то нам придется еще с час посидеть здесь. Я думаю, часа будет достаточно, если мы выдержим.

Его слова вывели ее из завороженного состояния.

— Да, часа будет достаточно, — согласилась она, — будет вполне достойно час провести вместе, а потом вы вернетесь к Элизабет.

— Да!

На Николь это подействовало как пощечина. Как же она могла сидеть здесь и соблазнять мужчину, принадлежащего другой женщине, практически жене? О, как это аморально! Впрочем, как и ее физическое желание.

Николь стало стыдно. На какое-то время она совсем забыла про Элизабет, так ей хотелось побыть с герцогом в интимной обстановке. Как же она могла допустить такое? Этот человек занят, ей не принадлежит и не будет принадлежать, и так открыто сидеть и соблазнять его — верх бесстыдства и подлости.

— Не будем тянуть, — сказала она вдруг, не смея смотреть ему в глаза. — Давайте уйдем отсюда прямо сейчас. Своим друзьям можете рассказать, какая я очаровательная и замечательная и что у меня сильно разболелась голова. И еще поблагодарите, разумеется, Элизабет за ее великодушное участие в моем спасении.

Герцог молчал. Она чувствовала, как что-то угасает в ней, может быть, это умирала едва родившаяся страсть.

— Вы правы, — согласился он, встал и протянул руку Николь, чтобы помочь ей подняться. Опасаясь прикосновения, она встала сама, сложила плащ и протянула его герцогу.

Им пришлось идти через весь парк до стоянки карет. По дороге герцог без конца раскланивался с разными людьми, а она никому не отвечала, пытаясь собрать свои растерянные мысли и чувства. Вот и спасительная карета графа Драгмора. Николь рванулась к ней, пытаясь ускорить расставание. В понедельник она непременно вернется в Драгмор. Кучер открыл лакированную черную дверцу, и Николь уже занесла на ступеньку ногу, но герцог схватил ее за руку, удерживая. Все это время она старалась не смотреть на него, но тут ее глаза впились в него — и какое-то мощное чувство, которому нет названия, вспыхнуло. Она обернулась, и их глаза встретились… Мощное притяжение незримой вспышкой возникло между ними.

— Николь… — почти прохрипел герцог, — мы должны встретиться и поговорить.

— А есть ли о чем? — спросила она с грустью в голосе.

Прошло несколько секунд, а он не отвечал, внутренне борясь с собой. Сжав еще сильнее ее руку, он наконец сказал:

— Мы поговорим. Моя карета еще не вернулась.

Вы можете подвезти меня до дома Клейборо?

— Ничего подобного я никогда не сделаю!

Герцог помог ей подняться в карету. Николь не очень грациозно плюхнулась на заднее кожаное сиденье кареты и через мгновение увидела, что герцог усаживается рядом.

— Клейборо! — сказал он кучеру и закрыл за собой дверцу. — А затем отвезете леди Шелтон домой.

— Хорошо, ваше сиятельство, — ответил кучер, и карета покатилась.

— Зачем вы это сделали? — воскликнула Николь.

Он повернулся к ней. Глаза его горели такой страстью, которая мгновенно нашла отклик в Николь. Она поняла, что ее желание не умерло. Оно кипело в ней с тех самых пор, как он подошел к ней с коробкой.

— Что вы собираетесь дальше делать? — спросил он.

Неужели он чувствовал ее намерения? Или, может быть, она чересчур откровенно себя ведет? А может быть, это он слишком проницателен? Она выдавила жалкую улыбку.

— Я собираюсь уехать. Я возвращаюсь в Драгмор в понедельник.

Он смотрел на нее. Николь слышала, как бьется ее сердце. Ей почему-то казалось, что он начнет ее отговаривать. Но он отвернулся и стал смотреть в окно кареты. Ей захотелось дотронуться до рукава его плаща. Но она не сделала этого.

Он повернулся к ней.

— Значит, это наше прощание, — сдержанно произнес он.

— Да.

Опять напряженное молчание.

— Николь…

Она ждала. Ждала, что он начнет ее уговаривать остаться или признается ей в своих чувствах.

— Вы необыкновенная, — сказал он, — вы не такая, как другие.

Это был самый большой комплимент, который он мог ей сделать. Слезы потекли у нее по щекам.

— Не плачьте, — потребовал он и провел рукой по ее лицу, — почему вы плачете?

Она покачала головой. Он наклонился вперед, но она не отстранилась. Этот поцелуй должен быть последним, и она хотела запомнить его навсегда.

Обхватив руками ее лицо, он поцеловал ее. Это был нежный поцелуй, каким целуют только при большом чувстве. Затем рука его скользнула ниже и сдавила ее шею. Поцелуи стали требовательными. Слезы мгновенно исчезли.

Николь вскрикнула и вцепилась в борта его плаща. Ни секунды не колеблясь, она прильнула к нему, и он тут же очутился на ней сверху. Они обняли друг друга. Их языки терлись друг о друга и сталкивались, разжигая лихорадку желания. Она почувствовала, как его горячий, твердый член оказался у нее между ног. Он начал двигаться со всевозрастающей настойчивостью.

Она не хотела, чтобы их отношения вот так завершились, не хотела отдавать его другой женщине, кто бы она ни была. Он жаждала, чтобы он принадлежал ей.

Он поднимался и опускался на ее теле. Николь позволила ему делать все, что он хочет.

Неожиданно он замер, тяжело дыша. Она увидела, что ее ноги обхватили его ляжки, но это ее нисколько не смутило.

— Карета остановилась, — наконец сказал он. — Она уже давно стоит.

Николь закрыла глаза.

— Если бы я был негодяй, то мы на этом бы все и кончили. — Он встал на ноги.

Она с трудом заставила себя сесть. Герцог сел рядом.

— Я не для этого поехал с вами. Я не этого хотел.

mir-knigi.org

— Я ни о чем не сожалею. — Опять она ждала, что он попросит ее не уезжать.

— Прощайте, — мягко произнес он, затем открыл дверцу кареты и устремился прочь.

Николь в последний раз увидела его лицо, когда он хлопнул дверцей кареты. Нет, забыть его она не сможет. Николь обхватила свои плечи руками, стараясь успокоиться. Все вокруг стало холодным и пустым. Вновь слезы навернулись у нее на глаза. Карета тронулась. Николь, как наяву, услышала его тихий голос.

— Николь, — нежно и настойчиво звал он ее.

Но она не решалась выглянуть в окно.

ГЛАВА 12

Марта вошла за Николь в ее комнату. Она не была на пикнике, но все случившееся там знала во всех подробностях.

— Ты расскажешь мне… — начала было она, но, увидев Ани, упаковывающую вещи Николь, остановилась.

— Куда ты уезжаешь?

Николь, отпустив Ани, повернулась к своей лучшей подруге:

— А как ты думаешь? В Драгмор!

— Но тебе нельзя сейчас уезжать из Лондона.

— Почему же?

— Потому что герцог тебя принял и теперь все тебя будут приглашать. Вся твоя жизнь повернется по-другому. Сейчас тебе уезжать нельзя!

Николь отвернулась, прикусив губу. Ей необходимо уехать, она знала это. Вчера было прощание. Это конец, и ждать больше нечего.

Но и Драгмор не казался ей больше пристанищем и не манил ее, как раньше. Искушение остаться в Лондоне было очень велико. Однако она должна ехать. Они уже попрощались. Остаться в Лондоне будет злоупотреблением с ее стороны.

— Каждый раз, когда я с ним, у меня сердце разрывается от боли, — мягко сказала Николь.

— Ох, Николь, я уверена, что он увлечен тобой. Поэтому он и коробку твою купил. Но он человек чести и никогда не покинет Элизабет. Всем известно, что она испытывает странное переутомление. Она и благотворительный пикник покинула раньше времени, потому что переутомилась, организуя его. Он вчера водил ее в театр, но пробыли они там очень недолго.

Николь ходила взад и вперед по комнате.

— Я знаю, Марта, поэтому и не могу остаться. Признаюсь тебе, что я просто боюсь за себя, за свои чувства к нему. Я… я хочу его, и это несправедливо, так как он принадлежит другой. Стыдно.

mir-knigi.org

Интересно, поняла ли ее Марта? В любом случае она не позволит себе продолжать обсуждение этой интимной темы.

— Кое в чем ты права. По-видимому, тебе действительно лучше уехать в Драгмор, пока ты не переболеешь им. Сейчас пришло твое время возвращаться в свет, и ты все равно рано или поздно про герцога забудешь. Но если ты останешься, то непременно кого-нибудь найдешь себе, я уверена.

— Мне никто не нужен.

— Почему ей нужно искать кого-то еще и почему Николь уезжает? — спросила Регина, неожиданно появляясь в дверях.

— Следует стучаться, — упрекнула ее Марта.

— Да? Разве моей сестре, нужно что-то скрывать? — Она закрыла дверь и возбужденно заговорила: — Что вчера произошло? Николь, если бы ты видела, как герцог на тебя смотрел!

Слова сестры легли на свежую рану.

— Как же он смотрел на меня? — Ей не хотелось задавать этот вопрос, но он вырвался сам собой.

— Как будто ты единственная женщина в мире.

— Пожалуйста, не говори глупостей, Регина, ты ошибаешься! — Николь даже села, обессилев. Регина уселась рядом.

— И тебе он очень нравится, это было так видно!

— Видно? — Николь сразу стала пунцовой.

— Видно мне, — заверила ее сестра. — Это правда, что ты отвезла его в нашей карете?

— Да, правда. — Николь не смутилась. Она запомнит на всю жизнь до мельчайших подробностей их вчерашнее прощание.

— Элизабет очень мила, — продолжала Регина, — но с тобой ее нельзя даже сравнивать. Я молю Бога, чтобы он бросил ее ради тебя!

— Регина! — резко одернула ее Марта: — Не буди в сестре глупые, безнадежные мечты. Ничего подобного он никогда не сделает.

— Вы стали старыми ворчуньями. Если любишь, все возможно!

Николь встала, не желая участвовать в споре. Она знала, что Марта права, но в глубине души ей, конечно же, очень хотелось, чтобы права была Регина. Она даже стала думать, что он позвал ее, когда карета поехала. Но зачем он звал ее? Может быть, он и правда смотрел на нее как на единственную женщину на свете. Николь потерла виски. Не надо слушать Регину. Она еще маленькая и ничего не смыслит в мужчинах и их поведении.

Неожиданно Марта обрушилась на Николь:

— Ты не должна уезжать из Лондона, Николь. Я прошу тебя! Герцог никогда не задерживается

mir-knigi.org

в городе надолго. Он редко появляется в свете. Может быть, ваши пути однажды и пересекутся, но на большее рассчитывать нельзя. Если ты сейчас уедешь, то обречешь себя на жизнь старой девы в деревне. Не делай этого!

Как же герцог перевернул все ее существование! До встречи с ним она жила спокойной, размеренной жизнью, любила и ценила свои привычки, свои понятия, свой круг общения. Теперь же в ее душе поселилась неутолимая болезненная жажда того, чего она никогда не сможет иметь.

Прежняя гармония жизни погибла безвозвратно. Представить себя в деревне она больше не могла. Пребывание в Драгморе заранее казалось бесцветным и нестерпимо одиноким. Раньше она никогда не чувствовала одиночества, а теперь оно угнетало ее.

— Не знаю. Подумаю, — ответила она наконец Марте.

Регина поддержала Марту, но слушать младшую сестру, которая утверждала, что между ней и герцогом расцветает любовь, не хотелось. Все-таки Регина очень наивна, разве можно ей верить в этом. Кроме того, Николь придется решать еще одну проблему, отрицать которую уже нельзя, — это Элизабет. Как ни старалась Николь относиться к ней плохо, из этого ничего не вышло: развить в себе антипатию к Элизабет она не смогла. Это был столь милый человек, что не любить ее было невозможно. И если бы вдруг герцог оставил бы ее ради Николь, она бы себе этого никогда не простила. Причинить такое горе Элизабет было нельзя. Получалось, что выход из этого замкнутого круга один — забыть навсегда герцога Клейборо.

Герцог вошел в холл своего дома после утренней верховой прогулки по парку. Лицо горело от холодного ветра. Он специально выбрал для этой прогулки необъезженного коня. Хотелось очень быстрой и опасной ездой отвлечься от тяжелых мыслей. Но умчаться от себя не помогла даже бешеная скачка.

Завтрак ждал его на столе: несколько ломтиков семги и белорыбицы. Он не удивился, увидев за столом мать; ее карета стояла у дома. Герцог всегда был рад видеть ее, но не сегодня. У него не было сомнений относительно причин ее прихода. Его и без того скверное настроение испортилось еще больше.

— Доброе утро, мама. — Он поцеловал ее в щеку и сел.

Ответив на его приветствие, Изабель налила ему черного чая. Он любил пить черный чай без молока.

— Мы вчера собрали тысячу пятьсот двадцать восемь фунтов, — начала она разговор располагающим к беседе тоном, но взгляд был жестким.

— Сюда входят и мои пятьсот фунтов?

— Да.

— Я чувствую, тебе хочется в меня вцепиться, мама. Пожалуйста, не стесняйся.

— Я не знаю, хочу в тебя вцепиться или нет. Мне было ужасно жаль ее, она была в таком неловком положении, и то, что ты спас ее, меня очень тронуло, А с другой стороны…

Он поднял бровь.

— Хэдриан, пожалуйста, скажи мне: между вами ничего нет?

— Тебе не кажется, что эта тема для разговора матери со взрослым сыном не самая подходящая?

— Поскольку нет отца, у меня нет выбора.

— Всегда есть выбор, мама.

— Хэдриан!

— Я действительно пытался защитить Николь Шелтон от оскорблений. Давай на этом закончим.

— Элизабет любит тебя, Хэдриан. — Лицо матери выражало беспокойство.

— Я тоже очень люблю ее. И всегда любил. Я был у нее на крестинах, качал ее на коленях. Она ходит за мной с тех пор, как научилась ходить. Я не собираюсь нарушать нашу помолвку, мама.

Изабель почувствовала, что может полностью ему доверять. Однако беспокойство ее не исчезло, она знала, что сердечные дела развиваются по своим законам, без учета последствий. А она уже видела, что может произойти между ее сыном и леди Шелтон. Ей трудно быть судьей, но, видит Бог, она знает, что такое страсть. У нее это тоже было, правда, немного не так. Френсис был жестоким, неверным мужем…

Хэдриан прервал ход ее мыслей:

— Меня очень беспокоит Элизабет. Я убедился, что она больна. Она все продолжает худеть и устает еще быстрее, чем прежде. Я пригласил врача.

— Очень хорошо. А она знает об этом?

— Не только знает, но на этот раз и не сопротивляется, — сказал герцог печально.

Мать и сын задумались. До сих пор Элизабет уверяла всех, что чувствует себя хорошо. Ее согласие проконсультироваться у врача было равносильно признанию в том, что у нее что-то не в порядке.

Потом мысли Изабель переключились на Николь. Да, Николь и Элизабет были несхожи, как ночь и день. Было совершенно понятно, почему сын мог увлечься: Николь была дикая, сильная, здоровая и красивая. То есть именно такая девушка могла бы составить партию ее сыну, такая же, как он сам. Если бы не Элизабет, она с радостью согласилась бы на брак сына и Николь, несмотря на скандал.

Ей стало вдруг страшно оттого, что она утром отправила Николь приглашение. Теперь она молилась, чтобы все прошло хорошо.

Николь пребывала в растерянности: она никак не могла принять решение — уехать ли в Драгмор, где ей уже совсем не хотелось жить, или остаться в Лондоне, где она могла рассчитывать лишь на случайные встречи с герцогом. Граф и графиня Драгмор вернулись в Лондон поздно вечером на следующий день. После ужина Джейн пригласила Николь в свои комнаты поболтать.

Николь часто проводила время с матерью, но не в ее комнатах и не в вечернее время. Несомненно, мать хотела с ней что-то обсудить. Она устроилась на оттоманке, обитой тканью цвета красной вишни, перед камином и приготовилась к беседе с Джейн.

Джейн налила себе и ей шерри и села в маленькое кресло рядом с Николь.

— Милая, я слышала, что ты велела укладывать вещи?

— Я решила было вернуться в Драгмор, но теперь не уверена. — Ей так хотелось все рассказать матери, но знала, что этого делать нельзя.

— Из-за герцога Клейборо? — спросила мягко Джейн.

Николь едва сдержала возглас удивления. Мать нежно и сочувственно смотрела на дочь.

— Я слышала о благотворительном пикнике. — Она коснулась руки Николь.

— Ой, мама! — Комок подкатил к горлу, и Николь отвернулась, старательно изучая руки.

— Доверься мне, дочь.

— Не могу.

— Что бы ты ни сказала, меня это не удивит, тем более что я догадываюсь о твоих чувствах.

Николь посмотрела на мать. Боже, знай Джейн, что произошло между нею и герцогом, она была бы сейчас в шоке. Николь не хотела ей рассказывать, но груз переживаний был слишком велик.

— Наверное, ты то же самое испытывала к отцу, — начала Николь неуверенно и сама поразилась значению этих слов.

Джейн тоже удивилась, так как не предполагала, что дочь могла испытывать такие сильные чувства к герцогу.

— Я убежала от твоего отца, — сказала она.

От неожиданности у Николь расплескалось вино.

— Он согласился жениться на мне, но я была уверена, что он это сделал потому, что сначала скомпрометировал меня. — Она не стала говорить дочери, что на самом деле она сама соблазнила графа, забравшись к нему в постель, когда он был вдребезги пьян. — Я так любила его, что не могла стать его женой до тех пор, пока не убедилась, что и он любит меня.

— Мне кажется, что я могу это понять.

— Ты его любишь?

Николь пристально смотрела на огонь в камине. Она молчала, боясь произнесенных слов.

— Он не любит меня. Он любит Элизабет, а она очень милая и добрая, а вначале я ненавидела ее. Он просто… желает меня.

Джейн усмехнулась:

— Любовь между двумя людьми — очень редкий и драгоценный дар, Николь. Редкий и драгоценный. Я полагаю, что если бы он действительно любил Элизабет, то не хотел бы тебя. Герцог — человек слова, и он никогда не нарушит своего обещания. Я рада, что ты ясно видишь и понимаешь ситуацию. Ты молодая и сильная девушка, и я знаю, что ты сможешь забыть его.

Николь уже почти рыдала:

— Я никогда его не забуду, никогда. Но это уже не имеет никакого значения.

Джейн встала, обняла дочь и стала успокаивать ее:

— Как бы я хотела помочь тебе.

— Мне уже хорошо!

— Все обернется к лучшему, Николь. Поверь мне. После того, что он сделал на пикнике, все начнут приглашать тебя, потому что он тебя признал. Конечно, тебе больно, но сейчас уехать из Лондона будет ошибкой.

— Марта говорит то же самое.

— Я хочу, чтобы ты осталась. — Джейн взяла ее руки в свои. — Это твой шанс восстановить себя в обществе и найти человека, который полюбит тебя. И не тряси головой. Переживи свою любовь к герцогу. Ты сейчас можешь стать леди, за которой будут ухаживать, которую станут приглашать. В Драгморе же ты обречена на одиночество в деревне. Мы оба просим тебя: останься здесь и попытайся воспользоваться тем, что сделал для тебя герцог.

Родители очень редко просили Николь о чем-либо, и она не могла им отказать, да и не хотела. Не хотела уезжать, не хотела забывать герцога и не хотела в Драгмор, где она, откровенно говоря, будет по нему чахнуть.

— Вы действительно думаете, что меня будут принимать в обществе и я буду пользоваться успехом?

Она попыталась представить себе будущее, которое хотела для нее мать: она вращается среди неженатых людей, которые за ней ухаживают. Наконец она находит себе принца, который сразу делает ей предложение. Но, увы, из этого ничего не выйдет. Если она забудет его, у нее начнется жизнь, которой она никогда не хотела. Она нисколько не сомневалась в том, что для нее уже никогда не найдется принца и никогда она не сможет обрести счастье.

— Я уверена, — сказала Джейн.

— Я остаюсь.

Мать была в восторге. Затем, вначале явно не решаясь, она все-таки спросила:

— Раз ты остаешься, Николь, я должна сказать тебе о приглашении, которое мы получили сегодня. Это приглашение на субботу и воскресенье принять участие в охоте.

— Я очень люблю охотиться, — сказала Николь.

— Нас приглашает Дауэйджер, герцогиня Клейборо.

— Мама, я не могу.

Но даже произнеся эти слова, Николь мгновенно представила себе, что в охоте примет участие он, а Элизабет, конечно, не сможет охотиться.

— Я не очень хорошо знаю герцогиню, но мы на протяжении уже многих лет изредка встречаемся и разговариваем. Она мне очень нравится, и я думаю, такие же чувства она испытывает и ко мне. Только тридцать семей получили приглашения, тридцать самых влиятельных семей. Среди приглашенных есть один или два свободных молодых человека. Мне бы хотелось, чтобы ты познакомилась с ними. И то, что герцогиня великодушно включила тебя в список, означает, что, как и герцог, она берет тебя под свое покровительство. Это только начало, Николь.

Конечно, больно будет там видеть герцога и Элизабет вдвоем, но сердце жаждало встречи с ним. В то же время Николь понимала, что значит для нее получить приглашение от Дауэйджер, герцогини Клейборо, к ней в дом на уик-энд. От такого приглашения не отказываются.

— Она очень достойная женщина, и, как ее сын, не может поощрять несправедливость. Я знаю, тебе неудобно быть там, и если у тебя все еще болит сердце, а ты соглашаешься на поездку только из-за меня, то, право, не стоит. Ты можешь не ехать, а мы им скажем, что ты нездорова.

— Если она пригласила меня лично, то я еду, — сказала Николь, твердо решив начать новую жизнь, в которой у нее будет полно поклонников и успех, но… что-то говорило ей о том, что все это уже не для нее…

ГЛАВА 13

Элизабет почувствовала себя лучше только к полудню в понедельник. Вечером в день пикника герцог водил ее в театр, но им пришлось уйти, не досмотрев спектакль, так как она почувствовала себя совсем плохо. После театра она два дня не вставала с постели. У нее не было высокой температуры, но не прекращались боли во всем теле. Врач, которого привел герцог, не смог поставить точный диагноз, но у него были серьезные опасения по поводу сердца. Поэтому он считал, что ей надо вести самый спокойный образ жизни и как можно больше отдыхать.

— Но почему же она жалуется на боли во всем теле? — потребовал ответа герцог, разозлившись, что врач не может установить причину недуга.

— Это вполне может быть грипп. Вы говорите, что раньше у нее ничего подобного не было, не так ли? — спросил доктор.

— Да, это верно, — ответил герцог.

Тогда врач посоветовал дать ей немного настойки опиума.

В понедельник Элизабет уже сидела в кровати и улыбалась—чувствовала себя значительно лучше. Во вторник она со служанкой отправилась по магазинам, — похоже, доктор был прав, у нее был грипп, а уставала она действительно, видимо, из-за слабости сердца. Герцог вздохнул с облегчением. Ухудшение здоровья Элизабет не только тревожило его, но начало пугать. Он привык контролировать себя — у него были железная воля, выдержка и самодисциплина. Если дела выходили из-под контроля и начинали идти непредвиденным образом, он начинал работать без устали до тех пор, пока все не нормализовалось. Уже много лет прошло, как он

единолично правил в герцогстве и привык к огромной власти. В случае с недугом Элизабет он почувствовал себя абсолютно бессильным: состояние ее здоровья не было ему подвластно. Наступившее улучшение стало приятной неожиданностью.

Жизнь герцога из привычной, размеренной и трудовой превратилась в какую-то суматошную и непрогнозируемую. И дело было не только в болезни Элизабет, но и в Николь, к которой он испытывал неослабевающий интерес. Он уже убедился, что никакой самоконтроль у него не сработает, как только дело коснется Николь Шелтон.

Каждый день у него был заполнен множеством дел, но он вменил себе в обязанность утром и вечером приезжать и справляться о здоровье Элизабет. Он считал, что поступать иначе было бы с его стороны явной неучтивостью.

Герцог постоянно сравнивал обеих девушек: Элизабет — такая хрупкая, миниатюрная и болезненная, и Николь — здоровая, красивая, полная энергии.

Однажды, сидя у постели захворавшей Элизабет, герцог поймал себя на мысли, что он не хочет ее как женщину и никогда не хотел. Он даже ни разу ее не поцеловал. Правда, однажды в день рождения, да и то только потому, что она ждала от него этого. Это был очень целомудренный поцелуй.

С Николь все было по-другому. Он обнимал ее так, будто хотел всю вобрать в себя.

Но стать его женой должна Элизабет. Она, конечно, будет примерной женой, но представить ее в постели он не мог. Когда дойдет до дела — справлюсь, решил он.

Она спала в кресле своей маленькой гостиной, а он стоял рядом и смотрел на нее. Какое юное, невинное лицо! Впервые он задумался о правильности обряда помолвки. Их обручили в младенческом возрасте. И все эти сомнения из-за Николь, из-за ее вторжения в его жизнь… Теперь он уже сожалел, что присутствовал на пикнике и спасал ее. Пусть бы это был кто-нибудь другой, но… он знал, что обманывает себя. Если бы…

Усилием воли герцог прервал ход своих рассуждений. Он считал, что жизнь — вещь конкретная и одно обстоятельство всегда рождает другое, реальность — создает реальность, и фантазировать — это удел слабых, глупых, романтичных людей. Себя он к ним не причислял.

Как хорошо, что она уехала из Лондона! Ему стало намного легче. Казалось, что одно ее присутствие вызывает в нем страсть, контролировать которую он не способен. Это было обидно, так как он привык гордиться своим чувством самообладания.

Во вторник вечером они с Элизабет были в гостях у графа Равенсфорда, где собрались самые близкие друзья. Среди них, к немалому удивлению герцога, были граф и графиня Драгмор. Меньше всего ему хотелось сейчас встречаться с ними, но не подойти и не поговорить было бы верхом неприличия. Он решил это сделать перед тем, как будут приглашать к столу.

Герцог представил им Элизабет, очень дружелюбно поговорил с ними, заметив при этом, что графиня незаметно очень внимательно рассматривает его невесту. Ему стало неловко от мысли, что ей известно больше, чем нужно, о его отношениях с их дочерью. Он постарался быстрее отогнать эту глупую мысль, чтобы не чувствовать за собой вины.

К концу ужина Элизабет побледнела, ей стало плохо. Заметив это, герцог отвел ее в сторону и поинтересовался, что с ней. В ответ она улыбнулась ему обворожительной улыбкой, заставив улыбнуться и его.

— Ты обо мне беспокоишься, словно старый ворчун!

— Может быть, поедем домой? Ты выглядишь очень усталой.

Элизабет заколебалась:

— Я боюсь, что мы испортим такой замечательный вечер.

— Я все объясню хозяину, — сказал герцог.

Пока герцог прощался с супругами Равенсфорд, Элизабет пошла в туалет. Объяснив причину своего отъезда, герцог стоял в холле рядом со слугой, державшим меховой палантин Элизабет. Неожиданно в холл вошла графиня Драгмор и направилась прямо к нему.

— Ваше сиятельство, я знаю, что мое желание не совсем уместно, но мне бы очень хотелось с вами поговорить.

Это было более чем неуместно и необычно, но герцог кивнул в знак согласия.

Интересно, что ей нужно? И какое неуважение к условностям, какая смелость! Она старше его лет на десять и все еще поразительно хороша. Слуги любят поболтать лишнее. И уж конечно, слуга, который сейчас держит накидку Элизабет, наплетет всяких небылиц о герцоге и графине Драгмор. Однако если ей все равно, что о них будут говорить, то ему и подавно. И еще он подумал, что привычку несоблюдения условностей Николь унаследовала от матери, бывшей актрисы. Герцог попросил дворецкого оставить их на некоторое время.

— Благодарю вас, — улыбнулась графиня, — мы с мужем хотели выразить вам нашу глубокую признательность за то, что вы сделали на днях на пикнике.

Герцог молчал.

— Вы не только помогли нашей дочери в очень неловкой для нее ситуации, но и сделали возможным ее возвращение в общество. Мы не знаем, как отблагодарить вас.

— Она очень понравилась Элизабет. Я не мог поступить иначе.

«Как Николь Шелтон может вернуться в общество, если она уехала из Лондона?» — мгновенно возник у него вопрос.

— Николь тоже в восторге от нее. Я очень рада, что ей стало лучше. Как видите, в Лондоне не может быть секретов.

— Благодарю вас. — Выражение его лица не изменилось, но он никак не мог поверить, что Элизабет может понравиться Николь.

Появилась Элизабет. Она поздоровалась с графиней.

— Извините, я немного подслушала. Мне очень нравится ваша дочь. Передайте ей, пожалуйста, привет от меня и скажите, что я, как только смогу, обязательно к ней заеду.

Герцог нахмурился и вежливо спросил графиню:

— Так вы теперь собираетесь в деревню?

— Не сразу. Николас вернется в Драгмор через несколько дней, а я должна остаться. Мне так редко случается побыть в Лондоне с двумя дочерьми. Конечно, я буду сопровождать их везде.

— Понятно.

Значит, она все-таки не уехала. Как ни странно, но он не рассердился. Еще несколько дней назад ее присутствие в Лондоне бесило его. А где же сейчас его злость? Улетучилась, исчезла…

Интересно знать, специально ли она ему лгала? Инстинктивно он чувствовал, что нет. Не могла она этого сделать. Сначала он не позволял себе вспоминать о пикнике, а теперь только о нем и думает. Что-то случилось с ними тогда. Что-то зажглось в нем и не гасло. Что-то такое, что он боялся рассмотреть поближе и что было значительно большим, чем просто страсть. Вот под влиянием этого чего-то Николь и хотела уехать из Лондона, и он почувствовал облегчение. Но она не уехала.

Элизабет сразу заметила, что настроение у Хэдриана изменилось, и в карете Клейборо, в которой они ехали к ней домой, она спросила:

— Ты расстроен, Хэдриан? Я сделала что-нибудь такое, что огорчило тебя? Ты хотел еще остаться в гостях?

Ему сложно было мгновенно переключиться на свою невесту, и он ответил уклончиво:

— Ты ничем не могла огорчить меня.

— Я очень рада. Как только буду лучше себя чувствовать, обязательно навещу леди Шелтон.

Он уже не справлялся с наплывом чувств и впечатлений. Разбираться в них было бесполезно. Словно огромная волна подхватила его и понесла…

Неожиданно все ощущения сконцентрировались в два четких образа: Николь на маскараде у Аддерли в вызывающем наряде цыганки, он спас ее, не задумываясь о мотивах, хотя было понятно и дураку, что ей там было уготовано; и Николь на благотворительном пикнике, окаменевшая от унижения, но гордая, скрывающая обиду и боль. Ему не хотелось, чтобы его невеста навещала Николь Шелтон, и в то же время он не хотел отнимать у Николь шанс вновь обрести то положение, которого она несправедливо была лишена.

— Очень внимательно с твоей стороны, — сказал он.

Элизабет счастливо улыбалась, а герцог хмурился.

В пятницу в полдень Шелтоны приехали в Мэддингтон, в дом Дауэйджер, герцогини Клейборо. Имение, принадлежавшее Клейборо более пятисот лет, когда-то было огромным земельным владением семьи в Дербошире. Со временем это владение превратилось в небольшое имение, в основном занятое парком площадью не более ста акров. Остальные земли были проданы или перешли к другим владельцам. Поместье было построено еще в период норманнского господства в Англии, но некоторые сооружения хорошо сохранились. Однако за прошедшее время было сделано столько всяких перестроек, что теперь только квалифицированный эксперт по архитектуре мог определить, к какому времени и к какому стилю относится то или иное сооружение.

Николь и Регину отвели в комнату, специально отведенную для них обеих на эти дни. У родителей тоже была отдельная комната. Затем им объявили, что ужин будет в восемь часов, а пока они могут принять горячую ванну и им будет подан чай. Обе девушки были рады и тому, и другому.

Регина с разбега прыгнула на огромную кровать, а Николь подошла к балконному окну и выглянула наружу. Под маленьким балконом простирались изумрудно-зеленые лужайки. В комнате было тепло, но Николь трясло от нервного напряжения и страха. Ей очень хотелось знать, приехал ли герцог.

Когда в середине недели прошел слух, что Элизабет заболела и слегла, Николь подумала, что они не приедут. Она понимала, что глупо надеяться на какую-либо встречу с ним, так как он не отходит от своей невесты. Но пытаться удержать свои чувства для нее было то же, что удерживать взбесившуюся лошадь. Но вот Элизабет поправилась. Николь с показным сочувствием воспринимала все, что становилось известным об этой паре, вызывая тем самым подозрения у Марты и Регины. А по существу, ее интересовал только герцог. Она знала, что он на этой неделе два раза выводил невесту в свет, и предполагала, что у них не будет причин не приехать в Мэддингтон.

В окно было видно, как к дому подкатила коляска, запряженная шестеркой белых лошадей. Николь не обратила на нее внимание, так как на ней не было гербов с тремя львами.

— Какой красивый дом, — расслабившись на кровати, заметила Регина. — Леди Изабель славится своей элегантностью.

Николь кивнула, она даже не заметила, как хороша комната: стены обиты голубой и белой тканью, диван — розовым дамастом, постели покрыты тоже бело-голубым, и на каждой — гора кружевных подушек. Огромный вишневый ковер восточной работы лежал на полу.

— Она славится еще своим умением вести дела, — добавила Николь. — Вообще мало женщин, умеющих управлять предприятиями, но из них никто не принадлежит к высшему обществу.

Девушки слышали, что герцогиня умная и сильная женщина, и Николь ожидала увидеть что-то мужеподобное. Но перед ними предстала бесконечно женственная, красивая и чрезвычайно добрая женщина.

— Говорят, она славится не только этим, — сказала Регина. — Говорят, ей дали имя в честь бабушки, женщины, у которой было семь мужей и которая была любовницей турецкого султана и короля.

— Турецкого султана? Короля? Какого короля? — смеясь, переспросила Николь, не веря ни единому слову.

— Ну, полагаю, одного из сыновей Вильгельма Завоевателя. Давным-давно, — сказала Регина.

Раздался стук копыт, и еще одна карета подъехала к дому. Николь бросилась к окну, но это был не он.

— Что ты будешь делать, если он приедет с Элизабет? — спросила Регина.

— Конечно, он приедет с Элизабет.

— А может быть, и нет. Может быть, он так увлечен тобой, что…

— Регина, замолчи, пожалуйста! — взмолилась Николь, слегка покраснев.

Если сестра, как маленькая девочка, начнет фантазировать, то она ее просто сведет с ума, разжигая надежды, которых не должно и быть. И без того больно.

— Она же не охотится. Зачем же тогда приезжать? — заметила Регина.

— Ни ты, ни мама завтра также не будете охотиться, тем более что отец в начале недели растянул ногу и врач запретил ему ездить на лошади. Какая уж тут охота.

— Пожалуй, ты права, — сказала Регина, однако больше добавить ничего не успела, так как стук в дверь прервал ее. Принесли чай.

Регина оказалась права. Элизабет за ужином не было. Но не было и герцога. В тот день и к ужину он не приехал.

ГЛАВА 14

Охоту назначили на девять часов утра. До восьми часов был подан обильный завтрак. Настроение у всех было превосходное, слегка приподнятое. Николь вместе со всеми волновалась и радовалась предстоящей охоте, хотя мысли о герцоге помешали ей хорошо выспаться.

Герцогиня Дауэйджер слыла прекрасной наездницей, и каждый год она устраивала свои великолепные охотничьи недели, получить приглашение на которые считалось большой честью. Ее гостями были члены самых знатных семей Англии. Этот уик-энд не был исключением из правил. Приехали несколько герцогов, полдюжины маркизов, много графов и даже сам принц Уэльский. Были и иностранные гости, среди них — члены королевского общества Габсбургов и два знаменитых русских дворянина, эмигрировавших в Англию. Всех этих людей помимо могущества и знатности их родов объединяла любовь к лошадям.

После завтрака Изабель позвонила в серебряный колокольчик и, улыбаясь, спросила:

— Ну как, начнем?

В ответ послышались возгласы радости. Все направились к выходу. Николь находилась в гуще гостей, она уже не ждала герцога. Еще вчера, поздно вечером, ей стало известно, что они не приедут. Элизабет опять заболела и слегла. Горничная по секрету сообщила Николь, что врачи никак не могут определить, что с леди Элизабет. Вдруг она почувствовала на себе чей-то взгляд. Повернувшись, она увидела герцога. Это было так неожиданно и в то же время так волнующе, что ее опять затрясло от возбуждения.

Он с трудом оторвал от Николь взгляд, подошел к матери, поцеловал ее и пожелал ей доброго утра. Его тут же окружили гости, они здоровались с ним и справлялись о здоровье Элизабет. Николь с группой гостей вышла во двор.

Грумы стали выводить лошадей. Николь хотела привезти с собой своего жеребца, но он не годился для бокового седла, а приличия требовали, чтобы она сидела по-женски. Она взяла с собой огромного черного мерина. Она подошла к нему, взяла под уздцы и погладила по шее. Почувствовав ее возбуждение, конь взрыл копытом землю.

Теперь она не могла думать ни о чем другом. «Он приехал. Без Элизабет». Стоя спиной к остальным гостям, она с чувством обняла коня за шею. «Боже! Ну что из того, что он приехал

один? Это не имеет никакого значения. Они смогут обменяться всего несколькими словами, может быть, удастся минуту-две пробыть вместе. И все, больше ничего…»

Этот поток мыслей нужно было немедленно остановить. И не только потому, что это было совершенно бесполезным занятием, но и потому, что охота — дело весьма опасное и требует большого внимания. Едва Николь сумела сосредоточиться на охоте, как услышала за спиной:

— Доброе утро, леди Шелтон!

В этом обычном вежливом приветствии Николь расслышала нечто большее. Но, решив ничем не выдавать ему своих чувств, она спокойно обернулась. Глаза их встретились, и Николь поняла, что в их отношениях что-то изменилось.

— Сегодня будет хорошая охота. Погода просто великолепная, — сказала она самым непринужденным тоном.

— Тем не менее, — сказал он, проверяя подпругу, — у нас очень большая группа. Когда так много охотников, всегда случаются какие-нибудь несчастья. Держитесь на всякий случай сзади.

Николь сначала хотела возразить. Она никогда не ездила сзади, хотя в обществе предполагалось, что место женщины именно там. Потом она подумала, что герцог печется о ее безопасности, и покраснела от удовольствия, вспомнив, как он спас ее на благотворительном пикнике.

«Неужели это возможно? Неужели она ему в самом деле не безразлична? Пусть хоть немножко!»

Они смотрели друг на друга, не отрываясь. Потом герцог помог ей взобраться на коня.

— Благодарю вас, — сказала Николь, поправляя поводья.

— Удачной охоты, — учтиво ответил он.

— Удачной охоты, — пожелала ему Николь, но он уже направился к своему черному и блестящему жеребцу. Николь, чтобы как-то привести свои нервы в порядок, набрала полные легкие воздуха и резко выдохнула. Конь под ней нетерпеливо затанцевал.

Через несколько минут охота началась. Борзые, почуяв лису, бросились за ней, кони понеслись по лугам за собаками. На старте Николь позволила себя оттеснить назад, к другим дамам, и теперь видела герцога далеко впереди скакавшего галопом. Всеми своими помыслами она устремилась за ним.

Вот первая преграда — низкая каменная стена — взята. Хоп-хоп-хоп, и лошади одна за другой перелетели через нее. Группа растянулась, так как всадники скакали с разной скоростью, но всадницы все равно держались сзади.

Николь пустила своего коня вперед.

Она легко обогнала герцогиню Дауэйджер, которая удивилась этому, но, узнав Николь, улыбнулась.

Николь догнала группу джентльменов, которые были поражены и шокированы таким

mir-knigi.org

соседством. Лишь русский дворянин улыбнулся ей.

Впереди протекал неширокий ручей. Ее конь красиво перелетел через него, даже не сбившись с ноги, и Николь рассмеялась от удовольствия. Ее охватили охотничий азарт и возбуждение от бешеной скачки. Позади остался еще один всадник, в котором она узнала отца Элизабет — маркиза Стаффорда. Он тоже удивленно посмотрел на нее, но ей это было безразлично. Она вела своего коня в ровном галопе и уверенно приближалась к середине группы всадников. Большой загон для птицы неожиданно преградил дорогу. Два ближайших к ней всадника на гнедых конях с ходу взяли эту преграду, причем первый конь копытами задел за верхнюю планку частокола. Она бросила своего коня в сторону и взяла этот естественный барьер под углом. Вскоре с невероятной легкостью она обошла их обоих.

Проскакав около двух миль, она почти догнала герцога и егеря, скакавшего рядом с ним в голове кавалькады. Впереди показалась еще одна стена высотой около четырех футов. Она видела, как герцог без всякого труда взял ее в красивом прыжке. Она восхищалась им. Ее конь, обуреваемый жаждой первенства, мчался изо всех сил. Николь, пригнувшись как можно ниже, даже не пыталась сдерживать его. Конь стремительно прыгнул, вытянувшись струной, мягко приземлился и помчался дальше бешеным галопом. Догнав жеребца герцога, он коснулся головой его бока. На лице герцога отразилось неописуемое удивление, когда он увидел Николь. Их кони скакали голова к голове.

— Назад! — закричал герцог. — Проклятье, придержите коня!

Копытный стук заглушал его слова.

— Осторожно! — закричала, смеясь, Николь.

Они были в трех шагах от следующего препятствия, сложенного из бревен, высотой в четыре фута. У обоих уже не было выбора. Всадники бросили своих коней вперед и с удивительной синхронностью преодолели это препятствие. Посмотрев на Николь, герцог гневно крикнул:

— Глупая! Вы убьете себя! Немедленно возвращайтесь назад!

— Я всегда скачу впереди! — дерзко крикнула она в ответ.

Ей нравилось вот так скакать, нравилось, что он разозлился на нее. Под ней был очень сильный и горячий конь. Николь мастерски управляла им, и он чувствовал каждое движение ее тела. А рядом скакал мужественный, красивый и энергичный герцог, хоть и очень сердитый на нее. Его жеребец был под стать ее коню.

— Осадите коня, — закричал он так, что его голос перекрыл и лай собак, и бешеный топот лошадей, — впереди очень опасные спуски и подъемы!

Она только усмехнулась и пустила коня еще быстрее. Это препятствие действительно было довольно опасным: между двумя преградами расстояние было всего в один корпус. Николь взяла это препятствие почти играючи. Через секунду герцог несся опять рядом с ней, видимо решив, что самое лучшее в этой ситуации — это скакать с ней рядом. Теперь они мчались вдвоем, двое красивых людей, казалось, созданных друг для друга. Николь наконец была счастлива.

Через час охота закончилась. Все всадники собрались и поехали в поместье. Николь ехала вместе с остальными женщинами и с трудом сдерживала своего коня, возбужденного скачкой.

Ей и самой хотелось продолжать гонку.

Как только объявили о конце охоты, рассерженный герцог сразу же покинул ее. В том, что он ее как-то накажет, у Николь не было никаких сомнений. Она не заметила, как все дамы, кроме герцогини, мчавшейся впереди всех женщин, сдержанно приняли ее. Но когда Николь поняла, что стала предметом разговоров, ей захотелось рассмеяться им в лицо. Ее, видите ли, осуждали за то, что она хотела получить удовольствие от охоты и скачек в полной мере, как мужчины, за то, что она лучше их может скакать, за то, что она смелее их. Она придержала коня, чтобы дать дамам уехать вперед, в одной компании с ними ей быть не хотелось. Вдруг ее конь захромал. Николь спрыгнула на землю, успокоила коня, погладив его по шее, и внимательно осмотрела его левую ногу. Оказывается, выше копыта с внутренней стороны торчал маленький острый камень. С большим трудом ей удалось извлечь его. Страшно подумать, что могло бы произойти, случись это во время скачки на охоте! Николь осмотрела ранку на ноге коня и произнесла, трепля его за холку:

— Это ерунда. Ты был великолепен! Просто великолепен!

Она опять вспомнила о герцоге, тяжело вздохнула и, взяв коня под уздцы, пошла пешком.

Хэдриан ехал немного в стороне от группы. Никто не пытался с ним заговорить, видя, что он мрачен. Герцог был зол. Несомненно, Николь — прекрасная наездница, ему такая еще не встречалась, но она отчаянно глупа! Ему хотелось взять ее за плечи и трясти до тех пор, пока она не признает, что была неправа.

Смех и голоса всадников нарушали прекрасную мелодию утреннего леса. Они обсуждали различные моменты охоты. Герцог кипел от злости. Такого, как сегодня, с ним еще не случалось никогда: его слово или приказ всегда были законом и для мужчин, и для женщин. Николь же в ответ на его приказ вернуться рассмеялась и понеслась вперед.

Ей очень повезло в том, что по ее вине не произошел несчастный случай и что она сама себе не свернула шею. Примеров того, как люди калечились или погибали, было сколько угодно. Однажды и с ней произойдет несчастье, если она будет продолжать так себя вести. Бог мой! Такая езда опасна, даже если ты в мужском седле, а она ведь скакала в женском. Это безумие!

Герцог шумно дышал и никак не мог успокоиться. То, что он видел сегодня, приобрело какой-то нереальный облик. Николь представлялась ему облаченным в женское платье демоном, вырвавшимся на бешеном коне из преисподней. В ушах у него до сих пор звучал ее беспечный, необузданный смех. Он вспомнил, как они бок о бок мчались вдвоем, и легкий озноб прошел волной по телу.

Да, он должен признать, что в этой варварской скачке она была великолепна. Она столь же великолепна и в постели, подумал он, и ему так ее захотелось, что он был готов хоть сейчас затащить ее в лес.

Он еще несколько раз глубоко вздохнул, чтобы остудить разгоряченную голову, но так и не успокоившись, огляделся. Но, к его немалому удивлению, ее нигде не было. Он покрутился на месте, затем подъехал к женщинам в самый хвост группы.

— Где леди Шелтон? — спросил герцог.

Все стали оглядываться в недоумении.

— Мы не знаем, ваше сиятельство, — сказала графиня Арондейль, — совсем недавно она была сзади.

Удивляясь, что могло случиться, Хэдриан поскакал на поиски. Через пять минут он нашел ее в пустынном лесу в миле от группы. Не торопясь, она вела за повод прихрамывающего жеребца. Он подъехал. Им обоим вдруг стало нестерпимо жарко, как будто накалился воздух.

— Что случилось? — довольно грубо спросил он.

— Камень попал ему в ногу.

Герцог тут же слез с коня и передал поводья Николь, при этом пальцы их рук соприкоснулись. Он про себя выругался, присел возле коня и внимательно осмотрел ногу.

— Не очень опасно, но его надо вести. — Он посмотрел на нее снизу вверх. Она стояла раскрасневшаяся от ветра и солнца. Ее глаза блестели.

— Я сам поведу коня, — сказал он, отбирая у нее поводья.

— Вам не нужно этого делать, — ответила она и пошла по тропинке.

Герцог промолчал и, обогнав ее, пошел впереди крупным шагом, словно она нуждалась в проводнике.

Лес был тих, лишь легкий ветерок, нарушая тишину, пробегал по листве. Они шли молча.

Хэдриан, довольно опытный в этих вопросах, чувствовал, что их обоих подавляло тяжелое сексуальное напряжение. Почему он так желал эту женщину? Возможно, потому, что она не может ему принадлежать? Или потому, что она, с одной стороны, такая гордая и сильная, а с другой — такая беззащитная? Он очень хотел найти ответ на эти вопросы.

Он весь взмок. Ему хотелось сорвать с себя накидку, но этим он покажет, что не контролирует свои чувства. Если он не может взять себя в руки, то чем он лучше своего отца? Нельзя поддаваться искушению, вызываемому ею в течение последних недель. Борясь с собой, он прислушался к звукам ее шагов, неглубокому легкому дыханию. Николь прервала молчание:

— Почему вы сюда вернулись?

Не поворачивая головы, он резко остановился.

— Мне показалось, что после вашего поведения сегодня утром вы вполне могли сотворить еще что-нибудь столь же безрассудное и опрометчивое.

Николь остановилась рядом. Он смотрел на нее.

— Глупо, но я думал, что с вами, возможно, случилось несчастье.

— Вы вернулись, чтобы спасти меня? — улыбнувшись, спросила Николь.

— Очевидно, у меня появилась новая привычка — спасать.

— Я не возражаю против нее.

— Но недавно вы были против.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет, это не так. Я притворялась.

Они молча смотрели друг на друга. Напряжение достигло предела, и в любой момент могло случиться все что угодно. Герцог постарался снять его хоть как-нибудь.

— Вы мчались на скачках как безумная. Скажите, вы всегда так безрассудны и опрометчивы? Я начинаю думать, что да.

Она вздернула подбородок, расстегнув жакет. Ее тяжелая, соблазнительная грудь поднималась и опускалась. Герцог вспомнил, что она не носит корсета.

— Нет, я не мчалась как сумасшедшая. Просто я отлично могу ездить, а настоящей возможности показать это у меня не было.

— Не было настоящей возможности? Да вы пользуетесь малейшей возможностью! Однажды вы непременно убьете себя.

— А вам будет не все равно? — как можно мягче спросила Николь.

Он не мог да и не стал отвечать.

— Недалеко от тропы есть ручей, — сказал он, — вы, должно быть, испытываете жажду, да и коней не помешает напоить.

Ручей и впрямь был рядом. Остывшие кони с удовольствием пили чистую воду. Герцог отошел в сторону, а Николь наклонилась к ручью и стала черпать воду ладошкой и жадно пить.

Он наблюдал за ней и лишний раз убеждался, что она совершенно не похожа ни на одну из женщин, всю жизнь окружавших его. Она пила, совсем не заботясь о том, что намочила блузку, и это выглядело очень естественно. Напившись, она плеснула себе в лицо и подставила его под лучи солнца, местами пробивавшегося сквозь листья. Герцог неотрывно смотрел на нее, не в силах прекратить ее желать. Почувствовав его тяжелый взгляд, она замерла обеспокоенная. Он уже знал, что сегодня, сейчас его не отвергнут.

Он подошел к ней. Бешено колотилось сердце, и в ушах стоял колокольный звон — никаких протестов разума тело теперь не принимало. Она медленно поднялась на ноги. Он сжал ей руки выше локтей.

— Скажи мне «нет».

Она покачала головой, отвергая его просьбу.

— Да.

Он прильнул к ней губами. Все его внутреннее сопротивление рассыпалось в прах. Они не играли и не притворялись. Николь обвила его руками и всем телом прижалась к нему. Он обнял ее как что-то ценное и дорогое, что боишься потерять в любой момент. Они опустились на колени на мокрый глинистый берег. Николь поощрительно вскрикивала, чувствуя, как он расстегивает ее жакет. Опрокинув ее на спину, он все глубже залезал ей под блузку. Обычно сдержанный любовник, он стиснул теперь ее голую грудь и испытал потребность реветь и стонать, как животное. Он ласкал ее и чувствовал, как в нем поднимается желание, удержать

mir-knigi.org

которое было уже невозможно. Николь задыхалась и стонала от восторга, когда он ласкал ее грудь и целовал твердые соски.

— Николь… — простонал он.

— Хэдриан… — услышал он в ответ.

— Запрети мне. Скажи, чтобы я остановился.

— Нет, Хэдриан, не останавливайся, прошу тебя!

Он снова взял губами ее сосок и забыл все на свете.

Николь страстно отвечала на его ласки, она прогнулась дугой, входя в состояние экстаза. Его тело со всей страстью тут же отозвалось, его рука скользнула выше под юбку.

— Умри ради меня, Николь, — приказал он, лаская и целуя ее.

Она обхватила его за шею и выдохнула:

— О-о!..

Этим выдохом было сказано все. Это был первый в ее жизни оргазм. Без всякого сомнения, она была девственница. Герцог взглядом охватил ее всю, раскрасневшуюся, с раздвинутыми ногами, над которыми высоко до груди сбились юбки. Он хотел было расстегнуть и снять брюки, но руки застыли на полпути. Опять не вовремя заговорил голос совести, напомнив ему, кто он и кто она. Он закрыл глаза, подавляя в себе желание и ясно осознавая, что стал причиной ее первой страсти и что может стать и ее первым любовником. Но этого случиться не должно. Он оторвался от нее и откинулся на мокрую траву.

ГЛАВА 15

Николь, все еще тяжело дыша, потрясенная до самой глубины своего существа, села. Она, конечно, кое-что знала о сексе, но что это будет так и такой потрясающей силы, не могла себе представить.

Он лежал на спине на сырой траве неподвижно и безучастно как бревно и дышал так, словно ему не хватало воздуха. Николь поняла, что в то время, как она получала наслаждение, он лишил себя этого. Она почувствовала, что в ней родилось какое-то новое нежное отношение к нему.

— Хэдриан? — прошептала она с любовью.

Он вскочил на ноги и закричал:

— Не трогайте меня!

Она отшатнулась, как от удара.

— И не смотрите так, словно я пнул вас в бок ногой!

Николь похолодела.

— Извините.

Он не удосужился ответить и широким шагом направился к ручью. Она не могла не заметить, что желание в нем еще оставалось. Он забрел на середину и окунулся с головой.

Николь вскрикнула: вода была просто ледяная. Когда он вынырнул, дрожа от холода, она испуганно воскликнула:

— Вы найдете здесь свою смерть!

— Вы будете моей смертью.

Она неуверенно переспросила:

— Вы имеете в виду… смерть… о которой вы однажды говорили… то, что случилось сегодня?

— Нет, не эту смерть я имел в виду!

— Вы так сердиты. Что я сделала?

— Все, — буркнул он и опять с головой ушел под воду.

Николь медленно поднялась. Не дай Бог, если близость и теплота, появившиеся так ненадолго между ними, больше никогда не вернутся. Надо что-то сейчас же сделать, чтобы унять его неукротимую алчность. Она подняла его куртку и, когда он вышел из воды, подошла к нему. Вода струями стекала с него. Николь стала вытирать его курткой как полотенцем, но он резко, со злостью выхватил у нее свою куртку, стараясь не касаться ее рук.

— Вы что, пытаетесь соблазнить меня? — выпалил он.

— А что, это было бы ужасно?

— Вы единственная из всех, кого я знаю, кто спокойно признается в этом. Это плохо.

— Когда мы с вами вместе, — нежно сказала Николь, — нет ничего на свете более прекрасного.

Он пристально смотрел на нее, но по его глазам понять, о чем он думает, было нельзя.

Николь храбрилась, но в глубине души ей было очень страшно — ведь на карту поставлено очень многое. Она подошла и дотронулась до него. На этот раз он не возражал.

— Почему вы ушли от меня только что? Я же не круглая дура и знаю, что есть что-то еще, что-то большее. Вы не хотите меня?

Герцог так надолго задумался, что Николь испугалась, что он не ответит ей вовсе.

— Я хотел бы не желать вас, — произнес он сердито.

Было видно, что он несчастен и очень страдает. У Николь появилось предчувствие какой-то беды. Она взяла его за руку и просто сказала:

— Я хочу вас, Хэдриан. Я все еще хочу вас.

Он вырвал руку и стоял совершенно спокойно и невозмутимо:

— Вы безжалостны. Неужели вы не видите, что я всеми силами хочу поступить благородно?

mir-knigi.org

— Сейчас мне наплевать на благородство, — пробормотала она, пытаясь к нему прижаться.

Он отпрянул:

— Это невыносимо. Так не должно продолжаться. Вся вина за то, что произошло, падет на меня. Девственницы должны выходить замуж, а не заниматься этим…

Надежда окрылила ее. Он знает, что она девственница. Не намекает ли он на то, что должен жениться на ней? Может, он расторгнет свою помолвку теперь, когда понял, что чувствует к ней? Предложил ли он ей выйти за него замуж?

— Я тоже не могу без вас.

— Если вы все еще думаете соблазнить меня, то у вас это прекрасно получается!

Николь отпрянула от него. Слова ударили, как кнут, причинив почти физическую боль.

— Вы именно это думаете? Я считала… я надеялась… — Она не смогла закончить фразу, неожиданно поняв, что он абсолютно прав. Уверенная, что он никогда с этим не согласится, она предложила:

— Я могу вернуться в Драгмор, и мы больше никогда не встретимся с вами. Это одно из решений проблемы.

Он повернулся к ней:

— Это самое правильное решение!

Николь рот раскрыла от удивления.

Итак, он хотел, чтобы она уехала из Лондона. Не может быть! Ведь они были так близки буквально минуту назад. Наверно, она неправильно поняла его.

— Почему же вы не уехали? — требовательно спросил он.

Николь была в растерянности и не могла сосредоточиться.

— Я… я хотела уехать, но мои родители просили меня остаться. — Слезы навертывались у нее на глаза. — Они надеялись, что я вернусь в общество и буду пользоваться там большим успехом.

— Это то, чего вы так хотите? Вы теперь подыскиваете мужа?

«Золотой Бог, только во плоти», — подумала она, глядя на герцога. Ей хотелось за него замуж в первый день знакомства.

— Да, — тихо ответила она.

— В таком случае желаю вам успеха.

Он и не собирался делать ей предложение. Он пожелал ей успеха в поисках мужа, какого-нибудь, но не себя, Николь покачнулась, словно ее ударили, и герцог сделал попытку поддержать ее. Она повела плечами, отвергая его помощь, и поспешно отвернулась, чтобы не выказать своего огорчения. Как же можно так совсем не думать о ней? Неужели она и в самом

mir-knigi.org

деле для него так мало значит?

— Я для вас ничего не значу, просто мимолетное увлечение.

— Я с самого начала объяснил вам, что относительно меня не следует строить никаких планов.

Николь взвилась.

— Негодяй! — Она впервые употребила это грязное слово и была довольна, что оно шокировало его. — Поэтому вы вернулись сегодня? Чтобы задрать мне юбку в лесу?

— Вы знаете, что это не так.

— Разве? — Теперь она выкрикивала, как в истерике: — Я знаю только то, что случилось сегодня! Вы говорили, что я не должна рассчитывать на вас, а сами ведете себя так, что я могу рассчитывать на все!

— Я считаю себя животным. В конце концов, я — сын своего отца.

Николь отвернулась от него. Ее трясло от боли и ненависти.

— Боже! Я ненавижу вас!

— Теперь нас двое, — сказал он так тихо и грустно, что она не была уверена, что расслышала его слова.

— Я уезжаю отсюда. — Николь решительно пошла к своему коню.

Он схватил ее за руку, но она высвободилась.

— Нельзя возвращаться в дом в таком виде. Вы выглядите так, словно вас вываляли в грязи.

— А разве нет? — спросила она насмешливо.

— Не совсем, — скрипнул он зубами.

— О, да! Как же я могла забыть о вашем благородстве!

Она опять двинулась к коню, совсем забыв, что у него повреждена нога. Герцог опять поймал ее и оттащил от коня.

— Что вы делаете? — завизжала она изо всех сил.

Он поднял ее на руки.

— Не то, о чем вы думаете, — холодно произнес он.

С яростью дикаря она визжала, вырывалась и царапалась, пытаясь ударить его и попасть в лицо. Он уклонялся, но один удар пришелся ему по подбородку.

— Вот уже третий раз вы поднимаете на меня руку.

— И не последний, — в бешенстве ответила Николь.

В тот момент, когда она готова была вцепиться ему в лицо, он отпустил ее, и она полетела в

ледяную воду ручья. Николь камнем пошла на дно, захлебнувшись, затем вынырнула, схватила воздух и опять пошла на дно. Прежде чем она сообразила, что делать дальше, он уже держал ее за шиворот и тащил на берег. Она хватала ртом воздух, задыхаясь. Потом на берегу она стояла на коленях, а он колотил ее по спине, пока не вышла вся вода, которой она успела вдоволь наглотаться.

— Сейчас я убью вас, — с ненавистью прошипела она.

Он стоял скрестив руки и безучастно наблюдал за ней.

— Вы отстали от группы и решили напоить коня. Я отправился на поиски и нашел вас, когда ваш конь, поранив ногу, оступился и сбросил вас в воду. Я поторопился к вам на помощь.

Она промычала что-то невнятное в бессильной ярости.

На обратном пути они встретили двух грумов, отправленных на их поиски. Герцог тут же рассказал им, что случилось, вернее, ту историю, которую придумал. Затем они сели на свежих коней и, поручив одному из грумов привести раненого коня, поскакали к дому.

Прибыв на место, герцог рассказал всем гостям свою версию их приключений, и, похоже, все ему поверили. Да и кто осмелился бы ему не поверить?

Изабель нервно ходила по гостиной, но увидев герцога и Николь, сразу пошла им навстречу. Она переводила взгляд с сына на Николь.

— Что случилось?

— Конь Николь оступился, и она упала в ручей. Я отправился на ее поиски и, увидев случившееся, бросился ее спасать. — Герцог рассказал историю очень правдоподобно.

— Со мной все в порядке, — вставила Николь с приятной улыбкой, предназначенной специально герцогине Дауэйджер.

Герцогиня не ответила на улыбку и изучающе смотрела на Николь. Очевидно, она не верила ни единому слову сына.

Николь стало стыдно. Она поняла, что отныне ей придется спасаться бегством не только от сына, но и от всевидящих глаз герцогини Дауэйджер, его матери.

— Вам лучше подняться наверх и переодеться, — наконец сказала Изабель.

Николь кивнула, обрадовавшись возможности как можно скорее уйти, но в это время услышала позади себя голос матери. Сердце у Николь заныло.

— Дорогая, ты в порядке? — Родители спешили к ней по широкой лестнице.

— Все хорошо, — заверила она их, пытаясь скрыть неловкость. Одно дело убедить незнакомых людей, что ты упала с лошади, а совсем другое — заставить поверить родителей в эту сказку. Она стала рассказывать матери о том, как упала с коня и как герцог спасал ее. При этом старалась не смотреть на отца.

— Ты упала с коня? — недоверчиво спросила Джейн. Отец внимательно смотрел на нее.

— Мне казалось, что я одна, — продолжала врать Николь, — и я сидела в этом ужасном

дамском седле, на котором никогда не езжу, ты это знаешь. Хэдриан испугал не только меня, но и моего коня. Обычное дело. — Она взглянула мельком на отца и поняла, что он совершенно ей не верит.

— Тебе нужно срочно переодеться, — строго сказала мать и тепло улыбнулась герцогу. — Благодарю вас, ваша светлость.

Герцог только кивнул в ответ.

Тут только Николь сообразила, что, рассказывая свою историю, назвала герцога по имени. Сердце у нее замерло. Она посмотрела на герцогиню и встретила ее проницательный взгляд. Потом — на отца: взгляд был тот же. Видимо, они оба заметили ее оплошность. Она побагровела от стыда. На герцога она не смотрела, зная, что он взбешен. Одна Джейн ничего не заподозрила и повела Николь в ее комнату.

Гости, собравшиеся в вестибюле, молчали: Герцог встретился глазами с графом Шелтоном и понял, что тот очень зол. Еще до того, как Николь начала рассказ о лесном приключении, граф догадывался, что их встреча в лесу не была невинной. Герцог это сразу почувствовал. Теперь же подозрения графа подтвердились.

Сдержанно и холодно граф произнес:

— Не соизволит ли его светлость пройти со мной в библиотеку? Мне бы очень хотелось узнать подробности падения Николь с коня.

Герцог понял, что, если он не убедит графа, что его дочь не пострадала, произойдет страшный скандал.

— Николь очень повезло, — сказал он вежливо, — если бы я незамедлительно не взял ситуацию в свои руки, все могло бы кончиться не так удачно. Но я могу вас заверить, что она никак не пострадала, и ничего плохого с ней не произошло.

Выражение лица графа Драгмора не изменилось.

— Понятно, — сказал он серьезно, — надеюсь, другого подобного инцидента не будет, — их взгляды скрестились, — последствия будут более чем неприятные, смею вас заверить.

— Разумеется, не будет, — напряженно заверил его герцог.

У графа были все права говорить в таком тоне, но герцогу не нравилось, когда ему угрожали, неважно, были ли для угрозы основания.

Шелтон резко повернулся и, хромая, пошел наверх. Герцог смотрел ему вслед, и всю злость, которая в нем накопилась, он направил на себя. Ведь он фактически чуть не погубил Николь. Он злился, что она не поняла его намерений. А как же их надо было истолковывать?

— Тебе лучше теперь подумать об Элизабет, — сказала у него за спиной Изабель.

Это было еще одно предупреждение, и он взорвался:

— В июне я женюсь на Элизабет. Я ни секунды об этом не забывал. Тогда все будут довольны, не так ли? Всем сразу станет хорошо или, я бы сказал, почти всем. — Сказав это, герцог повернулся и вышел.

Изабель смотрела ему вслед с глубокой грустью. Видимо, переживания его были очень глубоки. Конечно, всем станет хорошо, когда он женится на Элизабет всем, кроме него.

Он больше не ждал и не хотел предстоящей свадьбы. Она вдруг представилась ему последним актом его самопожертвования.

ГЛАВА 16

Поздно вечером, когда уставшие гости разошлись по своим комнатам, Изабель отдыхала, наслаждаясь покоем и тишиной в своих апартаментах. Только здесь и только теперь она могла спокойно разобраться в том, что ее так беспокоит.

Она смотрела на пляшущий огонь в огромном камине и думала. Окончилось веселье, а вместе с ним ушло праздничное настроение, пришло время озабоченности и тревог. Ее голубые глаза затуманились от невеселых мыслей, руки беспокойно теребили пояс пеньюара из розового шелка.

Не многим пришлось пережить то, что выпало на долю герцогини Дауэйджер, и ей очень хорошо было известно, что жизнь иногда преподносит сюрпризы, которых меньше всего ждешь.

Хэдриан влюблен в Николь, и это уже видно. Совершенно ясно, что и бедная девушка любит ее сына. А какая они поразительно красивая пара! И дело тут даже не в красоте, а есть в них что-то такое, что изумляет. Изабель стало совсем грустно.

Ей не нужно рассказывать, что такое любовь. Ей хорошо известно и что такое разбитое сердце и страдания запретной любви. Эта боль медленно затихает, со временем умирает, но печаль оттого, что не состоялось, не проходит, не проходит никогда. Как же щемит сердце из-за Хэдриана! Ей отчаянно захотелось, чтобы его миновали эти переживания утрат, чтобы не было этой любви к Николь Шелтон, захотелось избавить его от горя, которое может стать его судьбой.

Бедная Элизабет! Изабель знает, как она любит Хэдриана. Конечно, Хэдриан никогда ее не бросит, он слишком порядочен. В свое время она тоже из-за благородства не смогла бросить Френсиса и убежать… Яблоко от яблони… Это пугало ее.

Изабель села в кресло и почувствовала сильное желание выплакать свою печаль и тревоги. Чувства ее не поблекли, они все такие же, как тогда, в двадцать лет, когда она впервые полюбила. Этот человек не был ее мужем и сильно страдал от этого. Его образ так ярко возник перед ней, как будто они только вчера расстались. Высокий, сильный, с золотыми прядями каштановых волос, лицо обветренное, грубое и в то же время неотразимо привлекательное. Она поняла, что боль никогда не умирала.

Никому она не пожелала бы такой несчастной любви. И менее всего своему сыну или Элизабет и даже бедной Николь Шелтон, которая совсем не заслужило такого испытания.

Изабель хорошо знала, что у любви нет границ, она не подчиняется ни разуму, ни законам логики. Хэдриан сильный, благородный, честный человек, но он все же лишь мужчина. Он не хочет погубить Николь, но стоит увидеть их вдвоем — и становится ясно, что долго это длиться не может. Хэдриану, пожалуй, трудней, он мучается не только за себя. С какой кстати Николь должна переживать за другую женщину? Все это очень несправедливо. Хотя разве жизнь всегда справедлива?

Она закрыла глаза, думая о Хэдриане, но не о сыне, а о человеке, который носил то же имя. Уже в который раз она собиралась все рассказать сыну и, хотя никогда не была трусихой, сейчас боялась. Страшно потерять его любовь и уважение. Нет, пожалуй, она никогда не скажет ему ничего, хоть у него и есть право знать правду. Это не та ошибка, на которой учатся, особенно если ученик — собственный сын.

Герцог Клейборо не мог уснуть. Два раза он заезжал в Стаффорд — вчера, по пути в Лондон, и сегодня, возвращаясь. Оба раза Элизабет спала, и он не смог поговорить с ней. Будить ее было бесполезно, так как ей давали наркотики.

Было далеко за полночь. Герцог сидел в спальне, терзаемый мыслями о двух таких разных и очень близких ему женщинах — Элизабет и Николь. Чувство вины и смущения не давали ему покоя.

Ни одной женщине еще не удавалось лишить его сна, — Николь удалось. Ни одна женщина не могла его возбудить так, как это делала Николь. Но хуже всего то, что именно с ней он поступал так отвратительно и неблагородно. Он просто негодовал на самого себя за то, что так реагировал на нее, вернее, позволял себе так на нее реагировать.

Герцог встал с кровати и, накинув на голое тело бархатный пестрый халат, подошел к лежавшему у камина Борзому. Пес радостно завилял хвостом, завидев хозяина. Герцог погладил его по голове и доверчиво сказал:

— Я не знаю, кто я есть на самом деле.

Все тело ныло. Мучительно больно было от воспоминаний обо всех их встречах, но хоть на миг заставить себя не думать о них он не мог.

Неужели он такой же, как отец? Неужели Френсис так увлекался своими любовницами, что не мог не изменять матери? Может быть, отца тоже мучили угрызения совести? Может быть, они похожи друг на друга значительно больше, чем это многим кажется?

Если он не хотел больше встречаться с Николь, то это только из-за нежелания быть похожим на отца, которого он до сих пор ненавидел. Раз уж так сильно проявляется темная сторона Я, унаследованная от отца, то ее во что бы то ни стало нужно подавить.

— Будь она проклята! — произнес он вслух, но услыхала его лишь собака. — Нет, это не ее вина. Это я виноват.

Сейчас Николь хочет вернуться в общество и найти себе мужа. С какой стати ему злиться на вполне законное ее желание? Неужели она надеется, что он станет ее поклонником, несмотря на то, что у него есть Элизабет?

Собака внимательно наблюдала за тем, как он нервно шагал по комнате. Огонь в камине еле теплился. В комнату начал пробираться холод, но герцог этого не замечал. Он принял решение не анализировать впредь свое поведение. Не будет — и все.

Девиз Клейборо «Честь — прежде всего» был не только выбит на гербе герцогов Клейборо, но был существом его натуры. Но как быть с Николь?

Он закрыл глаза. Она надеется войти в общество и иметь там успех. Что ж, она получит это благодаря его протекции. Он будет не только благороден, но и милостив. Пожалуй, он может

даже помочь найти ей подходящую партию.

Это было бы самое разумное решение, хотя сама идея вызывала отвращение. Однако герцог все решительнее склонялся к тому, что обязан найти подходящего мужа для Николь.

На следующий день была запланирована масса дел. Поэтому герцог решил навестить Элизабет рано утром. Она уже не спала и очень хотела его видеть, как сказал маркиз Стаффорд. Достаточно было взглянуть на маркиза, чтобы понять, что состояние здоровья его дочери не улучшилось: глаза его были красны, как после бессонной ночи, лицо осунулось. За эти две недели, что болела Элизабет, он постарел лет на двадцать. Они обменялись несколькими вежливыми фразами, и Хэдриан поднялся наверх в сопровождении дворецкого.

Он остановился в дверях ее маленькой гостиной и сделал дворецкому знак удалиться. Элизабет полулежала в огромном кресле, укутанная в белое ангоровое одеяло. Она была страшно бледна. Кресло совершенно поглощало ее, отчего девушка казалась еще более хрупкой. Сердце у него сжалось от жалости. Так плохо она еще не выглядела никогда. Его впервые охватил страх. Почувствовав присутствие герцога, Элизабет открыла глаза. Он быстро пошел к ней, стараясь улыбаться. Какое-то время она не могла сосредоточиться, потом просияла.

— Хэдриан! — Одним словом, одним именем она выразила всю глубину чувств и радость встречи.

— Здравствуй, Элизабет! Я не хотел будить тебя и тревожить, — сказал он и, подтянув оттоманку к ее креслу, сел.

— Я очень рада, что ты пришел.

Он старался не показать ей, как напуган ее видом и состоянием, а она говорила тихо, едва слышно, дышать ей было трудно.

— Тебе лучше сегодня?

— Ничего, — сказала она и отвела глаза в сторону.

Он знал, что это неправда. Элизабет раньше никогда не лгала. Теперь ему стало совсем страшно.

— Рассказать тебе об охоте? — спросил он, взяв ее за руку.

Она молча кивнула.

Несколько минут он развлекал ее, описывая интересные или забавные эпизоды. Глаза ее загорались, когда он описывал ей, как брал самые трудные препятствия.

— Я рада, что ты поехал туда, Хэдриан, — сказала Элизабет, когда рассказ был окончен. — Там было замечательно.

Он держал ее руку, смотрел в ее обожающие глаза, слушал ее милые, бескорыстные замечания и клял себя на чем свет стоит за вероломство и предательское поведение. Он не достоин Элизабет, ей нужен кто-нибудь лучше его, но она обручена с ним. Его решимость выдать Николь замуж еще больше окрепла.

— Хэдриан, — не совсем уверенно начала Элизабет, — что ты будешь делать, если я… умру?

mir-knigi.org

Хэдриан замер.

— Но ты не умрешь, — сказал он голосом, полным ужаса. Она говорила о том, о чем он даже боялся думать.

— Боюсь, что ты ошибаешься.

Он проглотил подкативший к горлу комок, сжал ее руку и твердым голосом сказал:

— Ты не должна даже думать так.

— Я не хочу, чтобы ты горевал по мне, — сказала она неуверенно. — Я хочу, чтобы ты был счастлив, я всегда желала тебе только счастья. Ты — молодой и сильный, ты и так слишком долго ждешь, чтобы устроить свою жизнь.

— Элизабет, — возразил он, потрясенный. Слеза текла у него по щеке.

— Ты думаешь, я не знаю? Я знаю, что ты глубоко несчастлив, Хэдриан. Я всегда это знала, с самого детства.

Он ничего не мог ей ответить. Слезы катились у нее по щекам.

— Я так хотела быть той, кто сможет тебя осчастливить, но этому не суждено сбыться.

Он взял ее маленькие ручки.

— Тебе нужен сын. Тебе нужно скорее выйти замуж и родить сына.

Теперь она плакала не сдерживаясь.

— Я хотела быть твоей женой, я хотела родить тебе сына, я хотела сделать тебя счастливым, но по какой-то причине Господь воспротивился этому.

Ему стало так ее жаль, что он взял ее на руки впервые с тех пор, как она перестала носить детские фартучки. Элизабет была легка, как десятилетний ребенок.

— Мне не нравится то, что ты говоришь, Элизабет. Ты молода и, конечно, не умрешь. В июне мы поженимся, и ты подаришь мне сына. — Он гладил ее волосы. — И ты ошибаешься, я счастлив с тобой.

Она отклонилась назад, чтобы заглянуть ему в лицо, Хэдриан увидел, что она немного успокоилась и плачет уже не так горько.

— Я не хочу умирать. Я так люблю тебя! Ничего на свете я не хочу больше, чем стать твоей женой. О, Хэдриан! Это так несправедливо!

Он был ошеломлен и поражен. Все, что он мог сделать, это держать ее на руках и успокаивать, как ребенка. Теперь ему стало понятно, что глаза маркиза красны не от бессонницы, а от слез.

— Тебе необходимо заснуть, — сказал он заботливо. — Я еще приду к тебе сегодня. Но если ты будешь спать, то будить не стану, а просто молча посмотрю на тебя.

Ее глаза закрылись, но она держала его за руку с поразительной силой. Он осторожно высвободил руку и поднялся, с трудом унимая дрожь. Ему было ясно одно: срочно нужен врач.

mir-knigi.org

Замешкавшись в дверях, он вернулся, наклонился над ней и дотронулся до ее лба — он был холодный и сухой.

— Элизабет, — еле слышно прошептал герцог, — ты очень много для меня значишь. — Он медленно и нежно поцеловал ее.

Когда он оглянулся у двери, то увидел, что она улыбалась.

ГЛАВА 17

В воскресенье вечером семейство Драгмор вернулось в Тэвисток-сквер. Они покинули Мэддингтон. Николь не встречала Хэдриана после окончания охоты. Ей и в голову не приходило, что Хэдриан захочет сразу же уехать из Мэддингтона. Но он уехал. Переодеваясь в своей комнате, Николь услышала какой-то шум во дворе. Подбежав к окну, она увидела, как герцог подходит к своей черной лакированной карете с гербами Клейборо. Двенадцать всадников, по шестеро с каждой стороны кареты, ждали, когда она тронется. Перед тем как закрыть дверцу, герцог оглянулся и внимательно посмотрел на окна, будто знал, что Николь наблюдает за ним. Через минуту он и его величественный эскорт умчались.

Приехав в Лондон, Николь решила не думать об их последней встрече, но вскоре убедилась, что это невозможно. Своим поступком он не только рассердил ее, но и унизил. Он вел себя так, словно не считал ее леди. А как еще он мог себя вести, если при каждой встрече она сама бросается в его объятия. Если уж быть до конца честной перед собой, то следует признать, что он был прав в той оценке, которую ей дал. Леди не ходят без сопровождения по маскарадам в вызывающей цыганской одежде, леди не носятся на коне по полям в бриджах в мужском седле. Леди не бросают своего жениха в последний момент. И уж конечно, леди не позволяют никому, даже мужу, ласкать себя так, как делал это Хэдриан.

Николь стало стыдно, что во время охоты она совсем забыла о существовании Элизабет. Когда она с Хэдрианом, — нет, ей непременно надо отучаться называть его так фамильярно, — когда она с герцогом, то забывает все на свете. Ей хотелось бы, чтобы Элизабет была противной и злой, как Стаси Вортингтон. Тогда бы Николь не чувствовала вины за то, что у нее было с Хэдрианом. Но Элизабет не похожа на Стаси, она милый, добрый человек, каких в Лондоне очень мало. Она делала все, чтобы общество приняло Николь.

— Что случилось? — спросила Николь, когда Регина вбежала в ее комнату.

— Элизабет Мартиндейл, ей стало хуже. Ей так плохо, что она не встает. Врачи говорят, что организм не справляется.

Николь не могла ничего понять.

— Не справляется?

Регина кивнула. Глаза у нее округлились от ужаса, лицо побелело.

— Что ты имеешь в виду, говоря «не справляется»?

— Я не знаю! — заплакала Регина. — Доктора говорят, что организм не справляется. Я думаю, что это значит: «она умирает»!

Пораженная сообщением, Николь рухнула на стул.

— Умирает?

Регина села напротив Николь, и сестры в ужасе смотрели друг на друга.

— Не верю, — сказала наконец Николь. — Элизабет молодая, моложе нас с тобой, молодые девушки так вдруг не умирают.

Губы Регины задрожали, глаза наполнились слезами.

— Я тоже не могу в это поверить. Может быть, это неправда?

— Конечно, неправда! — воскликнула Николь, и ей стало немного легче. — Это ужасная сплетня, а уж я на себе испытала, на что способны сплетницы!

— Может быть, ты и права, — сказала Регина, несколько повеселев. — У нее, наверное, грипп в тяжелой форме, вот и все.

Николь решила нанести Элизабет визит и пожелать ей скорейшего выздоровления. Она все еще была в удрученном состоянии, когда в семейной карете Драгморов подъехала к дому Стаффордов. Сплетни — ужасная вещь, но ведь известно, что дыма не бывает без огня. Николь молила Бога, чтобы все оказалось не так страшно, как утверждает сестра, она отказывалась верить в худшее. Кучер помог ей выйти из кареты, а дворецкий проводил в приемный зал.

Николь протянула дворецкому свою визитную карточку и назвала цель своего визита. В руках у нее была коробка шоколадных конфет, купленная ею на Оксфорд-стрит. Не успел дворецкий прочитать карточку, как прозвучал полный негодования мужской голос:

— Элизабет не принимает посетителей!

Николь повернулась на голос и увидела герцога Клейборо. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Он был в одной рубашке с засученными рукавами и без жилета. Обычно хорошо отглаженные брюки были помяты. Глаза, в черных кругах от бессонницы, метали молнии. Его длинные волосы казались неухоженными. Не переставая разгневанно смотреть на Николь, он сказал дворецкому:

— Вильям, вы можете идти.

Вильям исчез.

Николь не ожидала увидеть его здесь. Она невольно попятилась, но он схватил ее за руку и прогремел:

— Что вы, черт побери, здесь делаете?

— Я пришла навестить Элизабет. Я слышала…

— Вы пришли навестить Элизабет? Зачем? Чтобы увидеть собственными глазами, в каком она состоянии?

Она попыталась освободиться, но он тянул девушку к себе все ближе и ближе, так что их лица почти коснулись друг друга.

— Вы смеете думать, что, если Элизабет умрет, я женюсь на вас?

Николь была настолько поражена таким обвинением, что долгое время ничего не могла ответить ему.

— Как можете вы говорить такое! — наконец произнесла она с горечью.

— Тогда зачем вы пришли? Зачем же вы пришли сюда?

И его горе, и обидные слова, сказанные в ее адрес, ошеломили Николь.

— Вы здесь нежелательны.

Ей удалось сохранить достоинство и гордо ответить:

— Вы презренный человек! Я пришла сказать, что сожалею о ее нездоровье!

То, что он продолжал порочить ее, что он уверен в ее холодной расчетливости, глубоко оскорбило Николь.

— Она была добра ко мне, когда все, включая и вас, были грубы и оскорбляли меня.

— С трудом верится, что вы пришли сюда из благородных побуждений.

— Ваше представление о благородстве мне давно известно.

Ей хотелось бросить ему в лицо все самые оскорбительные слова, которые есть на свете, отплатить за все унижения, которым он подверг ее. Но она сдержалась. Бедная Элизабет, кажется, действительно серьезно больна, да и слуги, как она успела заметить, прислушивались к каждому их слову. Ей стало жутко от мысли, что слухи о ней и герцоге дойдут до Элизабет.

— Меня больше не интересует, что вы думаете. Если она не принимает, то, будьте любезны, передайте ей этот подарок и скажите, что я очень сожалею, что она заболела.

Герцог не сделал ни малейшего движения, чтобы взять коробку, которую Николь держала в протянутой руке. Слезы заволокли ей глаза. Быстро положив конфеты на столик, она почти бегом направилась к двери, но он остановил ее:

— Я хочу, чтобы вы знали. Как только Элизабет… поправится, я сразу же уеду из Лондона.

Николь сбросила его руку, повела плечами и с некоторой брезгливостью сказала:

— Меня не интересуют ваши планы.

— Элизабет поедет со мной. Мы не будем ждать до июня и поженимся немедленно.

Эти слова ранили больше, чем оскорбления. Неужели это тот самый человек, который страстно ласкал се в Мэддингтонском лесу всего два дня назад? Он ведет себя так, словно ненавидит ее. Она задумалась. Не сделала ли она чего-нибудь такого, что превратило его желание в ненависть? Может, он мстит ей за то, что произошло на охоте? С трудом сохранив самообладание, она с достоинством сказала:

— Тогда я желаю вам обоим большого счастья.

Они стояли, как дуэлянты, и с ненавистью смотрели в глаза друг другу. Перед Николь проносились картины их прошлых встреч: он держит ее на руках, ласкает ее грудь, бедра…

mir-knigi.org

Неожиданно Николь повернулась и пошла к двери, которую неожиданно появившийся Вильям распахнул перед ней. Николь молила в душе Бога, чтобы слухи об этой перепалке не дошли до Элизабет. Она не успела сойти с лестницы, как герцог нанес ей еще один удар:

— Я сказал серьезно, что вас здесь не принимают. Никогда не приходите сюда!

Это было уже слишком. Николь покраснела. У нее наготове было много колких ответов, но ни один из них не подходил для ушей слуг. Но эту грубость герцога нельзя было оставить без ответа.

— Что бы вы там обо мне ни думали — а вы хорошо думать о людях вообще не можете, — мы с Элизабет дружны. Она заслуживает счастья. Я не знаю ни одного человека, который заслуживал бы счастья больше, чем она.

Герцог рассвирепел и в ярости сжал кулаки. Вильям раскрыл от удивления рот. Николь с достоинством покинула дом маркиза Стаффорда.

В эту ночь Элизабет умерла. Известие о ее смерти дошло до Николь через несколько часов, а к полудню весь Лондон говорил о смерти девушки.

Николь была совершенно потрясена. Элизабет Мартиндейл умерла? Приятная, милая, красивая, добрая девушка, которую все любили? Элизабет, которая ни в чем и ни в ком не видела плохого? Это было верхом несправедливости. Николь поднялась в свою спальню, чтобы побыть одной.

Пожалуй, можно понять возмутительно грубое поведение Хэдриана по отношению к ней: он знал, что Элизабет при смерти. Разве можно ожидать разумного, вежливого поведения от человека, у которого умирает невеста. Николь стало очень грустно. Видимо, он очень любил Элизабет! До вчерашнего дня ей и в голову не приходило, что он так сильно любил свою невесту.

Массивный, строгий гроб из красного дерева с телом Элизабет был выставлен в доме Стаффорда. Николь вместе с братом Эдвардом, приехавшим из Кембриджа, и сестрой пошли проститься с покойной и выразить свое соболезнование ее родственникам. В огромном зале стояла гнетущая тишина, изредка нарушаемая приглушенными голосами и всхлипываниями людей, пришедших проститься с Элизабет. Маркиз, совершенно убитый горем, отвечать на соболезнования не мог и только кивал головой. Он недавно похоронил жену, а теперь умерла дочь.

Элизабет лежала спокойная, красивая. Николь и Регина остановились у гроба. Николь еле сдерживалась, чтобы не расплакаться. Как можно, чтобы такие молодые умирали, не успев ничего сделать в жизни?

— Я не могу смотреть, — со слезами в голосе тихо сказала Регина и пошла к выходу.

Николь вздохнула и стала произносить короткую молитву в надежде, что Элизабет услышит. Она поблагодарила ее за доброту и собралась уже извиниться за то, что была близка с Хэдрианом, но не смогла открыться ей в этом грехе.

Подняв глаза от гроба, Николь встретилась взглядом с герцогиней Клейборо Дауэйджер и испуганно вздрогнула. Ей вспомнилось, как герцогиня посмотрела на нее в вестибюле дома в

Мэддингтоне, словно знала, что между молодыми людьми произошло что-то не совсем хорошее. Николь была совершенно не готова к встрече с герцогиней или ее сыном. Но Изабель чуть-чуть улыбнулась ей. У Николь не оставалось выбора — надо было поздороваться и выразить соболезнование. Она подошла к герцогине:

— Какое несчастье! Я так скорблю.

— Мы все скорбим, — грустно сказала Изабель сквозь слезы.

Николь поклонилась и вышла из зала. В вестибюле ее ждала сестра.

— Мама и папа разговаривают с маркизом, — сказала Регина.

Николь хотела сразу же уехать, но, понимая, что это будет выглядеть некрасиво, осталась. В зале уже накрывались столы.

Марта, приехавшая проститься с Элизабет, подошла к сестрам.

— Какой ужас! — тихо произнесла Марта после того, как они обнялись. — Я так потрясена, что не могу поверить.

Лицо Марты опухло от слез.

— Мы тоже не можем в это поверить, — сказала Николь.

— Как же это несправедливо, как Господь мог такое допустить? — шепотом произнесла Регина и расплакалась.

Успокоив Регину, Марта тихо сказала Николь:

— Герцог здесь.

Николь ничего не ответила.

— Ты видела его?

— Нет.

— Он ужасно выглядит. Я пыталась с ним заговорить, но не думаю, что он услышал хоть одно мое слово. Да это и понятно.

У Николь опять подкатил к горлу комок. Должно быть, Хэдриан очень любил Элизабет, гораздо сильнее, чем она предполагала. Потому-то и был таким грубым два дня назад и так убит горем сейчас.

— Он ее очень любил.

Марта пристально посмотрела на нее:

— Он ведь знал ее всю жизнь, они двоюродные брат и сестра. У них было довольно много времени, чтобы узнать друг друга — вся жизнь.

— Довольно большой срок, чтобы друг друга полюбить, — прошептала Николь слабым голосом. Сейчас было не время и не место думать об этом, но горькая правда уже сразила ее: он

mir-knigi.org

действительно любил Элизабет и никогда не любил ее, Николь, он испытывал к ней лишь вожделение, а это совсем другое чувство.

— Ему нужно какое-то время, — сказала Марта, дотрагиваясь до руки Николь. Если и был в ее словах какой-то намек, то Николь его не поняла. Вскоре они уехали домой. Всю ночь Николь проплакала, жалея Элизабет, Хэдриана и немного себя.

В день похорон погода была в самый раз для траура и оплакивания: по серому, хмурому небу плыли тяжелые тучи, каждую минуту угрожающие пролиться дождем. Дул порывистый ветер, и дубы над усыпальницей Стаффордов размахивали голыми, скрюченными ветвями, вызывая ужас. Николь казалось, что это старики воздевали к небу костлявые руки, моля о справедливости. Если в Лондоне на отпевание в церковь пришло не менее тысячи человек, то в Эссекс на погребение приехало не более сотни.

Николь стояла между матерью и Региной, оба брата тоже были здесь.

Хэдриан стоял у гробницы в черном траурном костюме, без шляпы, склонив голову. Он поддерживал мать, старавшуюся не плакать. Маркиз Стаффорд, потерявший свою единственную дочь, не скрывал слез.

Рядом с ним стояли глава рода граф Нортумберленд с женой и детьми и брат жены маркиз Стаффорд Роджер де Варенн. Это был высокий, седой и худощавый старик лет семидесяти с лишним. Он был со своей второй женой возраста Изабель, тремя сыновьями с женами, а также со своим наследником виконтом Барретвудом, который приходился Изабель сводным братом. У Роджера де Варенна была дюжина внуков от двух жен, и все они присутствовали здесь. Самому младшему было всего пять лет, и он очень старался выглядеть серьезным. Древность и могущество рода Нортумберлендов восходили к эпохе завоевания Англии норманнами. За Варенами стояли их родственники — Мартиндейлы, Хэрты и Вортингтоны. Среди Вортингтонов находилась Стаси Вортингтон, кузина Элизабет. Она горько, но как-то напоказ рыдала в носовой платок.

Николь не могла отвести глаз от Хэдриана. Он выглядел ужасно: лицо бледное и изможденное, плечи бессильно опущены. Его страдания отзывались в ней острой болью, она глубоко сочувствовала ему.

Перед гробом Элизабет она забыла все, что стояло между ними: стыд, унижение, обиды, злость, гордость. В такие минуты перед нами предстает истина.

Николь почувствовала, что принимает его боль как свою, что готова разделить его страдания. Она поняла, что глубоко и преданно любит этого человека.

ГЛАВА 18

После похорон прошло три дня. Ни на званые вечера, ни на приемы Николь не выезжала: не было настроения веселиться и кого-либо видеть. Она мало знала Элизабет, но внезапная смерть девушки стала для Николь сильнейшим потрясением. Это несчастье помогло ей понять, что для нее значит Хэдриан.

Он занимал все ее мысли. Она глубоко сопереживала ему. И в то же время испытывала боль от сознания того, что он любил Элизабет.

Николь решила, что ей необходимо увидеть его. Она должна облегчить его страдания,

поддержать его, дать ему понять, что в его горе она рядом с ним. Ей было вполне понятно, что это опять будет против всех правил приличия и общественной морали, но для нее было бы и прилично и пристойно, если бы она оказалась нужна Хэдриану. Николь считала, что он никогда не нуждался в ней так, как сейчас. Она волновалась, гадая, какой он ей окажет прием, но уже ничто на свете не могло остановить ее.

От Регины и Марты — они не прекращали светского общения после похорон — Николь знала, что герцог заперся у себя в доме, никуда не выезжает и никого не принимает. Но шестое чувство подсказывало ей, что ее он примет.

Дворецкий, коренастый человек с тяжелым подбородком, впустил ее в огромный круглый вестибюль и, изучив для вида визитную карточку Николь, бесстрастно сказал:

— Его сиятельство не принимает.

— Да, я слышала об этом, — глубоко дыша, заговорила Николь, — но я хороший друг герцога… Как вас зовут?

— Вудворд, — ответил дворецкий с достоинством.

Похоже, что аргументы Николь не произвели на него никакого впечатления.

— Пожалуйста, Вудворд, скажите его сиятельству, что я здесь, Он не откажется видеть меня.

Вудворд некоторое время раздумывал, потом кивнул и вышел.

Николь почувствовала, что дрожит.

Герцог был немного пьян. Он с детства не переносил даже запаха спиртного, но сегодня напился преднамеренно. Он уже несколько дней не спал, и ему необходимо было расслабиться, чтобы снять нервное напряжение и заснуть.

У него было очень тяжело на душе. Он понял, правда, с опозданием, что очень любил свою невесту. И дело было, конечно же, не в плотской любви. Ему недоставало ее теплоты и неиссякаемой душевной щедрости, деликатности и благородства. Воспоминания мучили его.

Вот она ребенок, только начинающий ходить, а он, двенадцатилетний мальчик, участливо наблюдает, как она ковыляет от стула к стулу. В шесть лет она сильно ушиблась и плакала у него на руках. В тринадцать лет она, стесняясь, угощала его печеньем, которое испекла сама. Как же она засветилась, когда он поцеловал ее, поздравляя с восемнадцатилетием!

Теперь об этом поздно жалеть, но лишь сейчас он понял, что Элизабет была его единственным другом. Он с детства не водил компаний, привык быть один, но с ней было легко и просто, она была самоотверженной и бескорыстной, всегда поддерживала и защищала его. Даже если он был иногда неправ, то она находила ему оправдание. Он воспринимал их отношения как сами собой разумеющиеся.

Если бы можно было все вернуть назад, то все бы тогда было по-другому!

Сейчас герцог был настолько расстроен, что забыл все то, чему научился в детстве: скрывать свою боль, свои страдания и никогда не показывать, что он чувствует и о чем думает. Скрывать не только от других, но прежде всего от самого себя. До недавнего времени это ему удавалось. А сейчас…

mir-knigi.org

Он залпом выпил рюмку шотландского виски, и его передернуло. Он так и не понял, отчего умерла Элизабет. В Бога он верил, хоть в церковь и не ходил. Смерть сама по себе бессмысленна, как, впрочем, он успел заметить, бессмысленна и сама жизнь. Может быть, и Бога нет вообще, или он не справедлив и не милостив. Он мог бы справиться с горем, но было нечто еще, что его смущало, — это чувство вины.

Вот уже несколько дней он не выходил из библиотеки. Он подошел к камину и пошевелил поленья, стараясь отогнать преследующие его мысли.

Чувство вины усиливалось. Еще не успели похоронить Элизабет, как перед ним опять возник образ Николь. «Черт бы ее побрал», — подумал он, яростно ворочая поленья.

В течение нескольких прошедших недель, пока болела Элизабет, он уделял ей мало внимания: он был слишком занят делами и испытывал сильное физическое влечение к Николь Шелтон. Элизабет не заслуживала такого к себе отношения.

«Я негодяй, чудовищный негодяй, эгоистичный, сексуальный подлец, ничем не отличающийся от своего отца», — корил себя Хэдриан.

Он закрыл глаза, но яркий образ не исчез. Живое, привлекательное, смеющееся лицо Николь и бледный, безжизненный лик Элизабет. Прекрасная фигура, грациозность крупного зверя, бьющая через край энергия, неукротимая гордость Николь и миниатюрность, хрупкость, сдержанность, кротость Элизабет. В Николь было все, что символизировало жизнь.

Даже виски не могло отвлечь его от этих размышлений. Копаясь в себе, он убедился, что в нем продолжало жить желание, страстное желание, избавиться от которого невозможно. Объектом этой страсти была Николь.

Раздался стук в дверь, хотя он предупреждал, чтобы его не беспокоили. Не имея привычки повышать голос на слуг, он вежливо сказал:

— Да?

Вошел Вудворд, всем своим видом показывая, что извиняется. Выражение эмоций для такого великолепного слуги было совершенно необычным явлением.

— Леди Николь Шелтон пришла с визитом. Она настояла на том, чтобы я непременно доложил о ней, ваше сиятельство.

Сердце герцога ударило в набат. От мгновенно возникшего сильного желания он ощутил недостаток воздуха.

— Пусть убирается! — рявкнул он.

Сильнейшее удивление отразилось на лице Вудворда, но через мгновение он справился с собой.

— Хорошо, ваше сиятельство.

— Подожди! — поспешно окликнул его герцог, когда дверь уже закрывалась. — Я передумал. Проводи ее сюда.

Вудворд кивнул и исчез. Хэдриан ходил по комнате взад и вперед, все больше распаляясь.

mir-knigi.org

Зачем она пришла? Неужели не могла после похорон выдержать какой-то срок? Может быть, она совсем не уважала усопшую? Что ей нужно и как она смеет! Незадолго до смерти Элизабет он совершенно искренне намеревался незамедлительно жениться на ней и уехать в деревню. Может быть, он пытался свое желание противопоставить надвигающейся смерти? Всю неделю, проведенную у постели больной, он давал себе клятвы быть ей верным не только в поступках, но и в мыслях, это означало выбросить Николь Шелтон из головы и сердца, вообще из своей жизни.

Вудворд провел Николь в библиотеку и сразу же вышел.

Герцог впился в нее глазами. Зачем она здесь? Почему именно сейчас? Он видел, что Николь в состоянии почти безумного волнения. Конечно, не из-за Элизабет, это было бы верхом лицемерия. Ее чудесные серые глаза были полны участия и сострадания. Уж не мерещится ли это ему спьяну? Кому же адресуется ее сострадание, если не ему? А вдруг? Это не было похоже на обычные дикие набеги в его дом. Сейчас она не имела ничего общего с женщиной, которая, по существу, призналась, что хочет соблазнить его.

— Хэдриан? Как вы? С вами все в порядке?

Он прижался спиной к камину, не обращая внимания на жгущий его огонь.

— О да. Со мной все в порядке, — сказал он насмешливым тоном, — конечно, если смерть невесты считать обычным явлением.

Николь долго не отвечала, но всем своим существом выражала ему еще большее сочувствие. А он опасался обнажить свою душу, открыть ей свое горе. Можно было подумать, что он искал у нее сочувствия, но ему ничего не надо, совсем ничего.

— Я очень сожалею… — воскликнула она, но он оборвал ее:

— Мне не следует удивляться вашему визиту, не так ли? Вы же не признаете правил приличия, пристойности. Должен вам признаться, что в отдельных случаях я их все-таки признаю.

Не шелохнувшись, она стояла у дивана и смотрела ему прямо в лицо.

— Я не могла не прийти, — сказала она тихо. — Я должна была убедиться, что с вами все в порядке.

— Вы пришли сюда из-за меня? — с недоверием спросил он. — Я ведь недавно серьезно говорил с вами. Все кончено, Николь. Что бы там ни было между нами прежде — теперь все кончено.

Его охватила бешеная злость. Злость на себя, на нее, на весь мир.

— Я понимаю.

— Если бы вы понимали, вас не было бы здесь.

— Именно потому, что я понимаю, я здесь, Хэдриан. Вам нельзя быть одному.

— Я хочу быть один.

— Если это так, то зачем вы позволили мне войти?

Он больше не мог отрицать очевидную истину: он больше не хотел оставаться один, ему

хотелось быть с ней.

— Уходите немедленно. Иначе будет слишком поздно.

Она не тронулась с места.

— Вы что, не слышали, что я сказал?! — закричал он. — Я сказал вам: убирайтесь! Вон отсюда! Вон из моей жизни!

В руках у него был бокал с виски. Он вспомнил о нем и с силой швырнул его в дверь за спиной Николь. Бокал со свистом пролетел у нее над головой и вдребезги разбился. Николь только чуть вздрогнула.

Он порывисто дышал. В нем был хаос чувств: долг, благородство, верность, вожделение, нежность… Ему вдруг стали ненавистны все его переживания, борьба чувств и она вместе с ними.

— Я чуть не попал в вас.

— Но ведь не попали же. И никогда не попадете.

Его начало трясти, и он резко отвернулся.

— Я вижу, что вам больно. Знаю, что запустили в меня бокал, потому что рядом не было никого, кого вы могли бы ударить. Пожалуйста, я ничего не имею против. Я тоже считаю, что это ужасно несправедливо. Как могло случиться такое с тем, кто был всегда так добр и так искренен?

— Не надо. — Он смотрел на разгоревшийся в камине огонь. Жар от пламени обжигал ноги и живот. Он закрыл глаза. Она была такой, какой никогда не была Элизабет, и то, что она здесь, живая, полная энергии и здоровья, причиняло ему боль. Образ Элизабет стал утрачивать четкость и постепенно исчез совсем. Страшная тоска охватила всю его душу… Но это уже была тоска по Николь.

— Я попрошу Вудворда принести нам чаю, — сказала она наконец.

Он прислушивался к ее шагам, и страх охватил его. Непременно нужно было освободиться от нее. Он попытался вернуть спасительный образ Элизабет, но ничего не получалось: она виделась ему какой-то бледной и расплывчатой. Необходимо было взять себя в руки, совладать со своими чувствами. Герцог несколько раз глубоко вздохнул.

Вернулась Николь, и сердце опять забилось гулко и неровно.

— Вы выглядите усталым, Хэдриан. Пожалуйста, идите сядьте. Сейчас Вудворд принесет горячий чай. Вы что-нибудь ели в последнее время?

Он медленно повернулся и долго не сводил с нее взгляда. Он увидел, что ее сочувствие очень искренне. И тут сильное желание опять начало овладевать им.

— Хэдриан?

Он повернулся к камину и стал смотреть на огонь. Как он ни старался, но вызвать в сознании четкий образ Элизабет не удалось.

mir-knigi.org

Вудворд постучался и вошел с чаем. Герцог слышал, как слуга поставил поднос и спросил Николь, не нужно ли ей еще чего-нибудь, но не обернулся. Он боялся оборачиваться, боялся самого себя, того, что он может сделать.

Дверь за слугой закрылась. В библиотеке стало тихо. Тишину нарушали лишь тиканье старых, еще прадедушкиных настенных часов да потрескивание поленьев в камине. Герцог услышал, что Николь встала и идет к нему. Он напрягся. Она остановилась сзади так близко, что он почувствовал тепло ее тела.

— Хэдриан, вы не хотите пойти и сесть?

— Нет.

— Может, вы пойдете наверх и ляжете спать? Ваше состояние меня пугает.

Его состояние путало его самого еще больше. Он боялся пошевелиться. Он хотел сказать ей, чтобы она ушла, приказать, но вместо этого сказал:

— Я не могу спать, Николь, поверьте мне, если бы мог, то не был бы в таком состоянии.

Она вздохнула и нежно прикоснулась к его спине. Хэдриану показалось, что грозовой разряд прошел сквозь него. Он испытывал отчаянное желание, чтобы она обняла его, как ребенка. Но она этого не сделала.

Больше бороться у него не было сил.

— Хэдриан, может быть, вы попытаетесь заснуть. Я вижу, что вы измучены до предела. Позвольте мне позвать Вудворда.

Ее ладонь дрожала у него на спине. Он уже потерял способность размышлять. Лишь слово «опасность» пульсировало в виске.

— Не зовите Вудворда, — сказал он хриплым голосом.

Николь начала обеими руками массировать его шею. Он стоял очень спокойно, однако напряжение не проходило, а все более усиливалось. Его начало трясти, терпению пришел конец, — он проиграл.

— Николь! — выкрикнул он ее имя, резко повернулся и схватил ее в свои объятия. Она замерла, но даже не пыталась оттолкнуть его. Глаза выражали удивление, но не испуг. Он прижал ее к себе и почувствовал отклик ее тела. Он уткнулся лицом ей в шею. Все расплылось и поплыло перед его глазами…

— Все хорошо, — приговаривала она, гладя его по спине, — все хорошо.

Он долго не разжимал объятий, не осознавая, что почти ломает ее, делает ей больно. Он надеялся унять движение разноцветных кругов перед глазами. Радость, отчаянье, горе и боль соединились в одно ощущение огромного физического и душевного подъема.

Николь в его объятиях была удивительно податливо теплая. Он чувствовал в ней энергию и радость бытия. Она была носителем тех качеств, которые составляли для него жизнь. Он стал раскачиваться вместе с ней, и она доверчиво и крепко к нему прижалась. У него слезы выступили на глазах — как же она ему была нужна! Нет, его состояние нельзя было объяснить

mir-knigi.org

физическим влечением, пусть даже необычно сильным. Здесь явно было что-то большее.

Она наклонила его голову назад, чтобы видеть лицо, и прошептала:

— Всегда… Я всегда буду рядом. — Медленно почти целомудренно, она поцеловала его в губы.

Хэдриан теперь не пытался обуздать себя. Он распустил ее волосы, и они черным водопадом обрушились на спину. Их взоры встретились: в ее глазах было предчувствие чего-то неведомого, в его — огонь Он поцеловал ее. Звуки страсти вырвались из горла Николь. Хэдриан опустился на колени, увлекая ее за собой. Она лежала на спине, а он осыпал отчаянными и голодными поцелуями ее глаза, лоб, щеки, рот, шею. Она рыдала.

— Николь… Николь… — шептал он.

Может быть, нужны были какие-то другие слова, но он не мог их найти и не смог бы произнести, если бы нашел. Николь прижалась к нему, неистово отвечая на поцелуи. Хэдриан задрал ей юбки, нащупал разрез платья и разорвал его на две части.

Через секунду он вытащил свой возбужденный член и стал его бесцеремонно и безжалостно заталкивать в нее. Она была в шоке от его яростной атаки. А он забыл, что она девственница. Он попытался как-то сдержать безумие своего порыва, но не смог: взрыв потряс его тело. Содрогаясь, он упал на нее. Николь обнимала и ласкала его. Он пришел в себя и обрел способность соображать.

Круги перед глазами не исчезли. Но выражение лица приобрело не свойственную ему мягкость и расслабленность, он улыбался.

— Простите.

— Не надо просить прощения, — сказала Николь, нежно гладя его влажные волосы. — Никогда не просите прощения у меня!

От виски и бессонных ночей он еле держался на ногах. Успокаивающие ласки Николь были непреодолимы. Хэдриан почувствовал, как тяжелый сон сходит на него, и, уже сопротивляясь ему, обнял женщину, лежавшую рядом с ним. Последней мыслью его было полное нежелание сопротивляться чему-либо…

ГЛАВА 19

Хэдриан проснулся в полной темноте. Движение головы вызывало сильную боль в затылке и висках. Тяжелые бордовые гардины — раздвинуты, за окнами — ночь. Вдруг он все вспомнил. Он лежал там же, на полу, где Николь отдалась ему. Сбросив с себя одеяло, он сел. Как никогда раньше, ему отчаянно захотелось, чтобы рядом оказался хоть какой-нибудь человек. Внезапно его охватил страх, но волевым усилием он подавил его. Он вспомнил, как повалил Николь на пол и овладел ею, он вновь чувствовал тепло ее тела и свою неистовость, схожую с грубостью. Потом он почувствовал, что краснеет от стыда, — так мог бы вести себя только юнец, страдающий от переполнившего его вожделения.

Как же это могло случиться? Убитый, потрясенный, Хэдриан поднялся, приводя свою одежду в порядок, и зажег свет. Осветилась сразу вся библиотека: в его имении электричество было проведено давно. Он сел за письменный стол. Что же он наделал!

Обхватив голову руками, он представил себе все так четко, как будто это происходило сейчас.

Слишком много ощущений, слишком много эмоций. С трудом он отвлекся от них и стал анализировать факты.

Дело не в том, что она сама пришла сюда. Ему нельзя было принимать ее. Он не прогнал ее и проиграл сражение, которое началось еще с первой встречи. Да, проиграл, свершилось, и нет смысла рассуждать о том, чего нельзя изменить. Для него осталось только одно — жениться на ней.

И это произошло, когда тело Элизабет еще не успело остыть. Он застонал, голова не прекращала болеть. Тем не менее чувство острой мучительной вины прошло. Не хотелось задумываться над этим, хорошо, что источник терзающей его боли исчез.

Его взгляд остановился на двух подушках и одеяле на полу. Если бы он просыпался, то вряд ли бы опять лег на пол. Еще менее вероятно, что он их сам принес сюда. Вудворд никогда бы не решился на такое. Это сделала Николь. Он весь напрягся, представив, как она его накрывает, кладет голову на подушку. Дьявол! Ему не хочется испытывать к ней нежные чувства!

Но она станет его женой, значит, бессмысленно избегать ее, а злиться он должен только на себя. Он почувствовал, что то обстоятельство, что Николь будет его невестой, совсем не огорчает его. Напротив, губы его тронула легкая нежная улыбка.

Хэдриан поднялся и заходил по комнате. Безусловно, в жены он себе ее не выбирал, да и нет здесь никакого выбора. Если бы вопрос стоял о выборе, он бы никогда не предпочел Николь. Это совершенно ясно. Ее даже трудно представить себе настоящей женой, тем более герцогиней.

Но то, что произошло, — дело его рук и причина для колоссального скандала. Выбора нет, и остается только выполнить свой долг. И нечего тут больше рассуждать. В любом случае жена рано или поздно нужна, но в силу сложившихся обстоятельств он получит ее немного раньше, чем хотел. Завтра он с ней поговорит и уладит дело.

Половину ночи Николь не могла уснуть, думала о Хэдриане, о том, что произошло между ними и что теперь будет. Их близость потрясла ее. Ничего нельзя сравнить с тем чувством, которое она испытала, обнимая Хэдриана. Не было злости, не надо было защищаться, его душа открылась ей. Конечно, было больно видеть, как он страдал. Она утешила его и готова утешать всегда, когда это потребуется.

С наступлением глубокой ночи возбужденное состояние стало проходить. Ей захотелось знать, что Хэдриан думает о случившемся, думает ли он о ней. Достаточно зная его, она не тешила себя надеждами. Вернее всего, он злится, и злится на нее. Эйфория сразу прошла. Ей стало стыдно перед умершей Элизабет, одна надежда, что она теперь в раю на небесах и не увидела того, что они натворили… Ну а если бы и увидела, то поняла бы, Элизабет никогда ни на кого не злилась, а в людях стремилась видеть только хорошее. Конечно, она поймет, что горе разрывало сердце Хэдриана и что Николь не могла больше бороться со своей любовью к нему.

Мысли об Элизабет были не только отрезвляющими, но они испортили настроение. Хэдриан страдал, был вне себя от горя. Он же оплакивал женщину, которую любил. Как она могла забыть об этом? Странно, что это смутило ее, ведь она и раньше прекрасно знала о его чувствах к своей невесте. Безусловно, сожалеть о содеянном слишком поздно, но Николь захотелось, чтобы это произошло хотя бы через несколько недель или месяцев. Разумеется, это так. Со временем он будет жить нормальной, полноценной жизнью, а она будет ждать его, надеясь, что он сможет ее любить. Хоть немного. Как только переживания о смерти Элизабет

станут не так свежи.

Николь обняла подушку. Как же она могла забыть, что была всего лишь предметом страсти, а не любви? Но разве она не сможет любить за двоих? Неужели ничего не изменится и он не сможет когда-нибудь полюбить ее?

Николь не представляла себе, как ей дальше жить, не видя Хэдриана, не зная, что он думает о ней. Но в одном она была уверена: первая к нему не придет, подождет, пока он навестит ее. Ужас охватывал ее при мысли, что он никогда не придет к ним.

На следующий день, ближе к обеду, когда Николь переодевалась после верховой прогулки, в ее комнату вихрем влетела Регина. Николь с интересом посмотрела на сестру. От возбуждения глаза Регины округлились.

— Что случилось? — спросила Николь.

— К тебе гость. Ты не поверишь, если я скажу кто.

— У меня нет настроения отгадывать.

— Это герцог Клейборо.

— Хэдриан? Я хотела сказать… герцог? Но… что ему нужно?

От удивления Николь приоткрыла рот:

— Не знаю. Поразительно… сразу же после смерти Элизабет и вообще… Сейчас с ним мама, отец еще не вернулся. Что ему могло понадобиться?

Николь затрясло. После того, что случилось вчера, в его визите ничего особенного не было. Только слепая ярость могла привести его сюда. Хоть бы немного больше прошло времени, чтобы он успел успокоиться!

Николь вся извертелась, пока Регина и Ани укладывали ей волосы. Затем, поблагодарив их, сбежала по лестнице вниз. Успокоив дыхание, она грациозно вошла в гостиную.

Герцог сидел рядом с матерью, держа в руках чашку с чаем. Повернув голову, он внимательно посмотрел на нее и встал. Она ожидала увидеть в его глазах возмущение, негодование, но они ничего не выражали, ровным счетом ничего. Николь покраснела и неуверенно сделала реверанс:

— Добрый день, ваше сиятельство.

Он небрежно поприветствовал ее в ответ. Она села рядом с ними на стул с прямой спинкой. Ее руки так дрожали, что она не решалась взять свою чашку.

— Это так неожиданно, — сказала она, покраснев.

Выглядел он значительно лучше, чем вчера. Круги под глазами исчезли, хотя белки были еще красными. Лицо было чисто выбрито, складки вокруг рта разгладились. Одет он был безупречно. Рыжевато-коричневый костюм сидел свободно, на шее завязан коричневый шелковый платок.

— Разве? — спросил он с издевкой.

mir-knigi.org

Николь покраснела еще гуще. Она поняла, на что он намекает, и ей захотелось исчезнуть из гостиной. Наступило неловкое молчание, так как фраза им не была закончена. Джейн, глядя то на дочь, то на герцога, сделала попытку снять напряжение:

— Теперь, когда вы стали выезжать, не поедете ли вы на бал Фэарфэкс, который состоится на этой неделе?

— Я не планировал это посещение, — сказал герцог, переключая свое внимание на графиню, — я еще не совсем в настроении танцевать и развлекаться.

— Да, да, конечно, — поспешно согласилась с ним Джейн. — Меня, признаться, очень удивило, что вы к нам пришли, ваше сиятельство.

— Если вы позволите мне переговорить наедине с вашей дочерью, то, может быть, все обретет смысл, — ответил он серьезно, не улыбаясь.

Перед тем как уйти, Джейн задумчиво посмотрела на дочь:

— Мне необходимо написать письмо, на это уйдет минут пятнадцать — двадцать.

Она ушла, плотно закрыв за собой дверь.

Николь заерзала под его долгим и пронзительным взглядом. Ей стало удивительно неловко.

Она сцепила руки и ждала, когда он заговорит. Казалось, его вполне устраивает сидеть и смотреть на нее. Герцог выглядел совсем не так, как накануне. А может быть, у нее вчера разыгралось воображение? Нельзя сказать, что он стал спокойнее и трезвее. На его лице появилась маска.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она тихим, нетвердым голосом. Ей захотелось дотронуться до его руки.

— Этот вопрос мне следует задать вам.

Она вспыхнула:

— Я — хорошо.

Теперь он почувствовал себя неловко.

— Мой визит в самом деле удивил вас?

Она сидела выпрямившись и не отрываясь смотрела на него. Что он хотел этим сказать? Может быть, он тоже очень захотел видеть ее? Она неуверенно улыбнулась.

— Я пришел, чтобы исправить положение, Николь.

— Ис… Исправить положение?

— Вначале я хотел бы поговорить с вами лично, — сказал герцог. Он решительно подошел к двери, открыл ее и, громко хлопнув, закрыл. Затем повернулся к ней, скрестив на груди руки.

— Во-первых, что касается меня, то я живу по законам чести или… стараюсь так жить. Вчера я нарушил этот закон.

Все надежды Николь рухнули.

— Вы сердитесь на меня?

— Злиться нет смысла. Вас винить нельзя. Во всем виноват только я. Мои действия сами за себя говорят.

— Я вас не виню, — еле слышно произнесла она, чуть не плача. «Он сожалеет о том, что мы сделали».

— Не имеет значения, вините вы меня или нет. Важны последствия вашего визита.

Николь облизнула пересохшие губы:

— Последствия?

— Вы больше не девственны, и у вас может быть ребенок.

— Меня не волнует первое, а ребенок…

Она еще не думала об этом.

— Только вы могли отреагировать таким образом. Он стал еще суровее:

— Я пришел заверить вас с том, что не намерен оставлять наши отношения в том состоянии, в котором они находятся сейчас. Это было бы еще нестерпимее, чем вчерашнее мое поведение. Мы должны пожениться.

У Николь от удивления открылся рот.

— По правилам нам следовало бы подождать год, — говорил он приказывающим тоном, пронзительно глядя на нее. — Но раз возможен ребенок, то мы поженимся немедленно. Я буду говорить с вашим отцом, как только он вернется.

У Николь закружилась голова. Собравшись с мыслями, она осознала, что его предложение не обрадовало ее. На смену надеждам пришли отчаяние и мрак.

— Вы не хотите жениться на мне.

Он помолчал.

— Не имеет значения, что я хочу. Мой поступок вчера решил мою… и вашу судьбу.

— Я понимаю.

— Вы огорчены, — заметил он и налил в бокал шерри. — Я не хотел быть таким жестоким.

— Да вы более чем жестоки, — сказала Николь, негодуя на выступившие слезы и смахивая их. — Вы очень ясно дали мне понять, что намерены жениться на мне из чувства долга.

Он протянул ей бокал, но она не взяла.

— Вы говорите так, словно у меня в отношении вас свинские намерения. Мой долг — жениться на вас.

mir-knigi.org

— Такой же, как жениться на Элизабет, хотя ее вы любили.

Герцог ничего не ответил.

— Ведь на самом-то деле вы не хотите жениться на мне, ведь так, Хэдриан? Если бы вы выбирали…

Она увидела, что впервые за этот день он разозлился.

— Нечего выбирать! Здесь неуместно говорить о том, что я хочу!

— Но не мне.

— Что это значит?

Николь хотела ему все объяснить, но передумала. Он пришел сюда исполнить свой долг, «исправить положение», словно она — деловая проблема, которую нужно решить. Какое благородство! Еще вчера он почти плакал по другой женщине. Да он и любит другую. В Николь опять заговорила гордость.

— Если вы не понимаете, то я вам и не скажу.

Он смотрел на нее в упор. Она чуть запрокинула голову и гордо, через силу разжимая губы, сказала:

— Я не выйду за вас, ваше сиятельство.

В мгновение его лицо преобразилось. Оно выражало растерянность, недоумение, горечь, будто произошла какая-то невероятно нелепая и досадная вещь.

Николь отвернулась, руки ее дрожали. Она мечтала стать его женой, но больше всего на свете ей хотелось его любви. А ее-то и не было. Он тосковал по Элизабет, которую любил. Он вовсе не хотел жениться на Николь, а предложение сделал только из чувства долга. Как же она отдаст ему свое сердце, получив взамен холодное равнодушие! Что может быть печальнее, чем судьба нелюбимой жены?

— Я правильно расслышал вас?

— Я не выйду за вас, — сказала она тверже. — Элизабет еще не успела остыть в гробу и…

— Как я уже сказал, — прервал он ее, — мы поженимся немедленно. Я уже говорил со своими юристами, и они готовят необходимые документы и особое разрешение.

Николь вскочила, взбешенная его самоуверенными действиями. Негодование позволяло ей сохранить решимость.

— Я приняла решение, и, полагаю, вам сейчас следует… уйти.

Он не двинулся с места.

— Вы самая сумасбродная женщина, какую я знаю. Я предлагаю вам обдумать все это на свежую голову.

— Нечего мне обдумывать. Если вы сейчас не уйдете, то боюсь, придется уйти мне.

Он долго смотрел на нее. Наконец произнес:

— Я не верю тому, что вы сейчас мне сказали. Я не верю вам. Нет ни одной женщины во всей Великобритании, которая бы отказала мне.

Николь грустно взглянула на него:

— Одна есть.

— Вам не придется уходить, — сказал он, решительно направляясь к двери. — Всего хорошего, леди Шелтон! Простите меня за дерзость.

Он рванул дверь, и не успела она опомниться, как он исчез.

Злости ее как не бывало. С глубокой грустью она прислушивалась к затихающему топоту копыт его лошади.

— Прощай, Хэдриан. — Ее душили слезы.

ГЛАВА 20

Хэдриан отправился домой на Кавендиш-сквер, 1. Он был потрясен и очень зол. Однако за всем этим было нечто большее, чем злость.

Она не приняла его предложения. В это невозможно поверить. Он был полон решимости жениться на ней и исправить положение, а она столь недвусмысленно отказала ему.

Хэдриан закрылся в библиотеке. Борзой лежал под маленьким столом и, увидев хозяина, радостно заскулил. Но, погруженный в свои мысли, герцог не заметил собаку. Его мучил вопрос: почему же она отказала ему, герцогу Клейборо? Хэдриан не был тщеславен, но после смерти Элизабет он стал самым желанным женихом в Англии.

Отказ Николь ожесточил его.

Герцог был неглуп. Он понимал, что окружающие ищут его дружбы и расположения из-за того, что он герцог Клейборо. Он знал, что мог поступать и поступал, как ему хочется, исключительно потому, что он герцог Клейборо, а не потому, что он Хэдриан Брекстон-Лоувелл. Его независимый и нелюдимый характер, стремление заниматься делами стали бы громко порицать, а его самого, пожалуй, сочли бы выродком, не будь он герцогом.

Однако Хэдриана уже давно не интересовало, что про него говорят.

То же самое было и с женщинами. Многие влюблялись в него, отчаянно за него боролись, старались отбить друг у друга, чтобы, заполучив его благосклонность, иметь честь прыгнуть к нему в постель. Они любили его не потому, что он красив, мужествен и умен, не за то, какой он любовник, и даже не за подарки, которые он им делал. Нет, они добивались не его, а герцога Клейборо. А он выбирал из них ту, которую ему больше хотелось. В настоящее время у него была великолепная любовница — Холланд Дюбуа. Она даже приобрела некоторое положение в обществе из-за того, что находилась на содержании у герцога Клейборо. Когда она выезжала в театр, в ресторан или дом моделей, за ней ухаживали, и каждый ее каприз исполнялся немедленно. Она приобрела большую власть благодаря связи с ним. Такую же власть она смогла бы получить, имея связь разве что с членом королевской семьи. Только жена герцога могла бы иметь большее влияние в обществе.

Он сделал Николь предложение. Он хотел жениться на ней, сделать ее своей женой, герцогиней Клейборо. Общество никогда не осмелилось бы осуждать и критиковать ее прошлое или ее поступки, она была бы принята окончательно и бесповоротно. И в той же мере, что и он, стала бы олицетворением власти, богатства и традиций рода Клейборо.

А она не приняла его. И была непреклонна в своем отказе. Ей не нужны блага, которые дает его положение, и ей не нужен он сам. Что же так решительно настроило ее против него? Ясно, что ее оттолкнули его действия — вчера в библиотеке и всякий раз, когда их пути пересекались.

Знала ли она, что его отец был распутным, извращенным человеком? Может быть, она увидела в нем черты его отца.

«Я не такой, как Френсис, — сказал он себе, — я прожил свою жизнь честно и совсем не похож на него».

Хэдриан почувствовал удушье. Он посмотрел на себя в зеркало над камином. Он ничем не отличался от Френсиса, и она это увидела.

Он увидел боль и сомнение в своих глазах, и это его поразило. Он поспешил придать лицу давно выработанное им выражение полного бесстрастия.

Но правда причиняла боль. Эта правда заключалась в том, что она его отвергла. Ее отказ воскресил в его душе сильную боль, которую он, казалось, давно похоронил. Маленький, плачущий мальчик, один в темной большой комнате в Клейборо бесконечной темной ночью. Ему четыре года. Он должен стать герцогом, и ему полагалось быть мужественным. Но он боялся. Он пытался сдержать слезы, но не мог и разбудил родителей.

— Милый мой, что случилось? — вбежав в комнату, прошептала Изабель.

Стараясь не плакать, он рассказал ей о чудовище, которое гналось за ним в темноте. Мать успокаивала, обнимая его, и он почувствовал себя лучше, пока не услышал в дверях голос отца.

— Ты совсем испортишь мальчишку! Что за трус такой растет? — Френсис засмеялся.

Как же ему стало обидно от такого обвинения! Неужели он трус? Отец смотрел на него и нехорошо улыбался.

— Маменькин сынок. Неженка, — насмехался он, — испугался темноты. Герцоги никогда не боятся темноты, но ведь ты никогда не сможешь стать настоящим герцогом, не так ли? Ты никогда не станешь настоящим герцогом!

Изабель вскочила в ярости. Хэдриан сжался в комок, зная, что сейчас произойдет, и уже заранее испытывая страх. Он понимал, что виноват во всем происходящем…

— Прекрати! — закричала Изабель, налетая на мужа. — Как ты смеешь! Как ты смеешь!

— Я смею все, что захочу, — зарычал в ответ Френсис. — Оставь этого неженку в покое! Ты слышишь меня? Оставь этого маменькиного сынка в покое!

Между ними началась борьба. Он видел, как они дерутся. Он знал, что матери больно, и все из-за того, что она защищала его, неженку. Не в силах сдерживаться, он заплакал. Как долго

дрались родители, он не знал, но, несмотря на страх, встал и пошел помочь маме. Он был еще очень мал, его кулачки еще больше разъярили Френсиса. Вся его злость обратилась на сына. Он выволок мать из комнаты, а его приказал запереть в темной спальне. Ему было больно, страх не проходил. Уже не в первый раз он убеждался, что его отец, высокий, красивый как Бог, блондин, не любит его. Он уже не помнит, когда ему стало это известно, наверное, всю жизнь. Он заполз в кровать и свернулся калачиком под одеялом.

Боже, как давно это было! Он думал, что все это забыто. Но боль оттого, что отец отверг его, вернулась и каким-то непостижимым образом переплелась с болью, которую ему принес отказ Николь.

Он задумался о ненависти, которая никогда не умирала в нем, ненависти к отцу. Она дала ему силы, на которые отец не рассчитывал. На самом-то деле неженкой был Френсис. Именно потому, что он был слабым, он и издевался над теми, кто еще слабей, — женой и сыном. Как понятно все сейчас и как трудно было понять это тогда.

Он не станет больше размышлять о Френсисе и отказе Николь. Френсис мертв, прошлое ушло. Он горд тем, каков он есть. Если она думает, что он похож на отца, то она сильно ошибается, и он ей это докажет. Зверь, который обнаружил себя, больше наружу не выйдет. Успокоившись, он стал обдумывать ситуацию с Николь спокойно, без каких-либо эмоций. Неважно, что она о нем думает. Она безрассудная, необузданная, не признает условностей света и в этом смысле глупая. Она не хочет за него замуж, но это не помешает ему сделать то, что он считает достойным и правильным.

А это значит — сделать ее своей женой.

Не прошло и часа, как герцог был на Тэвисток-сквер, у дома Шелтонов. Слуга впустил его, принял перчатки и пальто. Граф был дома, и герцога проводили в его кабинет.

Конечно, он нарушает этикет. В подобных случаях следовало отправить письмо с просьбой срочно принять отправителя, но Хэдриан чувствовал, что ему нужно решить это дело как можно быстрей.

Граф был крайне удивлен и не пытался этого скрыть. Но Хэдриан надеялся на то, что его благородные намерения смогут как-то исправить сложившуюся ситуацию, которая могла бы приобрести крайне неприятный характер.

— Привет, Хэдриан! Что заставило вас навестить меня без предварительного уведомления?

— Николас, — мужчины пожали друг другу руки, — я должен извиниться за такой визит… — начал было он, но граф перебил его:

— Вам следовало бы знать меня получше. Я гроша ломаного не дам за то, что считается приличным или неприличным, и никогда не обращал внимания на приличия. Приказать подать чай, который вы так любите?

Хэдриан отказался и подумал, что пренебрежение приличиями Николь, пожалуй, переняла от отца. Он сел напротив графа в изумрудно-зеленое плюшевое кресло.

— Я перейду сразу к делу, Николас. Я хочу жениться на вашей дочери.

Шелтон вытаращил на герцога глаза:

— Николь?

— Да.

— Признаюсь, что вы меня застали врасплох.

— Я знал, что удивлю вас, — буркнул Хэдриан.

Шелтон наклонился к нему с озабоченным видом:

— Но ведь Элизабет только что умерла.

— К несчастью, это так.

Лицо графа посуровело.

— Почему вы с этим пришли сейчас? Вам же хорошо известно, что у Николь не много предложений подобного рода и можно было бы просить ее руки месяцев через шесть.

Хэдриан скривился. Он понимал, что через шесть месяцев положение станет еще хуже, но говорить ему об этом не хотелось. Вдруг Шелтон резко встал:

— Что, есть причина для такой спешки?

Хэдриан тоже поднялся:

— К сожалению, есть.

Шелтон застыл на месте. Тяжелое молчание в ответ.

— До какой степени неосторожно?

— Возможно, будет ребенок.

Шелтон на миг перестал дышать.

Хэдриан молчал, давая возможность графу переварить услышанное.

Шелтон оттолкнул стул и зашагал по гостиной, заинтересованно разглядывая через окно сад.

— Понятно. — Он мог говорить только отрывистыми фразами. — Теперь мне понятно ваше предложение.

Серые глаза графа потемнели и стали пугающе колючими. Этот взгляд мог смутить кого угодно.

— Мне очень хочется дать тебе по физиономии, Хэдриан.

Герцог промолчал.

— Но я не дурак, пусть даже дочь моя позволила, чтобы ею воспользовались, как последней… Несмотря на неприятную сторону этого дела, мы оба знаем, что брак — это самое лучшее, что можно теперь придумать.

Хэдриан кивнул с облегчением — самое худшее позади.

mir-knigi.org

— Завтра утром, если вам это удобно, я пришлю к вам своих юристов для составления брачного контракта.

— Вы не хотите обговорить подробности сейчас?

— Если за вашей дочерью не будет ни гроша, я все равно женюсь на ней, — сказал Хэдриан резко.

— Конечно, — согласился Шелтон, — честь прежде всего, но, может быть, вам следовало вспомнить о девизе вашей семьи до того, как вы обесчестили мою дочь?

— Не надо, — сказал Хэдриан, изменившись в лице. — Мне остается только извиниться. Мне глубоко противно то, что я сделал, и всю вину за случившееся я беру на себя.

Шелтон с интересом посмотрел на герцога:

— Лучше всего эти извинения передать Николь.

— Она отказалась принять их. Возможно, вам известно, что ее не привлекает идея нашего бракосочетания.

— Почему?

— Не знаю.

— Не беспокойтесь по поводу Николь, — сказал Шелтон твердо. — Хоть мне и не совсем по душе принуждение в этом деле, — вы, конечно, знаете, что случилось, когда я хотел насильно выдать ее за Перси Хемпстеда, — но на сей раз она пойдет под венец.

— Я полагал, что именно такие чувства вызовет у вас данная ситуация.

— Вы решили, когда состоится свадебная церемония?

— Да. Я уже начал дело о предоставлении мне особого права на скорейшее оформление брака. У вас нет возражений против воскресенья, через две недели?

— Но такая поспешность может вызвать пересуды. Люди начнут гадать, почему вы так внезапно решили жениться.

— Я возьму все пересуды на себя. Скандала не будет. Я всем дам понять, что без ума от Николь, что я очень влюблен, просто не могу дождаться, когда мы поженимся. Меня будут осуждать из-за Элизабет, но не из-за Николь.

Хэдриан не мог прочитать по лицу графа, о чем он думает.

— Хорошо. Благодарю вас за желание избавить ее от дальнейших унижений.

Хэдриан сжал зубы. Он решил не оставлять без ответа эту колкость графа.

— Извините, если я обидел вашу дочь, Николас, — сказал он грустно. — Если это вам принесет утешение, то я могу вам сообщить, что, когда мы только познакомились и Николь не знала о моей помолвке, она хотела стать моей женой. Со временем все уладится само по себе, я в этом уверен.

mir-knigi.org

— Вопрос в общем-то в том, что вы будете испытывать друг к другу.

Хэдриан задумался на какое-то время, а потом ответил со всей уверенностью:

— Я буду относиться к Николь как к своей жене.

Шелтон смотрел на него испытующе. Хэдриан почувствовал, что граф воспринимает его заявление как убаюкивающую концовку сказки.

Вдруг граф улыбнулся и сказал, смягчившись:

— Я думаю, вы правы в том, что очень скоро все переменится к лучшему.

— Ты еще не готова? — спросила Регина.

Николь сидела на кровати в нижнем белье. Она смотрела на сестру, которая великолепно выглядела в платье из желтого шифона, и вздохнула:

— Жаль, что я пообещала пойти.

— Николь! Ты же сказала, что не придешь только в том случае, если заболеешь. Дядюшка Джон очень расстроится, если тебя не будет.

Джон Линдли вовсе не был им дядюшкой. Она знала его с младенческих лет и очень любила. Не было случая, чтобы дядюшка Джон приехал в Драгмор без подарков для нее, сестры и братьев. Конечно, не следовало огорчать старика, но Николь еще не пришла в себя после последнего разговора с герцогом и его «благородного предложения». Пожалуй, ей теперь вообще будет трудно обрести душевное равновесие. Да и возможно ли это?

Она страдала, мечтая выйти за него замуж, но будет неизмеримо больнее, если она станет не любимой мужем герцогиней Клейборо. Шурша юбками, подошла Регина:

— Что случилось, Николь? Пока мы в Лондоне, я еще ни разу не видела тебя в таком подавленном состоянии.

Янтарные глаза Регины выражали озабоченность. Она села рядом с сестрой и тихо спросила:

— Это из-за него, да?

Николь кивнула. Регина взяла ее за руку.

— Ты нравишься ему, Николь, и это бросается в глаза! Вот увидишь, как только он снимет траур по Элизабет… Я уверена, он будет ухаживать за тобой. А ты должна поощрить его. Я тебе подскажу как.

Николь чуть не расплакалась.

— Он уже сделал мне предложение.

Регина раскрыла от удивления рот:

— Что? Боже, поразительно!

mir-knigi.org

Николь покачала головой:

— Я отказала ему.

— Что?

— Отказала ему.

— Ты в своем уме?

Николь взяла Регину за руку:

— Он не любит меня. Он любил Элизабет. Он сделал мне предложение, потому что… целовал меня не так, как надо, интимно.

Ей стало стыдно. Сказать всю правду она не осмелилась. Регина, ничего не понимая, не спускала с сестры глаз.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь «интимно»?

— Разве лорд Хартенс не целовал тебя?

— Конечно, целовал.

По тому, как Регина произнесла это, Николь поняла, что сестра понятия не имеет о существовании интимных, бесстыдных поцелуев с открытым ртом, с соприкосновением языков.

— Что он сделал, Николь? Что значит «целовал интимно»? Поцелуй всегда интимен.

— Есть разные поцелуи, — сказала Николь.

Регина была озадачена, ее разбирало любопытство.

— Ты не хочешь мне рассказать?

— Хорошо! — Николь почти крикнула, обливаясь слезами. — Он целовал меня так сильно, что губы у меня вспухли! Он целовал долгим-предолгим поцелуем. Наши языки касались, а он в это время трогал меня за места, которых не следовало бы касаться! Это наконец удовлетворило твое любопытство?

От неожиданности Регина обомлела.

— Никогда не позволяй лорду Хартенсу или другому какому-нибудь мужчине таких вольностей, или ты окажешься в таком же положении, как я. — Николь горько рыдала.

— Ты должна выйти за него! — наконец произнесла Регина.

— Нет, не выйду, не могу. Он сам признался, что просит моей руки лишь из чувства долга, и больше ничего.

— Хорошо, пусть это не идеальный брак. Но он герцог Клейборо, ты должна согласиться.

— Не могу. Он обращается со мной отвратительно. Я люблю его, а он ко мне ничего не испытывает. Как ты не понимаешь! Я не смогу вынести его постоянные измены! Любя его,

mir-knigi.org

знать, что нелюбима и что он развлекается где-то с другими? Неужели ты не можешь это понять?

— Нет, — резко возразила Регина. — У всех мужчин есть любовницы, Николь. Но мы говорим о герцоге Клейборо. Ты будешь глупой, если не выйдешь за него. Особенно если любишь.

— Мне все равно, что он герцог. Мне важно, что он чувствует ко мне. И совсем не у всех мужчин есть любовницы. Возьми, например, отца или виконта Серль, у них нет любовниц.

— Они исключение, а ты ведешь себя удивительно глупо.

— Если ты выйдешь замуж за лорда Хартенса и узнаешь, что у него есть любовница, ты что же, будешь по-прежнему жизнерадостна?

Регина слегка покраснела:

— Меня это не удивит.

— Тогда ты его не любишь.

Николь вскочила с постели и нервно заходила по комнате.

— Я люблю, я безумно люблю его! — с жаром воскликнула Регина.

— Если бы ты его любила, то не согласилась бы на его увлечения другими женщинами.

— Наверно, я реалист, а ты, Николь, романтик.

Сестры уставились друг на друга: эти характеристики были абсурдными. Любой, хорошо знавший их, сказал бы, что все как раз наоборот, но в этот момент правота Регины казалась очевидной.

Стук в дверь избавил Николь от необходимости отвечать.

Джейн просунула голову в дверь:

— Николь, когда ты оденешься, зайди в библиотеку к нам с папой.

Николь стало не по себе.

— Зачем, мама?

— Папа хочет кое-что обсудить с тобой, — сказала Джейн серьезно.

Николь испугалась. Это, наверное, связано с Хэдрианом. Она почти не сомневалась в этом. Неужели они узнали о ее вчерашнем посещении герцога Клейборо?

— Что обсудить?

— Пожалуйста, зайди к нам в библиотеку.

Это была уже не просьба. Джейн улыбнулась и закрыла дверь.

Николь поняла, насколько она взвинчена, когда по ее телу пробежала дрожь в ответ на прикосновение Регины.

mir-knigi.org

— Быстрее одевайся, — серьезно посоветовала обычно веселая Регина. — Тебе бы лучше побыстрее передумать и сказать герцогу, что ты примешь его предложение.

— Прикрой, пожалуйста, двери.

Николь переводила взгляд с отца, стоящего за письменным столом, на мать, сидевшую на диване.

— Я сделала что-то такое, чего и сама еще не знаю? — Она попыталась улыбнуться.

Ни отец, ни мать не ответили на ее улыбку. Отец был необычайно серьезен. Ей опять стало страшно, особенно когда мать, поднявшись с дивана, с озабоченным видом направилась к ней.

— О Боже, — сказала ласково Джейн.

— В чем дело? — спросила Николь.

— Сегодня у нас был герцог Клейборо, — произнес отец. — Он просил твоей руки, и я дал согласие.

Сначала Николь подумала, что отец говорит о том визите Хэдриана, когда в гостиной он сделал ей предложение. Николь понадобилось время, чтобы понять: герцог вернулся к ним в дом уже после ее отказа и направился со своим предложением к отцу.

— Наши юристы встречаются завтра утром.

— Нет! — закричала она. — Я не выйду за него!

Джейн сжала руку Николь, но не успела ничего сказать. Отец вышел из-за стола и подошел к дочери:

— Я полагаю, у тебя нет выбора.

Николь замерла. Взгляд отца пригвоздил ее к месту. Он знает. Хэдриан ему все сказал. Она застонала.

— Немного поздно сожалеть, — сказал отец, пристально глядя на нее. — И так как есть вероятность, что у тебя будет ребенок, свадьба состоится через две недели, в воскресенье.

— Я убью его! — воскликнула Николь.

— Никакой истерики, Николь. Если ты так настроена против замужества, то об этом надо было думать раньше и не позволять ему затащить себя в его постель.

Пораженная резкостью слов отца, Николь отстранилась от матери и подбежала к нему, пытаясь хоть как-то справиться с волнением. Она была зла, чрезвычайно зла на Хэдриана, рассказавшего все отцу. Он не только унизил ее, он вынудил графа согласиться на этот брак. Отчаяние охватило ее.

— Дорогая, — обратилась к ней мать, нарушая невыносимую тишину, — в этом нет ничего плохого. Хэдриан замечательный человек. Он будет отличным мужем. Я знаю, ты к нему неравнодушна. Даже если тебе кажется, что ты его больше не любишь, со временем, я уверена, это чувство вернется.

mir-knigi.org

Николь посмотрела на родителей:

— Он любит другую женщину! Он любит Элизабет!

Отец с матерью переглянулись, поняв смысл ее эмоционального взрыва. Джейн попыталась обнять дочь:

— Элизабет умерла.

— Это еще хуже. Неужели вы не видите? Я не могла соперничать с ней, пока она была жива, а теперь, теперь воспоминания о ней будут преследовать меня всю жизнь!

— Ты его любишь, — сказала мать, ласково дотронувшись рукой до ее щеки.

Николь отпрянула:

— Вы убежали от моего отца, потому что любили его! И я именно потому не могу выйти за Хэдриана. Из всех одна вы, мама, можете понять меня!

— Я была глупая, — сказала Джейн. — Самое счастливое событие моей жизни — это когда твой отец нашел меня и заставил выйти за него.

Николь поджала губы и со злостью произнесла:

— Я не выйду за него.

В разговор вмешался Николас:

— Я принял предложение Хэдриана, и тебе не изменить моего решения. Ты забыла о том, что ты, возможно, беременна.

Николь вытаращила глаза и заморгала, не ожидая таких возражений от отца.

— Да, Николь, беременна, — грубо продолжал Николас. — И я не позволю родить мне внука-ублюдка.

Слезы выступили на глазах у Николь. Никогда еще отец не говорил с ней так грубо и так жестоко.

— Может, мы подождем, может быть…

— Нет, хватит. Во всяком случае, ты любишь этого человека.

— Я не люблю его! Я его ненавижу! — В этот момент она действительно ненавидела герцога.

— Независимо ни от чего мое решение остается твердым, — резко заявил отец.

— Милая, все уладится, — утешала ее мать.

Николь отбросила руку матери:

— Папа, будет скандал. Я не выдержу еще одного скандала.

— Скандала не будет. Герцог берет на себя всю вину за поспешный брак. Он заставит общество поверить, что по уши влюблен. Никто ничего не заподозрит, а если кто-то и заподозрит, то это

mir-knigi.org

будут всего-навсего смутные догадки.

— Он притворится, что любит меня? — Стерпеть это было трудно.

— Он защитит тебя от скандала, — сказал Николас.

— Вы опять принуждаете меня?

— Да.

— Неужели вы забыли, что было в прошлый раз?

Ее слова повисли в воздухе. Она тут же пожалена о том, что сказала. Николас строго посмотрел на дочь:

— Ты угрожаешь мне, Николь?

Впервые в жизни она испугалась отца, но сдаваться не хотела.

— Не делайте этого.

— Я не позволю тебе убежать, на этот раз не позволю, — сказал он жестко.

— Вам придется на привязи вести меня к алтарю.

— Если ты хочешь еще одного скандала, ты его получишь.

Джейн что-то крикнула мужу в знак протеста.

Николь уже не контролировала свои действия. Она замерла и в следующую секунду выскочила из библиотеки.

ГЛАВА 21

Николь была в отчаянии. Если два самых могущественных, по ее понятиям, человека — отец и герцог Клейборо — решили, что свадьба состоится, то так оно и будет. Она очень удивила отца, сбежав из-под венца, но тогда она не могла поступить иначе. Если признаться, то ей было стыдно за этот поступок, но она ни разу не пожалела о том, что не вышла замуж за Перси Хэмпстеда. Тем не менее тогда она не противилась браку, как в этот раз. Теперь отец предупрежден заранее. На этот раз он не позволит ей убежать до венчания, он свяжет ее и потянет к алтарю, если сочтет это нужным! Ничто не заставит его изменить решение.

Она, как безумная, ходила по комнате. Когда-то отец был ее союзником, лучшим другом. Как он мог так с ней поступить? Как он только мог выдавать ее насильно замуж, как будто она вещь или рабыня, которую можно продать по своей прихоти! Хотя другие женщины не выбирают и даже не рассчитывают на то, что им дадут право выбрать себе мужа, Николь воспитывалась в других условиях и на других принципах: она пользовалась полной свободой. Николас не хотел делать из нее глупую изящную фарфоровую куклу, женщину для украшения, и только. Он поощрял ее интерес к ведению фермерского хозяйства и выведению пород скота и уходу за ним, поддерживал ее стремление к математике. Ему всегда было интересно ее мнение по самым разным вопросам — от дел в Драгморе до политики. Ему было не безразлично, как она одевается: для верховой езды, по его мнению, самой подходящей одеждой были бриджи. Что

касается занятий искусством, то они оба считали, что если нет таланта рисовать, то нечего переводить краски, а если нет вокальных данных, то и не следует петь. Это во многом облегчало жизнь Николь. Отец всегда гордился ее необыкновенным умом и знаниями.

Но сейчас он выдавал ее замуж, не обращая никакого внимания на ее чувства. Теперь он ей не союзник и не друг. Он настроен против нее, и это дело рук Хэдриана. Николь проклинала герцога: помимо всего остального он умудрился разрушить ее отношения с отцом!

Кто-то тихонько поскреб в дверь. Николь узнала — так стучалась в дверь только мать — и насторожилась. Она не ответила на стук, не предложила войти: мать взяла сторону отца, предала ее. Николь никогда ей этого не простит.

Но Джейн вошла без приглашения. Николь отвернулась.

— Не злись на отца и на меня, — сказала она с нежностью в голосе. — Мы очень любим тебя и хотим тебе самого хорошего.

— Если бы вы меня действительно любили, то не заставляли бы выходить за него замуж.

— Со временем ты будешь оценивать все иначе и поймешь, что мы правы.

— Сомневаюсь в этом.

Джейн собиралась еще что-то сказать, но не решалась.

— Мы уходим в гости к Джону, я скажу ему, что ты нездорова.

— Зачем? Я здорова, но ужасно зла.

— Лучше, если ты не пойдешь, — спокойным голосом ответила Джейн. — Николас сказал мне, что герцог в списке приглашенных. Я сомневаюсь, что он придет, но если он будет там, я полагаю, вам лучше не встречаться. Пусть у тебя сначала пройдет плохое настроение.

Меньше всего ей сейчас хотелось встречаться с Хэдрианом.

— Полностью согласна с этим, — сказала Николь.

Мать ушла. Через несколько минут она увидела в окно коляску Драгморов, которая выезжала на улицу. Николь смотрела ей вслед.

Первыми, кого увидела Николь, входя в Красную гостиную дома Джона Линдли, были герцог Клейборо и Стаси Вортингтон.

Николь, поразмыслив, решила поехать в гости. Она не слишком надеялась на встречу, но ей захотелось ему кое-что сказать. Но на такой поворот событий она явно не рассчитывала. Слуга подошел к ней с подносом шерри. Она взяла рюмку и сделала глоток. Сердце безудержно билось — Стаси флиртовала с Хэдрианом. Николь не сводила с них глаз.

Стаси смеялась всему, что говорил герцог, прижималась к нему, с восторгом смотрела ему в глаза.

Но это Николь не беспокоило. Ее не беспокоило, что вчера она была у него в объятиях, сегодня

утром он сделал ей предложение, и, можно считать, она стала его невестой. Если ему сегодня вечером хочется подурачиться с другой женщиной — стройной, красивой, — что ж, прекрасно. Может быть, он решится сделать своей женой Стаси? Ну что ж, это ее вполне устраивает.

Боже, кого она обманывает!

Николь расстроилась, очень расстроилась. Выпив шерри залпом, чего никогда не делают леди, она отвернулась. На душе было очень тяжело. Она оглядела гостиную, полную народа, и пожалела, что пришла. Родителей она проигнорировала, но увидев Марту и ее мужа, весело болтавших с Региной, обрадовалась. Она поприветствовала их через весь зал и тут же почувствовала на себе взгляд двух дам, старавшихся смотреть на нее незаметно.

Николь стало очень неуютно, внутри все сжалось. Она забыла и герцога, и Стаси. Ее по-прежнему считают странной и эксцентричной, несмотря на годы, прошедшие после скандала. Неужели ничего нельзя уже изменить? Неужели она всегда будет для них посторонней?

Лавируя между гостями, она прошла к Серлям и Регине, изо всех сил стараясь не смотреть в сторону герцога. Но как только он увидел ее, она стала предметом его пристального наблюдения. Она почувствовала, что он не выпускает ее из своего поля зрения.

Подруги обнялись, а муж Марты чмокнул Николь в щеку.

— Николь, — сказала Регина после того, как муж Марты отлучился, — я бы на твоем месте поговорила с герцогом. Эта маленькая ведьма Стаси Вортингтон имеет на него виды, и, если ты не побеспокоишься, она его уведет.

Николь холодно посмотрела на сестру. Слава Богу, что она не знает о договоренности отца и герцога.

— Мне все равно.

— Он пришел один, но Стаси определенно бегает за ним.

— Хорошо. Пусть возьмет его.

Николь сняла с подноса рюмку шерри. Обычно леди больше одной рюмки не пьют, но Николь не леди, не так ли? При одном воспоминании о сцене в библиотеке кровь прилила к лицу. Она чувствовала, что он смотрит на нее, возможно, тоже вспоминает. Она обернулась.

Стаси продолжала что-то говорить, но он, похоже, не слышал ее. Николь подумала, как настойчиво он стремится стать ее мужем, и опять разозлилась. Она зло взглянула на него, а он вежливо поклонился. Николь отвернулась.

— Можешь лгать мне сколько угодно, Николь, но я вижу, что ты чувствуешь, — сказала Марта.

Регина что-то хотела сказать, но Николь так сверкнула глазами в ее сторону, что та лишь улыбнулась.

В это время возле них остановились двое молодых людей. Марта представила их девушкам, и Николь сразу почувствовала, что один из них, лорд Глейзер, интересуется ею.

— Как вам нравится вечер, леди Шелтон? — спросил Глейзер.

Николь, скрывая удивление, вежливо что-то ответила: уже давно в обществе никто из мужчин с

ней не заговаривал, не интересовался ею. Что же изменилось? Она не выходила в свет после благотворительного пикника и похорон Элизабет.

Неужели ее стали принимать из-за покровительства Хэдриана? Никто еще, конечно, не знает о помолвке, да никто и не узнает, подумала она решительно.

Неожиданно она обратила внимание на то, что Глейзер поглядывает на нее точно так же, как уже не раз смотрел Хэдриан. Лорд Глейзер быстро отвел глаза, но Николь стало неловко. Она призналась себе, что жадные взгляды Хэдриана ей были приятны.

— Должен признать, что я счастлив видеть вас на этом вечере, леди Шелтон. Вы так украшаете и оживляете его.

Ей оставалось только поблагодарить его.

— Вы будете в Лондоне весь сезон?

— Не уверена, — с сомнением ответила Николь. Он явно интересовался ею, а она не знала, плакать ей или смеяться.

— Вы должны остаться до конца сезона, — сказал Глейзер.

— Я еще не решила.

Она заметила, что Хэдриан наблюдает за ними. Ей никогда не приходилось кокетничать, и она не знала, как это делается. Но ей вдруг так захотелось попробовать, что она сразу же забыла, что когда-то осуждала женщин, заставлявших своих любимых ревновать.

Она улыбнулась лорду Глейзеру и посмотрела ему прямо в глаза:

— Но, возможно, вы уговорите меня.

Как только эти слова были произнесены, она сообразила, что они слишком смелы и имеют неприличный смысл. Марта пришла в ужас. Глейзер смутился.

— Я хочу сказать… — она покраснела, — я хочу сказать… мне хорошо… и… О! Извините!

Николь оставила своих собеседников и через толпу гостей устремилась прочь из зала. Она не собиралась намекать на что-либо, ей всего лишь хотелось пококетничать. Но, видимо, кокетство — искусство, доступное лишь таким пустышкам, как Стаси Вортингтон! Ну а она только что повела себя как настоящая дура.

Она прошла в туалетную комнату и заперлась.

Она посмотрела на себя в зеркало: лицо было красное от смущения. Боже, большую ошибку трудно себе представить. Приведя себя в порядок и немного успокоившись, она покинула дамскую комнату. Николь решила впредь избегать встреч с лордом Глейзером. Но не успела выйти, как тут же наткнулась на него: он поджидал ее.

Красивый молодой лорд, улыбаясь, сказал:

— Вам не следовало бы убегать.

— Милорд, простите мне мою оговорку. Я не имела в виду то, что прозвучало.

— Конечно. — Он улыбался.

Она не могла понять, поверил он ей или нет. Затем, легко прикоснувшись к запястью ее руки, затянутой в перчатку, он произнес:

— У Эбботов в пятницу вечером бал. Не хотите ли вы поехать со мной на этот бал?

Ее очень удивило это приглашение, но ответить она не успела.

— Она не поедет с вами, Глейзер, — сказал незаметно подошедший к ним герцог Клейборо. — И если вы не уберете свою руку, я сделаю это сам.

Николь вздрогнула, а Глейзер был озадачен.

— Извините, правильно ли я расслышал вас?

— Вы правильно расслышали меня.

Николь смотрела на Хэдриана. Его красное лицо было жестким, словно его вырубили из камня, глаза горели. Он смотрел прямо на руку лорда, которая покоилась на запястье Николь. Глейзер не отпускал руки.

— Мне нельзя пригласить на бал самую красивую женщину в Лондоне? Послушайте, вы безусловно герцог и превосходите меня по роду, но это не дает вам каких-то особых прав.

— У меня есть все права. Моя будущая жена на бал к Эбботам с вами не поедет.

Глейзер тут же убрал свою руку.

— Я этого не знал, ваше сиятельство, — поспешно проговорил он.

Герцог улыбнулся очень холодно:

— Разумеется, вы не знали. Обручение состоялось только сегодня, и объявления в газетах появятся только завтра.

— Еще раз простите, — сказал Глейзер и, поспешно поклонившись им обоим, ушел.

У Николь от возмущения перехватило горло.

— Как вы могли!

Она еще надеялась, что все-таки как-то удастся выйти из сложившегося щекотливого положения с помолвкой. Но эти надежды рухнули. Ясно, что лорд Глейзер через минуту расскажет всем гостям об их помолвке и к утру весь Лондон будет знать об этом. Изящный, мирный разрыв с герцогом станет невозможен. Опять герцог своей властью изменял ее жизнь и судьбу, не считаясь с ее желаниями.

— Что я «как мог»? Спасти вас от нежелательного поклонника?

— А кто сказал, что он нежелательный? — Ее безудержно понесло.

Он сильно сжал ей руку:

mir-knigi.org

— Лучше бы, если бы он остался нежелательным, Николь.

Она попыталась высвободиться, но он держал ее крепко.

— Отпустите руку!

— Я вижу, вы расстроились.

— Расстроилась? Ха! Это мягко сказано, ваше сиятельство!

— Вы расстроились из-за того, что я отогнал от вас красивого, но в силу сложившихся обстоятельств нежелательного поклонника?

— Вы же, черт побери, хорошо знаете, чем я расстроена!

Она надеялась, что ругательство удивит его. Но оно его только разозлило.

— Если сейчас кто-нибудь выйдет в коридор, ему будет очень интересно увидеть спектакль, который мы здесь разыгрываем.

Николь рассмеялась:

— Мы и так попадем в спектакль, когда объявят о нашей помолвке.

— Я никогда не позволю, чтобы скандал, если он разразится, задел вас. Все негативные последствия я приму на себя.

— Притворившись, что любите меня?

Он с минуту молчал.

— Доверьтесь мне.

— Довериться вам?

Он покраснел, но крепко сжал губы.

— Нет смысла стегать дохлую кобылу. Я уже сказал, что всю вину за вчерашний инцидент беру только на себя.

— Вчерашний инцидент?

Слезы внезапно навернулись у нее на глазах. Стоявший перед ней сдержанный человек был совсем не похож на чувствительного, эмоционального мужчину, который вчера страстно сжимал ее в своих объятиях. Ну что ж, он не любил ее. Но как же он собирается притвориться, что любит ее?

— Я рада, что вы будете во всем винить себя. Прошедшего нам не вернуть. Но я за вас не выйду.

— Вы очень глупы, а кроме того, вас никто не спрашивает.

— На сей раз вы правы!

mir-knigi.org

— Я просил вашей руки, — сказал он сердито.

— И я сказала «нет».

— Вы уже высказались на этот счет вполне определенно, зачем же повторяться?

— Вся моя жизнь решается сейчас без моего согласия, и вы еще спрашиваете, почему я спорю?

— Николь, — сказал он устало, — вы можете спорить до посинения, но дело уже решено. Через две недели будет наша свадьба, и это окончательное решение.

Николь гордо подняла голову. Слезы еще стояли у нее в глазах. Ее загнали в угол, она это понимала. Необходимо что-то придумать, необходимо срочно предпринять что-то.

— Хэдриан, вот вы где. А я думаю, куда это вы пропали? — раздался голос Стаси Вортингтон.

Хэдриан отпустил руку Николь.

— Пойдемте в зал, — пригласила она герцога, нежно улыбаясь ему и не обращая внимания на Николь.

— Дорогая, — сказал герцог и взял Николь за руку. Незаметно для Стаси он стрельнул в Николь взглядом и надавил пальцем на ее запястье. — Пойдем? — спросил он Николь с обворожительной улыбкой, от которой черты его лица совершенно преобразились.

Стаси уставилась на них с недоумением. А Николь, загипнотизированная, на какой-то миг погрузилась в его золотистые глаза. Однако, сделав над собой усилие, она осознала, что это всего лишь игра в притворство. Сердце заныло. Она попыталась высвободиться, но он так крепко прижал ее к себе, что она не могла отодвинуться ни на дюйм. Она не желала, чтобы ее прижимали, не хотела быть рядом с ним, ей не нужен был этот нежный взгляд. Но выбора не было.

— Стаси, — сказал герцог Клейборо, — я полагаю, вы знакомы с леди Шелтон.

— Да.

— Леди Шелтон оказала мне большую честь и согласилась стать моей женой, — сказал он, адресуя Николь и нежный взгляд, и самую очаровательную улыбку.

Николь думала только о том, как бы не расплакаться.

— Хэдриан! — воскликнула пораженная Стаси. — Н-но… Элизабет!

Герцог посмотрел на свою кузину.

— Элизабет мертва. Я женюсь на Николь через две недели.

Увидев, что Стаси в ярости, Николь закрыла глаза.

Герцог очень нежно обнял ее за плечи.

— Боюсь, что дольше я просто не смогу ждать, — сказал он.

ГЛАВА 22

Серли собирались домой, и Николь попросила Марту, чтобы ее подвезли. Она была удручена общением с герцогом и не хотела оставаться на людях. Она надеялась, что Марта в присутствии мужа не станет ее ни о чем расспрашивать. Когда остановились около ее дома, Николь кое-как поблагодарила Марту и ее мужа и быстро выпрыгнула из кареты. Дома ей уже не надо было притворяться. Олдрик, встретивший ее в вестибюле, спросил с тревогой:

— Госпожа, с вами все в порядке?

— Нет, Олдрик, со мной не все в порядке! — прорычала она в ответ и вихрем взлетела по лестнице. Но и в своей комнате она не нашла покоя.

Вскоре в холле послышались голоса родителей и Регины, вернувшихся с бала, а через минуту раздался сумасшедший стук в ее дверь. Николь застонала, у нее раскалывалась голова.

Регина не стала ждать, когда Николь отзовется, и буквально вломилась в комнату.

— У тебя такой вид, словно кто-то умер, — воскликнула Регина, возбуждение которой нисколько не утихло. — Это правда? Это правда, что ты станешь его женой? Уже несколько человек меня об этом спрашивали! Все говорят, будто бы он заявил, что вы помолвлены! Николь! Неужели ты будешь следующей герцогиней Клейборо!

— Оставь, пожалуйста… — Головная боль усилилась.

— О Боже! Это правда! — воскликнула Регина. — Что случилось? Я подумала, что ты отказала ему!

— Да, я отказала! — рассердилась Николь. — Но негодяй пошел к отцу. Отец принял его предложение без моего согласия.

Регина сияла:

— Это же прекрасно!

— Но я не выйду за него!

Улыбка исчезла с лица Регины.

— Надеюсь, ты меня просто разыгрываешь?

Николь мрачно посмотрела на нее:

— Все это устроил отец.

— Но ведь он — герцог Клейборо! Что случилось с тобой? Ты сама говорила, что без ума от него!

В настоящий момент Николь и сама толком не знала, что она чувствовала к Хэдриану Брекстон-Лоувел.

— Нет, я больше его не люблю.

— Ты будешь дурой, если не выйдешь за него замуж.

— Что ж, значит, я дура.

mir-knigi.org

Регина вскочила, сжав кулаки:

— Ты хочешь выступить против этого брака, пойти против отца, не так ли?

— Да. А почему это тебя так огорчает?

— Почему меня огорчает? — Регина смотрела на сестру, готовая расплакаться. — Что ж, Николь, я скажу тебе почему. Потому что ты чертовски эгоистична!

Николь раньше никогда не слышала, чтобы ее сестра произносила бранные слова.

— Я эгоистична?

— Я никогда не жаловалась. Но если бы не ты, я бы давно уже вышла замуж! Черт побери! Мне уже почти девятнадцать, а меня заставляют ждать, все надеются, что кто-нибудь тебе сделает предложение и ты, как старшая сестра, выйдешь замуж первая. Что же, теперь тебе сделали предложение! Но ты слишком тупа, чтобы быть благоразумной. А мне до тошноты надоело быть старой девой, черт тебя подери!

Регина так разволновалась, что слезы у нее текли ручьем.

Николь буквально была ошеломлена, она не предполагала, что ее сестра может испытывать такие сильные чувства.

— Пожалуйста, попытайся меня понять. Я не могу выйти за него, не могу!

— Не понимаю и никогда не пойму! Ты просто жуткая эгоистка и упрямая дура!

Регина выбежала из комнаты, сильно хлопнув дверью.

Николь трясло как в лихорадке. Они с сестрой всегда очень дружили. Были, конечно, какие-то разногласия, но вот так они еще ни разу не ссорились. Сколько же времени Регина носила в себе все эти мысли? Как давно она винила Николь в том, что ей не разрешают выйти замуж?

Николь вдруг почувствовала, что Регина права. Действительно, она мешает Регине. Николь очень любила свою сестренку и никогда не смогла бы причинить ей боль.

И вот теперь, когда особенно нужен друг и союзник, сестра покинула ее. И это ранило Николь.

— Николь, нам необходимо с тобой поговорить, — сказала Марта, приехав к Николь на следующий день.

Николь очень обрадовалась ее приходу. В доме началась спешная подготовка к свадьбе.

Герцог решил обставить все с большим размахом. И, естественно, основная нагрузка по подготовке легла на Джейн.

Николь было все равно, что они там планируют. Однако мать решила, что основные вещи она должна знать. Джейн послала за лучшей портнихой из дома моделей, чтобы снять мерки. На пошив свадебного платья уйдет целая неделя. Придется часами терпеть примерки, и это бесило Николь. Марта была очень возбуждена.

— Весь город только и говорит о свадебных приготовлениях. Я сначала не верила, но когда

вошла в ваш дом и увидела мистера Генри, лучшего в городе шеф-повара, и мадам Леви, лучшую и самую дорогую портниху Лондона, я поняла, что это правда!

Николь сидела в нижнем белье в своей спальне. Мадам Леви только что ушла.

— Это правда.

— И ты мне ничего не сказала? — Марта сделала обиженное лицо.

Николь взвилась:

— Все произошло только вчера! Только вчера! Этот негодяй сделал все так, что у меня нет выхода!

— Расскажи лучше все по порядку, — сказала Марта озабоченно.

Николь рассказала о главных событиях минувших дней, не утаив истинной причины помолвки. Когда рассказ был закончен, Марта долго сидела молча, взяв Николь за руку.

— Я понимаю, что все складывается совсем не так, как мечтает каждая женщина. Но ведь ты с самого начала хотела выйти именно за него. К тому же будет ребенок. Пойми, Николь, теперь ты просто вынуждена выйти замуж за него.

Николь встала:

— Я устала слушать одно и то же от тех, кого я люблю и кого надеюсь видеть на своей стороне.

— А разве здесь могут быть стороны, Николь?

— Он сделал наши отношения враждебными. Если бы он только подождал…

Марта вопросительно посмотрела на Николь, та горько усмехнулась и не произнесла вслух свою мысль: «… то все могло произойти так, как это положено. Он просил бы ее руки по велению сердца».

— Бедняжка, — сказала Марта с нежностью.

— Меньше всего я хочу, чтобы вы все меня жалели. Как же мне выбраться из всего этого?

— Ни в коем случае! — в ужасе воскликнула Марта. — Всем уже известно о помолвке, и одного этого уже достаточно для непристойных разговоров.

Николь помрачнела:

— Как непристойных? Мне нужно знать обо всем. О чем сейчас сплетничают?

Марта не знала, как ей поступить: говорить или промолчать?

— Вероятно, говорят самое плохое? — допытывалась Николь.

Она была готова к новому скандалу, но не предполагала, что это причинит ей боль.

— Все эта дрянь Стаси Вортингтон, — сказала Марта с жаром.

Николь не ожидала от подруги такого грубого выражения.

Марта смутилась и покраснела:

— Я сама сегодня у Сары Локхерт слышала, как она сплетничала на ваш счет.

— Что же она говорит?

Марта ответила не сразу, так как размышляла, говорить или не говорить Николь все, о чем болтают в свете.

— Она уверяет, что только по одной причине герцог Клейборо, человек чести, может жениться сразу же после смерти своей невесты.

— И она права, несмотря на все притворство Хэдриана, — сказала Николь.

— Притворство?

Николь рассказала Марте, что герцог намерен разыгрывать пылкого влюбленного, чтобы скрыть истинную причину их скоропалительной помолвки.

— Об этом тоже говорят, — подхватила с готовностью Март. — Сара всем говорит, что сама слышала, будто бы герцог с ума сходит по тебе, и что это настоящая причина вашей поспешной свадьбы.

— А кто этому поверит? — грустно спросила Николь, и сердце у нее опять заныло.

— Я поверю.

Николь взорвало:

— Ну тогда ты глупая!

— Это покажет время, не так ли?

Мысль о том, что со временем герцог полюбит ее, вызвала в ней приятные томительные ощущения.

— Он очень холодный человек, — еле слышно произнесла Николь. Но при этом она вспомнила об их близости в библиотеке, где он обнимал ее так, словно она была фантом, который мог исчезнуть в любую минуту, так, будто она ему была отчаянно нужна и он любил ее.

Николь закрыла глаза. Ей не хотелось ни вспоминать, ни мечтать о чем-либо.

Марта неожиданно улыбнулась:

— Николь, этот скандал совсем не такой, как в прошлый раз. Неприятности не коснутся тебя ни как невесты герцога, ни как его жены.

Николь глубоко вздохнула:

— Я должна считаться с реальной действительностью. Через полторы недели я выхожу замуж и ничего не могу изменить.

Марта смотрела на нее очень серьезно:

mir-knigi.org

— Ты однажды убежала от Перси, теперь можешь убежать от Хэдриана.

Николь удивленно посмотрела на свою лучшую подругу. Она никогда не поставит Хэдриана в такое неловкое положение, хотя даже себе она не могла бы объяснить, почему это так.

Марта улыбнулась:

— Ты ведь никогда этого не сделаешь с Хэдрианом, не так ли? И не только потому, что герцог не позволит тебе это.

У Николь хватило ума ничего не ответить.

Хэдриан вернулся домой в самом отвратительном настроении. Его адвокаты целый день провели в доме Шелтонов, составляя брачный контракт, и несколько часов назад он подписал его своей размашистой цветистой подписью. Затем, одевшись самым тщательным образом, он, как полагается, пошел навестить свою невесту. Он был почти уверен, что Николь будет в таком же настроении, как вчера на вечере, поэтому решил быть сдержанным и не выходить из себя, что бы она ни говорила и ни делала.

Однако увидеться с Николь в этот день ему не удалось. Встретивший герцога дворецкий, пытаясь придать лицу беспристрастное выражение, доложил, что Николь нездорова. Но, как он ни старался, по лицу дворецкого было понятно, что он выполняет волю хозяйки и что ему неприятно это поручение. Почти сразу появилась графиня и извинилась за то, что Николь не сможет к нему спуститься, так как чувствует себя плохо и лежит в постели. Конечно же, герцог догадался, насколько она больна и какова причина ее болезни.

Сделав вид, что объяснение принято, и спросив о здоровье графини, герцог выразил надежду, что завтра его невеста будет здорова и непременно примет его. После этого он откланялся. Лишь в карете, сбросив с себя маску вежливости, он дал волю своим чувствам.

В вестибюль своего дома герцог вошел в таком раздраженном состоянии, что даже не заметил Вудворда, который ждал его, чтобы помочь раздеться. Хлопнув дверью, он тут же закрылся в библиотеке. Все-таки напрасно она ему каждый раз демонстрирует, что несчастна. Свое отношение к нему она однажды обнаружила, отказавшись выйти за него.

Что же, ее игре скоро будет положен конец. Графиня, конечно, поняла его скрытое предупреждение, что завтра он не потерпит никаких отказов из-за болезни и принять его они будут вынуждены. Неужели Николь не понимает, что при таком отношении к нему он не сможет уберечь ее от скандала? Он всеми силами стремится защитить ее, а она все его усилия сводит на нет.

Напрасно он ожидал от нее полного смирения. В Николь нет и никогда не было ничего пассивного и безропотного. Разве не за это в глубине души он ценил ее, не за то ли, что она совершенно игнорирует все условности? Но сейчас общепринятый кодекс правил Необходимо соблюсти. Ее смелость, которая раньше так привлекала его, теперь является помехой.

Когда она станет его женой, то сразу же получит не только его имя, богатство, титул, но и уважение общества.

Хэдриана мало интересовало, что о нем думают в светских кругах. Он знал, что к нему относятся довольно сложно: вроде и благоговеют, но на самом деле тайно сомневаются, не совсем уверены. Теперь же не должно быть никаких сомнений Ни в нем, ни в его жене — об

этом он побеспокоится.

Вечером того же дня Изабель приехала на ужин к сыну в восхитительном алом платье: по краям юбка была расшита бисером. В тон платью была сумочка. Все было достаточно скромным, так как в свои пятьдесят с лишним лет носить что-либо более смелое она не хотела, справедливо полагая, что, несмотря на то, что фигура у нее и сохранилась, но кожа далеко не как у двадцатилетней. В ушах, на запястье и на шее у нее сверкали рубины.

Слух о помолвке сына до нее уже дошел. Она не сомневалась в том, что так оно все и получится, ибо видела, что происходит между ее сыном и Николь. Она намеревалась прямо спросить у сына, действительно ли он хочет сыграть свадьбу через две недели.

Вудворд встретил ее с улыбкой, которая предназначалась только ей. Изабель давно знала, что он влюблен в нее еще с тех пор, как она вышла замуж за Френсиса. Разумеется, она никогда не давала понять, что знает об этом.

— Здравствуйте, Вудворд! Как дела?

В общении со слугами Изабель никогда не вела себя слишком официально, что было поводом для насмешек Френсиса.

— Хорошо, ваше сиятельство, спасибо. Его сиятельство ждут вас в Красной гостиной.

Изабель улыбнулась ему, отдала свою норковую накидку и позволила проводить до гостиной и доложить о себе.

Хэдриан очень радушно поздоровался с ней, однако она заметила, что он несколько обеспокоен. Хэдриану, как обычно, подали чай, а ей — белое вино. Когда они остались одни, Изабель решилась наконец спросить:

— Хэдриан, по городу ходит слух.

— Какой слух?

— Все говорят, что ты женишься на Николь Шелтон.

— Да? Извини, мама, что ты узнала это не от меня.

— Говорят и еще кое о чем. Это правда?

Он нервно поднялся:

— Тебя интересует, безумно ли я в нее влюблен? Нет, не влюблен.

Изабель внимательно посмотрела на сына.

— Я намеренно пустил этот слух.

— Понятно. — Ей пришлось улыбнуться. — Не могу представить тебя безумно влюбленным.

— Поэтому-то мне быстрее и поверят.

— Хэдриан, позволь спросить, почему ты женишься на Николь Шелтон так быстро после

mir-knigi.org

смерти Элизабет?

Он рассердился, но все же ответил:

— Потому что у нее, возможно, будет от меня ребенок.

— Понятно. Значит, и это правда.

Он помрачнел.

— И об этом болтают? Я пресеку эти сплетни немедленно. Я узнаю авторов этой сплетни, а мое неудовольствие они почувствуют сразу.

— Я не сомневаюсь в том, что ты быстро остановишь эти сплетни, — мягко сказала Изабель. Она встала и дотронулась до руки сына. — Как ты себя чувствуешь?

Он настороженно отошел в сторону.

— Мне всегда будет не хватать Элизабет, но она умерла. — Он подошел к окну и стал смотреть на небо.

— Я имею в виду твой брак, твою невесту.

Хэдриан вежливо улыбнулся:

— Я полностью беру на себя всю ответственность за свое поведение, мама. Что ты еще хочешь от меня услышать? Что я в самом деле влюблен в Николь Шелтон? Уверяю тебя, не влюблен.

Изабель улыбнулась:

— Понятно.

— Мама, ты дашь мне свое благословение? Я знаю, что из нее получится не самая хорошая герцогиня, но думаю, со временем она справится.

— Наоборот, — улыбаясь, сказала Изабель, — из нее выйдет прекрасная герцогиня и замечательная жена.

Хэдриан удивленно смотрел на мать, не веря своим ушам. Он закашлялся, ему стало душно, и он развязал галстук.

— Я очень рад, что ты так думаешь.

— Она очень хорошая женщина. Мне она нравится. Мне нравятся ее жизнестойкость и независимость мышления.

Хэдриан вздохнул:

— Мама, она против нашего брака. Ее «независимое мышление» уже причиняет мне массу неприятностей.

Изабель рассмеялась:

— Да, я могу себе представить. По-моему, ты слишком официален. Некоторое пренебрежение

mir-knigi.org

приличиями пойдет тебе только на пользу.

— Некоторое пренебрежение приличиями? — Он повторил ее фразу. — В том, что ты говоришь, нет смысла. Я и так очень мало придерживаюсь светских правил.

Изабель стала рассуждать:

— Дорогой мой, мы все делаем ошибки. Ты не единственный человек, который стал жертвой своей безудержной страсти к женщине. Поверь мне, независимость суждений Николь Шелтон в какой-то степени необходима тебе.

— Да малой части ее строптивости хватит на сотню других женщин! Николь ничего не делает наполовину, мама. Если она на что-нибудь решается, то идет до конца. Ты упрекнула меня в том, что я слишком следую светским нормам поведения.

— Разве?

— Тебе больше хочется, чтобы я походил на Френсиса?

— Конечно, нет. — Настроение Изабель заметно омрачилось. — В тебе нет ничего схожего с ним, Хэдриан, ничего!

— Да?

Подойдя к столу, Хэдриан налил себе еще чаю.

— Возможно, леди Шелтон имеет по этому поводу другое мнение.

Изабель удивилась:

— Что это значит?

— Боюсь, что она находит мое поведение предосудительным. Говоря откровенно, она права. Во мне значительно больше Френсиса, чем я полагал раньше.

Изабель сильно побледнела и гневно воскликнула:

— Это неправда!

Он поднял голову и посмотрел насмешливо на мать:

— У нас у всех есть темные стороны, просто у некоторых они более темны, чем у других.

Изабель молчала.

— Я не хотел расстраивать тебя, — поспешил извиниться Хэдриан, — просто тема очень уж неприятная. Не обсудить ли нам то, что касается свадьбы? Я решил: пусть весь Лондон соберется, пусть все видят, что нам нечего скрывать.

— Хэдриан, — Изабель подошла к нему и взяла за руки, — меня очень огорчает, когда ты говоришь, что похож на Френсиса. Ты нисколько на него не похож!

Чувство вины давно поселилось в ней из-за того, что она не смогла сказать ему правду.

mir-knigi.org

— Мне не следовало бы затрагивать эту тему.

Его лицо стало непроницаемым, и она поняла, что отныне обсуждений этой темы у них не будет.

Она отвернулась. Сердце бешено колотилось, руки вспотели. Два года прошло, как умер Френсис, и она считала, что он ушел из их жизни. Но оказалось, что он преследует не ее, а сына. О Боже! Она должна сказать сыну правду!

Изабель наконец решилась. Она только сегодня узнала, что Хэдриана мучает сходство с Френсисом, а Николь считает ее сына таким же бесчестным, каким был восьмой герцог Клейборо. Ее Хэдриан был самым честным человеком из всех, кого она знала и, следовательно, он имел полное право знать всю правду.

Изабель трясло. Другой, более подходящий момент вряд ли представится. В конце концов, он скоро женится, и у него будет свой сын. Она скажет ему все, она должна это сказать.

— Мама, тебе плохо? Что с тобой?

— Немного закружилась голова, — с трудом проговорила Изабель.

— Пойдем в столовую, поедим.

Хэдриан быстро подошел к ней и взял ее под руку. Его глаза, казалось, впитали в себя ее целиком вместе с мыслями и тревогами, и беспокойно заблестели.

Изабель очень захотелось плакать. Уже много лет перед ней стоит один и тот же вопрос: лишится ли она его любви и доверия, если все ему расскажет? Он — ее жизнь, она не вынесет, если он отвернется от нее. Но открыть ему эту тайну все же необходимо.

ГЛАВА 23

Изабель родилась весной 1844 года. Она была первым ребенком графа Нортумберленда. Ее мать умерла при родах, и отец женился второй раз только через пятнадцать лет. Граф боготворил дочь, а все тетушки, дядюшки и домашние не чаяли в ней души. Ее, конечно, немного избаловали. Изабель росла очень развитой и самостоятельной. Все это вызывало восхищение окружающих. Многие отмечали, что леди Нортумберленд умна не по годам.

Единственным желанием графа было счастливо выдать дочь замуж. В Соединенном королевстве семья де аренн считалась одной из первых по знатности. Принято было считать, что Рольф де Варенн пришел в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем и был одним из видных военачальников и советников короля. Он стал первым графом Нортумберленд в 1085 году и с тех пор каждый граф этого рода был приближен к английскому трону и имел большую власть. Роджер не был исключением. Не имея официальной должности, он тем не менее являлся тайным советником премьер-министра и активно влиял на дела страны.

Роджер был близким другом седьмого герцога Клейборо Джонатана Брекстон-Лоувела. Это был еще один чрезвычайно влиятельный человек, который в те времена поддерживал оппозицию. Если отбросить политику, эти два человека были не только хорошими знакомыми, но и искренне уважали и восхищались друг другом. Встретившись однажды в клубе для избранных на Джеймс-стрит, они решили поженить своих детей.

Разумеется, два таких человека не могли при этом руководствоваться только чувствами

дружбы. Роджер де Варенн многого не знал, но вполне мог догадаться по брачному договору о положении дел у Клейборо. По тому, что за Изабель, самой богатой земельной владелицей, помимо двух очень больших поместий потребовали деньги, Роджер сделал предположение, что у Клейборо туго с деньгами. Его это не обеспокоило, поскольку Нортумберленд был чрезвычайно богат.

Френсис был очень завидным женихом Англии, поэтому не удивительно, что Роджер выбрал его для своей дочери. Изабель была очень богатой наследницей, носила титул «леди». Но Роджер хотел для нее чего-то большего. Выйдя за герцога Клейборо, Изабель становилась герцогиней, то есть ее ранг повышался. Когда-нибудь ее сын станет девятым герцогом Клейборо и будет иметь еще большую власть, чем ее дед — граф Нортумберленд.

Обладая большой проницательностью, Роджер не мог не воспользоваться этим шансом. Так как Джонсон нуждался в деньгах, то Роджеру удалось загнать его в угол. В брачном договоре Роджер настоял на словии о том, что если Френсис умрет раньше, чем Изабель, и если у них не будет детей, то Клейборо переходит в наследство Изабель. Де Варенны живут долго, поэтому у него не было сомнений, что Изабель переживет Френсиса и унаследует Клейборо, конечно, если у них не будет детей. Если же будет ребенок, то он будет де Варенн Брекстон-Лоувел, девятый герцог Клейборо. В любом случае Роджер получал для своих наследников то, что хотел.

Договор был подписан, но дружба между Роджером и Джонатаном дала трещину. Герцог Клейборо не мог простить графу Нортумберленду то, что он навязал ему такое условие.

Примерно в это же время граф женился на удивительно красивой двадцатилетней женщине. Роджер безумно любил свою жену, и его отношения с дочерью резко изменились. Изабель перестала для отца что-либо значить, он просто забыл про нее. Девушка почувствовала себя несчастной.

Когда Изабель исполнилось шестнадцать лет, граф объявил о помолвке с герцогом Клейборо. Она жаждала уйти из родного дома и от отца. Она так хотела этого, что настаивала на том, чтобы бракосочетание состоялось насколько возможно раньше, до ее первого выхода в свет. Отец согласился.

Еще до встречи с Френсисом Изабель полюбила его. Она многое узнала о нем. Он был на двенадцать лет старше ее, блондин, ужасный франт. Женщины от него теряли голову. Когда они встретились, Изабель не была разочарована. Он действительно был красив, а его презрительное высокомерие делало его еще более привлекательным. В мае 1861 года, когда Изабель исполнилось семнадцать лет, они поженились.

Изабель пришлось расстаться с мечтами о счастливой семейной жизни в первую же брачную ночь. До первой брачной ночи Френсис был безупречно деликатным человеком. Он фактически даже ни разу ее не поцеловал, не говорил ей комплиментов, к которым она так привыкла. Но это не насторожило девушку. Дело в том, что он стал принцем из ее мечты, который должен быть, по ее девичьим представлениям, утонченным, высокомерным и отчужденным. Принц не мог ошибаться.

Что нужно ожидать в первую брачную ночь, она представляла себе очень смутно. Когда-то бабушка объяснила ей кое-что, что у нее было с мужем. Ее рассказ о мужском органе, который увеличивается в размерах, становится твердым и входит в тело женщины, заинтересовал Изабель. Еще больше ее возбудили бабушкины слова о поцелуях, предваряющих этот момент. Она так мечтала о поцелуях Френсиса, так ждала их!

Френсис пришел к ней с холодным блеском в глазах, не улыбчивый, не нежный, не произнес ни одного слова любви.

— Ты готова? — спросил он насмешливо, рассматривая ее с ног до головы, прислонившись спиной к закрытой двери спальни.

Изабель пришла в отчаяние. Она была в красивой прозрачной ночной рубашке, белокурые волосы волнами спадали до пояса. Она была не просто привлекательна, но и красива. Однако на него она не произвела никакого впечатления, он был безразличен к ней.

— Да. — С большим трудом ей удалось произнести это слово и улыбнуться.

— Такая смелая девушка. — Явно насмехаясь, он приближался к ней. — И сейчас ты будешь такая же смелая?

Она удивленно и испуганно смотрела на него и ничего не могла ответить. Инстинктивно она чувствовала, что он не только не любит ее, но она ему даже не нравится. Он сбросил свой халат, и перед Изабель впервые предстал обнаженный мужчина. Френсис был строен и худ, но все ее внимание привлек тот орган, о котором ей рассказывала бабушка. Неискушенной Изабель его член показался огромным, и она испугалась.

Навалившись на нее, он рассмеялся:

— Мы уже не такие смелые, не так ли?

— Френсис, подождите! — закричала она в полном отчаянии.

Он не обратил на просьбу внимания и поцеловал ее. От него пахло сигаретами и виски, поцелуй его — влажный и скользкий — ей совсем не понравился.

— Фригидная маленькая сучка, верно? — пробормотал он. — Разведи колени.

Изабель и правда похолодела от его слов. И не успела она ответить, как он сам развел ей ноги и стал раздирать ее на части. Если бы она знала, что это будет так больно, то не кричала бы. Но она не была подготовлена и закричала что есть сил. К счастью, Френсис быстро кончил и ушел, сказав ей на прощание несколько грубых слов.

После этой ночи Изабель его возненавидела. Никто и никогда так грубо не обращался и не разговаривал с ней. Она не могла скрыть своих чувств, и это очень забавляло Френсиса. Ему даже нравилось, что она его ненавидит. Его любимым занятием стало мучить и оскорблять ее в постели. К счастью, он не часто приходил к ней в спальню.

Хотя Изабель и ненавидела мужа, но она была прирожденной аристократкой и приняла титул герцогини легко и с гордостью. Они каждую неделю устраивали у себя в доме званые вечера, на которых Изабель раскрывалась как хороший организатор. Вскоре ее стали считать одной из лучших в королевстве устроительниц приемов. Она получала такую массу приглашений, что не все их могла принять. На званые вечера, как правило, Изабель выезжала одна. Френсис жил своей жизнью и общался со своими друзьями.

У нее сложились прекрасные отношения с герцогом и герцогиней, которых она полюбила. Герцогиня была очень строга и высокомерна, но принципиальна и справедлива. Изабель ей нравилась. Герцог был очень добрый и доброжелательный человек, без ума любящий свою жену. Изабель никак не могла понять, как у таких приятных людей мог появиться такой

жестокий сын.

Вскоре до нее дошли слухи, что ее муж проводит время в кругу разгульной молодежи, в основном холостяков. Они занимались тем, что играли в азартные игры, посещали скачки, охотились. Сказали ей также, что он содержит молоденькую любовницу, танцовщицу из варьете.

Изабель была вне себя от возмущения и злости. Она знала, что у мужчин бывают любовницы, но ей никогда и в голову не приходило, что ее муж поступит так же. Хотя она и не хотела, чтобы он был дома с ней, но то, что ее муж проводит ночи с другой женщиной, явилось для нее самым тяжелым оскорблением. Унижение было тем обиднее, что о его супружеской неверности знало светское общество.

— Мне сказали, что у тебя есть любовница, Френсис, — сказала она возмущенно. — Это правда?

Не задумываясь ни секунды, он ударил ее в лицо. Удар был настолько силен, что, на мгновение потеряв сознание, она упала на пол. Когда Изабель очнулась и туман постепенно рассеялся в глазах, она стала различать предметы и увидела, что муж склонился над ней и произнес:

— Никогда не разговаривай со мной в таком тоне, Изабель. Не твое дело, чем я занят. Ты у меня для одной цели. Тебе понятно? Для того, чтобы дать мне наследника.

Изабель не шелохнулась и ничего не ответила. Он ушел, оставив ее на полу. С этого вечера на смену последним иллюзиям пришел зрелый взгляд на мир. Ей уже давно было не восемнадцать лет.

Изабель никак не могла зачать сына, и Френсис стал приходить к ней в спальню все реже и реже, что, естественно, не помогало решить проблему. Чем больше времени проходило, тем злее он становился, обвиняя ее в бесплодии и беспечности, и тем чаще находил причины ее бить.

Спустя четыре года после свадьбы умер старый герцог Клейборо. Изабель искренне горевала по поводу смерти человека, которого очень любила и который почти заменил ей отца. Френсис никак не выказал своего огорчения. Во всяком случае, он очень быстро принял титул герцога, и не прошло и недели, как вновь появился в свете.

Изабель злилась на него, однако была осторожна: она научилась не только избегать мужа, но и воздерживаться от критических высказываний в его адрес. Кроме того, всем, и ей в том числе, стало известно, что он злоупотребляет алкоголем и ведет распутный образ жизни.

Вскоре после смерти тестя явился с утешением ее отец. Он пришел один, без леди Клер, но Изабель не смогла сразу изменить прохладного отношения к отцу. От Клер у него было двое сыновей. Изабель редко встречалась с отцом, считая, что он ее не любит. Очень уж сильна была обида.

— Я знаю, как ты любила Джонатана, — сказал он, и в голосе послышалось искреннее горе. — Мне тоже будет его недоставать.

Изабель, никогда не задумывавшаяся о том, что отец может умереть, как-то по-новому посматривала на него. Это был человек в возрасте чуть моложе скончавшегося герцога. Страх за отца охватил ее. Неважно, что было после того, как он женился, она по-прежнему любила

его.

— Отец, нам нужно чаще видеться, — сказала она решительно.

Роджер был приятно удивлен.

— Я давно мечтаю об этом, дорогая. Но ты всегда так занята, — сказал отец.

— Я? Это ты всегда занят то с Клер, то с мальчиками.

— После твоего замужества я несколько раз приглашал тебя погостить у нас в Лондоне или в деревне, но каждый раз ты отказывалась. Зная, что вы с Френсисом живете каждый своей жизнью, я решил, что ты очень сильно занята светской жизнью и что для отца у тебя просто нет времени.

Изабель не ожидала услышать от отца такое. Оказывается, он был сильно обижен на нее. Бросившись в его объятия, она бормотала:

— Я думала, у тебя нет времени для меня.

— Мы не поняли друг друга.

После этого она стала часто бывать в доме отца и неожиданно для себя полюбила своих сводных братьев. Клер тоже оказалась совсем неплохой и старалась как можно дружественнее относиться к Изабель. Теперь отец часто находил свободное время, чтобы побыть с Изабель вдвоем. И она поняла, какой глупой девчонкой была, обидевшись на него и избегая его все эти годы.

А через шесть месяцев в дверь постучался первый кредитор Френсиса. Он нервничал, извинялся, но Френсис на четыре месяца просрочил оплату по векселю в двадцать тысяч фунтов. Изабель была крайне удивлена и спросила Френсиса, что все это значит, на что он грубо ответил, что это не ее дело. Через месяц вновь появились кредиторы. Френсис всячески избегал их. На этот раз сумма была ошеломляющая — сто тысяч фунтов.

Наконец он признался, что у него нет денег, и тогда кредиторы стали преследовать ее. А Френсис только посмеивался да пожимал плечами. Когда же кредиторы стали угрожать ему тюрьмой, Изабель во избежание скандала вынуждена была заложить свои драгоценности и расплатиться. Она не могла позволить, чтобы его забрали в тюрьму.

Эти происшествия сильно ее обеспокоили, и она решила сама разобраться в финансовом положении семьи. Просмотрев деловые бумаги мужа, Изабель испугалась: много счетов было не оплачено, большие суммы были взяты по закладным на имения. Недавно несколько управляющих приходили к ней с просьбами о субсидиях, и она никого их не приняла. Теперь же она специально за ними послала. Из разговора с ними ей стало ясно, что если в различных владениях и имениях герцогства и идет какая-то работа, то общее руководство отсутствует. Необходимо, чтобы все работы координировал герцог. Уже девять месяцев прошло со смерти Джонатана, а Френсис к выполнению своих обязанностей так и не приступил.

Изабель, придя в ужас от состояния дел семьи, поняла, что нужно делать. Возможно, это не понравится Френсису, но это ее уже не беспокоило.

Она объехала все имения, все владения Клейборо, просмотрела финансовые книги и отчеты, побеседовала с управляющими. Когда ситуация стала полностью ясна, Изабель отправилась в

банк и попросила, чтобы ей сделали отчет по затратам и выписали чек. Этот отчет она представила Френсису.

— У нас очень много неоплаченных счетов, Френсис, — сказала она ему как-то утром, когда он растрепанный и небритый пришел с очередного кутежа. — Я внимательно просмотрела все счета, мне нужен доступ к восьмидесяти тысячам фунтов, чтобы расплатиться с долгами. Наш банкир выписал чек, подпиши его, пожалуйста.

— Раз у нас в банке есть восемьдесят тысяч, неужели ты думаешь, что я позволю тебе потратить их? — сказал он, вырвав чек и разорвав его.

— Но господин Пирс был рад.

— Дура. Он всегда с радостью одалживает деньги, чтобы потом брать большие проценты! — Френсис долго кричал и бушевал.

Изабель задумалась. Потом она решила посоветоваться с юристами Клейборо. После этого пошла опять к господину Пирсу, взяв с собой отца. Теперь заем был подписан непосредственно на ее имя. Она расплатилась со всеми долгами, и под ее неустанным руководством дела пошли гладко.

Она управляла всеми герцогскими владениями с помощью отца и юристов, проявляя недюжинный ум и смекалку. С каким чувством удовлетворения она отправила чек в банк господину Пирсу, когда ее земли на юге и продажа древесины на севере принесли первую небольшую прибыль!

Но чем лучше шли дела, тем насмешливее и злее становился Френсис по отношению к Изабель, тем больше он ее ненавидел.

Осенью 1867 года Изабель впервые отправилась в Америку. Уже три года прошло со дня смерти Джонатана, но владения Клейборо держались и приносили доход, несмотря на тяжелый экономический кризис. Изабель сделала несколько весьма выгодных вкладов в те отрасли промышленности, которые считала перспективными. Особенно ее привлекала горнодобывающая компания, которой она отдала в аренду свои земли.

Изабель в числе немногих видела возможность извлечь выгоду из перестройки южных штатов страны после окончания гражданской войны. За ничтожную сумму она купила выгоревшие земли в штате Вирджиния, считая, что со временем их цена неизмеримо возрастет. Для этой поездки она опять взяла заем у господина Пирса.

Уже ни для кого не было секретом, что имением управляет она и что она провела несколько весьма рискованных операций. Ее аристократическое окружение было шокировано и возмущено: она, герцогиня, занимается делами, бизнесом! В это было трудно поверить. Аристократы презирали бизнес как нечто такое, чем недостойно заниматься. Все общество, весь свет осуждали ее. Но как герцогиня Клейборо она имела реальную власть, и не считаться с нею или не принять ее приглашения, которые для многих были большой честью, было невозможно. В списках приглашенных она была всегда одной из первых. Ее согласие присутствовать на каком-либо вечере льстило его устроителям. Никто не смел взглянуть на нее косо. Сама же Изабель знала, что является предметом сплетен, но это ее лишь забавляло. Никого не шокировало увлечение Френсиса мальчиками, а ум и решительность Изабель шокировали всех.

Френсиса не интересовали ни она, ни сплетни о ней. Он ни разу не поблагодарил ее за то, что

она спасла фамилию от разорения, а его — от тюрьмы. Напротив, он не переставал издеваться над ней, обзывая ее бесплодной и бесполой сукой.

Ее не беспокоили издевки, лишь бы реже его видеть. Он уже больше года не жил с ней: возможно, перестал надеяться. Изабель было известно, что он увлечен новой любовницей и на жену у него нет времени. Она была свободна, но это ее не радовало. Она была достаточно умна, чтобы не хотеть ребенка от другого мужчины, и все же хотела. Изабель понимала, что это никогда не произойдет. Ей было всего двадцать три года, но казалось, что уже пятьдесят лет и время иметь детей прошло.

ГЛАВА 24

Одно из самых быстроходных океанских судов «Морской дракон», сиявшее белоснежными парусами и стройными мачтами, обычно пассажиров на борт не брало. Но Изабель, отправляясь в деловую поездку в Америку, устроилась именно на это судно, заплатив большие деньги.

Изабель увидела его на пристани. Она стояла со своей служанкой. У нее был небольшой багаж: всего один дорожный сундук. Солнце слепило глаза, но она сумела разглядеть, что он невероятно высок, в бриджах и сапогах, в свободной полотняной рубахе. Она слышала, как он мужественным голосом подавал команды. Что с ней случилось? Пульс участился, ее стало трясти.

Он медленно повернулся в ее сторону и оцепенел. Она это хорошо видела. У него были длинные до плеч каштановые волосы, волевое, властное и очень красивое лицо.

Изабель не смогла отвести взгляд. Он пристально, казалось, целую вечность смотрел на нее — этого взгляда она ждала всю жизнь — и улыбался. Улыбка была открытая и откровенная. Она предназначалась только ей, ей одной. Изабель вспыхнула.

— Пойди, — приказала она своей служанке, — найди кого-нибудь, чтобы отнести мой сундук на судно.

Ей стало легче, когда она переключила внимание на что-то другое, но она была уверена, что он продолжает смотреть на нее. Но с еще большей очевидностью каждым своим нервом она ощущала, что ей ни в коем случае не следует подниматься на борт этого судна, так как оно принадлежит ему, и что, ступив на палубу его корабля, она уже никогда не вернется, не сможет вернуться назад.

— Кто вы?

— Изабель.

Солнце садилось. Они уже плыли целый день. Это были первые слова, с которыми он к ней обратился. Изабель не испугалась, хоть он подошел к ней сзади совсем неслышно. Она стояла у борта, держась за поручни, надеялась и ждала его.

— Изабель.

Она повернулась к нему так, чтобы смотреть прямо в лицо. От него исходила все та же сила, которую она увидела в нем вчера на пристани. Она с трудом дышала и плохо соображала.

mir-knigi.org

— Меня зовут Хэдриан, — сказал он тихо, разглядывая и запоминая ее лицо. — Хэдриан Стоун.

— Я знаю, я справлялась.

Они стояли и смотрели друг на друга. Сердце Изабель колотилось так, словно она чего-то испугалась. Но это не был испуг. Она осознавала, что это было желание. Желание, которое она не испытывала за всю свою жизнь даже в самой малой степени.

Он был действительно красив: мужественное лицо, сильные челюсти, нос несколько длинноват, глаза цвета янтаря с оттенком золота. Волосы не причесаны и слишком длинны. Огромный и мощный, он возвышался над ней на целых полфута! Она подумала, что если он к ней прикоснется, то она сразу же лишится чувств.

Он глубоко вздохнул.

— Черт меня подери, но более красивой женщины я не видел! Я целый день сегодня твердил себе, что вы мне приснились, что в реальной жизни таких никогда не бывает. Но вы живая, не так ли?

— Я живая, — тихо прошептала Изабель, и ей страстно захотелось к нему прикоснуться.

Он поднял руку — и Изабель замерла, ожидая. Пальцы его руки коснулись ее щеки, и она закрыла глаза, желая, чтобы он обнял ее. Ей было безразлично, увидят их или нет.

Неожиданно он выругался. Она тут же открыла глаза и увидела, что он злится, но не могла понять почему. Он резко развернулся и быстро зашагал от нее прочь, не сказав ни слова. Изабель немного подождала и пошла за ним.

— Остановитесь, — услышала она его голос в коридоре на нижней палубе.

Она безошибочно определила, что за его спиной — вход в его каюту. Она облизала губы, нервничая так, будто ей шестнадцать лет.

— Я не могу, — прошептала она.

Лицо его посуровело.

— Вы леди и, судя по кольцу, замужем.

— Да, я замужем, — сказала она с грустью.

— Неужели вы так легко… можете? Вы все время этим занимаетесь?

Она была в ужасе от того, что он о ней подумал.

— Нет! Никогда я не была неверна мужу за все семь лет нашей совместной жизни. До сегодняшнего дня.

Он схватил ее руку и притянул ее к себе:

— Вы говорите мне правду?

Правду говорили ее глаза.

mir-knigi.org

— Да.

Он крепко обнял ее, так крепко, что ей стало больно. Изабель терпела.

— Неужели вы не видите, что нужны мне не на одну ночь? Если так, то лучше совсем не надо.

Это было слишком. Изабель зарыдала. Она вцепилась в его мягкую белую рубаху и уперлась руками в его твердый как камень живот.

— Хэдриан, я тоже не хочу, чтобы только на одну ночь!

Он положил ее на свою твердую, спартанскую кровать. Изабель все еще рыдала от страстного желания.

Он это понял и снял все ее юбки, отшвырнув их в сторону, потом он разорвал корсет и дотронулся до ее гладкого тела. Она громко вскрикнула, впервые ощутив наивысшее наслаждение, накатившее на нее невыразимо сладостной волной. Она испытала оргазм в объятиях не успевшего раздеться Хэдриана.

— Господи, Изабель!

Слезы радости блестели у нее на глазах.

— Со мной это первый раз в жизни, — шептала она и плакала.

Он ничего не понял, но почувствовал в ней перемену. Он обнял ее и крепко прижал к себе, давая ей возможность выплакаться. Она плакала о тех обидах, которые перенесла от Френсиса, о потерянных годах и утраченных иллюзиях, о том, что встретила Хэдриана слишком поздно. Впервые в жизни ей было легко и удобно, в его крепких объятиях она наконец-то узнала, что такое рай.

— Наверное, ты считаешь меня сумасшедшей? — спросила она, успокоившись. Он все еще держал ее полуголую, в разорванном платье, крепко прижавшуюся к его груди.

— Никогда я не встречал женщину с таким горем на сердце, — сказал он ласково. Он гладил ее волосы, распускал их, вытаскивая заколки. — Ты не хочешь раскрыть мне свое сердце?

Изабель улыбнулась. В ней смешались радость и печаль.

— Нет, не сейчас. Может быть, никогда. Горе ушло. Ты прогнал его.

Он улыбнулся, нежно поцеловав ее в лоб:

— Я рад.

Если бы она только знала, как ошибается! Горе не ушло, оно только начиналось.

Потом она наблюдала, как он раздевается. Ее грудь взволнованно поднималась от его ласк. Она лежала поверх своей разорванной одежды на одеяле, которым он укрывался. Опять знакомый жар стал разгораться у нее в паху. Она смотрела на его широкую голую грудь и облизывала губы от волнения.

mir-knigi.org

— Я горд, что ты так смотришь на меня, — сказал он.

— Ты прекрасен, — ответила Изабель.

Снимая бриджи, он засмеялся грубым и неуверенным смехом. Изабель застонала при виде крепких, длинных ног. Потом она увидела его огромный, напряженный член.

— Я могу испытать наслаждение, всего-навсего глядя на тебя, — шепнула она ему.

Он произнес что-то невнятное и опустился на нее. Их губы сомкнулись. Резким движением он вошел в нее. Оба вскрикнули.

— Бог мой! — произнес он. — Изабель! Изабель, неужели это возможно? Я уже влюблен в вас.

— Я так на это надеюсь и так этого хочу!

Она никогда не говорила с ним о Френсисе. Он иногда спрашивал ее о муже, но каждый раз она отвечала ему, что для них Френсис не имеет никакого значения, и Хэдриан умолкал, уважая ее мнение. Изабель знала, что он любит ее так же сильно, как и она его, поэтому она не хотела, чтобы даже упоминание о Френсисе омрачало их счастье. И еще ей совсем не хотелось думать о будущем.

На горизонте уже угадывался Американский континент, и он не хотел больше откладывать разговор.

— Когда же ты мне скажешь, что ты герцогиня Клейборо?

Они лежали в постели в его маленькой каюте. У нее перехватило дыхание.

— Так ты знал? Ты все это время знал и молчал?

— Да, знал. Неужели ты думаешь, что я не справился о тебе, как только увидел на пристани?

Изабель рассердилась, но в то же время почувствовала облегчение.

— Ты мог бы мне сказать раньше, что тебе все известно обо мне.

— Но ведь и ты могла бы мне сказать, кто ты такая.

Они помолчали какое-то время, глядя друг на друга.

— Не сейчас, — сказала она и погладила его волосы, — не сейчас, Хэдриан.

Он сел, взял ее за руку и настойчиво произнес:

— Нет, сейчас. Я знаю, что ты его не любишь. Я знаю, что ты любишь меня.

— Да, я всегда буду любить тебя, — проговорила Изабель серьезно.

Ему было приятно, он улыбнулся и, испытывая неловкость, сказал:

— Изабель, мне раньше, до тебя, никогда не хотелось жениться. А тебя я хочу видеть в постели только в качестве жены. Я хочу подарить тебе детишек — дочек и сыновей.

mir-knigi.org

— Может быть, ты уже подарил мне, по крайней мере, одного ребенка. — Отчаяние охватило ее.

— Ты не вернешься к нему. — Это было и не утверждение, и не вопрос.

— Как мне от него отделаться! — запричитала она.

Это его удивило.

— Ты любишь меня. Тот негодяй — я не знаю, что он с тобой делает, — но он разбил твое сердце. Тебе нельзя к нему возвращаться.

— Убежать? — Это была мысль, которую она старательно избегала.

— Так что, все это — игра? — возмутился он.

— Нет! Это не было игрой! Я люблю тебя. Но, Хэдриан, ведь я — де Варенн.

— Ты хочешь сказать, что проклятый титул герцогини значит для тебя больше, чем я, так?

— Нет, это значит, что де Варенн выполняют свой долг, каким бы тяжким он ни был.

Де Варенн не уходят от мужей, от своей жизни. И она не сможет уйти.

— О Бог мой! — воскликнул Хэдриан, когда понял, что она самым искренним образом верит в то, о чем только что говорила.

— Так ты серьезно? Серьезно?!

Изабель закрыла глаза. Она была одной из де Варенн. Она всегда была ею. А сейчас она еще и Клейборо. Она верила в такие понятия, как верность, честь, долг. И не будь в ней этой веры, она, конечно, не была бы Изабель де Варенн Брекстон-Лоувел, она стала бы никем.

Он выскочил из каюты. Теперь он знал, что никогда не получит ее, что у них никогда не будет детей.

Изабель провела в Вирджинии вместе с Хэдрианом Стоуном три месяца. Это была горькая радость. Они оба заставляли себя не думать о расставании, отчаянно старались жить только сегодняшним днем.

Ко времени отплытия Изабель из Америки он и она сроднились так, как это бывает только у очень любящих друг друга людей. Он больше не просил ее уйти от Френсиса, он знал, как ей трудно. Хэдриан проводил ее на пристань.

Изабель решила ни в коем случае не плакать, иначе она не сдержала бы проявления своих бурных эмоций. Было бы так легко остаться с ним, отвернуться от того, кто и что она. Любой ценой Изабель была обязана не думать ни о каком выборе, у нее не может быть никакого выбора.

Он обнял ее за плечи. Сзади покачивалось на волнах судно, которое должно было ее унести. Это было жалкое подобие «Морского дракона». Над ними распростерлось голубое, без единого облачка, небо. В природе была весна, но… не в их сердцах.

mir-knigi.org

— Я люблю тебя и очень уважаю, — произнес он наконец, глядя ей прямо в глаза. — Поэтому я даю тебе возможность принять самое главное в твоей жизни решение. Если ты делаешь то, что должна делать, то я поддерживаю тебя.

Больше у нее не осталось сил сдерживаться, и слезы полились рекой.

— Я всегда буду любить тебя, — сказал он хрипло, — и я всегда здесь. Если ты передумаешь на будущий год, через два года, десять лет — я всегда здесь и всегда буду ждать тебя. Больше у меня никогда и никого не будет, Изабель.

— Я не хочу, чтобы ты ждал меня, — пыталась она как-то возразить, но они знали, что это ложь.

— У меня больше никого не будет, Изабель, — сказал он. — Я люблю тебя.

Изабель взошла на корабль, не видя от слез трапа. Она оставляла в Америке свое сердце, которое теперь будет принадлежать Хэдриану Стоуну. В Англию возвращалась женщина, которая уже никогда не будет прежней Изабель.

Он был уверен, что плохо ее расслышал.

— Прости, мама.

Изабель была бледнее привидения.

— Хэдриан, я давно должна была тебе рассказать. Твой отец не Френсис.

Герцог Клейборо смотрел и ждал. Они только что закончили ужин и удалились в одну из самых уютных маленьких гостиных, где вдовствующая герцогиня могла бы — вопреки бытующему мнению, что леди не пьет ничего крепче шерри, — выпить рюмочку портвейна. Изабель попросила сына присесть. Когда он подчинился, она повторила слова своего признания.

— Это не совсем удачная шутка! — Сердце в его груди колотилось так, что он не услышал собственного голоса.

— Нет, это не шутка. Френсис, — она судорожно глотнула воздух, — не твой отец.

Хэдриан сидел как каменное изваяние. Пульс, и без того бешеный, участился. Слова матери громом отозвались в голове.

«Френсис не твой отец». Невероятно трудно поверить. Осуществилось самое сокровенное неосознанное желание человека, который вообще никогда не мечтал.

— С тобой все в порядке? — испросила Изабель с тревогой. — Вот, глотни этого. — Она наклонилась над ним, предлагая рюмку портвейна. Руки у нее тряслись.

Хэдриан, не думая, что делает матери больно, с силой сжал ее руку.

— Он не мой отец?

— Нет.

Хэдриан встал, продолжая держать мать за руку.

— А кто же?

— Мне больно, — с трудом произнесла Изабель.

Он увидел ее бледное лицо и слезы в глазах и немедленно отпустил ее руку.

— Боже, мама! Прости, я не соображаю, что делаю.

— Нечего мне прощать, сын, — сказала она печально.

— Кто мой отец? — повторил он вопрос, все еще с трудом справляясь со своими чувствами.

— Его зовут Хэдриан Стоун. Американец из Бостона. Капитан судна.

Герцог удивленно смотрел на мать. Он подошел к камину и уставился на танцующее пламя. Немало времени прошло, прежде чем он смог усвоить услышанное. Френсис не его отец — слава Богу! Его отец — американец по имени Хэдриан Стоун, морской капитан. Все было так странно. Он не мог поверить, что это не сон.

— С тобой все в порядке? — еще раз спросила Изабель.

Он медленно повернулся и посмотрел на нее:

— Мне хотелось бы услышать всю историю, мама.

Она кивнула, ломая руки.

Хэдриан стоял у камина не шелохнувшись, пока мать рассказывала ему историю его рождения.

«Не может быть. В это трудно поверить», — думал он.

Изабель кончила свой рассказ. Хэдриан внешне выглядел очень спокойным.

— Этим все объясняется, — сказал он в тяжело нависшей тишине.

Изабель все еще была бледна как смерть. Она сидела на краю дивана и смотрела на сына в ожидании приговора, нервно теребя складки платья на коленях. Изабель пыталась по выражению его лица определить, что он думает. Но он, казалось, ничего не видел и ничего не замечал.

— Не удивительно, что он ненавидел меня и тебя…

Изабель прикусила губу.

— Он ненавидел меня еще задолго до того, как мы встретились с твоим отцом. Он ненавидел меня, когда я взяла всю ответственность за наши владения на себя, а это было его делом. Его ненависть росла после каждого случая, когда я спасала его от долгов.

— Да, я знаю все это. — Сначала Хэдриан стоял, а теперь стал ходить по комнате. — Господи, ты должна была мне про это рассказать давным-давно! — Он все еще злился.

— Я знаю, ты злишься на меня, — тихо сказала она.

— Я пытаюсь не злиться. Я пытаюсь понять, как ты хотела сохранить свою любовь в тайне,

mir-knigi.org

даже от меня. Но, Боже правый, разве нельзя было мне раньше знать, что этот негодяй не мой отец?

Он в сильном волнении забегал по комнате, потом резко остановился и подошел к ней. Он был слишком взволнован, чтобы заметить, что мать вот-вот расплачется.

— Что случилось после твоего возвращения из Америки? Ты что-нибудь слышала о нем?

Бешено стучавшее сердце Изабель стало давать сбои ритма.

— О чем ты думаешь?

— Если он еще жив, то я должен его найти. Это несомненно. Он жив? — требовательно спросил он.

— Сначала я получала от него известия, но вот уже двадцать лет, как я о нем ничего не знаю.

— Объясни, пожалуйста.

— Вернувшись в Англию, я получила письмо, короткое, безличное. В нем некто интересовался моим здоровьем. Несколько лет он присылал мне такие письма-записки, а по почтовой марке я всегда могла определить, где он находится. Его постоянный адрес был в Бостоне, во всяком случае на момент нашего знакомства.

— А потом, что случилось потом?

Изабель еле выдерживала этот разговор. Воспоминания больно били по сердцу, а еще больше ранили резкие, беспощадные вопросы сына. Было видно, что он невероятно сердит на нее. Что последует за этим? Его презрение? Она говорила мягко, стараясь сдержать волнение в голосе:

— Я знаю, что вначале он хотел, чтобы я постоянно знала, где он находится, таким образом он напоминал мне, что он рядом, что ждет меня в том случае, если я передумаю и уйду от мужа. Потом письма приходить перестали…

Тут голос ее дрогнул, и слезы потекли из глаз.

— Может быть, он женился, может, умер, я не знаю.

Вдруг Хэдриана осенило, он удивленно посмотрел на мать:

— Так ты его все еще любишь?

Изабель поискала носовой платок и вытерла глаза, отчаянно пытаясь взять себя в руки. Хэдриан подошел к ней и положил руку ей на плечо.

— Я знаю, тебе трудно говорить мне об этом, мама, но для меня это чрезвычайно важно. Мне нужен этот адрес в Бостоне.

— Да, разумеется, — сказала она, и в ее голосе послышалась слабая надежда.

Хэдриан отвернулся. Не обращаясь ни к кому, он сказал:

— Я напишу ему письмо, немедленно. Я найму частных сыщиков и отправлю одного из них в Бостон. Если он жив, я найду его.

Изабель опять стало плохо: горло перехватил спазм. Она приготовилась нанести сыну еще один, последний удар.

— Хэдриан, он ничего не знает о тебе. Я никогда ничего ему о тебе не сообщала. Он даже не имеет представления, что у него есть сын.

Это откровение действительно было сокрушающим. В этот вечер после ухода матери Хэдриан сидел в библиотеке один с собакой у камина и думал. Он с трудом привыкал к тому, что услышал сегодня от матери.

Он был очень зол на мать, очень. И как он ни старался ее понять, не мог подавить в себе злобу. Она не только ему ничего не говорила, хотя обязана была это сделать давным-давно, но она и отцу ничего не сказала о нем.

Он не переставая думал о таинственном американце, который был его настоящим отцом. Хэдриан Стоун. Его самого мать назвала в честь своего любовника. Каков из себя этот американец? Он морской капитан. Просто трудно представить себе мать с морским капитаном. Морской капитан в его представлении должен быть коренастым, седым человеком, волосы ежиком, в полосатой рубахе и темно-синих штанах. Он просил ее рассказать подробности об отце, но она отказалась. Он понимал, что расстраивает ее, но ничего не мог с собой поделать. Разве у него нет права хоть что-нибудь знать об отце?

Наконец она призналась, что он совсем не был похож на Френсиса, и с этими словами решительно покинула его дом. Хэдриану стало стыдно за свое поведение. Однако снова появилась мысль найти отца.

Хэдриан громко расхохотался. Теперь он может ругать Френсиса сколько ему захочется. Но самое главное, он теперь знает, почему Френсис презирал его. Именно этот вопрос преследовал Хэдриана всю жизнь, а теперь он знает на него ответ.

ГЛАВА 25

Хэдриан не спал всю ночь. Утром, полный надежд найти отца живым и здоровым, он нанял детективов, которые тотчас взялись за дело. Теперь оставалось только ждать результатов начатого расследования.

В этот же день Хэдриан навестил свою невесту. Скандал, начатый его помолвкой, потихоньку разрастался. Чтобы уберечь Николь от сплетен, им непременно надо бывать в обществе, где бы он показал себя безумно влюбленным поклонником. Он был полон решимости остановить злые разговоры, которые были слишком близки к истине. Что бы там ни было, но сейчас он больше чем когда-либо хотел оградить свою невесту от злословия и добиться того, чтобы ее принимали в обществе. Она это вполне заслужила.

Большая черная карета с гербами, на которых были изображены три льва, остановилась у дома Шелтонов на Тэвисток-сквер. Герцог вышел из кареты и легкой походкой направился в дом. Сегодня его походка была особенно легка. Открывший дверь Олдрик уставился на герцога с удивлением, так как никогда еще не видел его сиятельство весело улыбающимся. Хэдриан отдавал себе отчет в том, что улыбается как идиот, но не мог спрятать улыбку.

Но постепенно, по мере ожидания в гостиной Николь, его хорошее настроение стало пропадать. Она не появлялась. Пятнадцать минут перешли в тридцать, л затем в три четверти часа. Его умиротворенность стала переходить в раздражение, и наконец, в ярость. Как он мог

забыть хоть на минуту, что, несмотря на самый невероятный поворот его судьбы, невеста не желает выходить за него замуж! Последний раз они встретились у Линдслеев: там она была на него очень сердита. Вчера ей удалось избежать с ним встречи. Может быть, она и сегодня хочет проделать то же самое? Но нельзя же быть до такой степени глупой!

Он вышел из гостиной и увидел Олдрика, который с озабоченным выражением на лице слонялся по коридору.

— Ваша светлость! Вам принести еще закусок?

— Где ее комната? — строго спросил герцог.

— На втором этаже, пятая дверь налево! — на одном выдохе ответил слуга, вытаращив глаза.

Герцог через две ступени взбежал на второй этаж и два раза постучал в указанную дверь. Не дожидаясь ответа, которого могло и не быть, резко распахнул дверь и вошел.

Николь была в нижнем белье. На кровати в большом беспорядке лежали куски шелка, шифона, тафты, кашемира, бархата, шерсти и даже меха. Плюмажи, ленты, кружева и другие аксессуары валялись по всей комнате. Коробки со шляпками открыты, везде разбросаны перчатки. У кровати громоздилась целая гора сумочек разной формы, разных размеров и таких различных цветов и оттенков, что это представлялось неправдоподобным. Знаменитая портниха мадам Леви стояла на коленях, примеряя на Николь яркую, золотого цвета нижнюю юбку. Еще две портнихи сидели в углу и что-то шили. Увидев вошедшего герцога, все замерли.

Николь первая пришла в себя. Прикрывая руками выпиравшую из-под кружевного корсета грудь, она крикнула:

— Выйдите!

Хэдриану потребовалась доля секунды, чтобы понять, что она и не собиралась спускаться к нему.

— Уходите все, немедленно! — резко скомандовал он.

Через секунду в комнате, кроме герцога и его невесты, никого не было.

Держа руки перед грудью, Николь пятилась назад, наступая на драгоценные тонкие ткани.

— Вам здесь нельзя находиться. Вы усугубляете и без того скандальную ситуацию!

— Скандальная ситуация? — усмехнулся он. — Они теперь будут говорить, что у нас скандальная любовь!

— О! Как же я посмела забыть об игре, в которую вы все время играете?

Хэдриан улыбнулся не самой своей приятной улыбкой.

— Как долго вы намерены заставлять ждать себя внизу, Николь?

— Всю жизнь.

Он улыбнулся, не изменив серьезного выражения лица.

mir-knigi.org

— Не очень умное поведение.

Взгляд опять упал на нее, и его тело вдруг ощутило, что они одни в этой комнате. Кровать была не дальше одного фута от них.

— Вы должны уйти. Уже сейчас не оберешься разговоров о том, что вы вошли в мою комнату. — Голос ее срывался.

— Хорошо, — сказал он, делая к ней шаг, такой же напряженный, как и все его большое тело. — Они будут говорить, что я без ума от вас и преследую вас даже в вашей спальне, потеряв всякую учтивость, которую должен проявлять жених…

Николь быстро перебежала на другую сторону кровати.

— Вы сумасшедший!

— А вы, моя прелесть, трусиха, — говорил герцог, подкрадываясь к ней.

— Я не трусиха, — проскрежетала она сквозь сжатые зубы, вцепившись в колонну, поддерживавшую полог кровати. Грудь ее высоко вздымалась от волнения. — Это вы трус! За моей спиной тайком просите у отца моей руки, после того как я вам отказала!

Он замер. Но через секунду оказался около нее, схватил за руки и стал оттаскивать ее от колонны. Она кричала, он ее тряс. С жадным любопытством он смотрел на ее грудь, которая совсем вылезла из корсета.

— Наоборот, — сказал он ей на ухо неестественным голосом, — любого, кто решается жениться на вас, можно считать самым храбрым человеком.

Николь вывернулась от него, схватила с постели первую попавшую ткань и прикрылась ею.

— Тогда считайте себя свободным и объявите о расторжении помолвки. Я не обижусь! — крикнула она.

Он говорил себе, что ведет себя так лишь из необходимости заставить ее замолчать. Но он знал в тот момент, когда тащил ее к себе, когда прижимал ее к себе, что это — полуправда. Он уже изрядно устал от всех этих игр и от ее сопротивления.

— Значит, ваши чувства сильнее моих. Я предупреждаю, Николь, что очень быстро обижаюсь на тех, кто относится ко мне без достаточного уважения. — Говоря это, он крепко поцеловал ее в губы.

Она отчаянно сопротивлялась; пытаясь отбиться от него, и почти преуспела в этом, но тут он взял ее за запястья и толкнул на груду шикарных и очень дорогих тканей, лежавших на кровати.

— Я не вижу обиды в ваших глазах! Почему же не признать свою уязвимость? Почему вы меня так сильно толкаете? Как вам удается заставлять меня забыться? Конечно, во всем виновата я! — крикнула Николь, но не двигалась, лежа на кровати. Своим телом он просто припечатал ее, раздвигая ногами ее ноги.

Ничего не отвечая, он своевольно содрал с нее красный шифон. Ее глаза округлились, она дернулась, пытаясь его сбросить, но он крепко держал ее за запястья.

Какое-то время она лежала тихо, не шевелясь, только обнаженная грудь тяжело вздымалась и опускалась под его накрахмаленной манишкой.

— Может быть, мы когда-нибудь прекратим эти глупости? — требовательным голосом спросил он.

Она перевела взгляд на его рот, а затем быстро опять на глаза.

— На карту поставлено мое будущее, и я не считаю это такой уж глупостью.

— Наше будущее поставлено на карту, наше, — поправил он.

Она еще раз дернулась под ним.

— Как вы смеете так со мной поступать? — прошипела она.

Его взгляд упал на ее обнаженную грудь. Он понял, что ее вопрос относится и к тому, как он сейчас с ней расправляется, и к тому, что принуждает ее выйти замуж.

— Сдавайтесь, Николь, вы уже проиграли. Принимайте то, что должно случиться. Смиритесь с фактом, что через несколько дней вы станете моей женой.

Она вся напряглась под ним. Он знал, что причиняет ей боль, так как продолжал крепко сжимать ее руки, знал, что она, так же как и он, ощущает его, так как его возбудившийся член находился у нее между ног, в паху.

— Я никогда не смирюсь с этим.

Он не засмеялся. Ничего смешного в том, что она продолжает упорствовать и сопротивляться его воле, нет.

Никогда не знаешь… — начал он. Пот выступил у него на лбу. Он боролся с самим собой и — проиграл. Сила его желания была сокрушающей. Его начало трясти. Он знал, что должен уступить страсти, бушевавшей в нем. Вдруг он почувствовал, что и сопротивление Николь прекратилось. Вскрикнув, она выгнулась дугой, закрыла глаза и прижалась к его телу.

Хэдриана не нужно было подстегивать. Он развел ей ноги и впился губами в ее губы. Николь в страстном ритме двигалась под ним, искала языком его язык. Он грубо бросал на нее свое тело.

Вдруг кто-то требовательно постучал в дверь.

Мгновенно Хэдриан оказался на ногах и застегнул ей корсет. Николь смотрела на него затуманенными от страсти глазами.

— Кто-то идет, — прошептал он, поднимая ее на ноги, а затем тряхнул ее так, что сознание стало возвращаться к ней.

Оставив ее, он заправил рубашку в брюки, поправил галстук и пошел к двери. Он открыл ее, как только раздался повторный стук.

Это была графиня. Хэдриан нисколько не сомневался, что ему не удалось одурачить ее, хоть на лице у нее и была довольно приятная улыбка.

mir-knigi.org

— Здравствуйте, герцог. Я подумала, что, может быть, мне стоит принести каких-нибудь закусок, пока вы у моей дочери.

— Как это мило с вашей стороны, — пробормотал он, глядя на Николь. Она стояла к ним спиной и смотрела в окно. На ней уже был зеленый махровый халат. На душе у герцога стало легче.

Джейн поставила поднос на стеклянный столик, сказала какие-то любезности гостю и ушла, оставив дверь широко открытой. Хэдриан повернулся к невесте. Она сердито смотрела на него. Было видно, что ее настроение не улучшилось.

— Надеюсь, вы удовлетворены? — неосторожно бросила она.

— Вовсе не удовлетворен.

Она покраснела. Руки сами собой поднялись вверх, как бы прикрывая грудь.

— Зачем вы пришли? Посыпать соль на мои раны?

— Какие раны? — сухо спросил он, отворачиваясь. Теперь, когда они вновь остались одни, у него в паху опять заныло.

Он налил в чашки чай, пытаясь отвлечься от желания.

— Вы знаете, какие раны, — резко выпалила она. —

Почему вы настаиваете на этом смешном браке? Я всей душой разделяю ваше мнение, что вы круглый дурак, если собираетесь жениться на мне.

— Я не говорил этого, Николь.

— Я не смогу быть герцогиней, как вам самому известно, — продолжала Николь, как бы его не слыша.

— Может быть, вы скоро продадите себя.

Глаза у нее округлились. Он спокойно потягивал чай, не отрывая от нее взгляда. Она опомнилась.

— Хэдриан, зачем вы настаиваете на этом браке? Если то, что между нами произошло, ничего не значит для меня, то почему это должно что-то значить для вас? Странно.

Он пристально посмотрел на нее. Эта грубость его не смутила. Ему захотелось узнать — неужели то, что произошло между ними в библиотеке несколько дней назад, не имеет для нее значения?

— Вы знаете почему. Возможно, у вас будет от меня ребенок.

Он опять стал мрачным.

— Я не изменю своего решения. Я непоколебим.

— Что же, вы получите герцогиню, которая не имеет никакого желания быть таковой, — сказала она ледяным тоном.

mir-knigi.org

— Вы смеете угрожать мне?

— Я не угрожаю, я предупреждаю.

— Вы лжете, — сказал он со спокойствием, которое давалось ему все трудней, и поставил на столик чашку с блюдцем.

— Мы оба знаем, как на самом деле вы не имеете никакого желания. Доказательство тому дано пять минут назад.

Она покраснела от смущения или от злости, а может быть, и от того и от другого.

— Пусть у меня иной раз и возникает желание, но у меня его нет, когда дело касается замужества.

Ее бритва резанула его с безошибочной точностью, и ему не понравилось, что рана оказалась слишком глубока. Она ни на йоту не смягчилась относительно перспективы замужества. Она не могла знать, что Френсис не был его отцом, если это вообще интересовало ее, но он был слишком горд, чтобы ей об этом рассказывать. А главное, он не доверял ей. Пока не доверял, и поэтому не мог так рисковать репутацией своей матери.

— Я в самом деле настолько одиозен?

Она была бледна, но ее злость постепенно уходила.

— Проблема не в том, считаю ли я вас одиозным, — осторожно ответила она.

— Но вы считаете меня одиозным? — упорствовал он.

— Нет.

Он замер. Ему с трудом удавалось сдерживать улыбку.

— Значит, я не такой уж страшный? — Он попытался заглянуть ей в глаза.

Ее губы задрожали:

— Не женитесь на мне против моей воли.

— Николь, уже слишком поздно.

— Еще не слишком поздно. Вы можете все отменить. Люди скажут, что наконец-то к вам вернулось благоразумие!

Он не мог не почувствовать ее отчаяния, и ему стало не до улыбок. Какая бы причина ни была, но она по-прежнему выступает против их брака.

— Я предлагаю вам изменить свое решение, — сказал он холодно.

— Я не хочу стать жертвой вашей благородной идеи долга.

— Вы уже достаточно ясно выразились, — сквозь зубы процедил он. — На самом деле я чертовски устал слушать один и тот же мотив. Истина одна — мне безразлично, чего вы хотите.

mir-knigi.org

— Черт с вами, — прошипела она. — Вы любите только себя. Вы холодный, бессердечный, такой, как о вас говорят!

Хэдриан криво улыбнулся. Его чувства были оскорблены, и его разбирала злость потому, что он действительно очень уязвим там, где дело касалось Николь.

— Я намеревался пригласить вас на сегодняшний бал, но теперь вижу, что это будет неразумно.

— Да, это будет неразумно, — согласилась она, ожесточившись. — Я бы отказалась. У меня совсем нет желания идти с вами.

Своей враждебностью по отношению к нему она бы вызвала еще большие сплетни. Было бы чудом, если бы она согласилась сохранять внешние приличия и вести себя, как полагается невесте.

— Встретимся в церкви. — Он направился к двери, но ее слова остановили его на полпути.

— И не надейтесь! — крикнула она ему вслед.

Он не спеша повернулся, больше не скрывая своих чувств.

— Я не Перси Хемпстед, — сказал он, медленно и очень отчетливо выговаривая слова. — Позвольте мне это довести до вашего сведения.

Она не двигалась и почти не дышала.

— Я не двадцатидвухлетний мальчишка и не законченный дурак. Если вы вздумаете посмеяться надо мной, то прежде хорошо подумайте. Я не побегу с опущенным хвостом в другую сторону. О нет! Я найду вас и волоком притащу к алтарю, если это понадобится. Ни ваши крики, ни скандал меня не остановят.

Она стояла и смотрела на него. Он угрожающе улыбнулся:

— И никто не осудит меня, потому что я — герцог Клейборо, и еще потому что я — мужчина. В то время как вы — женщина, к тому же — эксцентричная. Женщина, про которую говорят, что ей нужна крепкая мужская рука и хорошая порка.

Николь открыла было рот, чтобы возразить.

— Мои действия будут одобрены, а ваши осуждены, — сказал он жестко.

— Я презираю вас. — Это все, что смогла сказать Николь.

Он криво улыбнулся:

— Если вы выбираете скандал, что ж, пусть так и будет. Я умываю руки от всех этих хлопот и предоставляю вас самой себе. Мое великодушие заходит слишком далеко.

— Убирайтесь!

Ничего не ответив, он быстро вышел из комнаты.

ГЛАВА 26

Герцог Клейборо нервничал.

Наступил день его свадьбы.

Он не виделся с Николь с тех пор, как ездил к ней пригласить ее на бал. В этом был свой резон. Всякий раз она давала ему понять, что чувствует по отношению к нему, и он всякий раз взрывался и возбуждался. Поэтому, гораздо безопаснее было не вступать с ней в контакт, пока они не поженятся.

Он не отваживался представить себе их совместную жизнь после свадьбы.

В течение десяти дней, оставшихся до свадьбы, герцог успел посетить три домашних приема и два бала, побывал на регате. За последнее время — и об этом говорил весь Лондон — он принял больше приглашений, чем за весь прошлый год. И герцог не только появлялся на различных мероприятиях, он задерживался там на несколько часов и активно общался с другими гостями, очаровывая всех присутствующих. Такое поведение было так несвойственно недавнему затворнику, что герцог стал самой популярной темой разговоров в светском обществе.

Но взгляды Хэдриана не изменились. Его, как и прежде, мало интересовала жизнь общества. На самом-то деле он никак не мог дождаться, когда сможет уехать к себе в Клейборо, где было столько дел и требовалось его личное присутствие. В Лондоне он оставался исключительно из-за Николь.

Он подготавливал новую жизнь для них обоих. Его везде приглашали, он пользовался постоянным успехом, ведь его влияние было непоколебимо и его присутствие всегда желательно. За десять дней он приобрел настоящую популярность. И все это скоро должна будет разделить с ним его жена.

Отвратительные слухи почти перестали ходить по Лондону. Теперь все зависело от того, состоится свадьба вовремя или нет. Если ее отложат хоть на день, его популярность и авторитет начнут падать. Новый слух о том, что герцог на днях ворвался в спальню невесты, распространился в обществе со скоростью лесного пожара. Как и надеялся герцог, общественное мнение расценило это в его пользу.

Где бы он ни появлялся, везде начинали говорить о нем и о Николь. Накануне свадьбы, на вечере у Эйвери, герцог случайно подслушал разговор трех леди.

— Поразительно, — сказала леди Брэдфорд, — они фактически прогнали мадам Леви, чтобы остаться вдвоем!

— Скандал! — с жаром согласилась леди Смит-Реджис. — Он, наверное, совсем без ума от леди Шелдон, раз забыл приличия до такой степени!

— Вы можете представить себя объектом увлечения герцога? — спросила леди Тэлбот мечтательно. — Это, несомненно, любовь.

Хэдриан поспешно отошел, чтобы, не дай Бог, они не заметили его. Он был очень доволен.

В своем клубе на Джеймс-стрит, где он решил показаться, его поджидала неприятность. Войдя в общий зал, герцог почувствовал, что члены клуба сразу перестали разговаривать. Ему захотелось узнать, чем вызвана такая реакция. Он очень надеялся, что это не связано с его браком.

Вскоре все выяснилось. В кабинет, где герцог, по обыкновению, любил посидеть в одиночестве, постучал Джонатан Линдли.

— Вы не возражаете, если я присоединюсь к вам на минуту, Хэдриан? — спросил он.

Немного удивившись, Хэдриан пригласил его сесть.

— Что вы хотели мне сказать, Джонатан?

— Вам будет неприятно, — предупредил Линдли, стараясь говорить потише.

Хэдриан жестом попросил его продолжать.

— Николь мне как родная дочь, поэтому я должен сказать вам о том, что только сейчас стало мне известно. Два члена этого клуба побились об заклад.

Герцог насторожился:

— Что за заклад?

— Такой заклад, за который надо требовать сатисфакции. Лорд Хартенс и лорд Кимберли поспорили, что ваша невеста подарит вам ребенка ранее, чем через девять месяцев со дня свадьбы.

Хэдриан сидел, не шелохнувшись. Ни один мускул на его лице не дрогнул, хотя ярость прокатилась горячей волной по всему телу. Справившись с собой и обретя способность спокойно говорить, он поблагодарил Линдли за информацию и через минуту покинул клуб.

В тот вечер герцог нанес визит лорду Хартенсу в его доме. Беседа была короткой и по существу. Один хорошо поставленный удар лишил лорда двух передних зубов. Угроза, последовавшая вслед за ударом, возымела действие, и Хартенс стал извиняться.

Ходили еще какие-то слухи, и возникали какие-то весьма скандальные ситуации, но все они были в пользу герцога. Он честно отстаивал репутацию Николь, а двое лордов надолго прослыли мошенниками и негодяями. Женщинам эта история показалась просто романтичной, о чем они без устали говорили.

Самое трудное на этой неделе было встретиться с маркизом Стаффордом, отцом Элизабет.

Хэдриан пришел к своему другу, старому, одинокому человеку, надеясь объяснить ему необходимое. Со дня похорон дочери Стаффорд сидел дома, запершись, в состоянии безутешного горя. Так как он никого не принимал и ни с кем не общался, то он и не знал о помолвке Хэдриана. Поскольку Хэдриан был ему как сын, маркиз сделал для Хэдриана исключение и принял его.

— Я не буду спрашивать, как вы себя чувствуете, Джорж, — спокойно начал Хэдриан, увидев изможденного старика с опухшими от слез красными глазами. — Я знаю, это звучит банально, но со временем вы сможете вспоминать ее без такой боли.

— Нет. Ты ошибаешься. Эта боль не пройдет.

Хэдриан молчал, ему было очень неловко. Ну как сказать этому человеку, что он женится на другой женщине сразу же после смерти Элизабет? Тем не менее он сам должен сообщить ему об этом до того, как до него дойдут слухи.

— Джорж, я тоже скучаю по Элизабет и всегда буду скучать.

Стаффорд заплакал:

— Да, я знаю.

Хэдриан на миг закрыл глаза, пытаясь оживить ее образ, но, по правде говоря, как ни любил он Элизабет, как ни печалился о ее кончине, ему было трудно четко представить ее.

— Она счастлива, Джорж. Она избавилась от болей, от которых так страдала на земле. Если есть рай, то Элизабет нашла его.

Стаффорд опять горько заплакал. Хэдриан протянул ему свой носовой платок, не зная, что делать дальше.

— Да, — сказал наконец маркиз дрожащим голосом, — Элизабет в раю. Никто его так не заслуживает, как она.

Прошло несколько минут, прежде чем маркиз окончательно овладел собой, и тогда Хэдриан заговорил:

— Джорж, мне очень тяжело, но я пришел все вам рассказать лично. Я знаю, время самое не подходящее, но, вероятно, если бы был другой выход, я бы никогда не посмел побеспокоить вас в таком горе.

— Хэдриан, дорогой мой мальчик, ты всегда самый желанный человек в этом доме.

Хэдриана затрясло. На какой-то миг он почувствовал вину, которую ему довелось испытать впервые, и причиной этой вины была его страсть, приведшая к брачному контракту с Николь. И вдруг он увидел Элизабет. Он видел ее совершенно отчетливо, как будто она стояла перед ним за спиной отца. Улыбаясь, она с любовью смотрела на него. Ее лицо не выражало суждения за предательство. Видение неожиданно исчезло, но, что странно, исчезло и чувство вины.

Хэдриан начал с трудом. Он знал, что маркиз расстроится, но решил быть с ним честным до конца.

— Находясь в состоянии неутешного горя, оплакивая Элизабет, я в порыве отчаяния позволил себе обратиться к другой женщине.

Стаффорд долго смотрел на Хэдриана, потом сказал:

— Да, я понимаю. Ну и что? Ты молодой человек, не вини себя.

— Я думаю, вы не понимаете, Джорж. Другая женщина не была любовницей или проституткой.

Стаффорд был озадачен.

— Она незамужняя женщина, на которой я теперь должен жениться.

Стаффорд не понимал, что ему говорят.

— Через неделю я женюсь на Николь Шелтон.

mir-knigi.org

Стаффорд вскочил:

— Ты женишься на другой женщине на следующей неделе?

Хэдриан тоже встал:

— Извините.

— Да как же ты мог? Боже мой, как ты мог? — кричал Стаффорд. — Элизабет еще не остыла в могиле! Как же ты мог это сделать, как?

— Для меня это вопрос чести. Элизабет мертва, а я обесчестил Николь, и, разумеется, есть необходимость в этой поспешности.

Лицо Стаффорда налилось кровью.

— Как ты посмел прийти сюда и сказать мне, что собираешься жениться на следующей неделе? Будь проклято твое холодное сердце, Хэдриан! Будь ты проклят! О! Ты не любил мою дочь, теперь я это понимаю. Ты никогда не любил ее. Как я рад, что она не выходит замуж за такого холодного, бессердечного негодяя, как ты!

— Я очень сожалею.

— Вон! Убирайся вон! — пронзительно закричал Стаффорд. — Вон! Вон! Вон!

Герцог Клейборо прибыл в церковь рано. Церемония бракосочетания должна была состояться в соборе Святого Мартина-на-Полях, который находился на Трафальгарской площади. Еще во времена норманнского завоевания на этом месте была построена маленькая часовенка, а к концу двенадцатого века она уже имела свой приход. Несколько раз ее перестраивали, последний раз — в начале восемнадцатого века.

Хэдриан вошел через заднюю дверь, оставив мать, графа Нортумберленда, леди Клер, графа и графиню Драгмор встречать гостей, число которых доходило до тысячи. Поскольку вокруг его женитьбы ходило так много разговоров, он решил сделать свадебную церемонию событием года. Шелтоны, Изабель и его дедушка Роджер де Варенн согласились с ним в этом. Таким образом, были разосланы приглашения не только представителям самых знатных аристократических фамилий, но и многим влиятельным политическим деятелям и деловым людям королевства. Была приглашена даже королева Виктория.

Хэдриану захотелось побыть одному в маленьком притворе. Он очень нервничал. Ему стало страшно, когда он представил себе, как стоит у алтаря один и ждет невесту, которая не придет. Он ходил по комнате взад-вперед, и напряжение не спадало. Николь Шелтон не посмеет так поступить, сама мысль об этом нелепа.

Казалось, прошли часы в ожидании, но вот раздался стук в дверь, и вошел его дед Роджер де Варенн, граф Нортумберлендский, внимательно посмотрел на внука.

— Ты что-то не очень хорошо выглядишь, парень.

— Я плохо себя чувствую. Она здесь?

— Здесь. Она не отказалась.

Хэдриан почувствовал облегчение, однако беспокойство не покидало его: кому приятно тащить к алтарю разгневанную, не желающую замуж невесту на виду у тысячи людей!

Граф Нортумберленд рассмеялся:

— Никакого ответа нет, не так ли?

Герцог сжал зубы.

— Я в восторге оттого, что ты одобряешь ее.

Как только он решил жениться на Николь, то пошел к деду, чтобы рассказать ему об этом и спросить, одобряет ли тот его поступок. Разумеется, он был волен поступать так, как ему вздумается, но дело было в уважении, которое он оказывал графу, прося его благословения. Он ожидал отрицательной реакции, но получилось все наоборот.

— Я не могу сказать, одобряю я ее или нет. Но мне нравится ее семья, и я одобряю своевременную свадьбу. Мне совсем не хочется иметь незаконнорожденного внука.

Хэдриан не говорил ему о причине поспешной женитьбы, и дед спросил его об этом.

— Ты можешь обмануть весь Лондон, парень, но меня не проведешь, — сказал граф.

— Да уж.

— Тебе необходимо поправить галстук, Хэдриан.

Занявшись своим галстуком, герцог не заметил довольной улыбки на лице деда.

Николь сидела тихо, едва дыша. С ней были ее сестра и Марта. Однако от Регины, нервничавшей так, словно это была ее свадьба, толку было мало. Марта сидела рядом и держала Николь за руку. Одна она была внешне спокойна в этой комнате, хотя руки у нее были влажны.

— Расслабься. Ты выглядишь так, словно это не твоя свадьба, а собственные похороны.

— А разве это не так?

— Ты все еще упорствуешь и ведешь себя по-дурацки даже сейчас! — прикрикнула на нее Регина.

Они всю неделю почти не разговаривали. Регина была в восторге от предстоящего брака сестры, чем ужасно злила Николь. Похоже, их отношения из дружеских перешли во враждебные.

— Я буду вести себя так, как мне хочется, — огрызнулась Николь.

— Конечно, почему не показать всему миру, какая ты несчастная! — выпалила Регина.

— Я этого и хочу.

— Прекратите! — крикнула, вставая, Марта. — Господи Боже мой, сейчас не время ссориться. А тебе, Николь, следовало бы несколько раз подумать, прежде чем унизить герцога перед

mir-knigi.org

таким сборищем гостей!

Николь хотела что-то ответить Марте, но музыка, звучавшая в соборе в течение получаса, вдруг оборвалась. Должно быть, гости расселись по местам. Все замерли, прислушиваясь к тишине. Регина вытянула из перчатки носовой платок и вытерла вспотевший лоб. Николь дрожала от волнения. Сейчас это должно было свершиться, она выйдет замуж за герцога Клейборо. О Боже!

— Возьми. — Регина сунула ей в руку платок. Николь взяла его, и глаза ее вдруг наполнились слезами. Она не могла понять, почему плачет.

Регина посмотрела на Николь и Марту.

— Где отец? — с тревогой спросила она.

Может быть, что-нибудь случилось, подумала в отчаянии Николь. Может быть, произошло какое-то несчастье и свадьба не состоится.

В комнату вошел отец.

— Ты готова? — спросил он дочь.

Взглянув на Регину и Марту, он сказал:

— Вам лучше пройти в зал и занять свои места.

Марта схватила Николь за руку и поцеловала ее в щеку. Регина, поколебавшись, тоже поцеловала сестру. Когда они остались одни, Николь неуверенно приподнялась. Отношения с отцом из-за свадьбы были тоже испорчены. Она не могла смотреть на него без чувства, что ее предали, что счастье утрачено. Николас оглядел ее.

— Ты такая красивая, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я так горжусь тобой!

Чем же он гордится? Ведь Николь вела себя не так, как надо. Она оскандалилась с первым же выходом в свет, она и сейчас выходит замуж только потому, что была обесчещена, а с ним она поссорилась из-за того, что он дал согласие на эту свадьбу.

— Папа…

— Я тебя очень люблю, Николь. Поверь мне, я долго и мучительно думал, правильно ли я поступаю, принимая предложение герцога. Я убежден, что поступил правильно. Прости меня, пожалуйста, но я сделал то, что посчитал самым лучшим для тебя.

Она не могла ему перечить здесь, в церкви, в день свадьбы. Ей захотелось опять быть его любимой дочерью, хотя боль, которую он ей причинил, еще не ушла. Ей было необходимо спросить его, как он мог с ней так поступить, сказать ему, что она простила его, что любит его. Она увидела надежду в глазах отца, сделала шаг к нему, открыла рот — но не смогла произнести ни слова.

Зазвучал свадебный марш. Они посмотрели друг на друга долгим взглядом. Николас торжественно подал ей руку, она молча приняла ее.

Тысяча гостей ждали.

mir-knigi.org

Ждал и герцог Клейборо.

ГЛАВА 27

Герцог Клейборо с трудом сдерживал злость, и пока никто из гостей этого не замечал. Но если его невеста, как и раньше, будет демонстрировать свое нерасположение к нему, то вполне может случиться, что он забудет о внешних приличиях, о том хорошем, что он сделал на благо своей будущей семьи за последнюю неделю, и при всех задушит ее.

Церемония, проходившая в церкви Святого Мартина, была прекрасна. Величественный собор без труда вместил более тысячи гостей, пришедших на свадьбу. Николь выглядела восхитительно, ее серебристый свадебный наряд был очень красив. Прозрачная вуаль не могла скрыть злое выражение лица невесты, тем более что Николь не сделала ни малейших попыток выглядеть счастливой, скорее наоборот.

Увидев Николь, идущую под руку с отцом по широкому проходу в центральном нефе церкви, Хэдриан на какое-то мгновение был ошеломлен. Неистовые, доселе неизвестные ему чувства переполнили его, он понял, что действительно влюблен.

Но это состояние сразу же исчезло, как только он рассмотрел ее лицо. Ошибиться в том, что чувствовала она, было невозможно. Николь осмелилась унизить и его и себя перед всеми гостями.

Она шла с высоко поднятой головой, стараясь не смотреть на него. Губы сжаты в прямую, упрямую линию. Не взглянула на него, даже стоя у алтаря. Когда подошла ее очередь произносить слова клятвы, она молчала. Хэдриан взял ее за руку и больно сдавил, напомнив тем самым, что он может силой подчинить ее своей воле. Наконец, к его немалому облегчению, она заговорила.

Теперь они муж и жена.

На свадебном приеме, который проходил в доме на Кэвендиш-сквер, ни один гость не сомневался, что невеста вышла за герцога по принуждению.

Лицо герцога превратилось в холодную, непреклонную маску. С него достаточно! Ему было безразлично, что на собственной свадьбе они пробыли не более часа. Николь не ела, не пила и даже не разговаривала. Чем дольше он находился рядом со своей невестой, сидевшей с каменным выражением лица, тем больший взрыв неистовой ярости вызревал в нем.

— Мы уходим, — сказал он внезапно.

— Сейчас?

— Сейчас. Сию минуту.

Он поднялся, взял ее за руку и потянул за собой.

— Тогда дайте мне переодеться.

— Откуда такое внимание к приличиям? Несколько поздновато, не так ли, мадам Супруга? Она разозлилась и вырвала руку:

— А разрезание свадебного торта?

— Мне наплевать.

— Ну, это бросается в глаза, — сказала она, глядя на него со злостью.

— Я не понимаю вашего двусмысленного поведения. Почему вы хотите остаться? Совершенно очевидно, что вам все не нравится.

— Потому что находиться здесь гораздо лучше, чем уходить с вами.

Он невесело рассмеялся:

— Ну вот мы и добрались до истины. Вы боитесь остаться со мной наедине и выдать себя?

— Вовсе я не боюсь, — сказала она сквозь зубы. — Я стараюсь отсрочить то, что будет мне чрезвычайно неприятно — наше будущее.

— Если вы и дальше будете раздражать меня подобным образом, то оно покажется вам еще более неприятным.

Николь очень удивилась:

— Вы что, угрожаете мне?

— Понимайте как угодно.

Он опять схватил ее за руку и потащил вон из зала, пробираясь между многочисленными гостями. Она попыталась вырваться, но он остановился и, едва сдерживаясь, сказал:

— Может быть, хватит сцен на сегодня! Или вам очень хочется еще?

— Это вы разыгрываете спектакль, — прошипела она, но вырываться перестала.

Хэдриан ничего не ответил. Они попрощались с родителями и направились к выходу. На пути их останавливали друзья и знакомые, чтобы поздравить и пожелать им счастья. Кое-кто из них не мог скрыть недоумения по поводу мрачного вида жениха и враждебности невесты. Герцог буквально швырнул ее в карету, как только они выбрались из дома.

Николь забралась в дальний угол кареты. Хэдриан сел на сиденье напротив, по возможности не обращая на нее внимания, хотя ему очень хотелось задушить ее. Он дал знак кучеру трогать.

Оба молчали. Хэдриан негодовал. Он так старался остановить сплетни о них, тратил свое драгоценное время на посещение бестолковых балов и вечеров, очаровывал глупых и скучных дам и льстил их мужьям. Не удивительно, если теперь все будут считать его отъявленным дураком: жениться на той, которая тебя открыто презирает! За несколько часов Николь умудрилась испортить все, чего он добился — исключительно ради нее — за две недели.

— Надеюсь, вы довольны собой?

— Чем это мне быть довольной в такой день?

Как ни сердился герцог, он не мог не заметить, как хороша его жена, как прекрасны ее черные распущенные волосы. Чтобы расслабиться, он вытянул свои длинные ноги.

— Я советую вам изменить свое отношение ко мне. Теперь вы моя жена и останетесь ею, пока я не умру. Может быть, вы испытываете удовольствие от скандалов, которые сами и устраиваете?

Она вспыхнула:

— Вы же знаете, что нет.

— Напротив, мне кажется, что вы были в восторге от сцен, которые сегодня разыгрывали одну за другой.

Он действительно не сомневался в том, что она испытывала наслаждение от того, что унижала его. От этой мысли вновь накатила волна ярости, но он старательно сдержался.

— Вы принудили меня пойти с вами под венец. И вы рассчитывали, что я буду покорна вам, склоню голову и подчинюсь? Если это так, то вы жестоко ошиблись.

— Только в одном вы мне подчиняетесь, мадам. — Его взгляд просверлил ее. — И, пожалуй, этим-то я и буду держать вас ради нашего общего блага.

Николь вспыхнула от намека на ее несчастный страстный темперамент и изумилась.

— Надеюсь, вы шутите? — пробормотала она невесело.

— Идея очень привлекательная.

Они пристально смотрели друг на друга. Николь показалось, что карета слишком мала, Хэдриан находился так близко, что ей стало неспокойно. Такое же беспокойство она ощутила, стоя рядом с ним у алтаря. Его близость всегда волновала ее. Она ничего не могла с собой поделать, все ее мысли крутились вокруг брачной ночи — ее брачной ночи.

Трудно поверить, но она — его жена. Когда-то она жаждала этого всей душой, но с тех пор прошла, казалось, долгая жизнь.

А сейчас он надеется, что она смирится со своим положением и его ухаживаниями. Он не смог заставить ее добровольно выйти за него и теперь не должен рассчитывать, что она будет покорной, как ребенок. Он должен понять, что силой ее не подчинит. И если он думает, что сегодня она примет его с распростертыми объятиями, то он просто сумасшедший.

А как же быть с остальными ночами после этой? Даже если сегодня ей удастся прогнать его, а дальше что, как долго она сможет отказывать ему?

Она убедилась, что ее упорство бесполезно и что дело ее проиграно. Мысли о разводе она даже не рассматривала.

Ее сердце забилось учащенно, его намерения были очень прозрачны.

Николь было чрезвычайно жаль того, что она не может забыть его объятия, его поцелуи и ласки и те ощущения, которые они вызвали в ней… Как жаль, что у нее такая отличная память.

Николь отвернулась от него и стала смотреть в окно. Зимний прохладный вечер наступал стремительно, и несмотря на то что ее накидка из серебристой лисы была распахнута, ей не было холодно. Но вдруг какой-то необъяснимый страх вселился в нее, страх, что ее поймали в ловушку и посадили в клетку. Она запахнула накидку, пытаясь успокоиться.

mir-knigi.org

Хэдриан прервал молчание:

— Я ничего не решал относительно медового месяца.

— Хорошо.

Он продолжал вполне спокойно:

— У меня неотложные дела в Клейборо и других имениях, где просто необходимо мое присутствие. Я закончу их через три недели. После этого мы можем отправиться в путешествие — если вы пожелаете.

Наконец она повернула к нему голову. Страх еще стоял в ее глазах.

— Я ничего не хочу. Я не хочу никуда ехать с вами. Я не хочу быть вашей женой. — Голос у нее сорвался. — Не хочу!

— Ну вот опять. Ваши чувства уже не откровение для меня. Вообще, я уже устал слушать одно и то же. Пожалуйста, впредь держите при себе свое неудовольствие нашим браком.

Николь опять отвернулась от него, чтобы он не заметил ее полные слез глаза.

— Мне не нужен медовый месяц со строптивой женой.

Эта фраза не должна была ее обидеть, ведь медовый месяц является праздником только для любящих. У него не было сомнений в том, что, женись он на Элизабет, они бы прекрасно провели вдвоем несколько недель на континенте. Николь стало обидно. Она глубже закуталась в накидку, пытаясь хоть как-то отгородиться от мужа.

В Клейборо-Холл они приехали через пять часов. Наступила ночь, на небе не было ни звезд, ни луны. В этой темноте она не могла рассмотреть дворец, который, как она слышала, по своему великолепию мог поспорить с королевским. Хэдриан протянул ей руку, помогая выйти из кареты. Она вынуждена была опереться, но, едва почувствовав под ногами землю, отпрянула от мужа. Герцог издал какой-то угрожающий хрип.

Их встречало столько слуг, выстроившихся в вестибюле, что Николь почувствовала нервный озноб. Около ста человек ждали ее — свою новую хозяйку. Она поправила накидку на плечах. Это было единственное действие, на которое она оказалась способна. До ее сознания дошло, что Хэдриан что-то говорит людям:

— Сейчас поздно. Завтра вы сможете познакомиться с герцогиней ближе. Теперь же возвращайтесь к своим делам.

Все разошлись.

«Герцогиня. Вы сможете познакомиться с герцогиней завтра». Николь еще не осознала толком, что она герцогиня Клейборо. Она не сдвинулась с места. Удивительно и страшно.

— Это экономка, миссис Вейг. Она сейчас проводит вас в ваши комнаты.

Николь кивнула женщине со строгим лицом, стоявшей молча у лестницы. Затем Хэдриан попросил ее оставить их на некоторое время, и миссис Вейг моментально исчезла.

Николь обратила внимание на то, что вестибюль, в котором они стояли, больше бальных залов в некоторых домах. Потолок необычайно высок, полы выложены зеленым с золотом мрамором. Огромные белые колонны возносились до потолка, а с их капителей улыбались лепные амуры.

Это дом Хэдриана?

Это ее дом?

— Я повожу вас по дому завтра, — сказал он.

Она взглянула на него.

— Поскольку сейчас уже поздно, мы поужинаем в наших комнатах.

Николь продолжала смотреть на него, стараясь привыкнуть к мысли, что она теперь герцогиня Клейборо, одна из первых дам королевства.

— Я буду у вас через полчаса. Вам хватит этого времени?

Вдруг ей пришло в голову, что он внимательно смотрит на нее и пытается прочесть ее мысли. Не успела она сказать, чтобы он не беспокоил себя посещением ее этой ночью, как он позвал экономку, тут же появившуюся, а сам, не говоря ни слова, ушел.

Эта встреча в доме, предстоящая первая брачная ночь, ее нежелание хоть в чем-то уступить Хэдриану — все это нагромождение мыслей и впечатлений потрясло Николь. Она с трудом заставила себя обратиться к экономке:

— Да, пожалуйста.

Лицо миссис Вейг смягчилось и подобрело.

— Сюда, пожалуйста. Все ваши вещи внесены с заднего входа.

Николь последовала за миссис Вейг. У нее было какое-то паническое предчувствие, что она не справится с этим домом. И это только один из многих, которыми владеет Хэдриан. Как же она будет присматривать за таким количеством людей? Боже, она даже не знает, с чего начать! Николь вдруг пожалела, что ее образование было очень поверхностным и односторонним, что она не хотела утомлять себя изучением науки управления хозяйством, домами.

Николь окинула взглядом многочисленные лестничные пролеты. Рука коснулась полированных перил из тикового дерева. Красная с золотом дорожка покрывала ступени. Огромные картины — пейзажи и портреты — висели на стенах вдоль лестницы.

Они не остановились на второй лестничной площадке, а продолжали подниматься вверх.

— Здесь много комнат, но покои его светлости и ваши — на третьем этаже, — объяснила миссис Вейг.

Слова экономки вернули Николь к действительности, к тому, что ей сегодня предстоит испытать. Через полчаса Хэдриан будет у дверей ее комнаты. Желудок отозвался спазмами, пульс участился. Если бы только она была уверена, что сможет обуздать свою страсть к нему. Но такой уверенности у нее не было: несмотря па всю злость к нему, на все события дня и стычки между ними, она не могла не признать, что он самый прекрасный мужчина, которого ей когда-либо доводилось видеть.

Но она умрет от досады, если этой ночью он добьется своего.

Наконец Николь вошла в свою спальню через огромную гостиную, декорированную бело-розовой тюлевой тканью. Слева был кабинет со стенами, оклеенными обоями в полоску вишневого цвета. Были также два просторных кабинета и гардеробная. Основным цветовым тоном был розовый с белым. Даже пол в ванной был выложен из мрамора бледно-розового оттенка. Николь вдруг поразила мысль, что эту цветовую гамму выбирала Элизабет и что интерьер этих комнат будет постоянно напоминать ей об умершей девушке, которую так любил и по которой так горевал Хэдриан. Хэдриан, который стал ее мужем.

Ей мгновенно разонравились бело-розовые тона.

Пять горничных, включая ее Ани, распаковывали чемоданы. Это были не все ее вещи, остальные придут только через неделю.

Нечто большее, чем тревожное предчувствие, беспокоило Николь: ей было отчаянно грустно.

— Спасибо, — сказала она девушкам и экономке, — все хорошо, а остальное я доделаю сама. — Ей очень хотелось остаться одной.

Служанки с удивлением посмотрели на молодую госпожу. Только Ани с приоткрытым от восторга ртом продолжала рассматривать одежды хозяйки.

Экономка вежливым тоном сказала ей:

— У нас много прислуги, ваша светлость. Если вам что-нибудь понадобится, потяните просто за шнурок звонка.

Николь кивнула. Миссис Вейг отпустила всех, оставив одну Ани.

— Не желаете ли вы еще чего-нибудь?

— Только ванну.

— Она наполнена. Доброй вам ночи!

Николь настолько растерялась, что совершенно не знала, что ей делать. Она опустилась на огромную кровать, покрытую бархатным покрывалом бледно-розового цвета и отгороженную занавесом. Похоже, что этой кровати было несколько сотен лет. На покрывале лежала прозрачная ночная рубашка невесты. Скоро придет Хэдриан заявлять о своих правах мужа!

— Вам плохо, мэм? — участливо спросила Ани. Затем, покраснев, исправилась: — Я хотела сказать, ваше сиятельство.

— О, пожалуйста, Ани, не нужно этих формальностей.

Николь встала с кровати, подошла к окну и отдернула тяжелые белые драпировки. Но за окном ничего не было видно. Ночь была темная и туманная. Только несколько ламп освещали полукруглую подъездную площадку, выложенную гравием.

— Ани, я хочу побыть одна.

Ее все еще била дрожь, сейчас даже больше, чем раньше. Необходимо было быстро принять какое-то решение.

mir-knigi.org

Ани поспешила к ближайшей двери. Открыв ее, она оказалась в гостиной. Покраснев, она нашла дверь и коридор и тихо закрыла ее за собой.

Николь стояла и смотрела на бело-розовую постель, на легкую как дымка ночную рубашку, которую специально изготовили такой, чтобы зажечь чувственные желания мужа.

Она вспомнила его поцелуи, прикосновения.

Озноб усилился. Николь внезапно почувствовала крайнюю усталость. Она села в красное кресло и попыталась сосредоточиться, чтобы найти решение, но мысли путались. Одно она твердо знала: она не позволит Хэдриану подавить ее волю. А потом она подумает о будущем, о том, как относиться к их совместной жизни и к нему.

Она еще не знала, осмелится ли она сегодня закрыть дверь и не пустить Хэдриана в свою спальню. Приняв решение, она подошла к двери. Было слышно, как громко стучат старинные часы на стене справа от нее. Она уже не думала, сколько времени осталось до того момента, когда появится Хэдриан. То, что он разъярится, найдя ее дверь запертой, было очевидно, но ей казалось разумней не пустить его и дать завтра по этому поводу объяснения, чем выдержать еще один скандал сегодня. Она заперла на ключ обе двери: ту, которая ведет в гостиную, и ту, которая ведет в коридор. Она встала посреди спальни, сомнение охватило ее: так начинать совместную жизнь нельзя. Решительность покинула ее, и тут раздался стук в дверь.

Николь замерла. Неужели он? Дай Бог, чтобы это была служанка…

— Да? — спросила она срывающимся от волнения голосом.

— Это я, — сказал Хэдриан.

Николь колебалась. Ей не хотелось спорить через закрытую дверь. Но если она его впустит… Нет. Легче оставить его за дверью, гораздо легче.

— Николь? — позвал он. В голосе прозвучало нетерпение. — Вы готовы?

— Нет! — выпалила она. — Не готова!

Короткое молчание. Она напрягла слух, пытаясь услышать, что он там делает, но ничего не было слышно. Он опять подергал ручку двери:

— Вы опять намерены получить отсрочку? Это же неразумно.

Она представила себе его изумление: оказаться перед закрытой дверью в собственном доме. Она была в полной растерянности.

— Хэдриан, я очень устала. Я думаю…

— Я начинаю понимать, — сказал он тихим и нежным голосом.

Услышав такое, она обмерла.

— Откройте дверь, мадам.

Все-таки она допустила большую ошибку.

— Хэдриан, — крикнула она, уже сожалея, что закрыла двери своей спальни и что все

получилось так глупо, — я очень устала, поговорим завтра.

Ответа не последовало. Часы отсчитывали свои секунды. Она вдруг изумилась, поняв, что он ушел. Ее уловка сработала!

Сотрясаясь всем телом, она повалилась на маленький плюшевый диван перед камином. У нее было такое ощущение, что она только что избежала мучительного объяснения, а может быть, спасла себе жизнь. Она стала успокаиваться, сердце билось ритмичнее. Неожиданно Николь засмеялась. Но смех был какой-то нервный, и она зажала рот рукой, боясь, что это начало истерики. Боже! Она прогнала его! И это оказалось так просто!

Вдруг ее внимание привлек щелчок дверного замка. Дверь отворилась, и в проеме появилась мощная фигура ее мужа, в руке он держал ключ.

Впервые в жизни Николь чуть не упала в обморок.

— Никогда впредь не запирайтесь от меня, — сказал он слишком спокойным тоном.

ГЛАВА 28

Николь стояла перед ним не шелохнувшись. Ее сердце колотилось в безумном ритме. До нее докатывались исходившие от Хэдриана волны гнева. На нем был халат, из-под которого виднелись голые ноги. Николь поняла, что халат надет на голое тело, и в испуге попятилась. Он был в ярости.

— Вы поняли меня? — выдавил он из себя. На его виске пульсировала жилка, глаза потемнели, руки, сжатые в кулаки, прижаты к телу. Ключ он сунул в карман халата.

— Вы не имеете права, — сказала она почти шепотом, теряя остатки храбрости.

— У меня есть все права. А если вы хотите начать нашу жизнь с такой ноты, что ж, пусть так и будет.

Он оглядел ее тяжелым взглядом.

— Вы очень безрассудная женщина, мадам.

У нее в голове сложилось сто ответов и возражений.

— Вас предупреждали — это вы безрассудны. Взяли меня в жены, когда я вам ясно дала понять, что не хочу этого, и отказала.

Его глаза расширились. Установилась пугающая тишина.

Николь уже жалела о том, что сказала.

Хэдриан молча смотрел на свою перепуганную и все еще враждебную жену, едва удерживая себя от срыва. Будь он человеком попроще, то положил бы ее на колено и всыпал бы ей хорошенько. Но он себе этого позволить не мог.

До него наконец дошло, каким унижениям она его подвергла. Сначала унизила его перед всем обществом: легко представить, какие разговоры ходят по Лондону о несчастном герцоге, без ума влюбленном в женщину, которая терпеть его не может. Но это еще не все. Она умудрилась осрамить его в родовом поместье Клейборо: ему пришлось идти к миссис Вейг и просить ключи

mir-knigi.org

от спальни своей молодой жены! Он не сомневался, что его многочисленные слуги обсуждают вопрос, почему молодая жена не пустила к себе своего мужа в первую брачную ночь. Кровь бросилась ему в голову. Сплетни появятся даже в его собственном доме! Пора кончать с этим безобразием раз и навсегда.

— Вы достаточно ясно высказались уже тогда, когда я пришел делать вам предложение. И хватит об этом. Разве не ясно я вам сказал, чтобы свое негодование по этому поводу вы держали при себе?

— И вы думаете, оно исчезнет?

Ему действительно все это уже надоело. Напрягая всю свою волю и сохраняя внешнее спокойствие, он запер дверь изнутри.

— У вас есть только одна минута, чтобы снять свое свадебное платье, мадам. Если вы этого не сделаете, то я сниму его сам.

— Вы будете меня насиловать?

Он холодно посмотрел на нее:

— У меня нет ни малейшей необходимости насиловать вас. Или напомнить вам об определенной черте вашего темперамента? Я предлагаю начать с пуговиц. У вас сорок пять секунд.

Она выпрямилась. Ее полная грудь колебалась в такт дыханию.

— Не буду, Хэдриан. Не буду спать с вами сегодня.

— У вас нет выбора.

— Как глупо с моей стороны предположить обратное, ваше сиятельство! Как глупо с моей стороны не суметь понять, что такой всемогущий лорд даже не подумает дать женщине, его жене, право выбора! Вы не дали мне право выбора, когда решался вопрос о моем замужестве, с какой же стати вы дадите это право мне сейчас? — Ее глаза горели злым огнем, в них стояли слезы.

Таким доводам можно было и уступить, но он решил не уступать.

— Тридцать секунд, мадам.

Николь готова была выть от бессилия. Резким движением она перебросила волосы через плечо, рванула платье так, что пуговицы, пришитые сзади, искрами разлетелись в стороны. Ни одна женщина не сможет расстегнуть платье, застегнутое на спине, сама. Но ярость пробудила в Николь нечеловеческую силу. Он наблюдал, как она разорвала прекрасную ткань, и оставшиеся пуговицы жемчужинами покатились по полу.

Хэдриан молчал. Он не двигался. Во время этой сцены он меньше всего думал о своем вожделении. Он пошел на все это из-за того, что между ними шла борьба за власть. Он был полон решимости сделать Николь своей женой в полном смысле этого слова и покончить с ее нелепым сопротивлением раз и навсегда. Неожиданно он почувствовал, как его тело реагирует на женщину, снимающую с себя платье. Это была картина, которую он вряд ли забудет.

mir-knigi.org

Николь стянула свое разорванное платье с бедер и стала спускать его по стройным и очень длинным ногам. Затем ногой отбросила платье подальше от себя. Тяжело дыша, она посмотрела прямо ему в глаза. Герцог спокойно наблюдал за ней. Она раздевалась медленно, снимая одну за другой свои многочисленные нижние юбки, и отбрасывая их в сторону ногами, обутыми в изящнейшие серебряные туфельки на высоком каблуке. Вскоре вся комната была покрыта ее легкой одеждой из шелка и шифона. Решительным и спокойным движением она сорвала с себя кружевной корсет, вылезла из него и запустила им в герцога. Лишь благодаря хорошей реакции он поймал его. Они стояли, глядя друг на друга. Николь все еще была в бешенстве и тяжело дышала.

— Вы закончили? — спросил спокойно Хэдриан.

— А вы довольны?

Хэдриан решил не отвечать. Молчание затянулось. Николь стала успокаиваться. Хэдриан видел, как к ней возвращается благоразумие, как ее дыхание становится ровнее и медленней, а обнаженная грудь едва вздымается. Он видел, что к ней приходит осознание реальности.

Он протянул ей руку и тихо позвал:

— Иди сюда.

Николь подняла на него глаза, и он увидел, что они блестят от слез. Она отвернулась от него, обняв себя руками и дрожа от холода и волнения. Он тихо подошел сзади.

— Не так все должно быть.

— Разве?

Он обнял ее за обнаженные плечи. Кожа у нее была гладкая, шелковая, теплая.

— Нет, не так.

Он наклонился к ней, прижав ее спину к своей груди, и Николь затрепетала от соприкосновения с его телом. Хэдриан прикоснулся губами к изгибу ее шеи, а его член напрягся, уткнувшись в ее ягодицы.

— О Боже! Нет! — застонала она.

Он ничего не ответил, а обхватил ее грудь, отодвинув ее руки в стороны, и сильно сжал, продолжая целовать в шею.

Николь вздохнула, и вздох ее напоминал рыдание, было понятно, что она сдается. Хэдриан почувствовал это сразу же. Он повернул ее к себе лицом, взял на руки и понес в постель. Как и прежде, он лег на нее сверху, и их глаза встретились. В глазах Николь уже горела искорка желания. Он поцелуем стер остатки слез, голова Николь запрокинулась на кучу роскошных шелковых и бархатных подушек, тело изогнулось дугой, подаваясь ему навстречу.

— Хэдриан, — прошептала она, обвивая руками его голову.

Наконец-то его страсть нашла свой выход. Он сжал ее в железных объятиях, губы сомкнулись с губами в настойчивом жадном поцелуе. Николь открылась ему полностью. Их языки устремились навстречу друг другу, ее ноги обняли его у пояса, руки Хэдриана ласкали ее тело,

mir-knigi.org

продвигаясь к влажному и ждущему его месту — средоточию ее женственности. Она отозвалась ему частыми быстрыми движениями бедер — и он на время обезумел. Он поднял ее ноги повыше и спрятал лицо в ее горячем женском месте. Никогда ни с кем он такого не делал. Она задыхалась, а он целовал ее между ног, проник языком вовнутрь и между складок ее очаровательной плоти.

Оргазм пришел внезапно, и он лицом ощутил каждый его толчок. Он продолжал ласкать ее губами и языком, и Николь, задыхаясь, произнесла его имя и испытала второй оргазм. Хэдриан поднялся и лег на нее. Мускулы рук, плеч, груди набухли и напряглись. Он взял руками ее лицо.

— Посмотри на меня!

Она открыла глаза. Они были темными, горячими от желания и все еще влажными от слез. Их души встретились. Хэдриан вошел в нее.

Тела их неистово вздымались и опускались на бархатном покрывале. Большая часть подушек оказалась на полу, прикроватные колонны трехсотлетней давности стонали, а бахрома на драпировке бешено подпрыгивала.

И вдруг слившийся воедино крик мужчины и женщины раздался в ночи.

Николь старалась не плакать. Но несколько слезинок все-таки скатилось по щекам. Она не знала, что это за слезы, отчаяния или радости. А может быть, это были слезы эмоционального истощения?

Она повернулась лицом к мужу. К своему мужу. Сердце забилось чаще. Она лежала голая на кровати поверх бархатного покрывала. Он поправлял огонь и камине, был тоже обнажен и стоял к ней спиной. Очарованная, она оперлась на локти и открыто любовалась им.

Он был великолепен. Николь не смогла сдержать вздоха восхищения, разглядывая его. Вдруг он выпрямился и повернулся к ней. Их взгляды встретились.

Он понял, что она его рассматривала, и ей стало стыдно.

— Я заслужил твое одобрение? — спокойно спросил он.

Николь посмотрела ему в глаза. Огонь камина освещал его. Может быть, это была иллюзия, но ей показалось, что его глаза светятся добротой. Невольно она опять охватила взглядом всю его фигуру — волосатую грудь, стройные ноги, его тяжелый большой член — и произнесла на выдохе:

— Да.

Он подошел, сел на кровать рядом с ней и, запустив руку в ее густые, волнистые волосы, стал их гладить.

Опять, уже во второй раз в жизни, она была близка к обмороку, теперь уже от удовольствия.

Николь проснулась, удовлетворенно потянулась и посмотрела на подушку рядом, но Хэдриана уже не было.

mir-knigi.org

Николь села. Она чувствовала себя великолепно, хотя после бурной ночи — муж дал ей заснуть только под утро — все тело ужасно болело. Она сидела и улыбалась, улыбалась, улыбалась…

Какая же она была глупая! Теперь-то она поняла. До чего же было глупо сопротивляться и не хотеть выходить замуж за Хэдриана! Не идти замуж за человека, которого она любит до боли в сердце.

Николь медленно поднялась с постели, нашла на полу свой халат и, одев его, подошла к окну. За окном было позднее утро, зима наконец полностью вступила в свои права.

Интересно, где теперь Хэдриан? Как он будет вести себя при встрече с ней?

Она прошла в мраморную ванную комнату, пустила воду и, задумавшись, села на край ванны. Прежде всего, не следует обольщаться. То, что они провели вместе такую прекрасную, страстную ночь, еще не значит, что он ее любит. Как можно забыть, что еще не прошло и месяца после смерти Элизабет? Вероятно, со временем его горе ослабеет, а она, Николь, сможет занять в его сердце прочное место как жена.

Если они смогли провести одну такую страстную ночь, может быть, он еще будет приходить к ней и любить ее?

Но тут она вспомнила, что он женился на ней только из чувства долга, хотя на сей раз это воспоминание не возымело сильного действия, напротив показалось не очень важным.

Не нужно было ей сопротивляться этому браку, не следовало на глазах у всех показывать свое недовольство. А закрываться от мужа в первую брачную ночь и вовсе глупо! Ох! Как же она сейчас ненавидела свою гордыню! Теперь-то ее совсем не осталось, вчера Хэдриан побеспокоился об этом. И она не сожалела об этой утрате.

Кто-то тихо постучал в дверь. Вошли миссис Вейг и Ани. Экономка, державшая поднос с завтраком, выглядела обеспокоенной.

— Ваше сиятельство, я бы никогда не позволила себе потревожить вас, но услышала шум воды в ванной. — Она быстро и с неодобрением посмотрела на Ани.

Николь улыбнулась:

— Я хотела принять ванну.

— У вас есть слуги, которые должны это делать, ваше сиятельство, — заявила миссис Вейг. Она опять обвиняюще и недовольно посмотрела на маленькую служанку Ани.

— Пойди посмотри, такая ли вода в ванной, какую любит ее сиятельство.

— Хорошо, мадам! — Ани мигом исчезла.

Николь забыла о своем новом положении. Она больше не леди Шелтон, а герцогиня Клейборо, а герцогиням, как она догадалась, не полагается самим готовить себе ванну.

— Извините, — сказала она.

Миссис Вейг не услышала или сделала вид, что не слышит извинения, поставила поднос с завтраком на стеклянный столик удивительной красоты, стоявший рядом с камином. В камине потрескивали дрова. Интересно, кто растопил камин? Неужели это сделал Хэдриан? А может

mir-knigi.org

быть, слуги?

— Кто-нибудь приходил сюда растапливать утром камин? — спросила она.

— Нет, ваше сиятельство, — миссис Вейг была крайне удивлена, — я бы никому не позволила побеспокоить вас, если бы не было вашего приказания. Вы желаете, чтобы горничная зажигала камин на рассвете? Она сможет это делать, не разбудив вас.

Николь подумала, что Хэдриан вполне может этой ночью прийти опять, и сказала:

— Нет, нет, не надо. Все отлично. Я очень чутко сплю. Я бы не хотела, чтобы меня беспокоили.

Миссис Вейг кивнула и направилась к кровати.

Николь села в кресло и смотрела невидящим взглядом на чашки, блюдца, булочки и джем. Хэдриан затопил для нее камин — маленький жест, растрогавший ее чуть не до слез.

— Ани! — резко позвала служанку миссис Вейг. — Как только закончишь заниматься в ванной, отнеси простыни в прачечную, а затем постели постель.

Дав это указание, миссис Вейг отошла к окну, а у Николь от удивления глаза полезли на лоб: посреди простыни она увидела темно-красное пятно. Она смотрела и не верила своим глазам.

Николь медленно спускалась по лестнице, совсем не чувствуя себя здесь хозяйкой, тем более герцогиней. Она понятия не имела, куда идет, что будет делать или что нужно делать.

Она — жена Хэдриана, герцогиня Клейборо. Все это так невероятно. Николь улыбалась, вспоминая вчерашнюю ночь, его объятия, теплоту его глаз. А сегодня, сегодня он разжег для нее камин! Вроде бы пустяк, но для нее он полон большого значения.

Она его жена. Это неплохо, совсем неплохо. Очень может быть, что у них все будет хорошо, если она со своей стороны приложит чуть больше усилий. Да, теперь она сделает все, чтобы никогда не повторились ошибки, допущенные в начале их жизни. Теперь она не только согласится быть его женой, она постарается быть ему хорошей женой, постарается угодить ему и… завоевать его любовь.

Если вдруг он дома, ей захотелось появиться перед ним в том виде, какой приличествует герцогине. Николь решила отказаться от своих склонностей и вкусов к одежде, чтобы не сделать неверный шаг. Она захотела стать такой, какой должна быть герцогиня. Сегодня она особенно придирчиво и тщательно занималась своим туалетом. Ей помогала Ани, но маленькая служанка не больше Николь знала, что и как полагается одевать, а Николь понятия не имела, как надо одеваться к утреннему чаю. К счастью, с ними была миссис Вейг.

Самое важное, по мнению Николь, — это выяснить, что одеть. Она не хотела показаться несведущей и поэтому как бы невзначай спросила миссис Вейг, какое платье ей больше нравится. Польщенная экономка выбрала прекрасный ансамбль желто-зеленого цвета: плотно прилегающий в талии и расходящийся от бедра жакет и юбка, искусно собранная сзади. Как и предполагала Николь, эта одежда вполне подходила для герцогини. Она была не в восторге оттого, что такую красоту приходится носить по утрам, но она пойдет и на это.

Николь спустилась на второй этаж, где целая группа прислуги занималась уборкой: они мыли и чистили до блеска стены и окна в коридоре, на лестничной площадке, в изумительно

красивом бальном зале. Двери зала были широко раскрыты, и через дверной проем в глаза бросались блестящий черно-белый мраморный пол, белые колонны и потолок, украшенный фресками. Увидев ее, служанки присели в вежливом поклоне, приветствуя ее почти хором:

— Доброе утро, ваша светлость!

Николь медленно прошла мимо, удивляясь проявлению такого уважения. Еще больше ее волновала возможность неожиданно где-нибудь встретить Хэдриана. От одной этой мысли сердце у нее забилось быстрее.

На первом этаже она задержалась. Как герцогиня проводит время, что она делает? Миссис Вейг сказала ей, что обед будет в час, если это ее устраивает. Николь не возражала. А сейчас лишь половина двенадцатого. Еще ей нужно выбрать меню на ужин, так как миссис Вейг спросила, что она желает есть вечером. Николь могла бы полностью положиться на повара — что приготовит, то она и съест. Но для миссис Вейг было очень важно, чтобы ее светлость заказала ужин, что ж, она и это сделает.

Но надо найти мужа. Интересно, приветствуют ли герцогини своих мужей веселым «Доброе утро»? Она немного нервничала, не зная, что делать. На первом этаже в вестибюле около массивной входной двери стояли двое слуг в ливреях. Николь подошла к ним. Они оба поприветствовали ее точно так же, как это сделали служанки на втором этаже.

— Вы, случайно, не знаете, где Хэдриан? Я хочу сказать, где может быть сейчас его светлость?

Слуги были хорошо обучены: они и глазом не моргнули на допущенную ею ошибку. Старший ответил:

— Он еще не выходил, ваша светлость. Возможно, он в кабинете или Зеленой библиотеке.

— А где эти комнаты?

— Его кабинет в конце зала, десятая дверь налево, а Зеленая библиотека — на третьем этаже, дверь перед его покоями. Здесь на каждом этаже есть библиотека, — объяснил он, заметив на ее лице недоумение.

Николь отправилась в кабинет мужа. Две красивые, отполированные до блеска двери были закрыты. Она очень волновалась, а фантазия разыгрывалась безудержно: ей представлялось, что Хэдриан выйдет из-за своего письменного стола и крепко ее обнимет, как только она войдет в его кабинет, его владение. Боже! Какая же это глупость! Николь постучалась.

Герцог все утро просматривал какие-то счета и деловые бумаги. Работа шла плохо. Обычно по утрам он отправлялся верхом на фермы, объезжая имение. Но сегодня утром, оставив жену одну досматривать сны под бархатным покрывалом, он решил заняться бумагами.

Герцог обычно вставал рано, и сегодняшний день не был исключением, несмотря на бурную ночь. Он не был уверен, спал ли за всю ночь хоть час, однако усталости, как это ни странно, не ощущал. Напротив, он чувствовал, как бодрость наполняет его мышцы. И все это благодаря его жене. Его жене. Все утро он произносил эти слова, проверяя, как они звучат. Он сам удивлялся чувствам удовлетворения и собственности одновременно, которые испытывает. Не думать о ней он не мог. Николь владела всеми его мыслями, и он ничего не мог с этим поделать. Но в конце концов, почему бы нет? Ведь теперь она его жена. Он может думать о ней, сколько ему захочется.

Станет ли она подобрее после невероятной ночи, проведенной вместе? При этой мысли сердце у него радостно шевельнулось. А может быть, она проснулась прежней гордячкой? Станут ли они впредь бороться за класть или между ними наступит мир?

Когда раздался легкий стук в дверь, он вскочил, нечаянно задев на столе бумаги, которые разлетелись по полу. Он наклонился, чтобы быстрее поднять их, зная, что за дверью стоит Николь — причина его неуклюжести. Решив разобрать бумаги позже, он свалил их в беспорядке на столе. Быстро пройдя через кабинет, он открыл дверь.

У Николь пошел румянец по щекам, когда их взгляды встретились. С минуту они молчали, оценивая настроение друг друга.

— Доброе утро, — произнесла Николь.

— Доброе утро, — ответил вежливо Хэдриан. Голос выдал его чувства. Эти чувства он и сам не хотел анализировать, но они были окрашены во все цвета радуги, были ярки и ясны.

Потом он вдруг обратил внимание, что держит ее в дверях. Он сделал шаг в сторону и произнес:

— Пожалуйста, входите.

— Спасибо.

Он закрыл за ней дверь, заметив, что она великолепна в своем зеленом с желтым костюме. Яркий желтый цвет ей удивительно шел. «Топазы, вот что сюда напрашивается, — подумал он. — Куплю ей топазы».

Николь прошла на середину комнаты. Он наблюдал за ней. Она повернулась к нему, улыбаясь осторожно, неуверенно. Он улыбнулся ей в ответ, поняв, что никто из них не таит злобу. Он заметил также, что она теперь совсем не похожа на вздорную, дерзкую девчонку. Сегодня она старалась быть сдержанной и вежливой, он, кстати, тоже — что уже само по себе было объявлением перемирия.

— Вы хорошо спали? — начал он разговор, прервав затянувшуюся паузу. С ней было трудно разговаривать, не ощущая физическую близость. На какое-то мгновение у него даже возникло желание повалить ее на диван. Интересно, как бы она к этому отнеслась?

— Да. Нет. Не особенно. — Что-то похожее на смешок вырвалось при этом из ее горла.

На этот раз и он искренне улыбнулся. Их взгляды встретились. Николь первая отвела глаза в сторону и разволновалась.

— Я пришла поздороваться.

— Я рад.

У нее закружилась голова — она посмотрела на него удивленно. Он почувствовал, что краснеет, и отвернулся. А если она догадается, что ему хотелось бы, чтобы она была очень послушной, более чем послушной?

— Вы хотели бы познакомиться с прислугой?

— О да, — сказала она с готовностью.

Хэдриан открыл дверь и предложил ей пройти вперед.

— После официального представления, — сказал он, остро ощущая чувственное напряжение между ними, — я должен буду уехать: необходимо позаботиться о делах, которые я так надолго забросил.

— О!

Может быть, она огорчена? Но не настолько же он глуп, чтобы надеяться на это.

— Миссис Вейг подаст ленч в час. Вы можете изменить время по своему усмотрению.

— Нет. Час дня меня устраивает.

Трудно было идти с ней рядом и не наброситься на нее. В этом смысле вчерашняя ночь все усугубила. Он понимал, что поступил бы как последний эгоист, заявив сейчас о своих правах и потащив ее наверх. Вероятно, сегодня ей трудно ублажать своего неуемного мужа, но тем не менее он не мог выкинуть эту мысль из головы.

Представление заняло один час. Весь штат прислуги, обслуживавшей внутренние покои дома, составлял сто десять человек. К этому следовало бы еще добавить садовников, лесников, егерей, управляющего парком, конюхов и кучеров, псарей, дрессировщиков, каретников, эскорт, каменщиков и плотников. Герцог пояснил, что два каменщика и четыре плотника необходимы, так как все время нужно что-то поправлять и ремонтировать в таком старом доме.

Затем он проводил ее в дом, если так можно нажать этот дворец. Миссис Вейг и Вудворд встретили герцогиню у дверей.

— Желаю вам приятно отобедать, мадам. К сожалению, я не смогу к вам присоединиться. — Он сказал это официальным тоном, но сожаление прозвучало искренне.

— Я понимаю, — сказала Николь, опустив голову. — Когда вы вернетесь… э… мой господин?

Он удивленно вскинул бровь и улыбнулся тому, с какой осторожностью она выбирала форму обращения к нему. Это была обычная, правильная форма обращения. Да, сегодня утром она была образцом благопристойности. Неужели его жена решалась на большее, чем просто перемирие? Неужели она изменилась в душе? Не преждевременно ли радоваться перспективе счастливой семейной жизни?

— Я намерен вернуться к восемнадцати тридцати. Если вы не возражаете, мы могли бы встретиться в Красной гостиной и выпить шерри перед ужином в девятнадцать тридцать. Ужин в двадцать часов. Конечно, если все это вас устраивает.

— Да. Прекрасно, — сказала Николь, немного смутившись.

— Вы можете менять здесь все, что вам захочется, Николь, — сказал тихонько герцог, чтобы только она могла его услышать, Он давал понять, что ей предоставляется в его поместье полная власть наравне с ним.

А может быть, ему просто хотелось сделать ей приятное?

— Вам стоит только сказать мне, миссис Вейг или Вудворду, что бы вы хотели сделать.

Николь кивнула, глядя на него широко открытыми глазами.

Хэдриан не решался сразу уйти. Неожиданно ему захотелось поцеловать ее на прощание. Но это должен быть не вежливый клевок в щеку, а поцелуй настоящей страсти. С большим трудом он отказался от этого намерения.

Он жалел об этом весь день.

ГЛАВА 29

Очень скоро жизнь пошла своим чередом.

Николь просыпалась, когда Хэдриана уже не было — он занимался делами. Николь не видела его весь день, и встречались они на короткое время вечером в библиотеке на первом этаже. Она узнала, что он уезжает в свои имения после восхода солнца, а возвращается домой в полдень. Однако Николь считала, что не стоит его отвлекать, когда он находится в своем святилище, хотя иногда у нее возникало большое желание прийти к нему в кабинет.

Итак, в распоряжении Николь был почти весь день. После расслабляющей ванны — спешить все равно было некуда — Николь одевалась в присутствии миссис Вейг и под ее руководством, о котором она даже не догадывалась. Затем из своих апартаментов она спускалась к повару, чтобы обсудить с ним меню на день. Казалось, что это для всех имело чрезвычайно большое значение. После этого ей делать было нечего. Миссис Вейг и Вудворд со всеми работами по дому справлялись очень хорошо, поэтому Николь считала неразумным вмешиваться в их дела. Другим очень важным для нее занятием была подготовка платья к ужину. Правда, все ее хлопоты сводились только к выбору; в порядок его приводили, разумеется, слуги.

Она еще совсем недолго жила в этом доме, поэтому скучать ей не приходилось. Семиэтажный дом был огромен. Начав его исследовать в первый же день, Николь была далека до завершения знакомства со всеми его апартаментами.

Она как-то подумала, чтобы внимательно исследовать весь дом, ей не хватит жизни.

Еще она подумала, что было бы хорошо вместе с Хэдрианом верхом объезжать фермы, смотреть за сельскохозяйственными работами, побывать на скотоводческих фермах.

Эти мысли она отбрасывала сразу же. Ей и спрашивать ни у кого не нужно было, она сама знала, что герцогини не занимаются управлением своих имений. Возможно, что они и дома свои целый день не осматривают. Николь никак не могла догадаться, что же они все-таки делают.

В час дня она обедала одна. В первый день ей накрыли стол в большой столовой для официальных встреч и приемов. Ей там совсем не понравилось, было очень неуютно. Она одна сидела во главе стола, и несколько служанок под руководством Вудворда пода-пали ей обед из семи блюд. Вудворд улавливал каждое ее желание, чтобы сразу же его удовлетворить. Николь никогда много не ела, и у нее не было изощренного вкуса — к пище она была равнодушна. Больше в этой столовой она обедать не стала и попросила накрывать себе в музыкальной комнате.

После обеда она каталась верхом. Старший конюх был грубоватый низкорослый ирландец по имени Вильям О'Генри. Сначала он настаивал на том, чтобы в ее прогулках участвовало сопровождение из шести слуг в ливреях. От такой перспективы Николь пришла в ужас. А поскольку ее муж совершенно определенно разрешил ей все делать по своему усмотрению, то она настаивала, что будет ездить одна. О'Генри на это не соглашался ни в какую. Он боялся,

что герцог его тут же уволит, если он выпустит герцогиню одну. В конце концов было решено, что О'Генри будет сопровождать госпожу на прогулках. А через некоторое время Николь нашла его общество даже приятным. Ирландец был просто прелесть: он не только был прекрасным наездником, но и довольно умным человеком. Он развлекал ее рассказами о выведении новых пород лошадей, скачках и охоте, рассказал несколько занимательных анекдотов о лошадях, за которыми он ухаживал.

Николь возвращалась к пяти часам, так как ей требовалось много времени, чтобы одеться к ужину. В тот первый день она попросила Ани немного пошпионить за герцогом. Девушка осторожно узнала, что хозяин к ужину еще не одевался и что его наряд состоит из мужской домашней куртки, брюк и домашних туфель. Это облегчало задачу Николь.

Горя желанием увидеть Хэдриана после их первой брачной ночи, Николь тщательно выбирала свой костюм. Она надела повседневное платье темно-голубого цвета. Осторожно выяснив у миссис Вейг, какие украшения ей больше к лицу, она решила не надевать жемчуг и бриллианты, а приколола на воротничок камею. Духами, с легким приятным ароматом, она подушила запястья и шею. В течение часа две служанки укладывали ее волосы так, чтобы прическа казалась естественной и незатейливой.

Герцог ожидал ее в библиотеке. Николь очень огорчилась, увидев мужа в официальном двубортном черном костюме с галстуком. Может быть, Ани что-то напутала? Теперь надежда была лишь на то, что Хэдриан не подумает, что она недостаточно хорошо выглядит.

На следующий день Николь решила, что будет такой, какой приличествует быть герцогине. Она выбрала платье с низким вырезом прямого покроя, сшитое по самой последней моде. Платье она украсила бриллиантами. Из аксессуаров она взяла сумочку под цвет платья и изящный шелковый веер. На прическу ушло два часа — на этот раз она была очень незатейливой. Она решила не совершать два раза одну и ту же ошибку.

Хэдриан встретил ее в домашней куртке и домашних туфлях. Она была в ужасе.

— Получается, что наши цели расходятся, мадам, — сухо прокомментировал он, а глаза выдавали его полное восхищение.

— Вчера вечером вы так прекрасно оделись, — сказала Николь тихим голосом, с трудом сдерживая смех и смущаясь от его слишком откровенного взгляда.

— В прошлый раз, мадам, вы же не оделись официально.

Она посмотрела на него, и они одновременно улыбнулись. Хэдриан подошел к ней взволнованным шагом. Даже в своей домашней куртке он был воплощением мужественности. Казалось, он нес в себе огромный заряд сексуальной энергии. Он подал ей шерри.

— Пожалуй, нам нужно это обсудить, — сказал он низким, волнующим голосом.

У Николь пересохли губы: никогда она не сможет не реагировать на его близость, жар, желание.

— Что бы вы хотели? Что я должна сделать?

— А стоит ли сейчас об этом спрашивать?

Николь покраснела, вспомнив, что она делала минувшей ночью. Это была ночь экстаза. Ни

одной достойной женщине даже в голову не придет, что такое возможно между любящими женщиной и мужчиной.

Он помог ей побороть смущение, дотронувшись указательным пальцем до ее щеки.

— Простите меня. Я от вас просто схожу с ума, госпожа супруга.

У Николь от удовольствия закружилась голова.

— Если вы хотите, я пойду к себе и оденусь более официально, — серьезно сказал он.

Она покачала головой:

— Мне больше нравится, когда вы одеты так.

Он улыбнулся, и она улыбнулась. Впервые между ними было взаимопонимание.

Каждый вечер они ужинали в парадной столовой. Это было незыблемое правило, и ему подчинялись все. Николь еще в первый день подсчитала стулья: за столом могло разместиться восемьдесят человек. Сидели так: он — на одном конце стола, она — на другом. Конечно, поговорить за столом они не могли. Самое большее, что она могла позволить себе — это осторожно, а иногда и не очень, посмотреть на него. Он тоже бросал на нее взгляды, которые к концу ужина становились все жарче и жарче. К концу недели Николь решила настоять на том, чтобы ужин накрывался в столовой меньших размеров. Хэдриана эта просьба удивила, но, как показалось Николь, и порадовала. С тех пор они ужинали в маленькой столовой на первом этаже. И хотя теперь вполне можно было разговаривать друг с другом, они говорили мало: слишком сильное напряжение возникало между ними, так как оба знали, что после ужина их ждет ночь, полная жаркой страсти и необузданных желаний.

В конце первой недели приехали ее мать, Регина и Марта. Николь была в полном восторге. Незадолго до визита Джейн прислала ей записку, где спрашивала, не будет ли Николь возражать, если они приедут. Николь ответила, что будет очень рада видеть их в своем доме. А то, что с матерью и сестрой приехала Марта, было приятной неожиданностью. Николь сдержала себя и не выскочила им навстречу, как ей очень хотелось. Она хорошо усвоила свой новый статус. Вудворд проводил гостей в большую, полную света музыкальную комнату, а через несколько минут появилась Николь.

Она была одета в повседневную одежду герцогини. Платье из муара золотого цвета, отделанное кружевами, было очень дорогое. На ней был подаренный Хэдрианом потрясающий ансамбль из топазов, инкрустированных бриллиантами. Ее волосы были высоко и очень элегантно подобраны. Гости смотрели на нее во все глаза и не могли произнести ни слова.

Николь радостно устремилась к ним:

— Мама! Регина! Марта! Как я рада, что вы приехали!

Марта медленно оглядела Николь, потом обстановку и сказала, улыбаясь:

— Так, так… Тебе идет быть герцогиней.

Николь вспыхнула от удовольствия.

— Мне кажется, что я должна выглядеть соответственно, — сказала она, показывая рукой на

платье, — хотя до сих пор еще никто не обратил внимания на мои старания, кроме прислуги.

— А муж? — спросила Марта.

— Он встает с солнцем и сразу же уезжает по делам. Иногда он возвращается днем, но закрывается у себя в кабинете и выходит только к ужину.

По ее лицу можно было догадаться, что это не жалоба…

Джейн внимательно посмотрела на дочь и спросила, не сдержав улыбки:

— Как поживает твоя душа?

— Какая же я была глупая! — воскликнула с чувством Николь. — Как я могла сопротивляться такому браку!

— Значит, ты счастлива?

Николь лукаво прикусила нижнюю губу.

— Я должна признаться, что больше гордости у меня не осталось. Я более чем счастлива, я в восторге!

Марта бросилась обнимать ее:

— Как я рада!

— Дорогая, я так счастлива! — воскликнула мать, заключая ее в объятия.

Регина сидела с широко раскрытыми глазами.

— Я тоже рада за тебя, — выговорила она наконец, и в ее прекрасных золотистых глазах заблестели слезы.

— О, Ри! — воскликнула Николь.

— Я искренне сожалею, что мы с тобою ругались, честное слово.

— Это я была эгоистка. Ты ни в чем не виновата, — произнесла Регина дрожащим от волнения голосом. — Это папа заставлял меня ждать, пока ты не выйдешь замуж.

— Мне бы следовало знать, что ты чувствовала, — возразила Николь и взяла Регину за руку.

— Так ты влюблена? — шепнула Регина.

— Да, очень, — так же шепотом ответила Николь.

Сестры счастливо обнялись.

Когда возбуждение прошло и все расселись, Николь спросила:

— Мама, а как отец?

— Хорошо. Он будет страшно рад, когда узнает, что ты счастлива.

mir-knigi.org

— Мне так жаль, что мы с ним ссорились. Он был прав, настояв на моем браке с Хэдрианом. Ничего лучшего не было за всю мою жизнь!

— Почему бы тебе самой не сказать ему об этом? — спросила явно довольная Джейн. — Он так по тебе скучает, дорогая. Он так беспокоится, что поступил, возможно, неправильно.

— Я напишу ему письмо и передам с тобой. Пожалуйста, скажи ему, чтобы он как можно скорее приехал ко мне в гости.

Женщины стали возбужденно обсуждать тысячи вещей, связанных с браком Николь. Потом Николь сказала:

— Я думаю, что со временем он по-настоящему полюбит меня. А если не полюбит, то мы станем по крайней мере хорошими друзьями. Он добрый, внимательный, относится ко мне с большим уважением. Я вижу, что он старается сделать все, чтобы доставить мне удовольствие. — Николь покраснела.

— Точно так же, как это стараешься сделать и ты, — заметила Марта, все еще до конца не веря, что Николь так сильно изменилась.

— Да, конечно, — ответила Николь и еще сильнее покраснела, вспомнив, как она старается угодить ему в постели. В этом она, вне всякого сомнения, преуспела. Очень уж быстро она приобретает опыт и мастерство настоящей куртизанки, решила она про себя. Прошлой ночью она наконец решилась и осмелилась сделать то же, что делал он с ней и чего ей хотелось с самой первой ночи — ласкать его тело руками и поцелуями. После этого он долго не выпускал ее из своих объятий.

— Не могу дождаться, когда вы оба начнете выезжать, — сказала удовлетворенно Регина, — просто не могу дождаться, когда вас, нынешних, увидят в обществе. Я бы на твоем месте не стала никого приглашать из тех, кто раньше не приглашал тебя.

— Так, как было в прошлый раз, больше не будет никогда, — сказала Николь решительно.

Воспоминания о ее поведении в день свадьбы были ей ненавистны: как же она могла так унизить Хэдриана перед гостями! Просто поразительно, как он еще сдерживает свою злость и огорчение и не выплескивает все это на нее.

— О, надеюсь, что такое больше не повторится! — воскликнула Марта. — Герцог до сих пор еще является мишенью для насмешек. Но как только вас увидят вдвоем и убедятся, что у вас все хорошо и даже больше, чем хорошо, то сразу кончатся все шутки и смешки.

— Шутки? Какие шутки? — удивилась Николь.

Марта быстро взглянула на Джейн, которую разговор явно не заинтересовал, так как она, похоже, тоже ничего не знала о том, что теперь говорят в обществе о ее дочери и зяте. Регина хоть и знала все, но молчала.

— Дорогая, это не имеет никакого значения. Важно, что ты и он прекрасно ладите между собой.

— Скажите мне все. — Николь упрямо поджала губы.

Марте очень не хотелось рассказывать, но она вздохнула и начала:

— За неделю до вашей свадьбы герцог предстал самым очаровательным, самым приветливым человеком. Все заметили, что он очень изменился, так как раньше он и не пытался скрывать свое безразличие и даже неприязнь к светским развлечениям и жизни общества. Помнишь, он обещал сыграть роль влюбленного дурака? Так он сыграл ее блестяще! Только об этом все и говорили — как безумно герцог влюблен и что ты, вероятно, была причиной такой резкой в нем перемены. Хоть все и считали, что такая поспешная свадьба — это скандал, но в то же время как-то оправдывали герцога, считая, что он безумно влюблен.

— О, не может быть, — сказала Николь, когда Марта закончила рассказ.

Марта опять тяжело вздохнула:

— К сожалению, твоя ненависть и озлобленность во время свадьбы были всеми замечены, и после этого единодушное одобрение свадьбы сменилось сомнениями. Стали говорить, что со стороны герцога действительно искренняя любовь, а ты не разделяешь его чувств. Все разговоры сейчас об этом.

.Николь была очень огорчена услышанным. Она разозлилась на себя из-за того, что так бездушно поступила с Хэдрианом. Их свадьба превратилась бы в скандал, если бы он не сумел, положить конец отвратительным слухам. Но он сделал гораздо больше. Он добился того, что их свадьбу приняли в свете, судя по тому, что рассказала Марта. Он оградил ее от всех неприятностей, как и обещал, а она, пусть даже непреднамеренно, все расстроила одним махом, сопротивляясь ему. Когда они теперь в следующий раз появятся в свете, она уж постарается вести себя так, что у всех исчезнут все сомнения относительно их чувств.

— Я не хотела тебя огорчать, — сказала Марта.

Николь ничего не ответила. Новая мысль вдруг поразила ее. Она совсем забыла о кровяном пятне на простыне после первой брачной ночи. Она не представляла другой причины кроме той, что Хэдриан где-то порезался. А сейчас ее осенило: это он еще раз пытался защитить ее от досужих разговоров о том, что она не была девственна в первую ночь. Ведь слуги с нижних этажей — самые первые распространители слухов! Не будь этого пятна, по всему Лондону от слуги к слуге разнеслось бы это известие и наконец достигло бы ушей их хозяев.

Теперь она не сомневалась, что кровяное пятно — уловка Хэдриана. Сердце переполнилось такой любовью к нему, что ей стало больно.

Гости остались на ночь. Всем было очень хорошо: много смеялись, шутили.

Графиня, Регина и Марта уехали наутро следующего дня.

После их отъезда Николь надела бриджи и сапоги и поспешила из дома. К этому времени все уже почти привыкли к ее одежде. Николь вспомнила, как в первый раз появилась в бриджах в этом доме. У служанок от удивления повылезали из орбит глаза, лакеи стояли с открытыми ртами. Вудворд побледнел, а конюхи заморгали и поскорее отвернулись. Надо признаться, что она тогда почувствовала себя не совсем уютно.

Она справедливо полагала, что герцогиням следует ездить в дамском седле, как это было модно в то время. Но ведь Хэдриан позволил ей делать все, что ей будет угодно, и ездить верхом по-мужски на своем жеребце ей было угодно больше всего.

Старший конюх поджидал ее. Она приветственно помахала ему рукой и улыбнулась. О'Генри

тоже был одет в бриджи и сапоги, только сапоги были сильно поношены, а бриджи — в пятнах. Его зеленая куртка для соколиной охоты тоже видала виды.

— Добрый день, ваша светлость, — поприветствовал он ее, выводя коней. — Я думал, что вы не будете кататься в такой морозный день.

Они сели на коней и неторопливо поскакали. У Николь было отличное настроение, и мир казался ей прекрасным. А чтобы совсем было хорошо, нужно, чтобы муж любил ее. У нее появилась уверенность, что это вполне реально.

Через час они проехали поле и поскакали по деревенской улице. Никого вокруг не было, и О'Генри обратился к ней с усмешкой:

— Здесь Раффиан хотел бы пробежаться. Вы могли бы не отстать, ваша светлость?

— А вы сможете не отстать от меня? — Николь засмеялась.

О'Генри уже знал, что Николь прекрасная наездница, и теперь уже не так волновался за нее, как в первые дни.

Припав к седлу, Николь рванулась вперед. Они пустили коней в галоп — два жеребца с наслаждением неслись вперед, вытянув шеи. Промчавшись голова к голове около двух миль, всадники увидели на дороге троих мужчин, идущих им навстречу. Одновременно, как по команде, Николь и О'Генри натянули поводья, чтобы избежать наезда и не закидать прохожих грязью. Когда они подъехали ближе, Николь увидела, что это трое бедно одетых молодых людей с мешками за плечами. «Безработные крестьяне», — догадалась Николь. Все, чем они владели, находилось у них в мешках. Ей стало их жалко. Времена сейчас для низшего класса очень тяжелые.

— Мерзкие бездельники, вот кто это такие, — хрипло произнес О'Генри. — Если захочешь работать, всегда что-нибудь можно найти. Не давайте им ничего, ваша светлость.

Николь с радостью дала бы им несколько фунтов, если бы у нее с собой были деньги. Вдруг один из них встретился с нею глазами. Николь с любопытством посмотрела на него и отвернулась. Взгляд рыжего был дерзок и груб — она ему явно понравилась, и ему очень захотелось с нею потешиться.

Все трое молчали. Николь на них больше не смотрела, почувствовав вдруг неловкость, но она знала, что они смотрят на нее и старшего конюха.

— Объезжайте их, — сказал О'Генри тихо, пуская коня рысью.

Николь хотела сделать то же самое, но неожиданно рыжий схватил ее коня за уздечку. Николь пришла в ужас.

— Добрый, день, девушка. Какой у вас прекрасный конь!

— Пустите, пожалуйста, — спокойно сказала Николь, стараясь не поднимать шума и еще надеясь, что все кончится просьбой денег.

— Есть у вас один-два фунта? — спросил он с ухмылкой, открыв рот, в котором недоставало передних зубов.

mir-knigi.org

— Пусти ее, — сказал О'Генри. Он вернулся, чтобы быть рядом с Николь. Ему пришлось резко натянуть поводья, когда один из троих встал у него на пути.

— У меня нет денег. Вы же видите, что у меня нет с собой сумочки.

— У нее нет с собой сумочки, ребята! — захохотал рыжий.

— Я сейчас тебя раздавлю, — предупредил О'Генри парня, преграждавшего ему дорогу, — пропусти ее светлость!

— Ее светлость! — еще пуще развеселился рыжий. — Если она ее светлость, то тогда и я буду герцогом! Если у нее нет денег, то это тоже неплохо. Зато у нее есть прекрасный конь и очаровательные ножки. Я постараюсь воспользоваться и тем и другим.

У Николь перехватило дыхание. О'Генри рванул вперед, чтобы исполнить свою угрозу и сбить парня, стоящего перед ним. В это же время Николь пришпорила своего коня, Но рыжий одной рукой удержал коня, а другой схватил Николь за ногу. Жеребец остановился, не зная, что делать дальше. Но и рыжий ничего не успел сделать. О'Генри подъехал к нему сзади, заставив отскочить в сторону мешавшего ему парня, и сильно хлестнул рыжего плеткой по спине. Заорав, рыжий отпустил Николь и бросился на О'Генри. Двое других парней стащили его с коня. Николь пронзительно закричала, когда трое бродяг начали избивать конюха. Не долго думая, она пустила своего коня прямо в центр схватки. Вертясь на одном месте, она яростно хлестала плеткой направо и налево.

Беззубый рыжий парень повернулся к ней. В его глазах горел яростный мстительный огонь. Николь попыталась хлестнуть его плеткой по лицу, но он выхватил у нее из рук плетку и отбросил ее далеко в сторону. Сердце у нее замерло. Бандит ухмылялся. В долю секунды Николь поняла, что ее судьба в руках этого негодяя, что сейчас может случиться то, что гораздо хуже смерти. Но неожиданно ее конь взбесился от криков и запаха человеческой крови и встал на дыбы, сильно при этом ударив рыжего копытом в грудь. Тот закричал и как подкошенный упал коню под ноги. Николь резко сдала назад, чтобы не раздавить его. Рыжий с трудом встал на колени. На лице у него была кровь, вся одежда порвана. Через минуту вся тройка бросилась наутек.

Сначала Николь смотрела им вслед, пытаясь успокоить коня. Затем она повернулась к О'Генри. Он сидел на земле, покачиваясь. Лицо у него было в крови, передний зуб выбит. Испуганно вскрикнув, Николь соскочила с коня и подбежала к нему:

— О, Боже мой! Вы в порядке?

Он посмотрел на нее. Его лицо было разбито и кровоточило.

— Насколько можно быть… ваша светлость. Вас они не обидели? Не так ли?

Не успела Николь ответить, как улыбка исчезла с его лица, глаза закатились и он потерял сознание.

ГЛАВА 30

Изабель очень волновалась. Она стояла рядом с Вудвордом, который подвел ее к двери кабинета сына и осторожно постучал. Ее визит не мог быть неожиданностью. Еще вчера она отправила Хэдриану записку с просьбой назначить ей встречу. Записка получилась очень официальная, хотя она несколько раз ее переписывала, стараясь найти тот дружеский тон,

который был присущ их общению раньше.

Прошел уже месяц с тех пор, как она рассказала сыну правду о его рождении. И за это время они еще ни разу не поговорили серьезно. Они почти не виделись, так как она избегала встреч.

Во время свадебных приготовлений Изабель и графиня Драгмор сблизились. Они давно знали друг друга, но сейчас их объединили семейные узы. Они прекрасно ладили между собой. Проведя несколько дней в общих заботах, Изабель и Джейн прониклись большой симпатией друг к другу. В душе они обе были бунтовщицами, «женщинами с прошлым». Изабель знала, что давным-давно Джейн была известной актрисой Джейн Баркли, и ни в коей мере не считала это обстоятельство недостатком. Узнав Джейн поближе, Изабель убедилась в том, что Николь прекрасная пара для ее сына.

Тридцать лет ее мучил страх. Он и сейчас не оставлял ее. Свадебные приготовления отвлекли ее на какое-то время, но свадьба прошла, и она опять осталась один на один со своим страхом. Отвлечься больше было не на что, и избегать того, что было у нее на душе, стало невозможно.

Прошлый раз ее встреча с сыном закончилась плохо. Он был на нее страшно сердит за то, что она столько лет скрывала от него правду. Она фактически лишила его отца. Интересно, сердится ли он на нее до сих пор? Она больше не могла жить в неведении. Каждый новый день становился для нее пыткой.

Хэдриан вышел из-за стола ей навстречу. Ей трудно было улыбаться, но она улыбнулась.

— Как ты себя чувствуешь, мама? Какая странная просьба: ты просишь у меня аудиенции?

Казалось, ничего не изменилось. Изабель не смела надеяться. Слезы вдруг подступили к глазам.

— Я не хотела мешать.

— Ты не мешаешь, — сказал он несколько резковато. — Что-нибудь случилось, мама? В чем дело?

Она промокнула глаза платком и, взглянув на сына, сказала:

— Хэдриан, ты больше на меня не сердишься?

— Может быть, тебе лучше присесть, мама, — сказал он, усаживая ее в кресло.

— Ты все еще сердишься?

— Мама, ты не права в том, что не рассказала мне о Хэдриане Стоуне, моем отце, и о Френсисе, когда я подрос и мог уже все понимать. Как сейчас, я и раньше бы понял, что ты не могла согласиться на любовную интрижку. Но признать эту давно забытую любовную историю и узнать, что у тебя есть другой отец, согласись, это совершенно разные вещи, которые нельзя даже сравнивать. Неужели ты сама не понимаешь этого?

— Я знаю, что была не права, — еле слышно произнесла Изабель.

— Тогда почему, почему ты мне раньше не говорила об этом? Я могу понять, почему ты не сообщила о сыне Хэдриану Стоуну: в конце концов, он уже не был частью твоей жизни. Но я твой сын. Мне нужно было знать. Для меня было бы огромным облегчением узнать, что

Френсис не мой отец.

— Я боялась.

— Чего? Что тайна станет явью для всех? Этого никогда не случится, мама. Я буду ревностно оберегать тебя и твою репутацию.

— Не репутация меня беспокоит, сын, — сказала Изабель, нервно теребя в руках платок.

— Тогда что же? Мое право наследования незыблемо, даже если бы тайна стала достоянием всех. Джонатан сделал тебя наследницей герцогства после смерти Френсиса. Ты вполне законная наследница Клейборо, а я — после тебя. Правда, у меня много двоюродных сестер и братьев, которые с удовольствием оспорили бы мое право на собственность, но их претензии суд рассматривать не станет.

— Я боялась, что ты никогда не простишь меня.

Хэдриан посмотрел на мать и улыбнулся:

— Мама, но ведь это смешно.

— Так ты прощаешь меня? — спросила она с сомнением в голосе.

— Действительно, я был несколько разгневан, но теперь уже все прошло. Ничего в наших отношениях не изменилось. Правда, мне обидно, что ты смогла подумать, будто я стану тебя осуждать, что ты встретила и полюбила человека. Я рад, я, право, рад, что тебе было дано испытать хоть немного счастья за всю жизнь. Бог свидетель, как Френсис старался сделать твою жизнь невыносимой.

Изабель закрыла лицо руками — ей хотелось плакать от свалившейся с груди огромной тяжести. Ей следовало бы знать, что ее замечательный сын никогда не отвернется от нее. Хотя как знать? Хэдриан по натуре очень скрытен и такой блюститель нравов! Он самый благородный из всех, кого она знает. А ее поступок иначе как бесчестным и неблагодарным не назовешь, и любовью его не оправдаешь.

Хэдриан смущенно погладил ее по плечу:

— Не плачь, мама. Прошлое в прошлом, а перед нами будущее.

Изабель слабо улыбнулась.

— Я нанял людей, которые занимаются поисками отца. Один из них уже две недели в Бостоне. Если отец жив и находится там, то он получил мое письмо. Я понимаю, что это было бы слишком хорошо, но не могу не надеяться, что положительный ответ уже в пути, переплывает океан.

Изабель была поражена. Ей следовало бы догадаться, что Хэдриан именно так и поступит, что он немедленно начнет искать отца.

— Я тотчас же извещу тебя, как только получу какие-либо известия.

— Нет, — она энергично покачала головой, — нет, я не хочу знать, жив он или мертв… или женат. Нет.

Хэдриан смотрел на мать удивленно. Сердце Изабель громко билось. Не может быть, чтобы по прошествии стольких лет он все еще был жив, холост и все еще любил ее. Невероятно. Если он счастливо женат, то встреча причинит ей нестерпимую боль, такую же, как известие о его смерти!

— Хорошо, мама, — мягко сказал Хэдриан. И, чтобы изменить тему, предложил ей остаться и поужинать с ним и его молодой женой.

Изабель улыбнулась сквозь слезы. Она хотела было отказаться, так как очень хорошо понимала, что новобрачным нужно чаще быть одним, чтобы разобраться в своих отношениях. Конечно, ей очень хотелось узнать, что происходит между ее сыном и его женой. Но не успела она ответить, как дверь кабинета распахнулась. Изабель и Хэдриан испугались, когда и комнату влетела Николь с круглыми от ужаса глазами.

— Хэдриан!

При виде перепуганной жены в грязных бриджах и сапогах Хэдриана как ветром сдуло с места, он бросился к жене.

Но тут Николь увидела герцогиню, и ее бледное до сих пор лицо вспыхнуло красным пламенем.

— О! Нет! — простонала она.

Хэдриан уже схватил ее и повернул к себе:

— В чем дело? Что случилось? Что с тобой?

Она еще не отдышалась и не могла говорить. Глазами, полными испуга и отчаяния, она смотрела на старую герцогиню, не замечая, что муж трясет ее. Вот уж действительно невезение! Надо же, чтобы в первый свой визит герцогиня-мать застала ее в таком виде! Герцогиня, одетая как конюх!

Хэдриан продолжал ее трясти.

— Николь, так что же все-таки случилось? — говорил он встревоженно.

Она с трудом переключила внимание на мужа.

— Хэдриан! Скорее! Произошел несчастный случай! На старшего конюха набросились бродяги и избили его. Он без сознания. Мне с трудом удалось положить его на коня и привезти в Клейборо. Вудворд послал за доктором, но я так боюсь! — Последние слова прозвучали как рыдание.

Он все еще держал ее за руки.

— А ты не пострадала?

Она отрицательно покачала головой. Хэдриан отпустил ее руки, подошел к матери и попросил:

— Останься с ней, мама.

Николь дрожащими руками прикрыла рот, все еще переживая ужас. Когда они вернулись в Клейборо, О'Генри по-прежнему был без сознания, он лежал на лошади лицом вниз, а Николь вела ее под уздцы. Она боялась, что он умер.

mir-knigi.org

— Пожалуйста, дорогая, глотните вот этого. Это вас успокоит.

Николь вздрогнула от неожиданности. Герцогиня была свидетелем ее неприличных манер и одежды, такой грязной, и это было отвратительным и неприемлемым. Она готова была убежать и расплакаться, но взяла предлагаемый бокал и выпила что-то очень горькое. Герцогиня-мать успокаивающе погладила ее по спине.

Николь не верила своим глазам: герцогиня не осуждала ее, она проявляла к ней участие.

— Как серьезно избит О'Генри?

— Не знаю! — простонала Николь. — И это все из-за меня!

— Я уверена, что вы преувеличиваете, все будет в порядке.

Герцогиня погладила ее по спине:

— Вы не хотели бы рассказать об этом?

Николь понимала, что ей не следует все рассказывать: этот инцидент не для ушей любой леди, тем более не для герцогини, но она взглянула на Изабель и увидела добрые, теплые, понимающие глаза.

— Я настояла на прогулке верхом без сопровождения. Один из бродяг накинулся на меня! Я уверена, что ускакала бы от него, но О'Генри стал стегать его по спине плеткой! Там были и еще двое, они стащили его с седла и стали избивать. Я испугалась, что они его убьют. Я хлестала их плеткой изо всех сил, и, слава Богу, мой конь встал на дыбы. Он ударил копытами их главаря, чуть не затоптал его, и они убежали.

— О Боже! — вымолвила герцогиня.

Добрые глаза Изабель поощряли Николь на еще большую откровенность.

— Я ужасно все запутала, не правда ли? Мне очень бы хотелось быть хорошей герцогиней, но пока ничего, не получается.

Изабель успокаивающе гладила ее по спине:

— Да, очень может быть, что вашему мужу это не понравится, но, слава Богу, что вы не пострадали.

— Мне очень стыдно, что вам приходится все это выслушивать и видеть меня вот такой, — еле слышно, в полном отчаянии проговорила Николь.

Изабель не могла сдержать улыбки.

— Мое мнение о вас не изменилось. И пусть вас это не беспокоит.

Николь застонала. Изабель взяла Николь за руку и усадила ее на диван, а сама устроилась рядом.

— Моя дорогая, вы думаете, что я к вам не расположена?

— А разве нет?

mir-knigi.org

— Ни в коей мере.

Николь изумилась.

— Напротив, я всегда одобряла ваш брак, я даже абсолютно убеждена, что нет лучшей жены для моего сына, чем вы.

— Вы так считаете? Но почему?

— Вы независимая, не связанная условностями женщина, моя милая, вот почему. В чем-то вы с моим сыном очень похожи, а во многом и отличаетесь. Я очень рассчитываю на то, что со временем все придет в свое полное соответствие, уравновесится.

— Вы рассчитываете? — Николь была искренне поражена.

Изабель гладила ее по руке.

— Вы оба любите деревню и простой образ жизни. Общие интересы имеют очень большое значение. Но Хэдриан слишком большой моралист и к тому же скрытен. Это не всегда идет ему на пользу. Но вы вдвоем очень хорошо поладите.

Николь не верила услышанному.

— Боюсь, что сегодня своим поступком я его изрядно разгневала.

— Пожалуй, с вашей стороны было слишком неосторожно принимать участие в этой драке, — весело сказала Изабель. — Но ни одна душа об этом от меня не узнает.

О'Генри пришел в себя и подробно рассказал обо всем. Герцог был взбешен. Он вернулся в библиотеку и нервно ходил по комнате, потом остановился перед Николь и Изабель, сидевшими на диване.

— Мама, извини, но сегодня не очень хороший день для совместного ужина.

Изабель встала:

— Я понимаю. Будь с ней помягче, Хэдриан. Она много пережила сегодня.

— Это еще что по сравнению с тем, что ей предстоит перенести.

Николь сжалась.

— Будь смелее, — шепнула Изабель, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в щеку.

Перед тем как уйти, она еще раз предупреждающе взглянула на сына.

Комнату заполнила зловещая тишина. Старые напольные часы громко отсчитывали секунды.

— Вы можете объясниться? — спросил он, наконец.

— Я очень сожалею… — промямлила Николь.

— Сожалеете?! Мадам, вас чуть не изнасиловали, и вы говорите, что сожалеете? — Хэдриан негодовал.

mir-knigi.org

Боясь его гнева, она прошептала:

— Мы больше не будем выезжать на проезжие дороги.

Тут Хэдриан взорвался:

— Черта с два вы вообще будете куда-либо ездить верхом!

Она вскочила и, стараясь быть как можно спокойнее, сказала:

— Хэдриан, будьте благоразумны!

— Благоразумным? Зачем мне это нужно, если вы не собираетесь быть благоразумной! Нисколько!

— Я не искала такого приключения!

— Приключения! — закричал он, потеряв над собой контроль. — Только вы, госпожа Жена, можете попытку изнасилования отнести к разряду приключений!

— Я совсем не то имела в виду, — крикнула и она.

Его руки сжались в кулаки.

— Я делал все, что в моих силах, чтобы оградить нас от несчастий и неприятностей, которые вы сами создаете. Но на этот раз — это вне всякого разумения! Наша жизнь подвергалась серьезному риску!

— И я очень об этом сожалею! — крикнула Николь, и слезы градом покатились из глаз.

Но Хэдриан уже не мог остановиться.

— Посмотрите на себя! — орал он в гневе. — Вы похожи на помощника конюха, мальчишку! Боже правый! Вам приходило когда-нибудь в голову, что я должен чувствовать, когда моя жена скачет где попало в облегающей одежде, так что любой мужчина может вообразить ее голой?

В ней уже закипала злость.

— Теперь вы преувеличиваете.

— Я? Вильям мне все рассказал. Вы своим видом вызвали наихудшие желания у этих бродяг. Если бы вы были одеты как полагается, если бы у вас было соответствующее сопровождение, они бы никогда не посмели напасть на вас! Или мне необходимо вам напомнить, что вы герцогиня Клейборо?

Николь наконец высвободила свои руки.

— Нет, нет необходимости напоминать мне, кто и что я сейчас есть. Как мне забыть такое?

— А! Итак, вы сожалеете по этому поводу.

— Да! Я хочу сказать — нет!

— Совершенно ясно, что вы не имеете ни малейшего представления, чего хотите, — закричал

mir-knigi.org

он опять. — Точно так же, как вы не имеете представления, какой вред наносит мне ваше бездумное поведение.

Как же больно ранили его слова.

— Теперь, я полагаю, вы скажете мне, что я никогда не должна ездить верхом в мужском седле, что я должна любой ценой, ценой моего собственного удовольствия, поддерживать внешние приличия.

— Да, черт меня подери!

Николь была в ужасе.

— Конечно, вы шутите!

— Поверьте мне, мадам, теперь не до шуток.

— Тогда вы солгали! — в отчаянии крикнула Николь. — Вы сказали мне, что я могу делать, что сочту нужным, и вы мне несколько раз об этом говорили. Я сочла нужным, я захотела ездить верхом таким образом. Я всегда так ездила в Драгморе.

— Это не Драгмор, и вы теперь герцогиня. Проклятье! По всему городу пойдет молва, что у вас есть страсть одеваться мальчиком. Неужели вам хочется постоянно быть в центре всяких отвратительных сплетен света?

— Нет, — сквозь слезы призналась она, — но…

— Никаких «но»! — Хэдриан отпустил ее и отошел, тяжело дыша.

Он до глубины души был потрясен тем, что ее могли изнасиловать или убить. Его всего трясло от страха за жену. Если бы что-нибудь случилось, он никогда бы не простил это ни себе, ни О'Генри, хотя во всем была виновата сама Николь.

Он нервно провел руками по волосам, но успокоиться так и не смог. Он больше всего боялся за себя, что совершит что-нибудь необдуманное, вроде того, что перекинет ее через колено и начнет шлепать до тех пор, пока из нее не получится настоящая леди и разумное существо с вполне приличным поведением.

— С…. с мистером О'Генри все будет хорошо?

— Несомненно, ему нельзя будет вставать с постели неделю или две, но он вполне мог бы и умереть от побоев.

Хэдриан обратил внимание на то, как сильно при этих словах она побледнела.

Перед его глазами стояла картина: она въезжает на коне в гущу драки и плеткой стегает троих мужчин, напавших на О'Генри.

— Идите наверх. Снимите с себя эту одежду. Немедленно!

Николь обхватила себя руками.

— Что вы собираетесь сделать?

— Во-первых, — усмехнулся он, — я хочу сжечь эти бриджи. — На ее протест он не обратил внимания. — Во-вторых, вы, мадам, на неопределенное время отстраняетесь от конюшен.

Николь возмутилась.

— В-третьих, я намерен найти этих бродяг и бросить их в тюрьму Ньюгейт.

— Хэдриан, вы несправедливы, — проговорила она упрямо.

Его как будто ударили — он резко повернулся к ней:

— Не смейте обвинять меня в несправедливости. У меня ваши лучшие намерения сидят в печенках! Несомненно, кому-то необходимо быть справедливым, хоть вы этого и не хотите. И пожалуйста, оставьте меня сейчас одного!

— Когда вы успокоитесь, мы продолжим нашу беседу, — сказала Николь.

— Идите наверх, мадам, и как можно быстрей, пока вы не вынудили меня совершить поступок, о котором я буду очень жалеть.

Николь вылетела из комнаты.

ГЛАВА 31

Николь долго не могла успокоиться. В этот день все складывалось против нее. Сначала напали бродяги и избили чуть не до смерти конюха. Потом муж, вместо того чтобы понять ее, пожалеть и утешить, устроил ей жуткий разнос.

Но особенно обидно то, что он, возможно, прав. Она ошиблась. Она вела себя не только с риском для жизни, а просто глупо. Будь она даже на проезжей дороге, но в сопровождении нескольких всадников, никто, даже банда бродяг, не посмел бы к ней и приблизиться. Но у нее не было сопровождения, и одета она была не как подобает герцогине. В любом случае отрицать нельзя — во всем случившемся виновата она. Из-за ее неумного поведения чуть не убили человека.

Она сидела во всей своей грязной одежде на дорогом розовом бархатном покрывале, обхватив колени руками, и раскачивалась. Ей пришлось признать, что у нее ничего не получается, не может она в полной мере стать герцогиней. Ничего не получалось в отношениях с мужем, они не улучшались. Она услыхала топот копыт отъезжающих всадников и подбежала к окну. Во главе группы всадников был ее муж на поджаром черном жеребце. Николь вздрогнула — он отправился на розыск обидчиков.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошли миссис Вейг и Ани.

— Приготовь ее светлости ванну, Ани, — сказала миссис Вейг, и та бросилась выполнять приказание.

Миссис Вейг поставила поднос с пирожными и горячим шоколадом рядом с креслом.

— Я подумала, что вам захочется чего-нибудь сладкого, чтобы успокоить нервы.

У Николь совсем не было аппетита, но она кивнула. Экономка занялась ее туалетом: вытащила теплый шерстяной халат и парчовые тапочки, отделанные мехом.

Николь сняла сапоги, бриджи, рубаху и оставила все на полу.

Ани крикнула, что ванна готова. Николь начала было снимать нижнее белье, но увидела, что экономка подбирает с пола ее верхнюю одежду. Раньше она этого никогда не делала, и Николь почувствовала здесь что-то неладное.

— Миссис Вейг, что вы делаете? — спросила она тревожно.

— Извините, ваша светлость, но его светлость приказали мне взять эту одежду.

Николь замерла.

— И сжечь ее?

— Да.

Все тело ее напряглось.

— Извините, ваша светлость, — произнесла экономка и ушла с ее вещами, оставив только сапоги, которые были сделаны на заказ. Николь и за это была ей очень благодарна.

Николь закрыла глаза. Она искренне раскаивалась в том, что произошло, но Хэдриан зашел слишком далеко. Как ни странно, но она не сердилась, ей было очень больно. Прошедшая неделя была поистине райской, а теперь все куда-то ушло.

Николь не покидала своих комнат и ждала мужа с большим беспокойством и надеждой, что за это время злость в нем уляжется и он станет более благоразумен. Она была полна решимости исправить положение. Она встретит его, как всегда, в библиотеке и будет образцом благопристойности, а если он останется неумолимым и не захочет забыть о сегодняшнем инциденте, тогда она сама проявит активность.

Украдкой заберется к нему в постель и соблазнит его. Страстная ночь несомненно все сгладит.

План был прост. Она молилась, чтобы Хэдриан вернулся в хорошем настроении.

Прошел час. Николь измучилась в ожидании. Зайдет ли он к ней? Скажет ли что-нибудь? Если зайдет и скажет, у нее будет возможность определить его настроение, прежде чем идти к нему в кабинет. Терпеть неопределенность у нее больше не было сил.

Он не зашел к ней. Она слышала, как он вошел в свои покои — они были смежными с ее, — и прислушивалась к звукам, доносившимся из его комнат. Понять, что он там делал, было трудно. Похоже, переодевался. Николь решила, что он готовится к встрече с ней в библиотеке. Однако вскоре ее надежда угасла. Она услышала, как он вышел и пошел по коридору в противоположном от ее комнат направлении. А через несколько минут раздались топот лошадиных подков и звуки подъезжающей к подъезду кареты. Хэдриан сел в нее и в сопровождении всадников уехал.

Его не было уже три дня, и Николь начала злиться. Он даже не дал себе труда сообщить ей, куда уезжает, и до сих пор не уведомил ее, когда вернется. Она не могла влиять на его настроение, так как Хэдриана не было, но ей трудно было поверить, что он все еще злится на нее.

Николь была слишком горда, чтобы спрашивать миссис Вейг, куда уехал ее муж. То, что он

взял с собой слугу и дворецкого, было плохим признаком. Она решила попросить Ани разузнать, куда он уехал. Ани вскоре сообщила, что герцог уехал во дворец Клейборо в Лондоне и никто не имеет понятия, когда он вернется.

Возможно ли, что он все еще сердится на нее?

К исходу третьего дня Николь уже кипела от злости. Это что, такой способ наказания? Разве она не просила прощения? Она даже согласна впредь ездить только в сопровождении и в соответствующей одежде.

Ни у кого не будет оснований упрекнуть герцогиню Клейборо в пренебрежении приличиями. Ее муж будет гордиться ею. А в частной обстановке она будет поступать по-своему. Она считала это самым справедливым, но, прежде всего, необходимо было восстановить отношения с мужем.

Николь решила поехать в Лондон к мужу и уже начала собираться, когда миссис Вейг доложила, что пришла Стаси Вортингтон. У Николь возникло плохое предчувствие.

Она решила быть благопристойной и величественной, настоящей герцогиней. Миссис Вейг помогла ей быстро одеться в очень дорогое платье, подходящее лишь для дневных приемов в городе, а не в деревне. К нему она одела все имевшиеся у нее бриллианты.

Через полчаса величественная, как королева, она спустилась к Стаси, ожидавшей ее в розовой гостиной.

Стаси встала при появлении Николь.

— Добрый день, ваша светлость!

Николь заметила в глазах молодой женщины подозрительное сияние, и ее опасения возросли.

— Здравствуйте, Стаси, какой сюрприз. Миссис Вейг, принесите нам бутерброды и сладкое.

Николь улыбалась Стаси. Она преднамеренно не назвала ее титул, так как Стаси не будет леди до тех пор, пока не выйдет замуж за дворянина.

В ответ Стаси одарила Николь зловещей улыбкой. Женщины сидели друг против друга и молчали. Не будь Николь герцогиней, она напрямик спросила бы Стаси, что ей нужно. Но сейчас она выдерживала роль образцовой хозяйки:

— Дороги становятся такими плохими, не так ли? Надеюсь, они не затруднили ваше путешествие?

— Нет, пока они еще не очень испортились. Когда вернется Хэдриан?

Николь была в полном смятении. Стаси знала, что Хэдриан в городе, а не здесь.

— Простите?

— Вернется из города, — Стаси продолжала улыбаться.

— Ну, наверное, как только закончит все свои дела.

— Должно быть, у него очень срочные дела. Ведь вы женаты не более недели.

Николь сдержалась.

— Да, чрезвычайно срочные.

— Хм-м. Но у него все-таки находится время, чтобы посещать дом двенадцать на улице Крофорд.

Николь заморгала. Она понятия не имела, на что намекает Стаси.

— Да, ну и что ж, возможно, у него и там есть дела.

Стаси так и вскрикнула:

— Так вы не знаете, да? Вы не знаете, что собой представляет дом двенадцать на улице Крофорд?

Николь все труднее было сохранять самообладание.

— Нет, не знаю.

И вдруг у нее появилось какое-то неприятное ощущение. Стаси ликовала.

— У Хэдриана в этом доме свои апартаменты. Он содержит их с восемнадцати лет.

Николь не хотела понимать, что ей говорила Стаси.

— Понимаю.

— Вы все еще не понимаете меня, не так ли? Он содержит эти апартаменты для своей любовницы!

Кровь отхлынула от лица Николь. Она еле проговорила:

— Я не верю вам.

Она не верила ей! Она никогда не поверит ей!

— Конечно же, вы знали, какая у него репутация, когда выходили за него. Ну а любовница, которую он сейчас содержит, считается самой красивой женщиной в Лондоне. Она француженка, говорят, что актриса. Ее зовут Холланд Дюбуа.

Нет, не может быть. Это неправда. Не может быть. Не может быть. Не мог он уйти к другой женщине после того, что у них было. Но ведь она еще раньше знала, что у него была любовница. Она знала, какая у него репутация. Разве она не знала, что однажды он может уйти от нее к другой женщине?

— Если вы мне не верите, то почему бы вам не поехать в Лондон и самой не убедиться в этом, — ликовала Стаси.

Несмотря на жгучую боль во всем теле, она нашла в себе силы, чтобы спокойно сказать:

— Зачем это делать? У всех мужчин есть любовницы, и, конечно же, мне была известна еще до свадьбы репутация моего мужа. Поэтому известие, которое вы мне принесли, ничего не меняет. Я все же герцогиня Клейборо! Вы думаете, меня беспокоит, что он проводит время с

mir-knigi.org

какой-то актрисой?

Стаси изумилась. Ее радость исчезла.

— Что ж. Я просто хотела помочь вам.

— Как мило с вашей стороны.

Стаси поднялась.

— Я вижу, вам не нужна моя дружба. Мне лучше уйти!

— Разумеется, вы можете поступать, как вам будет угодно.

Николь, проявляя вежливость, тоже встала и позвала миссис Вейг.

— Пожалуйста, проводите леди Вортингтон, — сказала она.

Конечно, она знала, что это правда, но она ничему не поверит, пока не увидит Холланд Дюбуа с улицы Крофорд своими глазами. Она не поверит, что Хэдриан после всего, что было между ними, после того, как появилась надежда на счастье, ушел к другой.

Не поверит и не верит сейчас.

Но, конечно, это правда.

Он — бабник. Все знают об этом, и она знала. Она об этом узнала еще в начале их отношений. Возможно, и Элизабет об этом тоже знала. Но, может быть, ее это не волновало? Предполагается, что леди не должна волноваться по поводу любовниц своего мужа. Но Николь было обидно и больно. Как могла она забыть причину, по которой с самого начала их отношений не хотела за него выходить! За одну короткую неделю мимолетного блаженства она все забыла и поверила, что между ними возникло что-то большее.

Она ехала в карете, смотрела в окно, безуспешно пытаясь отогнать свои невеселые мысли. Руки, сжатые в кулаки, лежали на коленях. Как только Стаси ушла, Николь немедленно собралась и отправилась в Лондон, взяв с собой Ани и не сообщив миссис Вейг, куда едет. В городе она приказала кучеру ехать в Ковент-Гарден, где Хэдриан вряд ли окажется сегодня. И кучеру, и Ани она приказала ждать ее. Сама же села в наемный экипаж и поехала на улицу Крофорд, 12.

Неожиданно ей пришла в голову мысль, что Хэдриан может сейчас быть у своей любовницы.

Она умрет на месте, если он действительно там. Нет! Если он там, она постарается быть сильной. Она будет безучастной и сдержанной. Она не подаст и виду, как он ранит ее.

Николь едва взглянула на дом за коваными железными воротами с кирпичным крашеным фасадом. Она сошла с экипажа, попросив извозчика подождать ее. Как в тумане или во сне, с полностью атрофированными чувствами, она медленно прошла через ворота, поднялась по ступенькам и постучала старинным медным дверным молотком.

Дворецкий тут же открыл дверь. Николь так волновалась, что во рту у нее пересохло и она вначале не могла произнести ни одного слова. Потом справилась с собой и сказала:

mir-knigi.org

— Я бы хотела переговорить с мисс Дюбуа.

Дворецкий впустил ее в дом и спросил:

— Как изволите доложить о вас?

Николь не сразу нашлась, что ответить. Дворецкий не сказал, что здесь мисс Дюбуа не проживает. Тошнота подступила к горлу. Стаси не солгала. Она взяла себя в руки и сказала:

— Мое имя не имеет значения. Просто скажите своей хозяйке, что с ней желает поговорить леди.

Николь произнесла это повелительным тоном. По крайней мере, в этом она уже научилась быть герцогиней.

Она прошла мимо слуги с высоко поднятой головой, шагая грациозно, мягко, и ее невероятно дорогое платье обвивалось вокруг шелковых туфелек. Оказавшись в маленькой гостиной, Николь стала ждать стоя, не снимая перчаток. Дворецкому ничего не оставалось делать, как выполнить ее просьбу.

Гостиная была прекрасно обставлена — изящная мебель, персидские ковры, картины на оклеенных обоями стенах. Мисс Дюбуа жила хорошо, явно не по средствам актрисы.

Через несколько минут в дверях показалась женщина.

— Вы хотели видеть меня?

Николь обернулась и увидела хрупкую, маленькую женщину в поразительно красивом и дорогом платье, но с таким низким вырезом, что днем и дома его носить было, конечно, неприлично. Она была невероятно красива, прекрасна, как китайская статуэтка. В ее голубых глазах читалось недоумение. Но прошло несколько мгновений, и она узнала Николь.

— О Боже, — произнесла любовница Хэдриана. — Это вы. О Боже!

Еще какое-то время Николь стояла окаменевшая.

— Ваша светлость, — сказала Холланд срывающимся голосом. — Я не знаю, что вам угодно, но, пожалуйста, садитесь!

Николь насмотрелась достаточно. Прежде чем эта женщина увидит слезы у нее на глазах, Николь стремительно прошла мимо нее в вестибюль.

— Подождите! — позвала Холланд. — Зачем вы пришли? Подождите!

Николь не остановилась. Она быстро миновала вестибюль и выскочила из дома. Туманное утро поглотило ее. Она успела забраться в экипаж до того, как слезы полились из глаз: она прощалась со своими мечтами, разрушенными и превращенными в прах.

ГЛАВА 32

Хэдриан приподнялся и выглянул в окно — показался его дом. Он почувствовал волнение.

Четыре дня прошло с тех пор, как он уехал из Клейборо. Четыре долгих мучительных дня. Он уехал, когда приступ гнева почти прошел. Осталась лишь обида на Николь за то, что она

подвергла себя риску во время верховой прогулки: Он уехал из-за страха, практически убежал.

Однако ничего не помогло. Он не мог больше бегать от себя, от своих чувств, от жены.

Эпизод с бродягами — они все были через час после возвращения Николь схвачены и отправлены в местную тюрьму — поднял из глубины его души самые сокровенные чувства. Он не хотел признавать и гнал от себя эту мысль, которая появилась в самом начале его знакомства с Николь. Но как только он убедился, что любит свою жену, он пришел в ужас.

Много лет он посвятил воспитанию воли, учился управлять своими чувствами и страстями, держать их в узде. Еще мальчиком он узнал, что необходимо скрывать свои чувства, даже от самого себя. В противном случае ты станешь уязвим, тебя будут обижать, над тобой будут измываться. И вот теперь все рушилось: он больше не считал себя неуязвимым. Напротив, он стал раним, как никогда в жизни. Он полюбил Николь так сильно, что это граничило с одержимостью. Бродяги могли обидеть ее или даже убить! Сама эта мысль приводила его в ужас даже сейчас, четыре дня спустя.

После того как негодяи были схвачены, он тут же уехал в Лондон, пытаясь убежать от своих чувств, от любви, которая, как он понял, захватила все его существо. Он должен был вернуть себе прежнюю способность самоконтроля, вернуть любой ценой, вплоть до побега из дома на неопределенное время. Он сбежал к Холланд Дюбуа, чтобы в неистовости ее объятий забыть Николь. Вместо этого он лишь вежливо предложил ей прекратить их отношения. Потом он хотел с головой окунуться в дела, но вместо этого — мчится домой!

Это чувство было таким новым, таким сильным, что пугало его. Последние две ночи он просыпался в отчаянии от необъяснимого чувства одиночества, какое испытывал, когда был еще мальчиком.

Он потерял сон и покой, но вместе с этим стал более уязвим и более человечен. Наконец он уступил, сдался самому себе и ей. Она его жена, и он влюблен в нее. Она несколько раз отвергала его в прошлом, но он пережил это точно так же, как пережил жестокое неприятие своим отцом. Последнее время она его уже не отвергала, между ними устанавливалось перемирие на день, а ночью они становились очень близкими. Возникла надежда, что их брак будет удачен. Первая неделя их совместной жизни подала такую надежду. Но Хэдриан все-таки знал, что не удовлетворится тем, что до сих пор между ними было. Он хотел большего, ее любви, и такой же полной, страстной и одержимой, какую испытывал к ней сам.

Вот карета катится по гравийной дорожке. От волнения у него на лбу выступил пот. Они расстались почти врагами. Он был инициатором этой ссоры из-за своего страха за ее жизнь и безопасность. Возможно, он усложнил дело тем, что уехал, не сказав ни слова о своих планах. Зато сейчас он ехал с предложением мира, залогом которого вез большую коробку, завернутую в подарочную бумагу. Когда она увидит содержимое этой коробки, то сразу поймет его горячее желание загладить свою вину за чрезмерный гнев и отъезд из Клейборо без предупреждения.

Карета остановилась перед огромной резной парадной дверью. Он вышел с коробкой в руках и спросил встречавшую его миссис Вейг, где его жена. Та ответила, что Николь в своих комнатах наверху.

Хэдриан нервничал, как школьник, которого вызвал к себе директор. Он медленно поднимался по лестнице, в коридоре пошел быстрее, сердце тревожно колотилось в груди.

Дверь в ее комнату была открыта. Он вошел в гостиную и подошел к двери ее спальни. Радостное чувство охватило его. Он понял, что всегда будет ощущать радость и возбуждение

при виде ее. Но вся его радость улетучилась, когда он переступил порог спальни.

Николь стояла к нему спиной. В большой сундук, стоявший посреди комнаты, кое-как была сброшена ее одежда. На кровати лежали платья, нижнее белье, туфли, перчатки, шарфы и сумки. Ани, склонившись у кровати, заботливо укладывала вещи. Она первая увидела его и замерла. Николь бросила в сундук охапку белья и тоже заметила его. Он стоял неподвижно.

— Мадам, — начал он сдавленным голосом.

Она гневно взглянула на него, но произнесла очень вежливым ледяным тоном:

— Ваша светлость…

Не договорив, она взяла еще одну охапку одежды и повернулась к нему спиной.

Герцог осторожно поставил коробку на пол и встал, сложив руки на груди.

— Позвольте спросить вас, что вы делаете? — Но спрашивать было излишне, все и так было ясно.

— Разве вы не видите? — отозвалась она, утрамбовывая одежду в сундуке. — Я ухожу.

Лицо герцога, привыкшего скрывать свои чувства, и на этот раз не выдало их.

— Уходите?

— Я ухожу от вас.

— Понятно. — Еще немного, и его самообладание иссякнет. Он быстро прошел в комнату, подошел к окну, поглядел ничего не видящим взглядом и повернулся к ней спиной. Догадываясь, что она продолжает упаковывать вещи, он изо всех сил старался побороть отчаяние, паническое чувство, охватившее его.

— Могу я спросить, почему?

Ее как током ударило, она повернулась к нему и пронзительно крикнула:

— Вы смеете меня спрашивать — почему?!

Больше она не смогла найти слов, в три прыжка подскочила к нему и залепила со всей силы звонкую пощечину.

Она не отошла. Она ждала: глаза гневно блестели, она изготовилась к схватке с ним. Но он не бил женщин, которых любил.

— Это уже в четвертый раз, я полагаю?

— И в последний.

Отчаяние и смятение охватило герцога. Его душили слезы.

Увидев, что он не собирается ей отвечать, она горько рассмеялась. Затем, повернувшись к нему спиной, с силой захлопнула крышку сундука и приказала:

mir-knigi.org

— Ани, позови сюда двух слуг, чтобы они отнесли вещи вниз.

Ани пулей вылетела вон. Герцог все это время не замечал ее присутствия.

Ему сейчас потребовалось больше сил, чем на любое его предприятие. Он чудом нашел их в себе и вполне спокойно подошел к жене. Она не отпрянула, и он понял, что она будет с ним ссориться. Он не хотел ссоры, во всяком случае сейчас, когда полностью овладел собой. Он взял ее за подбородок.

— Предупреждаю, мадам, — произнес он спокойно. — Если вы уйдете от меня сейчас, назад вы уже не вернетесь. Никогда. Я ясно выражаюсь?

Она истерически рассмеялась:

— Я не вернусь. Никогда!

Он еще не знал причины ее решения уехать, но ему все уже стало неинтересно. Почему-то все краски померкли, и темнота поглотила его. Но это было знакомо, почти успокаивающе.

— Очень хорошо.

Он отпустил ее. Улыбка у него была ледяной.

— Вас предупредили. На этот раз ваш необузданный характер приведет вас туда, куда вы стремитесь, и я вас спасать не буду.

— Хорошо.

Он повернулся на каблуках и вышел из комнаты. Все в нем умерло, но это уже не имело значения. Он оставил в той комнате свое разбитое сердце, поэтому не в состоянии был что-либо чувствовать. А это было как раз то, что нужно герцогу Клейборо.

Очень скоро жизнь в Клейборо вернулась в прежнюю колею. Хэдриан даже забыл, что у него когда-то была жена, что она вообще существовала. Вернувшись к старой жизни, к которой привык с давних пор, он с солнцем вставал и выполнял массу дел, вкладывая в них всего себя. Полдень и вечер он проводил за бумагами или с управляющими, закрывшись в кабинете. Спал он тяжелым сном без сновидений.

Но среди ночи он иногда просыпался, чувствуя себя мальчиком шести лет, а не тридцатилетним мужчиной. В темную полночь он порой впадал в отчаяние. В эти часы он вспоминал и ненавидел ее. Ненависть снова стала его убежищем.

Прошла неделя, и приехала мать навестить его. Она приехала неожиданно, не согласуясь с его желанием видеть кого-либо в это время. У него в кабинете сидел управляющий одной из ферм по обработке древесины. Он приехал издалека, потратив на дорогу целый день, чтобы специально встретиться с герцогом. Тем не менее, управляющего попросили подождать.

— Какой сюрприз, мама. — Ничего, кроме вежливости, его голос не выражал.

— Хэдриан, что происходит? До меня дошли самые невероятные слухи! Твоя жена поселилась у Серлей в Кобли Хауа!

— Моя жена? А-а, герцогиня. — Он был спокоен и равнодушно пожал плечами, давая понять,

что эта тема его абсолютно не занимает. Однако он почувствовал сильную боль в висках.

— Вы что, поскандалили? Или она просто в гостях у Серлей? Хочу, чтобы правдой было последнее. Но, дорогой, какая жена уезжает гостить к друзьям всего через две недели совместной жизни?

— Мама, мне неприятно обсуждать эту тему. Однако хорошо. Я желаю больше никогда к этому не возвращаться. Мы решили, что будем жить отдельно.

— Жить отдельно? — ужаснулась Изабель.

Внезапно яростным ураганом налетел гнев.

— Так всегда бывает, — холодно ответил он. — Вообще, я должен поблагодарить тебя за напоминание: надо, чтобы ей предоставили приличный дом.

— Приличный дом! Хэдриан, что случилось?

Он удивленно поднял бровь:

— Ничего. Ровным счетом ничего.

А в мозгу что-то щелкнуло, и бесформенная доселе мысль материализовалась в одно слово — все. Он быстро закрыл глаза, не желая осознавать то, что подсознание уже хорошо усвоило.

— Но это смешно! — воскликнула Изабель. — Поезжай и немедленно забери ее домой. Вы предназначены друг для друга! Если она от тебя ушла, забудь свою гордость — топни ногой!

Вместо ответа герцог поднялся и открыл для нее дверь.

— Прости, мама, у меня сейчас очень важная встреча. Я полагаю, что нашу тему мы уже обсудили, — сказал он довольно грубо.

Николь одевалась к обеду. Она делала это очень сосредоточенно, малейшая работа поглощала все ее внимание, даже такая, как причесывание или приготовление чашки чая. Она решила, что, сосредоточиваясь на каком-либо деле, даже самом пустяковом, она сможет жить изо дня в день и не думать о неприятном.

Неделю назад она приехала в загородную усадьбу Серлей совершенно неожиданно для хозяев. Увидев ее распухшее от слез лицо, Марта сразу же проводила ее в спальную комнату для гостей. Николь, не сдерживаясь перед подругой и не стараясь сохранить приличный вид, разрыдалась у нее на груди и все рассказала.

Она сейчас не жила, а только существовала, стараясь ни о чем не думать, забивая голову всякой светской чепухой. И так каждый день. Гнетущая боль притаилась в разбитом сердце, готовая в любой момент вырваться наружу. Раньше она хоть надеялась, могла мечтать. Казалось, что ее мечты осуществятся. Но этого не произошло. Горе сидело глубоко в душе, и она боялась его трогать.

«Я настолько для него ничего не значу. Он даже не пытался остановить меня. Он позволил уйти, не колеблясь».

Николь не позволяла себе сосредоточиться на этой мысли, но она постоянно преследовала ее.

mir-knigi.org

В конце недели появилась Регина. Николь понимала, что со временем вся семья узнает о ее местонахождении. Она была рада сестре и одновременно боялась встречи.

— Что ты наделала! — воскликнула Регина.

Она никогда не умела ходить вокруг да около, а говорила все сразу и напрямик.

— Николь, подумай, что ты делаешь?!

У Николь еще свежи были воспоминания, когда Регина, Джейн и Марта приехали ее навестить. Николь вспомнила все до мельчайших подробностей: в каком она была платье, какие на ней были сережки, что она ощущала в тот момент. Она парила в небесах, она была необычайно счастлива, она была влюблена.

Николь закрыла глаза и, обняв себя руками, старалась сосредоточиться на чем-то постороннем и успокоиться.

— Пожалуйста, Регина, не заводи разговор о моем браке. Все кончено. Я никогда не вернусь назад.

— Глупая! Какая же ты глупая! Что же он мог такое сделать, чтобы ты так глупо себя повела? Неделю назад ты была на седьмом небе от счастья.

Николь смогла грустно улыбнуться.

— Ты скоро возвращаешься в Лондон? Ты по-прежнему встречаешься с лордом Хартенсом?

Регина удивленно посмотрела на нее:

— Не увиливай, пожалуйста!

Николь не выдержала и разозлилась:

— Не приставай! Это моя жизнь. Если бы он хоть немного любил меня, то давно бы за мной приехал. Пошел он к черту!

Регина от удивления не могла произнести ни слова. А Николь вдруг ощутила всю боль утраты, боль, которую ей до сих пор удавалось сдерживать. Она закрыла лицо руками и разрыдалась. Регина обняла ее.

— Извини. Ты права, это твоя жизнь. Я очень люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива, — шептала она.

— Что бы я делала без тебя и без Марты? Пожалуйста, будьте на моей стороне! Пожалуйста, не принимайте его сторону!

Регина сосредоточенно обдумывала слова Николь и наконец кивнула в знак согласия.

— Ты не хочешь рассказать мне, что случилось?

— Нет.

Николь глубоко вздохнула.

mir-knigi.org

— Ну вот. Теперь я чувствую себя значительно лучше. Как только я совсем забуду об этом браке, то сразу стану другим человеком. Опять вернусь в Драгмор, и моя жизнь потечет так же счастливо, как и раньше.

Регина печально посмотрела на нее:

— А как ты собираешься забыть его?

Николь не посмела честно ответить на этот вопрос, гак как сама еще ничего не знала.

— Я полагаю, что такой могущественный человек, как он, сможет довольно быстро получить развод.

— Развод?

Николь утвердительно кивнула:

— Этот брак был ошибкой с самого начала. Я отправила ему письмо с просьбой дать мне развод.

ГЛАВА 33

Он перечитывал письмо в третий, четвертый раз, пока не запомнил его наизусть. Вот опять — уже в который раз — слезы навернулись на глаза, и слова стали неразличимыми. Радость и печаль — два чувства боролись в нем. Боже мой, у него есть сын!

«Дорогой сэр!

Я сын Изабель де Варенн Брекстон-Лоувел. Я смею надеяться, что, по прошествии стольких лет, Вы все-таки помните мою мать и то, что однажды произошло между вами. Недавно она доверила мне свою тайну.

Я был поражен не менее, чем будете поражены Вы, так как она рассказала мне не только о давней Вашей дружбе, но и то, что Вы мой настоящий отец. Я надеюсь, что Вы живы, здоровы и что мы познакомимся, если Вы, конечно, этого захотите. Такая встреча может состояться на земле Вашего или моего отечества.

До встречи, искренне Ваш, Хэдриан де Варенн Брекстон-Лоувел, девятый герцог Клейборо».

Он аккуратно сложил потертое на изгибах письмо и засунул его во внутренний карман пиджака. У него есть сын! Он все еще не мог прийти в себя от этого известия, хотя со времени получения этого письма прошло несколько недель. Его сын, который надеется познакомиться с ним.

Хэдриан Стоун сам не мог дождаться этого дня. Теперь его мысли были заняты одной темой — сын. Он без конца думал о нем, но тон письма был настолько официален и сдержан, что за этими строчками никак не проглядывалось лицо сына. Был ли сын так сдержан потому, что писал незнакомому человеку, или старался быть очень сдержанным? Хотел он его на самом деле видеть или ему было просто любопытно? А может быть, он испугался? Возможно, он даже рассердился. Ведь он был девятым герцогом Клейборо, и совершенно очевидно, что до сего времени он был уверен, что его отец — восьмой герцог Клейборо. Разве тут не разозлишься? Может быть, он даже почувствовал угрозу своему положению. У Хэдриана Стоуна было несколько знакомых англичан, и он знает, как они пекутся о своих титулах и своей голубой

крови. А теперь, несомненно, его родственники, мужчины этого рода, станут претендовать на этот титул, захотят отобрать его у Хэдриана, его сына. Но как бы там ни было, сын попросил его о встрече в Америке или Англии. Стоун даже не стал утруждать себя ответом. В тот же день, когда пришло письмо, он сел на первый же пароход, отправлявшийся в Англию.

Он смотрел на город, неровной полосой возникший на горизонте. Потом пароход долго шел по Темзе.

День был серый, прохладный, моросил дождь, но Хэдриан, привычный к любым проявлениям природы, на холод и дождь не обращал никакого внимания. Он поправил галстук. В новом костюме и галстуке ему было непривычно и неудобно. За все свои шестьдесят лет он и десяти раз не надевал костюм и галстук.

Он задыхался от радости, накатывавшей горячей волной. Он был счастлив: у него есть сын! Его сын герцог Клейборо.

У него не было детей. Он так и не женился. Один раз в жизни он полюбил женщину так, что захотел жениться. Но это было очень давно. Стоун недолго горевал, так как был человеком действия, а не пассивным мечтателем. Единственное, что огорчало его, — отсутствие детей. В последнее время это чувство обострилось. И вот у него, оказывается, есть сын, который гоже только что узнал о существовании родного отца. Интересно, что он собой представляет? Видимо, он горд и официален, раз не раскрыл своих чувств в письме к незнакомому человеку. Хэдриан Стоун тоже был очень гордый человек, но он знал, когда надо свою гордость умерить, а когда и вовсе спрятать, и нередко так и поступал. А с другой стороны, его мало интересовали приличия. По тону письма Хэдриана-младшего можно было предположить, что он обладает очень благородной наследственностью. Хэдриан-старший этим похвастать не мог.

Стоун не мог себе представить сына благопристойным или, еще хуже, педантичным англичанином голубых кровей. Хотя между ними должно быть очень много различий.

Стоун начал готовить себя к неизбежному. Его сын был не просто аристократ, он был герцог. Возможно, он не может без слуг пошевелить даже пальцем, чтобы сделать что-нибудь для себя. С этим Стоуну было трудно примириться. Сам он вышел из низов, но благодаря упорному труду — а он никогда не боялся никакой работы — Стоун достиг высокого положения в обществе. Что касается, сына, что ж, нужно честно посмотреть правде в глаза и признать тот факт, что сыну не пришлось в жизни честно попотеть на работе. Но Стоун не станет презирать его за это, даже если окажется, что Хэдриан-младший считает труд ниже своего герцогского достоинства.

А будет ли сын осуждать его? Он молил Бога, чтобы то, что он почувствовал по тону письма, осталось бы вежливой формальностью, а не холодным безразличием и высокомерным снобизмом. Один вопрос не давал ему покоя. Сможет ли сын принять его, простого труженика, который был не более чем морским капитаном?

От этой мысли у него все внутри сжалось: он мало чего боялся в жизни, а сейчас опасался того, что сын отвергнет, не примет, что будет смотреть на него сверху вниз; он немало знал таких, будь то американских или английских снобов. Он так хотел этой встречи и так ее боялся!

Стоун сразу же во всем стал обвинять Изабель. Знай он, что у него есть сын, давно бы предъявил на него свои права. Его сын стал бы воспитываться не в богатых салонах британского высшего общества, а в море, на палубах морских кораблей. Он бы узнал цену труду, гордился бы тем, чего он добился своими руками, а не этим чертовым титулом.

Но этому не суждено было осуществиться, и все из-за Изабель, которая лишила его сына.

Изабель была единственной женщиной, которую он любил. Он не мог уразуметь ее представлений о долге и верности, не мог понять, почему она, любя его, уехала и вернулась к мужу. Бог свидетель, он очень хотел понять ее. Вот уже прошло тридцать лет, но чувство к ней жило до сих пор.

Она лишила его сына, она совсем не та, за которую он принимал ее все эти годы. Это просто эгоистка и нечестный человек, обманувший сына. Она специально не сообщила ему о рождении его сына.

Изабель лишила его сына, и эта мысль стала навязчивой, он не мог от нее отделаться. В сердце, где когда-то жила любовь, загорелся гнев. Он этого никогда не забудет и не простит.

Прочитав короткое, резкое письмо от жены, где она просила его о разводе, герцог сразу же потерял свое, так старательно лелеянное, самообладание: он застонал, что-то воскликнув, разорвал письмо на мелкие кусочки и крикнул, чтобы ему немедленно подали коня. Он знал, что нельзя давать волю гневу, что надо реагировать иначе, но было слишком поздно — его терпению пришел конец. Жгучая ярость стала доминантой его поведения, и он не сдерживал ее.

Хэдриан выбрал Раффиана, самого быстроходного коня в своей конюшне. Он помчался что было сил с одним желанием — добраться до Кобли Хауа до рассвета. Когда он удалился на приличное расстояние от Клейборо и гнев его несколько поутих, Хэдриан поскакал уже медленнее, так как здравый смысл подсказал ему: при такой скачке он загонит своего лучшего коня и тогда уж определенно не доберется до Сассекса к рассвету.

К черту гордость, подумал он разгневанно. Она его жена, и он никогда и ни за что не даст ей развода. Более того, он больше не позволит ей продолжать эту глупую игру. Если она не захочет возвратиться добровольно и будет упираться, он притащит ее силой. Если она будет хныкать и впадет в меланхолию, что ж, пусть этим занимается в Клейборо.

Он не собирается признавать себя побежденным. С него хватит.

Было раннее утро, когда Хэдриан прибыл в Кобли Хауа. И он, и его конь были грязные и мокрые от пота. Слуга, открывший ему дверь, не узнал во всаднике герцога, не пригласил в дом и преградил дорогу. Хэдриан вытер лицо грязным платком и, не обращая внимания на сопротивление слуги, вошел в вестибюль. Грязная вода стекала с его одежды на блестящий полированный пол.

— Послушайте, вы не можете вот так врываться в… — запричитал перепуганный слуга.

— Где моя жена? — спросил Хэдриан.

Слуга оторопел.

Благоразумие, вернувшееся было к нему во время длинной изнурительной скачки, исчезло. Холодный гнев снова вытеснил все остальные чувства.

— Моя жена, — повторил Хэдриан, — герцогиня Клейборо.

Слуга смутился.

— Ваша светлость, простите меня! Я не знал… Я хочу сказать… — Слуга смутился еще больше и побледнел под все более свирепеющим взглядом герцога. — Она в гостевой комнате, наверху на втором этаже. Ее дверь первая направо!

Хэдриан с ходу взлетел на лестницу. Плащ его развевался, как крылья черного грифа. Он не остановился перед дверью. Не сбиваясь с ноги и не сбавляя скорости, он выбил дверь ногой и вломился в комнату.

Николь сидела на кровати и пила горячий шоколад. Она была в ночной рубашке серебристого цвета и пеньюаре. Увидев Хэдриана, она пронзительно вскрикнула и выронила чашку. Шоколад залил белоснежные простыни, а чашка оказалась на полу. Николь испуганно смотрела на мужа. Постепенно страшная бледность покрыла ее лицо, она поняла, что перед ней — ее муж.

— Я приехал забрать вас домой.

Николь вцепилась в одеяло, не в силах от страха произнести ни слова.

Хэдриан недобро улыбнулся. Он рванул дверь в гардероб, там аккуратно висели платья Николь. Он сорвал одно из них и бросил его ей.

— Одевайтесь!

Николь пришла в себя.

— Как вы смеете! Убирайтесь! Убирайтесь сию минуту!

— Я пришел сюда не спорить и ругаться с вами, мадам, — твердо сказал он. — Можете и совсем не одеваться, это уж ваше дело.

Николь ногой отшвырнула на пол и одеяло, и платье.

— Я не поеду с вами. Убирайтесь отсюда. Вы не сможете заставить меня ехать.

Хэдриан рассмеялся:

— Вы недооцениваете меня, мадам.

Он подошел к ней, сгреб ее, не обращая внимания на ее визг и крики, которые могли разбудить и мертвого, и перекинул тело через плечо с той же аккуратностью, с какой носят мешки с фуражом.

— Пустите меня, пустите меня сейчас же! — вопила Николь в ярости.

— С меня довольно, — предупредил он и шлепнул ее по едва прикрытому заду.

Николь от удивления перестала кричать.

Хэдриан вышел в зал и наткнулся на хозяев. Марта в ужасе прикрыла рот рукой, ее глаза округлились. Однако виконт еле сдерживался, чтобы не расхохотаться.

— Привет, Серль! Извините, что побеспокоил вас, — сказал герцог ровным голосом.

— Все нормально, ваша светлость, — вежливо ответил Роберт Серль.

mir-knigi.org

— Я был бы вам очень признателен, если бы вы позволили мне воспользоваться одной из ваших карет.

— Ради Бога. Пожалуйста, — сказал Серль и приказал подать карету к парадному подъезду.

— Предатель! — закричала Николь. — Помоги, Марта!

Хэдриан опять шлепнул ее по заду, и Николь сразу же замолчала.

— Пожалуйста, присмотрите за моим конем.

— Не беспокойтесь. Его накормят, и конюхи за ним присмотрят.

— Поставьте меня на пол!

— Зачем? — спокойно сказал герцог. — Вы сами захотели вести себя по-детски, поэтому и обращаться с вами будут, как с ребенком. Непослушные жены получают то, чего они заслуживают. — Он стал спускаться по лестнице.

— У-у-у-у… — выла Николь, не помня себя от гнева и злости.

— Вы испытываете мое терпение еще раз. Я сейчас положу вас на колено и всыплю так, словно вам шесть лет.

Она сразу же перестала вырываться. Они остановились в вестибюле. Дворецкий сделал вид, что ничего не видит. Марта сбежала по лестнице вслед за ними, старательно избегая взгляда Николь.

— Вам понадобится вот это, — сказала она Хэдриану и передала дворецкому два теплых одеяла и шубу.

— И ты тоже! — воскликнула Николь, рыдая.

— Карета подана, ваша светлость, — объявил дворецкий, и в его голосе прозвучала почти нескрываемая радость.

— Благодарю вас, леди Серль. Еще раз простите меня за вторжение, — сказал герцог, следуя за дворецким на улицу к карете.

К счастью, дождь прекратился. Когда слуга открыл дверцу кареты, Хэдриан бесцеремонно втолкнул туда Николь, затем поднялся сам и, перелезая через нее, закрыл дверцу кареты на ключ, чтобы она не выскочила. Ключ он спрятал в карман.

— Подождите! — закричала Марта, выскакивая из дома с бутылкой в руках. — Вам это тоже понадобится.

Она сунула ему в руки бутылку с коньяком. Хэдриан громко постучал по потолку, приказывая кучеру трогаться. Карета двинулась. Он вытянул свои длинные ноги и посмотрел на жену.

— Я ненавижу вас! — зло крикнула она ему сквозь слезы.

— Не сомневаюсь в этом, — сказал он спокойно и бросил ей меховое пальто. — Во всяком случае, если бы вы меня любили, то не стали бы просить у меня развода, не так ли?

mir-knigi.org

Ноздри Николь раздувались, слезы текли из глаз. У нее был такой вид, словно ей нечего возразить.

— Давайте договоримся сразу: о разводе не может быть и речи. — Он пытался говорить с нею мирно.

— Почему?

— Потому что я этого не хочу.

— А мои желания вас нисколько не интересуют!

— Совершенно верно.

Это окончательно сразило Николь. Она закрыла лицо руками, чтобы скрыть от него свои горе и муку.

И в то же время она чувствовала, что внутри у нее все кипит, как в вулкане, и готово выплеснуться наружу. И все-таки она поборола свои эмоции. Отведя руки от лица, она спокойно сказала:

— Я сделаю вашу жизнь невыносимой.

— Она уже такая и есть, — ответил он безучастно.

Николь заморгала.

— Будь я трижды проклят, если хоть что-нибудь не возьму от этого брака, например, наследника, — проинформировал он ее с холодной улыбкой.

А она не могла понять, чего он хочет, пока он не выразил свои желания так откровенно.

— Так вот кто я для вас! Племенная кобыла! К черту, я не рожу вам сына!

Он резко наклонился к ней. Ничего бесстрастного в его лице больше не было. Глаза горели гневом.

— Вы можете использовать свое положение в качестве моей жены, как вам заблагорассудится. Но вы исполните свой долг. Вы родите мне сына.

— Нет! — закричала Николь в исступлении и бросилась к двери. Но дверь была заперта, и, зная это, она яростно трясла ее. Он оттащил ее от двери. С диким криком она хотела вцепиться в него ногтями, но он перехватил ее руки, вытянул их и опрокинул ее на спину на подушки. Николь вертелась и крутилась, пытаясь высвободиться, слезы заливали ей лицо, но он держал ее крепко. Наконец она полностью обессилела и, скрючившись, затихла, потерпев поражение.

Он не двигался, не пытался ее отпустить, хотя знал, что она без сил и что она проиграла. По мере того как дыхание у нее выравнивалось и слепая ярость отступала, она стала ощущать его грудь на своей, его бедра на своих бедрах, его руки, крепко сжимавшие ее запястья, за своей спиной. Щетина, успевшая отрасти у него на лице, колола ее щеки. Его ровное дыхание было теплым и согревало ее.

Отчаяние ушло, как только она осознала всем своим существом его силу и власть, жар его тела, его мужественность и их близость.

— Я не убегу, — прошептала Николь, слегка повернув голову. К своему ужасу, она почувствовала, что ее губы касаются его подбородка.

— Позвольте мне подняться. — Голос ее дрожал.

Он не шелохнулся и ничего ей не ответил. Молчание затянулось. Ее сердце стало учащенно биться. Хоть он все еще и держал ее за руки, но уже совсем не крепко, и она поняла, что фактически находится в его объятиях. Николь боялась поднять глаза, и все-таки она взглянула на него. Его глаза горели, но не гневом.

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась она.

Он слегка приподнялся, и их сердца забились в унисон. Его могучая грудь буквально сплющила ее грудь. Его плащ был расстегнут, а под ним — мокрая рубаха. Соски ее груди моментально набухли от ощущения сильного, горячего мужского тела, прикрытого всего лишь рубахой.

Она была в смятении: вряд ли ее тончайшая шелковая рубашка могла помешать ему почувствовать ее тело.

— Пожалуйста, — попросила она еще раз едва слышно.

Хэдриан немного изменил положение своего тела. Она подумала, что он собирается встать, но он, оказывается, только освободил свои руки, и они, проскользнув к ней под рубашку, сжали ее груди.

— Только в этом мы друг другу подходим, — сказал он грубо. — Ты не отвергнешь меня сейчас, Николь, не так ли?

Видит Бог, она хотела его отвергнуть. Но он стал нежно мять ее груди и сдавливать соски, зажатые между пальцами. И вместо того чтобы воспротивиться, Николь стала задыхаться от удовольствия.

Он сомкнул руки у нее за спиной и приподнял ее, чтобы поцеловать. Взял в рот ее покрытый шелком сосок и стал сильно сосать. Николь обняла его за голову и притянула к себе. Он освободил ее, взял за колени и подтянул на сиденье, не отрывая взгляда от ее глаз, тяжело дыша. При этом облако пара вырывалось у него изо рта. Николь увидела его напряженное от страсти красивое лицо — и сердце у нее дрогнуло.

Глаза его обещающе горели. Что они могли обещать? Мгновение счастья? Рай на минуту? А ей нужна была вечность.

Она сообразила, что он торопливо расстегивает брюки, наблюдала, как он вытащил свой стоящий набухший член, затем задрал ее ночную рубашку на грудь и вошел в нее. Ее руки сами потянулись к нему и обняли его за плечи, а ноги обвили его талию.

Он сразу же полностью, жарко заполнил ее всю. На миг они замерли, глядя в глаза друг другу, затем он вобрал ее губы в свои.

Он совершал движения быстрые и глубокие, без предварительных игр, без ласкового поглаживания — просто жаркое, грубое трение. Николь движением ног и бедер вошла с ним в единый, энергичный, неистовый ритм. Сильнее… Быстрее… Их тела неистовствовали, наказывая друг друга. Николь больно вцепилась в него, когда сокрушающая, сводящая с ума

волна удовольствия охватила все ее существо. Она вскрикнула, когда у нее начался оргазм.

Он смеялся. Смеялся, когда доводил ее последними, более глубокими, более законченными и выверенными движениями до полного безумия.

Он прижал ее к стенке. Она вцепилась в его напряженные ягодицы, раздирая ему кожу, когда другая волна, еще большей силы, захлестнула ее. И тогда он изверг в нее всю накопившуюся в нем страсть.

Они лежали безвольные и опустошенные. Карета легонько покачивала их. Постепенно к Николь стало возвращаться ощущение тяжести его тела, его мокрой рубашки и брюк, касавшихся ее груди и ног. Ее ночная рубашка задралась, но холода она тем не менее не ощущала — от его разгоряченного тела шел пар, согревая ее.

Осознав происшедшее и то, как активно и страстно она в этом участвовала, Николь пришла в отчаяние. Она отвернулась от него и закрыла глаза. Он пристально на нее смотрел. Она все еще любила его, хоть и не забыла, почему убежала из дома и как он увез ее из Кобли Хауа. А сейчас ей просто напомнили, что ее сопротивление — в любом виде, в любой форме — совершенно бесполезно.

— Николь, — позвал он.

Она не захотела отзываться.

— Я знаю, что вы не спите.

Она крепко сжала веки. Она хотела, чтобы он поднялся, чтобы ничто не напоминало ей, какое теплое и упругое у него тело, но он лишь повернулся на бок. Слезы подкатили к горлу, но она подавила их. Он заставил ее вернуться к нему, она не смогла сбежать от него точно так же, как не сможет сбежать от своей любви. А у него к ней только один интерес — сексуальный, такой же, как к Холланд Дюбуа и еще Бог знает к скольким женщинам. Безнадежно. Любить такого человека безнадежно. Она не станет плакать, иначе если начнет, то не остановится.

Он прикоснулся к ее лицу. Николь не отреагировала. Прикосновение его руки показалось ей легким, мягким и даже нежным. Хотя, конечно, это всего лишь иллюзии с ее стороны. Он коснулся ее губ.

— Не надо, пожалуйста.

— Тогда взгляните на меня.

Она взглянула, и слезы накатились на глаза: там была ее погибель.

— Может быть, если вы выплачетесь, вам станет легче?

— Нет.

— Сомневаюсь, что вы будете чувствовать себя хуже, — чуть-чуть улыбнулся он.

Она ему не улыбалась. Вдруг ей захотелось, чтобы он обнял ее, хотя она прекрасно понимала, что только не в его объятиях ей надо искать утешение. Она опять закрыла глаза и отвернулась.

— В самом деле вам так плохо?

Он склонился над ней. Она открыла глаза.

Его взгляд излучал нежность и любовь. Но уверенность в том, что он ее не любит, что относится к ней как к своей любовнице, не позволила ей ответить ему тем же. Он сел и обнял ее.

— Боже, нет! — воскликнула она и стала молотить его кулаками. Он прижал ее к своей груди.

— Плачьте.

— Пожалуйста, не делайте этого, — попросила она, рыдая.

Он ничего не говорил, только гладил ее по спине.

— Ну вас к черту! К черту! — рыдала она. — Я ненавижу вас, ненавижу!

Он не выпускал ее и продолжал гладить.

Николь так горько рыдала, что он был поражен глубиной ее горя. Он не мог понять, почему она плачет, но почувствовал, что она выплакивает глубокую обиду. Он крепче обнял ее и стал качать, как ребенка. Ему стало грустно. Из-за того, что она так мучается, а причина была в нем, как он догадывался. Ему было грустно, потому что он любил ее и его любовь не проходила. Очевидно, она обречена на безответность. Она плакала у него на руках, как ребенок, и он тоже почувствовал себя маленьким мальчиком, которому хочется поплакать. Слезы навернулись на глаза. Он попытался напомнить себе, что он отнюдь не маленький мальчик, но у него ничего не получилось.

Николь выплакивала свою муку долго. Потом начала икать. Он не отпускал ее и продолжал качать. Она прижалась к его рубашке. Но все еще дрожь била ее. Он утешал ее и вдруг понял, что она уснула у него на руках.

— Тебе завтра будет лучше, — пообещал он ей. — Похоже, завтра не будет так плохо.

Она вздохнула.

— Я ненавижу тебя, — прошептала она, — нет… нет.

Он улыбнулся, и еще одна слеза заблестела у него на реснице.

— Спи. Через несколько часов мы будем дома.

Она крепче вцепилась ему в рубашку, бормоча во сне:

— Я люблю тебя, Хэдриан. Я не ненавижу. Я люблю.

Она крепко уснула у него на руках. Хэдриан бережно положил ее на сиденье.

«Я не ненавижу тебя, я люблю…» Она сказала это в исступлении. Разве нет?

ГЛАВА 34

Поздно вечером герцог и герцогиня вернулись в Клейборо. Слуги были очень удивлены, когда из кареты Серлей вышел герцог, и еще больше, когда он вынес оттуда спящую жену. Николь спала глубоким сном, и он понес ее спящую на руках, стараясь не разбудить.

Николь пошевелилась.

Хэдриан поднялся на крыльцо, вошел в вестибюль, и здесь его встретили Вудворд, миссис Вейг и слуга Рейнард. Никто и глазом не моргнул при виде герцога и его жены, завернутой в длинную шубу, с голыми ногами, спящей у него на руках. На ходу он бросил миссис Вейг:

— Когда ее светлость проснется, ей понадобятся горячая ванна и еда.

На лестнице Николь вздохнула и обняла его. Хэдриан нежно смотрел на ее лицо, губы, ресницы. Он бережно положил ее на постель. Сонные глаза приоткрылись.

— Мы дома. Спи, уже очень поздно.

Николь улыбнулась ему. Это была безыскусная, сонная, прекрасная улыбка, и сердце Хэдриана заныло. Она тотчас же опять закрыла глаза, но ему очень хотелось, чтобы она чаще улыбалась ему этой улыбкой, только ему.

Хэдриан накрыл жену одеялом, подошел к камину и начал растапливать его.

Ее последние слова до сих пор звучали у него в ушах: «Я не ненавижу тебя. Я люблю тебя, Хэдриан». Неужели она серьезно сказала это?

Он боялся надеяться. Он был бы самым счастливым человеком на свете, если бы это было правдой.

Дрова разгорелись. Еще раз взглянув на жену, герцог вышел из комнаты. Он направился в свои покои, где его ждал Рейнард. Хэдриан отдал ему свой плащ.

— Мне тоже хотелось бы принять горячую ванну и что-нибудь поесть.

— Я уже приготовил вам ванну, ваша светлость, а Вудворд принесет вам еду.

Хэдриан погладил бросившегося к нему Борзого, но он думал о Николь, и все движения его были машинальны. Ему было что-то не по себе, как-то беспокойно. В это время Вудворд вкатил в комнату столик, накрытый очень красивой салфеткой.

— Вы сначала примете ванну, ваша светлость?

— Конечно, — сказал герцог. Он не мог припомнить случая, чтобы ему приходилось быть таким грязным.

— Прежде чем вы пойдете в ванну, позвольте вам сказать, что к вам прибыл посетитель.

Хэдриан расстегивал рубаху.

— Какой посетитель?

— Он неожиданно приехал вчера, сразу же после вашего отъезда. У него не было визитной карточки, и я хотел его сначала отправить в гостиницу Боржед, но так как он очень долго добирался из Америки, я решил поселить его в гостевой комнате на четвертом этаже.

— Это мой курьер из Бостона? — требовательным тоном спросил Хэдриан, и сердце екнуло в надежде.

mir-knigi.org

— Нет, ваша светлость. Его фамилия Стоун, но он не сказал, что ему нужно. В настоящее время господин Стоун в библиотеке на четвертом этаже угощается коньяком. Я скажу ему, чтобы он подождал, пока вы отобедаете, или что вы встретитесь завтра.

Кровь отхлынула от лица, и Хэдриан впервые в жизни почувствовал, что теряет сознание.

— Ваше сиятельство, вы больны?

Герцог очнулся и бросился вон из комнаты. Вверх по лестнице он взлетел через две ступени, оставив Вудворда в полном недоумении.

Отец здесь! В это было трудно поверить. Не может быть! Он и не поверит, пока своими глазами не увидит его.

Хэдриан Стоун нервничал, беспокойно осматривал тома книг в библиотеке, которая была не единственной в доме его сына. Чувство страшной неловкости охватило его: ему не нужно было приезжать, теперь он это видит и сам. Волнение, испытанное им во время: долгого пути из Америки в Европу, не шло ни в какое сравнение с тем, что он переживал сейчас. Он знал, что его сын — герцог, но он не был подготовлен увидеть такое богатство, какое обнаружил в поместье Клейборо.

Он ожидал, что увидит что-то необыкновенное, но дом его просто поразил: в таких домах могли жить только короли, и то лет сто назад. И на него сразу же нахлынули сомнения. Он простой человек. Его отец был сапожником, мать — портнихой. Сам он — больше морской капитан, нежели корабельный магнат. В прекрасно сшитом костюме Стоун чувствовал себя мошенником, он предпочел бы сейчас свитер моряка и штормовку. Даже эта, сравнительно небольшая библиотека произвела на него огромное впечатление.

Что за человек его сын? Хэдриан Стоун боялся увидеть в сыне высокомерного человека, который решит, что отец недостоин его.

Но вот он услыхал какой-то шум у открытой двери и, отложив просматриваемую им книгу, обернулся. Высокий, сильный человек стоял в дверях, затем прошел в комнату.

Хэдриан Стоун сразу же признал в нем своего сына.

Лицом он очень походил на Изабель. Едва дыша от волнения, не в состоянии шевельнуться, он смотрел на этого взрослого человека, который был его сыном.

Герцог тоже пристально рассматривал Хэдриана Стоуна.

Стоун сразу же отметил про себя, что хоть его поразительно красивая внешность унаследована от матери, но квадратная и сильная челюсть — его, и именно благодаря ей он выглядит достаточно мужественно.

А глаза? Глаза у него такие же янтарные, как и у него самого, и та же мощная фигура, тот же высокий рост.

Затем Стоун перевел взгляд на одежду. Он увидел влажную шелковую рубаху и грязные, коричневого цвета бриджи. Сапоги тоже грязные и мокрые. Ничего щегольского в одежде и в лице у этого человека, не было. Его сын был мужчиной в полном смысле этого слова, у которого, судя по внешнему виду, позади остался невероятно длинный и трудный день. Отец вздохнул с облегчением.

А герцог был поглощен своими наблюдениями. Он не мог оторвать глаз от отца. Вот здесь стоит его отец. Его отец! Прошли долгие минуты. Хэдриан-младший стряхнул наконец с себя оцепенение.

— Я не ожидал, что моя просьба будет выполнена так быстро.

Стоун замешкался. Интонация и тон голоса выдавали в Хэдриане-младшем высокообразованного человека, принадлежащего к высшему классу. Стоун почувствовал, что не только разные страны разделяли их, но и принадлежность к разным классам. Он опять стал нервничать.

— Как же я мог не приехать сразу?

Хэдриан закрыл дверь и вошел в комнату.

— Я должен извиниться, что не встретил вас. Меня не было дома, когда вы приехали.

Стоун махнул рукой:

— Очевидно, меня не ждали.

Наступила неловкая пауза. Хэдриан нарушил ее, пройдя к столику, и предложил отцу коньяк.

— Вы выпьете еще коньяку?

— Да, пожалуй, — невнятно произнес Стоун.

Хэдриан осторожно налил отцу коньяк.

— Вы уже видели Изабель?

Вопрос был задан между прочим, так как он отчаянно искал тему для разговора, чтобы сломать напряжение, возникшее между ними.

— Нет.

Хэдриан удивился, заметив, как потемнело лицо у отца при упоминании имени матери. Он имел чувство меры и знал, когда надо остановиться. В данном случае это была тема матери. Однако такая реакция отца несколько озадачила его. Все-таки прошло немало лет, можно бы было ожидать просто безразличие, но не такую явную злость. Двое мужчин стояли друг против друга. Оба высокие, одного роста, и смотрели друг другу прямо в глаза.

— Черт! — выругался Хэдриан-младший. — Ужасно неловкая ситуация. Как же все-таки встречаются не видавшие никогда друг друга отец и сын?

Стоун неожиданно рассмеялся.

— Черт — это хорошо! — воскликнул он. — Слава Богу, что вы можете ругаться!

Неожиданно для себя Хэдриан тоже стал улыбаться, его нервы тоже были напряжены.

— Вы хотели, чтобы я ругался?

— Нет, Дело не в этом, чего бы я хотел. Хорошо, что вы умеете ругаться, — сказал Стоун

mir-knigi.org

серьезно. — Мне просто было интересно, будем ли мы продолжать нашу беседу так официально.

— Мы, англичане, придерживаемся формальностей.

— Да, но вы наполовину американец.

Хэдриан перестал улыбаться, лицо его стало мягче, и он серьезно сказал:

— Мне очень хотелось увидеть вас. Спасибо, что приехали.

— Какой отец удержался бы и не приехал в такой ситуации?

— Думаю, что многие.

Похоже, что Стоун задел сына за живое.

— Мне всегда очень хотелось иметь сына. У меня нет детей. Никого. Пожалуй, — он улыбнулся, — не было до сих пор.

Эта улыбка сказала все. От Изабель Хэдриан уже знал, что этот человек совсем не был похож на Френсиса, но он опасался, что для человека, который его только зачал, отцовство будет мало значить. Оказалось совсем иначе. Отец был счастлив, что у него есть сын, более чем счастлив. Доказательство тому — такой скорый приезд в Англию.

— А мне всегда хотелось иметь настоящего отца, как у других мальчиков.

Стоун посмотрел на него и сказал:

— У вас был отец.

Лицо Хэдриана стало почти суровым.

— Не было у меня отца. Френсис знал, что я незаконнорожденный. Я не знал всей правды и не мог понять, за что он меня так ненавидел. Я испытал огромную радость, когда узнал правду.

Стоун проговорил:

— Ей следовало давно сказать вам и мне…

Хэдриан услышал в тоне Стоуна осуждение и резко возразил:

— У нее на это были свои причины.

Стоуну понравилось, что сын верен матери, и ретировался. Если он станет обвинять Изабель, то отпугнет этим сына, с которым ему очень хотелось быть в дружбе.

— Прошлое пусть останется в прошлом. Я благодарен Богу, что он дал мне дожить до того дня, когда я увидел своего сына собственной персоной.

Хэдриан улыбнулся:

— Я тоже ждал этого дня. Изабель только один раз рассказала мне о вас, и я понял, что вы совсем не похожи на Френсиса.

mir-knigi.org

— Он был такой плохой? — озабоченно спросил Стоун.

— Он был пьяница, гомосексуалист, ненавидевший не только меня, но и свою жену. Он был трус и хулиган. Он плохо обращался с нами обоими, пока однажды — мне уже было четырнадцать лет — я не сбил его ударом с ног.

Стоун поразился. Он представил себе, как стройную, гордую, удивительно красивую Изабель, в юбку которой вцепился маленький мальчик, избивает какой-то бесхарактерный мужчина, ее муж. Он не хотел допускать слабость, думая об Изабель, поэтому стал думать о сыне.

— Возможно, когда-нибудь ты мне расскажешь всю свою жизнь.

— Возможно. — Хэдриан отвернулся.

Стоун понял, что слишком далеко зашел, пытаясь форсировать развитие событий. Он был простой человек и этим отличался от сына, хотя тот, несмотря на сложное детство, вырос сильным и благородным мужчиной. Нет нужды долго беседовать с герцогом Клейборо, чтобы определить, что это человек высокого достоинства и чести.

Хэдриан опять обратился к отцу:

— Вы не хотите, чтобы я послал за ней?

— Нет!

Хэдриана поразила резкость, с которой Стоун отказался от встречи с Изабель. Хоть смутно, но Хэдриан стал что-то понимать.

— Вы говорите, что у вас нет детей? Вы были женаты?

— Нет… — Выражение его лица стало злым. — Как я уже сказал, прошлое осталось в прошлом. У меня нет желания его тревожить, надеюсь, у твоей матери тоже.

Как раз с этим Хэдриан и не был согласен. Он почувствовал, что здесь отношения очень интимны и сложны — не ему их распутывать, — но в силу своего строптивого характера твердо решил проигнорировать желание отца.

— Возможно, вы правы. Как долго вы пробудете здесь?

Стоун улыбнулся. Он почувствовал, что ему больше не страшно и совсем не тревожно. Напротив, его сердце готово было разорваться от любви к своему единственному ребенку. Это чувство переполняло его, стало трудно дышать. Ему и в голову не приходило, что можно испытать такое.

— Столько, сколько я буду здесь желанным гостем.

— Вы здесь всегда будете желанным.

Сердце Стоуна заныло. Он посмотрел на сына и увидел легкий румянец на его щеках. Он инстинктивно понял, что Хэдриану нелегко далась его откровенность, слишком быстро все произошло.

— Спасибо.

mir-knigi.org

— Не нужно благодарить меня, вы мой отец. Вам всегда здесь будут рады, — повторил он твердо.

Стоун вспомнил о своих опасениях.

— Мое родство с вами не повредит вашему положению?

Похоже, Хэдриана позабавила его встревоженность. Он удивленно поднял бровь и ответил:

— А-а, понимаю. Мое положение как герцога? Нет, не повредит.

— Но как это возможно?

— Изабель стала законной наследницей Клейборо в браке с Френсисом. Да, у меня действительно много двоюродных братьев, которые хотели бы лишить меня наследства и которые с удовольствием оспорили бы завещание Джонатана Брекстон-Лоувела. Но до этого никогда не дойдет. Не потому, что я жажду власти и положения, я этого не хочу. Не потому, что я люблю Клейборо и не захочу с ним расстаться, чего я действительно не хочу, а потому, что репутация моей матери должна во всех случаях оставаться незапятнанной, как бы важно для меня ни было найти отца. Правда о наших взаимоотношениях не может быть раскрыта. И если кто-либо захочет что-нибудь раскрыть, я буду все отрицать, чтобы защитить мать. А если так сделаю я, то никто не посмеет возбудить дело.

— Понятно.

Стоун не был огорчен, хотя ему очень хотелось бы заявить, что Хэдриан Брекстон-Лоувел — его сын.

Его чуть не до слез растрогала непоколебимая верность сына матери и чувство чести.

Однако Стоун уловил предупреждающие нотки в голосе сына.

— Я восхищаюсь тобой, Хэдриан, — спокойно сказал отец. — Я горжусь тобой. Я приехал сюда не за тем, чтобы публично объявить тебя своим сыном или испортить тебе жизнь. Не беспокойся на этот счет.

— Я знаю, — сказал Хэдриан также серьезно. — Я это знаю даже без вашего заверения. Вы не мстительны, и вы не ловец счастья, не мелочны. Знать это — для меня очень много.

Неожиданно для себя он пошутил:

— Хоть вы и американец, но человек чести.

Стоун расхохотался.

ГЛАВА 35

Изабель не могла понять, что случилось, зачем ее так срочно вызывает к себе Хэдриан.

Поздно вечером, после ужина, ей принесли от него записку с просьбой посетить Клейборо завтра утром. Изабель забеспокоилась. Такая срочность, наверное, могла быть связана только с женой. А что еще более важное могло случиться?

Разумеется, она непременно приедет.

Она поднялась с рассветом и через час уже была в пути. Было еще раннее утро, когда она пересекла границу герцогства. В сильном волнении она почти влетела в дом сына.

— Его светлость еще в столовой, ваша светлость, — сообщил ей Вудворд.

Изабель удивилась: Хэдриан никогда не завтракал так поздно — уже было половина десятого, и она не могла понять, почему он сегодня нарушает свои правила. Ее беспокойство усилилось.

— Герцогиня с ним? Задавать этот вопрос она боялась: боялась получить отрицательный ответ, хотя и надеялась на противное.

— Нет, ваша светлость, герцогиня еще спит.

Изабель облегченно вздохнула.

— Значит, Николь вернулась! — воскликнула она радостно.

Вудворд улыбался в очень редких случаях, но тут не сдержался:

— Да, вернулась. Мы все так рады, ваша светлость. Хотя… не то чтобы вернулась…

Изабель давно знала Вудворда, поэтому удивилась, когда он сам начал рассказывать, очевидно, ему очень хотелось что-то еще сказать ей.

— Что вы имеете в виду?

— Его светлость принесли ее домой.

По интонации голоса и той недоговоренности, с какой он это сказал, она предположила самое плохое. Она хорошо могла себе представить, какие силы потребовались бедному Хэдриану, чтобы вернуть в дом жену. Изабель тяжело вздохнула и поспешила дальше в столовую.

— Он не здесь, ваша светлость, — следуя за ней, предупредил Вудворд. — Он сейчас в музыкальной комнате. Ее светлость предпочитают завтракать именно там.

Изабель очень удивилась, но в ту же минуту поняла, что все будет хорошо. Николь Шелтон Брекстон-Лоувел постепенно укрощает ее сына. Давно пора ему стать немножко мягче. Она пропустила вперед Вудворда, чтобы он открыл ей дверь, и, весело улыбаясь, вошла в комнату.

Но тут она сразу же застыла на месте. В комнате был Хэдриан. Ее Хэдриан. Хэдриан Стоун. Он сидел за столом вместе с ее сыном, оба были увлечены какой-то серьезной беседой. Могло показаться, что вот так они завтракают каждый день — отец и сын.

У нее закружилась голова. Но Изабель, отличавшаяся железной волей, заставила сердце биться ровно, хотя и очень сильно побледнела. Она стояла высокая, стройная, по-прежнему сильная, но смертельно бледная: взгляд ее был прикован к Хэдриану Стоуну, который тоже смотрел на нее, не отрываясь.

— Мама! — воскликнул Хэдриан.

Хэдриан-младший переводил взгляд с застывшей в дверях матери на отца, в состоянии шока сидевшего за столом. Первым пришел в себя Хэдриан Стоун.

— Что за шутки? — спросил он холодно.

— Извините, я вспомнил, что у меня есть очень срочное и важное дело, которое мне нужно сейчас же разрешить, — сказал Хэдриан и, не дожидаясь ответа, быстро вышел, захлопнув за собой дверь.

Стоун повторил свой вопрос:

— Что это за глупые шутки?

Изабель молча смотрела на него, часто моргая. Она не могла поверить, что это не сон, что человек, которого она когда-то всем сердцем любила да и любит сейчас, стоит перед ней.

Он постарел. Волосы уже не были блестящими и каштановыми, в них появилось много седых, вокруг глаз и рта расположились морщинки, но он по-прежнему был стройным и мускулистым и по-прежнему зачаровывал ее своей мужественностью, он, как и прежде, был самым красивым мужчиной, которого она когда-либо встречала, — и всегда будет таким.

Он встал, отодвинул ногой стул и сказал резко:

— Я не хотел больше видеть вас, но, похоже, наш сын решил иначе.

Изабель вздрогнула. Было очевидно, что он ее ненавидит. Он смотрел на нее с таким презрением, с каким смотрят на самого отвратительного преступника. Боже мой, как могла такая любовь перейти в ненависть? Как же ей смотреть ему в глаза, если он испытывает к ней такую ненависть?

У нее нашлись силы, о существовании которых она и не подозревала. Она распрямила плечи, подняла голову и твердо произнесла:

— Похоже.

Она прошла к столу легким шагом, не глядя на него, но ощущая на себе его горящий взгляд. Она никогда не была легкомысленной, но сейчас ощутила свои пятьдесят лет во всей полноте. Стоило ей взглянуть на него, как она загорелась волнующим, жарким желанием. Он же, как ей казалось, видел перед собой пожилую женщину, к которой испытывал только ненависть.

Она потянулась к чайнику, чтобы налить ему и себе чаю. Хэдриан перехватил ее руку и потянул Изабель к себе так, что их лица почти соприкасались. Она вскрикнула.

— Боже милостивый! — закричал он. — После всего, что вы наделали, вы смотрите на меня и наливаете мне чай?!

— Отпустите мою руку.

Он отпустил сразу же.

— На вас это не похоже — вести себя так грубо.

Она поражалась своему спокойствию и твердости, хотя на самом деле была близка к обмороку.

— Если я веду себя так грубо, так только потому, что вы меня к этому вынудили.

— Френсис тоже обвинял меня в своей слабости.

Он оцепенел и побледнел, на щеках заходили желваки. Потом тихо произнес:

— Извините.

Он никогда не был похож на Френсиса, не мог быть на него похожим, и Изабель знала это.

— Вы тоже извините меня, — сказала она тихим и проникновенным голосом.

Он вскинул голову, как от резкого удара. Глаза метали молнии.

— Извиняться сейчас? Не поздновато ли?

Он перегнулся через стол, и Изабель подумала, что он опять хочет ее схватить за руку. Но он навис над ней, трясясь от ярости.

— Так по какому поводу вы извиняетесь, Изабель?

Слезы безудержно текли по ее щекам.

— Извините за все.

— За все? — с сарказмом переспросил он. — За ложь, за обман, за то, что вы оказались эгоистичной самкой?

Она отшатнулась от него.

— О Боже!

Он снова схватил ее — в руках была огромная сила, хоть они не причиняли боли, — и сильно тряхнул ее.

— Я любил женщину, которой не было на самом деле. Никогда не было! То, что я любил, был обман, прекрасная ложь. Я любил прекрасную ложь!

Она зарыдала:

— Почему ты так делаешь? Почему ты мучаешь меня? За что ты меня так ненавидишь?

— Ты лишила меня сына и еще спрашиваешь, почему я тебя ненавижу?

— Я так поступила потому, что боялась! Я боялась!

— Боялась? Кого? Френсиса?

— Нет. Я хочу сказать, что, конечно, Френсиса я боялась. Он ненавидел меня за то, что я управляла имением, за то, что Хэдриан не его сын. Ему было достаточно малейшего повода, чтобы обидеть меня. Хэдриан еще мальчиком был похож на тебя. Он был очень смелый мальчик. Сколько раз он пытался защитить меня! — Изабель горько плакала.

— Я бы защитил тебя! — Он крепко тряхнул ее. — Черт возьми! Я бы вас обоих защитил! Я бы вас увез отсюда!

— Именно этого я и боялась, — вместе с рыданием вырвалось у нее. — Я знала, что ты приедешь, если я сообщу тебе о Хэдриане, что ты будешь требовать у меня сына. Я знала и то, что поступаю дурно, скрывая от тебя правду. Но, Хэдриан! Господи, попытайся понять меня! Самое тяжелое, что мне пришлось когда-нибудь пережить, — это бегство от тебя и

mir-knigi.org

возвращение в Клейборо. Для меня до сих пор остается загадкой, как я сумела это сделать, как я жила изо дня в день без тебя. Лишь когда я узнала, что у меня от тебя будет ребенок, я успокоилась, это придало мне силы жить и бороться. Я не сообщала тебе ничего потому, что ты приехал бы и поломал жизнь, которую я едва сумела наладить. Я знала, что стоило бы мне тебя увидеть, и я без колебаний покинула бы Клейборо и мужа, отказалась бы от чести, от самой себя и убежала бы с тобой и ребенком. Но, поступив так, я бы ненавидела себя всю жизнь.

Он отпустил ее, дрожащей рукой провел по своим волосам, глядя на нее в полном недоумении.

— Господи! Это все из-за проклятого благородства! Из-за него ты пожертвовала собой!

— Если бы я взяла Хэдриана и ушла с тобой, то со временем стала бы презирать не только себя, но и тебя, а этого я боялась больше всего, — закончила она почти шепотом.

Стоун был в растерянности, он не знал, как реагировать на ее слова. Потом отошел в сторону. Она наблюдала за ним, не сдерживая больше слез и не произнося ни звука.

Когда он повернулся к ней, Изабель увидела, что в его увлажнившихся глазах уже нет гнева.

— Жизнь никогда не бывает только белой или черной, не так ли? — заключил он с грустью. — Сколько в ней серых оттенков? Почему ты должна быть именно такой, какая ты есть, Изабель? Хотя, — он с горечью засмеялся, — именно эту женщину я полюбил.

— Я решила, что лучше жить без тебя, но любя тебя, чем жить с тобой и презирать себя и тебя.

— А я бы не смог долго выдержать твое презрение, — сказал он очень серьезно.

— Теперь ты понимаешь? — воскликнула она.

— Да, я понимаю, что значит уважать себя, — горько признался он.

Она откинулась на спинку кресла, чувствуя огромное облегчение, и взглянула на него смелее.

— Ты можешь простить меня?

— Не знаю.

Она была убита этой фразой.

— Хэдриану было плохо. Ты хоть понимаешь, что пожертвовала им ради своего проклятого благородства?

— Нет! — воскликнула Изабель. — Френсис никогда его не любил, но я заставила его признать, что Хэдриан его сын. Я пригрозила ему, что открою обществу все, что о нем знаю: как он пьет, как предпочитает мальчиков и как его жене приходится спасать его от кредиторов. И Френсис уступил. Он никогда бы не перенес, если бы свет узнал о его полной финансовой несостоятельности. Хэдриан действительно не испытывал отцовской любви, но я старалась возместить ее. Ты же его видел. Видел, каким замечательным человеком вырос наш сын. Посмотри, какой он сильный, он во всех отношениях похож на тебя. Ты вполне можешь гордиться им, должен гордиться.

— Но он рос страдая.

На минуту Изабель закрыла глаза.

— Он страдал. Он страдал от боли, которая не покидала его по сей день. Боль оттого, что его не любил и презирал отец. Я, как могла, защищала его. Может быть, я эгоистка. Возможно, ты прав — я думала только о себе. Очень может быть, что решение, принятое мною тогда, было неверно. Сколько раз я спрашивала себя об этом. Возможно, ты дал бы ему любовь. Но наши отношения недолго бы сохранились, если бы я отказалась от своего брака и от той жизни, которой жила. Трудно сказать, был бы Хэдриан после этого более счастливым ребенком.

Стоун понял, что сейчас действительно очень трудно судить, что было бы лучше. Изабель тихо плакала, вытирая слезы платком. Он вдруг почувствовал, что гнева в нем больше не осталось, что на душе легко. Он видел ее хрупкие вздрагивающие плечи, изящные руки, на пальце левой руки блестел необыкновенных размеров сапфир: обручальных колец она не носила.

Он поднял голову и посмотрел ей в глаза. Изабель сейчас не двадцать лет: у глаз собралось несколько морщинок, морщинки у рта стали глубже, волосы стали платинового цвета, но черты лица остались по-прежнему прекрасны. Он почувствовал, как в нем пробуждается желание.

— Ты все еще очень красива, Изабель, — сказал он осторожно.

— Я старая.

— Ты не выглядишь старой.

— Не делай этого.

— Не делай — чего? — Он еще ближе придвинулся к ней.

— Не надо! — Она попыталась убрать его руки, но он притянул ее к себе и вздрогнул. Каждая часть ее тела была необыкновенно женственной и хорошо знакомой. Она замерла в его объятиях и тихо посмотрела на него чистыми, прекрасными глазами, которые он так хорошо понимал.

— Не нужно, — сказала она опять.

— Почему не нужно? Ничего не изменилось, не так ли? Мы по-прежнему хотим друг друга. Я хочу тебя.

Слезы навернулись ей на глаза.

— А я люблю тебя.

Его словно оглушило громом, а затем он перестал соображать, что делает. Он крепко обнял ее и страстно поцеловал. Все прошлые годы исчезли: вчера стало сегодня. Ему не было шестидесяти лет, а женщина, которую он держал в своих объятиях, была молоденькой девушкой. Возможно, что они и обнимались не здесь, а где-то на палубе «Морского дракона». Время остановилось для них. Реальностью были только Изабель и его сильная любовь к ней, которая никогда не умирала.

Руки соскользнули вниз по ее телу, как бы вспоминая, губы касались ее губ.

— Не плачь, Изабель, — тихо пробормотал он, — не плачь, — и еще крепче обнял ее.

Она не успокаивалась. Схватив его за отвороты пиджака так, что они затрещали, она, рыдая, повторяла:

mir-knigi.org

— Я люблю тебя, Хэдриан, люблю, но я не могу быть с тобой, раз ты меня так ненавидишь.

— Я не ненавижу тебя! Как же я могу вообще ненавидеть тебя? Я всю жизнь прожил с любовью к тебе, — и, вспомнив слова сына, добавил: — Даже американец может хранить верность.

Она засмеялась:

— Это правда? Ты серьезно говоришь? Ты любишь меня? Ты можешь меня простить?

— Есть такая поговорка, — сказал он, с нежностью держа ее лицо в своих больших ладонях. — Любовь залечивает все раны.

Она счастливо рассмеялась, прижимая его ладони к своему лицу.

— Это «время лечит все раны», я думаю.

— А для нас — любовь, — просто ответил он.

Стоун вдруг напрягся, какая-то мысль взволновала его: вдруг она испытывает чувство верности к Клейборо или мертвому герцогу?

— На этот раз ты выйдешь за меня замуж, Изабель.

— Да! — воскликнула она радостно. — Да, да, да!

— Это не был вопрос, — сказал он, и на глазах появились слезы.

— Я знаю! — Она порывисто обняла его.

ГЛАВА 36

Проснувшись, Николь не сразу сообразила, где она находится. Протерев глаза, она поднялась, опершись на локоть, посмотрела на толстую колонну, поддерживающую кровать с тяжелым балдахином, — и сразу все вспомнила.

Вчера Хэдриан насильно увез ее из Кобли Хауа, затем они занимались любовью в карете — с ее стороны не было никакого желания противиться ему. Потом ее гнев ушел, и проснулась любовь, которую невозможно, да и незачем убивать. И, наконец, у нее произошел нервный срыв: на руках у мужа она выплакала все свое горе.

Николь села. Она была совершенно голая, но не помнила, ни как раздевалась, ни как ложилась в постель. Последнее, что ей запомнилось, это ее рыдания на руках у Хэдриана в карете и его нежные объятия. Но от одного воспоминания у нее сразу же учащенно забилось сердце — кажется, она говорила, что любит его. А может быть, ей это только приснилось? Было бы хорошо, если бы это был только сон.

— Боже, что же теперь делать?

Образ шикарной Холланд Дюбуа возник перед ней.

Николь встала с постели и, надев халат, пошла умываться и чистить зубы, стараясь думать только о том, что делает в настоящее время. Это помогало иногда, но сейчас ничего не получалось.

mir-knigi.org

Она стояла в ванной комнате, держась за туалетный мраморный столик, уже совсем проснувшись. В Кобли Хауа она жила, не думая и не чувствуя, и лишь теперь могла делать и то и другое. Сердце еще щемило, стоило лишь вспомнить о Хэдриане и Холланд, но, странное дело, она чувствовала себя уже совсем неплохо.

Что же ей делать с Холланд? Да и что она может сделать? Неужели вчера Хэдриан был добрым и внимательным? Или это был сон? Нет, она немедленно должна увидеть мужа. Она должна убедиться, что ей не приснились его любовь, нежность, сочувствие. Теперь только это имеет значение.

Николь побежала к двери. Она понимала, что ей не следовало бы выходить из спальни в таком неприбранном виде, но какая-то сила толкала ее, и устоять она не могла.

Николь вышла в гостиную и хотела уже идти в коридор, но увидела на полу у стены большую прямоугольную коробку, завернутую в подарочную бумагу. Она остановилась. Николь поняла, что это от Хэдриана. Коробка, как магнит, притягивала ее к себе. Сгорая от любопытства, Николь вскрыла ее.

Пораженная, она долго не могла прийти в себя. В коробке лежало шесть великолепных замшевых бриджей — розовые, серые, коричневые, зеленые, синие бриджи для охоты. Последние, которые она вынула из коробки, были черные. Она стала их рассматривать и поняла, что утруждать себя примеркой не следует — они будут сидеть на ней великолепно.

Николь расстроилась до слез. Она прижала черные бриджи к лицу и задумалась. Что все это значит? Боже, что же все это значит?

Она отбросила бриджи в сторону и стала шарить в коробке в поисках записки. На дне лежала открытка. На ней были только три слова: «Моей дорогой жене» Внизу стояла неразборчивая подпись Хэдриана.

Николь прижала открытку к груди. «Моей дорогой жене»! Он написал: «Моей дорогой жене». Теперь она не сомневалась, что вчера его глаза смотрели на нее с любовью и сочувствием.

Он ее любит.

Николь быстро встала. Она немедленно должна найти Хэдриана, и никто не сможет ее остановить.

Она бежала, не обращая внимания на изумленных служанок. Сердце бешено колотилось в груди.

На первом этаже, пройдя мимо швейцаров и не замечая их, Николь направилась в кабинет Хэдриана. Но неожиданно ее внимание привлекли голоса, доносившиеся из музыкальной комнаты. Это были счастливые голоса мужчины и женщины. Николь прислушалась: говорили тихо, сдержанно и очень нежно. Голос мужчины был очень похож на голос Хэдриана. Недолго думая, Николь распахнула дверь.

Она увидела герцогиню Дауэйджер в объятиях мужчины. Они сразу же обернулись и посмотрели на Николь, а она, ничего не понимая, не знала, куда деться от смущения.

— Извините меня! — воскликнула она и попятилась в коридор. — Ради Бога, извините!

Захлопнув дверь, она постояла, прижавшись к ней спиной, чтобы перевести дух. Что бы там ни

mir-knigi.org

было, какое ей дело? Она должна найти своего мужа, должна!

Видимо, он у себя в кабинете. Николь со всех ног бросилась бежать назад по лестнице.

Когда Хэдриан закрыл за собой дверь, оставив родителей в музыкальной комнате наедине, он почувствовал себя немного виноватым, так как не был уверен, что поступил правильно. Было видно, что они любят друг друга, ему показалось, что их можно примирить. Хотя прошло столько времени, что им, пожалуй, трудно будет вернуть прежние чувства.

Шагая по комнате, он беспокойно поглядывал на часы — было около десяти. Николь спала уже сутки. Вчера вечером он заходил к ней трижды, и с каждым разом ему становилось все тревожнее: она спала как убитая.

Он решил разбудить ее и для этого пошел по задней лестнице, чтобы быстрее достичь спальни. Хэдриан нервничал. У него было такое ощущение, что эта встреча должна определить их дальнейшую жизнь.

А что, если она и в самом деле любит его? Или он принял желаемое за действительность?

Войдя в спальню и не увидев ее, Хэдриан испытал сильное разочарование. Внезапно он услышал шорох у себя за спиной. Хэдриан резко повернулся — перед ним стояла Николь.

— Хэдриан… — еле слышно произнесла она.

Он смотрел на нее, и от того, как она произнесла его имя, как у нее загорелись глаза — сердце защемило.

— Доброе утро, мадам. Я уже начал беспокоиться: вы проспали весь день.

— Да? И вы беспокоились? — переспросила она, затаив дыхание.

— Да.

Она неожиданно улыбнулась и протянула ему руку, сжатую в кулак. Когда Николь разжала руку, он увидел, что это открытка, которую он положил неделю назад в коробку с подарком.

— Хэдриан, что это значит? Что означает ваш подарок?

Он ответил не сразу:

— Это значит, что я вел себя, как осел и очень сожалею об этом.

— Ты сожалеешь по поводу Холланд? — почти прошептала она.

— Холланд? — Ему и в голову не могло прийти, что Николь известно имя его бывшей любовницы. — Какая Холланд?

Она вся сжалась и тихо произнесла:

— Холланд Дюбуа.

Взяв ее за руку, он сказал:

mir-knigi.org

— Николь, какое отношение имеет Холланд к этому? И, ради Бога, как ты узнала ее имя?

— Я думала, что вы извиняетесь за то, что уехали к ней. Но теперь я вижу, что ошиблась. Опять ошиблась, опять осталась в дураках.

— Подожди! — Он все не отпускал ее руку.

— Я ни с кем не могу делить вас, Хэдриан, — сказала она, — и не буду. — Она резко выпрямилась, по-видимому приняв решение. — Боже, какая же я глупая! Почему мне раньше не пришло в голову, что надо драться за то, что мне принадлежит?

Хэдриан не сразу понял, что же она имеет в виду.

— И за что это ты хочешь бороться?

— Я собираюсь бороться за вас, — заявила она, сверкнув глазами. — И я буду бороться с Холланд. Я все решила. Я больше не хочу развода.

— Понятно, — произнес он, подумав, не выглядит ли он таким же довольным, каким чувствует себя. — А как насчет того, что хочу я?

— Отвечу вам вашими же словами. Что хотите вы, меня не интересует.

— В самом деле? — засмеялся он. — Почему-то мне кажется, что вы лжете.

Она удивленно посмотрела на него.

— Хэдриан, мне нужно все разъяснить.

— Да, пожалуйста, — сказал он, с трудом скрывая счастье, переполнившее его.

— Я не хочу развода, но и делить вас ни с кем не хочу. Прекрасно понимаю, что силой не смогу удержать вас от дальнейших посещений этой женщины, но я смогу ей помешать развлекать вас.

— Дорогая, вы определенно можете удержать меня физически от встреч с этой женщиной, что вы уже и делали, но что же вы задумали против бедной Холланд? — спросил он, посмеиваясь.

— Забудьте о том, что вы когда-то чувствовали к этой женщине, Хэдриан, — заявила она сердито. — Она больше никогда не увидит вас, стоит мне у нее еще раз появиться.

Он застонал.

— Теперь я начинаю понимать. Вы посетили ее в то время, когда я был в Лондоне?

— И не одна я, — резко ответила Николь.

— Вы ревнуете! Признайтесь!

— А разве вы не знали, что в моих жилах течет кровь американских индейцев?

— Не могу сказать, чтобы я был очень удивлен этим обстоятельством, — сказал герцог, обнимая Николь.

mir-knigi.org

— Что вы делаете? — воскликнула Николь, когда он начал гладить ей спину.

— Я держу в объятиях свою жену.

Она была близка к обмороку.

— Вы серьезно имели в виду то, что написали на открытке?

— Да, Николь, пожалуйста, не бейте бедную Холланд плеткой по лицу, как это вы однажды сделали со мной. Я не хочу оправдываться, но поверьте, кто-то очень сильно ввел вас в заблуждение.

Она схватила его за рубашку.

— Я была введена в заблуждение?

— Да. Холланд Дюбуа — не моя любовница.

— Не любовница?

— Нет. Мы прекратили наши отношения, когда я прошлый раз приезжал в Лондон.

— А они были?

— Были.

Николь стало необыкновенно легко.

— И у вас не было… приятного расставания?

— Все самое приятное у меня здесь, дорогая.

У нее подкашивались ноги, но он крепко держал ее.

— О Боже! — проговорила она. — Ведь я хотела изрезать ей лицо кухонным ножом.

Хэдриан застонал.

— Как я могла так необдуманно убежать?! — причитала Николь.

— Понятия не имею, но что-то подсказывает мне, что это будет не последним необдуманным поступком с вашей стороны.

Она хотела возразить, но он закрыл ей рот жарким и долгим поцелуем.

— Но я всегда буду рядом, дорогая, и буду вас спасать, не бойтесь.

— Дорогая? — проговорила она зачарованно. — Почему вы все время обращаетесь со словами «дорогая» или «милая»?

— Потому что ваша ревность мне приятна, — сказал герцог с нежностью. Его взгляд излучал любовь.

— О, Хэдриан, — вздохнула она. — Когда вы на меня вот так смотрите…

mir-knigi.org

— Да?

— Я уже ни о чем не могу думать. По правде говоря, я едва держусь на ногах.

— Вам много потребуется времени, чтобы вспомнить, что вы наговорили мне?

— А что я вчера говорила? — пискнула Николь.

— Я не хочу больше никаких игр, — сказал он серьезно и добавил: — Дорогая.

— Так, значит, вчера это был не сон, когда вы держали меня на руках, словно я вам действительно дорога?

— Конечно, ты мне очень дорога.

Она сильнее вцепилась в него, иначе просто бы упала на пол.

— Я очень люблю вас, Хэдриан, да вы об этом уже знаете, не так ли? Я же сказала вам об этом вчера.

— Я начал подозревать, что это правда, только несколько минут назад, когда вы стали угрожать бедняжке Холланд.

— Не такая уж она бедняжка. Она самая красивая женщина, которую я когда-либо видела.

— Нет, она не самая красивая женщина из тех, что видел я, — сказал герцог.

Николь готова была танцевать от счастья.

— Вы можете простить меня за то, что я убежала? За то, что опять поставила вас в неловкое положение. Я никогда себе теперь не прощу, если хоть раз доставлю вам неприятность! Я обещаю, что никогда не сделаю ничего опрометчивого!

— Пожалуйста, не нужно обещаний. Я знаю, что от вас надо ждать всегда самых неожиданных поступков. Все это пустое до тех пор, пока вы любите меня, Николь.

— О, Хэдриан! Не может быть так хорошо. В это трудно поверить. Я боюсь, что ущипну себя и проснусь.

Он засмеялся и ущипнул ее за щеку.

— Вот видите? Вы не спите, вам все это не снится. Вы — моя герцогиня, — и, понизив голос, добавил: — Я люблю тебя.

Николь еще больше прижалась к Хэдриану. Как долго она ждала этих слов! Ее муж, герцог, был прав. Ничего не имеет значения, кроме их любви.

«Иногда мечты сбываются», — подумала она.

mir-knigi.org